

МЕЖДУНАРОДНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР №1

по версии New York Times

КАРЕН УАЙТ

*Гости
на Саут-Бэттери*

TRADD STREET. КНИГА 5

Annotation

Пятый роман из цикла книг о медиуме Мелани Миддлтон. Книги можно читать по порядку или как самостоятельные романы. Карен Уайт – многократный лауреат премии «Лучший писатель-романист Америки». Ее романы издаются во всем мире, в них гармонично сочетаются романтика и загадка.

Став матерью, Мелани понимает, что она потеряла способность видеть усопших.

Она возвращается к работе риелтором, но в первый же день происходит нечто странное. К ней обращается незнакомка по имени Джейн, чья история до странности напоминает Мелани ее собственную. Джейн достался в наследство старинный дом, в котором она не хочет жить и в котором происходят паранормальные явления.

Прошлое Мелани словно прокручивается у нее же перед глазами. Настолько, что она начинает ревновать своего мужа к Джейн. А еще, кажется, ее дар вновь обретает силу.

Так что не так с Джейн? Или с самой Мелани?

«Карен Уайт – королева атмосферного южного романа. Цикл романов „Трэдд-стрит“ – бесспорное тому доказательство». – Bustle

«Очарование старинных южных домов и дрожь от происходящих в них жутковатых событий... Карен Уайт никогда не разочаровывает своими сюжетами». – Crimespree Magazine

Цикл романов «Tradd Street» о приключениях медиума Мелани Миддлтон стал культовым, всего вышло 7 книг, тираж которых превысил 1 000 000 экземпляров.

-
- [Карен Уайт](#)
 -
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)

- [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [Глава 34](#)
 - [От автора](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
-

Карен Уайт

Гости на Саут-Бэттери

*Посвящается Меган, которая любит
Чарльстон так же, как и я*

Karen White
Tradd Street #5. The Guests on South Battery

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Copyright © Karen White, 2017

This edition published by arrangement with Writers House LLC and Synopsis Literary Agency

© Бушуев А., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2022

Глава 1

От мертвых не спрятаться. На узком полуострове, на котором стоит Чарльстон, мы невольно окружены ими, плотно занявшими места на старых кладбищах за причудливыми железными оградами. Под нашими улицами. Под нашими домами и гаражами. Земля здесь в цене, и со временем живые и мертвые неизбежно начинают конкурировать за нее. Большинство жителей Священного города пребывают в блаженном неведении о своих бывших согражданах, которые ушли из жизни, чьи имена мы носим, в чьих домах живем и чье присутствие все еще ощущается. Другим, вроде меня, повезло меньше.

Это одна из причин, почему я всегда так чутко сплю. Еще до того, как я стала владелицей алчного, пылесосом высасывающего из меня деньги исторического дома на Трэдд-стрит, а затем – матерью близнецов, я всегда спала, полузакрыв глаза, ожидая, что мне на плечо ляжет чья-то холодная рука или у окна мелькнет чья-то тень. За эти годы я научилась не обращать на них внимания, притворяться, будто чувствую лишь сквозняк, вижу лишь игру света, когда утро прогоняет ночь. Но у притворства есть одно «но». Оно не заставит их уйти.

Вот почему, когда пронзительный телефонный звонок вынудил меня полностью проснуться, я уже потянулась к тумбочке, чтобы ответить, и лишь потом вспомнила, что в нашей спальне домашнего телефона больше нет. Сев в постели, я уставилась на тумбочку, где лежал мой сотовый. Его экран осветился странным синим светом, а рингтон – не моя привычная аббовская «Мама Миа», а звонок давно отжившего свой век стационарного аппарата.

Торопливо нащупав телефон, пока он не разбудил других спящих, я провела большим пальцем по экрану и ответила:

– Алло?

В моем ухе, словно камешек, брошенный в глубокий колодец, эхом отозвался далекий глухой звук.

– Алло? – повторила я. – Бабушка, это ты?

Бабушка умерла давно, когда я была еще маленькой девочкой, но с тех пор она звонила мне не раз. Однако сейчас я знала: это не она.

Когда звонила бабушка, у меня всегда возникало приятное чувство покоя и благополучия. Любви и защищенности, а не ощущение того, что по моей голове ползают невидимые насекомые. И где-то в этом глубоком темном пространстве на другом конце провода слышался скрежет, как будто кто-то вытаскивал гвозди и пытался что-то взломать, а потом прозвучала металлическая нота, почти не поддающаяся расшифровке, вибрировавшая в пустом воздухе.

Я отодвинула телефон от уха и нажала на иконку «Завершить разговор», заметив при этом местный код 843, хотя сам номер был незнакомым. Положив телефон обратно на тумбочку, я посмотрела на видеомонитор – на его экране, в детской дальше по коридору, мирно посапывали мои десятимесячные близнецы – и повернулась к Джеку. Меня встретили мокрый нос и большие глаза моего пса, Генерала Ли. Я унаследовала его вместе с домработницей и экономкой, миссис Хулихан.

Несмотря на мои возражения, что я, мол, не люблю собак, теперь я оказалась владелицей трех. Даже будучи далеко не в юном возрасте, Генерал Ли доказал свою мужественность, став отцом щенков, двое из которых в прошлом году были подарены нам на свадьбу. С появлением мужа, двух детей и падчерицы я больше не воспринимала свою жизнь как собственную и не раз бывала вынуждена ущипнуть себя, чтобы поверить в то, что это правда.

Вот почему телефонный звонок всполошил меня больше, чем следовало. Неумные мертвецы не напоминали о себе почти год. Это было блаженное время: я начала осваиваться в жизни как новоиспеченная жена и мать, не отвлекаясь на призраков, которые зачем-то нуждались во мне. Я даже начала надеяться, что мертвые обо мне забыли.

Генерал Ли улегся на подушку выше моей головы, не мешая мне видеть в мягком свете монитора лицо Джека. Я до сих пор отказывалась поверить, что он – мой муж. Что невыносимый, самоуверенный, чрезмерно обаятельный и неотразимый автор бестселлеров Джек Тренхольм – мой муж и отец моих детей. Он все еще был невыносим и самоуверен, особенно когда дело касалось меня, но это лишь добавляло ему привлекательности.

– Доброе утро, красавица, – невнятно пробормотал он сонным голосом. Он притянул меня к себе, и я растворилась в тепле его тела.

Его губы нашли мою шею, и остальные части моей кожи как будто выстроились в очередь на его внимание. – Кто там звонил по телефону?

– М-м-м? – ответила я, забыв, что означает слово «телефон».

– Телефон. Он звонил. Это было что-то важное?

– М-м-м, – повторила я. Звук исходил из глубины моего горла. Я уже начала поворачиваться в объятиях мужа, мои руки скользнули по его груди, и телефонный звонок был давно забыт.

– Потому что я подумал, что это твой босс. Хочет узнать, не придешь ли ты сегодня на работу. До декретного отпуска ты по понедельникам всегда приходила на работу к семи.

Я тотчас широко открыла глаза. Джек как будто вылил мне на голову ушат ледяной воды. Я резко села в постели, за что удостоилась от Генерала Ли обиженного стоны, и снова взяла телефон. Пять минут восьмого. Я посмотрела на другой край комнаты, где я на тот случай, если ночью вырубится электричество и батарея моего телефона разрядится, установила три разных будильника, все, как один, старомодные, заводные.

Я так долго смотрела на них, что Джек вздохнул.

– Тебе следует держать под рукой очки. Я видел, что ты их носишь, причем довольно часто, так что это не станет для меня шоком. – Он сел, чтобы лучше разглядеть время. – Странно. Похоже, все будильники остановились в десять минут пятого.

Не обратив внимания на его слова, я вскочила с кровати. Это был мой первый день возвращения на работу после почти годичного декретного отпуска. Предполагалось, что он продлится только до тех пор, пока детям не исполнится три месяца, но наша неспособность найти няню, которая бы задержалась дольше двух недель, оказалась не только великой загадкой, но и великой проблемой.

Я побежала в ванную и включила душ, затем вернулась к шкафу, где накануне вечером выложила свой наряд – вместе с обувью и аксессуарами. Я скинула ночную рубашку – обтягивающую, шелковую, которую купил мне Джек и которая не походила на мои старые фланелевые ночнушки с высоким горлом, – аккуратно сложила ее на скамеечке у туалетного столика и заскочила в душ.

Пять минут спустя я чистила зубы, одновременно застегивая блузку, которая упорно не желала застегиваться, и юбку с такой же

упрямой застежкой-молнией. Посмотрев на свое отражение в зеркале в полный рост, я была так потрясена увиденным, что не позволила своему пристальному взгляду задержаться надолго. Оставалось лишь надеяться, что все в офисе ослепли и не заметят мою расстегнутую блузку и юбку, похоже, мне придется найти и надеть что-то другое.

Аккуратно сполоснув зубную щетку и поставив ее в стакан – потребовалось всего две попытки, чтобы она встала идеально ровно, – я решительно направилась обратно к шкафу.

– Проклятые химчистки, – пробормотала я, примеряя наряд за нарядом. Я понятия не имела, в какую химчистку миссис Хулихан отвозит мою одежду, но это нужно немедленно прекратить, иначе мне придется вечно носить одежду для беременных. С эластичными швами и из эластичных тканей.

Когда я наконец вошла в спальню, на мне было платье-трапеция, которое мать купила мне примерно на пятом месяце моей беременности. То, что оно обтягивало мою грудь, а его красивый зеленый оттенок превратил цвет моих карих глаз в нечто экзотическое, например в цвет джунглей, было его единственным достоинством. Поджав пальцы ног, я ковыляла на пятидюймовых шпильках от «Маноло Бланик» и недоумевала, как мои туфли умудрились сжаться вместе с моей одеждой. Может, что-то мистическое поселилось в недавно отреставрированном шкафу, о чем могла знать лишь моя лучшая подруга, доктор Софи Уоллен-Араси, читающая курс о сохранении исторического наследия в Чарльстонском колледже. Именно она руководила его исторически аутентичным воссозданием, а также нескончаемым количеством реконструкций и проектов по сохранению исторического наследия в моем доме на Трэдд-стрит.

Например, недавняя замена крыши, из-за которой я все еще мечтала нанять бульдозер и покончить со всем этим раз и навсегда. Мне никогда не нравились старые дома, в основном из-за беспокойных мертвецов, которые отказывались их покидать. Теперь же, когда у меня появился свой дом, я неохотно признавала, что иногда испытываю к нему нежные чувства. Я частенько ловила себя на том, что разрывалась между желанием обнять редкую каминную полку работы Адамса и случайно бросить в окно нижнего этажа пылающий факел.

Я остановилась у кровати, где Генерал Ли теперь ластился к Джеку. Джек открыл глаза, прекрасные голубые глаза, которые

унаследовали оба наши близнеца так же, как и его черные волосы и ямочки на щеках, – очевидно, я послужила лишь инкубатором, – и мои колени превратились в желе. Интересно, как долго все это будет продолжаться в браке?

Я взяла телефон и проверила время – восемь часов. На мониторе было видно, как Сара завертелась в своей розовой кроватке с балдахинном. Минута в минуту. Моя дочь показывала время даже надежнее, чем колокола церкви Святого Михаила, особенно когда дело касалось ее графика кормления. Ее брат, Джей-Джей – Джек-младший – продолжал мирно спать в своей кроватке, лежа на спине и раскинув все четыре конечности. Ни дать ни взять маленькая морская звезда. В какой бы позе он ни засыпал, в конечном итоге он всегда принимал именно эту. Совсем как его отец.

– Я вижу, – сказал Джек и потянулся, чтобы поцеловать меня. Его губы коснулись моих, и я пожалела о своем решении встать с постели.

– Я знаю. Просто... я была с ними с тех пор, как они родились.

– Я тоже. Тебе не о чем беспокоиться.

Я закусила губу.

– У меня есть их графики, в детской и в кухне. Не забудь зафиксировать все их испражнения, включая консистенцию, цвет и запах, а также то, что они ели и в каком количестве. Я разложила в детской одежду для них, включая запасную на случай, если что-то испачкается. Если им понадобится третья смена одежды, их вешалки имеют цветовую маркировку, поэтому сочетать штанишки и кофточки будет очень легко.

Джек пристально посмотрел на меня.

– Дорогая, пойми правильно, но не кажется ли тебе, что няни не задерживаются у нас потому, что все... чересчур жестко регулируется?

Я выпрямилась.

– Конечно, нет. Детям только на пользу, когда все делается по расписанию и они растут в организованной среде. И моя вина в том, что, похоже, я знаю о воспитании детей больше, чем некоторые из этих так называемых нянь. Мы попробуем новое агентство с более строгими требованиями. Мне просто нужно поспрашивать, потому что я уже использовала все варианты, которые нам порекомендовали.

– Боюсь, тебе придется обратиться в другой штат. – Уголок его губ приподнялся, и на мгновение мне показалось, что он шутит.

– Хорошая идея. Сделаю несколько звонков сегодня днем.

Сара всерьез раскапризничалась, а вот Джей-Джей даже не шелохнулся. Джек уже встал с постели и босиком направился к двери.

– Знаю, это сложно, но тебе, наверное, не стоит заходить к ним... это может расстроить тебя больше, чем их. Ты увидишь их, когда вернешься домой, а в обеденный перерыв мы поговорим с тобой по скайпу. Все будет в порядке. Я работаю над исправлениями, которые мой редактор хотел бы видеть в моей книге, так что легко могу вносить правку, наблюдая за двумя маленькими детьми. Не думаю, что это будет так сложно.

Настала моя очередь в упор посмотреть на него.

– Моя мать просила позвонить ей, если тебе что-нибудь понадобится. Я тоже на расстоянии телефонного звонка. Софи готова помочь, если у тебя возникнут проблемы, но, если честно, я бы использовала ее как последнее средство. В прошлый раз, когда я ей звонила, она упомянула про детский массаж под пение китов.

Я непроизвольно передернулась.

Джек вернулся и поцеловал меня долгим, глубоким поцелуем, после которого мне даже не пришло в голову поправить помаду.

– Мы будем в порядке. Теперь иди.

Его твердая рука направила меня к лестнице, а сам он, легонько шлепнув меня по мягкому месту, зашагал в детскую.

– А я приготовлю для тебя сюрприз, когда ты вернешься домой.

Его глаза определенно обещали это, и мне потребовался весь запас выдержки, чтобы продолжить спуск по лестнице. Я была на полпути вниз, когда дверь спальни Нолы открылась, из нее, держа в каждой руке по щенку, – кстати, их зовут Порги и Бесс, – высунулась Нола и помахала мне их передними лапами.

– Пока, мамочка. Удачного первого дня на работе. Принеси нам чего-нибудь вкусенького.

Нола, дочь Джека, которая переехала к отцу после смерти матери несколько лет назад и чье появление внесло коррективы в привычный ход вещей, была одним из самых неожиданных подарков в моей жизни – никогда не думала, что скажу такое о каком-то подростке. Бойкая на язык, умная, талантливая, пишущая песни, сейчас она второкурсница в Эшли Холл и стала для меня дочерью в той же степени, что и для Джека. Как и все его дети, Нола – его точная копия, вплоть до ямочки

на подбородке. Я давно пришла к выводу: гены Джека просто хулиганы в департаменте зачатия. Нола – веган (большую часть времени) и мой самозванный гуру в области питания. Она так и норовит добавить в список покупок миссис Хулихан вместо шпината со сливками и жареной бамии тофу и киноа, но я все равно люблю ее.

– Спасибо, Нола. Удачи тебе с контрольной по французскому. Мама Олстон сегодня утром и после обеда развозит учениц, так что можете использовать время на просмотр ваших шпаргалок.

– Да, Мелани, – ответила она, закатывая глаза.

Услышав на кухне миссис Хулихан, я на цыпочках прокралась к входной двери, чтобы не нарваться на нее. Софи обнаружила в деревянной раме одного из кухонных окон гниль и велела ее снять, чтобы отреставрировать и установить заново. Это было шесть недель назад, что побудило меня предложить менять все окна на новые, виниловые. Ведь это лишь вопрос времени, когда остальные станут трухлявыми и начнут пропускать влагу. Софи, сама молодая мать, схватилась за сердце и вынуждена была сесть, глядя на меня так, будто я только что пнула щенка. Я взяла свои слова обратно. Но я устала постоянно выслушивать жалобы миссис Хулихан на то, что с заколоченным окном на кухне темно и она отказывается работать в таких условиях.

Я натянула пальто, открыла входную дверь и тихонько закрыла ее за собой. И замерла при виде припаркованного у тротуара фургона с нарисованным на боку логотипом «Хард Рок Фаундейшенз», позади которого стояла машина моего отца. Отец, с которым я недавно помирилась, задался целью восстановить сад Лутрела Бриггса до его былого великолепия. Он проделал такую хорошую работу, что и заключение его второго брака с моей матерью, и моя собственная свадьба состоялись под древним дубом в саду за домом, в окружении чайных роз и оливок.

Но это не объясняло, почему отец и Рич Кобилт, мой сантехник, специалист по ремонту фундамента, главный разнорабочий и даже бывший советчик, приехали в такую рань. Я вспомнила свой разговор с отцом накануне вечером. Он поинтересовался у меня, во сколько я планирую уйти на работу. Как будто он тайно запланировал вместе с Ричем Кобилтом нечто такое, о чем мне лучше не знать.

Наверное, потому, что присутствие Рича меня напрягало. Не из-за его любви к низко сидящим брюкам, из которых вечно выглядывал верх его ягодиц, и даже не из-за шелеста долларовых купюр и звяканья кассового аппарата, которые я обычно слышала, как только он появлялся на моем пороге. Его присутствие напрягало меня, потому что Рич обладал сверхъестественной способностью обнаруживать вещи, с которыми я предпочла бы не иметь дела. Вроде трещин в фундаменте и осыпающихся кирпичей дымохода. И закопанных скелетов.

Я с тоской посмотрела на каретный двор, где рядом с минивэном Джека был припаркован мой «Вольво»-универсал, желая лишь одного: притвориться, будто я понятия не имею, что у меня посетители, и отправиться на работу, как и намеревалась. Но теперь я стала взрослой. Я – жена и мать троих детей. Мне положено быть храброй.

Мысленно опоясав чресла, я направилась по недавно вымощенной дорожке в задний сад, мимо свисающих с дуба безмолвных качелей и недавно избавленного от двух скелетов фонтана, журчащего в холодном зимнем воздухе. Дойдя до дальнего угла дома, я остановилась. Должно быть, я издала какой-то звук, потому что и отец, и Рич повернулись и посмотрели на меня.

Они стояли в саду за домом, где вот уже почти столетие цвели знаменитые розы Луизы. Но там, где когда-то были розовые кусты, теперь на земле осталось лишь глубокое круглое углубление.

Отец шагнул ко мне, словно пытаясь закрыть мне обзор.

– Дорогая моя, я думал, ты будешь на работе.

Я нахмурилась и переключила внимание на Рича, но, увидев, что он сидит на корточках на краю ямы, спиной ко мне, была вынуждена тотчас отвести взгляд.

– Что случилось?

К счастью, Рич встал.

– Доброе утро, мисс Миддлтон, в смысле, миссис Тренхольм. – Его щеки вспыхнули. – Я думаю, что из-за недавних дождей эта часть двора просела. Похоже, что внизу есть какая-то структура. – Он присел на корточки, чтобы внимательнее рассмотреть трещину, и я вновь отвернулась. Некоторые вещи невозможно не заметить.

– Структура? – Я ждала, что он скажет слово «кладбище». В конце концов, я видела полтергейст. Можно подумать, в Чарльстоне ничего

подобного не случилось. Раньше. В ходе недавнего строительства нового концертного зала «Гайяр» были обнаружены несколько могил колониальной эпохи.

– Я уверен, что это ничего особенного, дорогая, – сказал отец, делая еще один шаг ко мне. Я совершила ошибку, встретившись с ним взглядом, и поняла: он тоже думает об анонимном письме, которое было отправлено в нашу местную газету «Пост энд курьер», где вскоре после рождения близнецов его напечатала бесстрашная репортерша и штатная колумнистка Сьюзи Дорф. Что-то про другие тела, которые еще найдутся рядом с моим домом.

До сих пор я даже не осознавала, что жила, затаив дыхание, ожидая, когда этот момент настанет, ведь, хотя я и утверждала, что покончила с духами и мертвыми, я точно знала: они никогда не оставят меня в покое.

Обойдя обоих мужчин, я встала возле глубокой ямы, похожей на пуп в моем саду. Сквозь влажную землю и поломанные розовые кусты виднелись старые кирпичи. Мой телефон зазвонил снова, старомодным рингтоном, какого в нем не было. Я отклонила вызов и выключила телефон, зная, что если отвечу на звонок, то услышу лишь тишину. Неким образом эта яма в моем саду и телефонный звонок были взаимосвязаны. И часы в моей спальне, которые все остановились одновременно. Я пока не знала как, но подозревала: в конце концов я это выясню, хочется мне этого или нет. По словам Джека, совпадений не бывает. И когда мой телефон зазвонил снова, у меня возникло ужасное чувство, что он прав.

Глава 2

Несмотря на холодный январский воздух и туфли, которые казались тисками, я решила пройти несколько коротких кварталов до «Бюро недвижимости Гендерсона» на Брод-стрит. Я надеялась, что ярко-синее небо и солнце, которое отважно светило, несмотря на зимнюю температуру, помогут прояснить мою голову. К тому времени, когда я дошла до старой доброй «Пекарни Рут», моя голова уже была свободна от мыслей, но лишь потому, что ноги злобно орали на меня, не давая ясно думать. Я удивленно улыбнулась Рут, когда та, как и в старые добрые времена, подвинула через прилавок пакет и пластиковый стаканчик с кофе.

– Как вы узнали, что я сегодня возвращаюсь на работу?

Хозяйка пекарни улыбнулась и сверкнула золотым зубом.

– Мне только что позвонила эта милая девушка, Нола. Она такая добрая и заботливая, правда? – Рут похлопала по пакету, и мое сердце испуганно сжалось.

– Нола? – спросила я, с ужасом глядя на пакет и зная, что в нем нет моих любимых пончиков в шоколаде с кремовой начинкой. – Что в пакете? Грязь и картон или трава и древесный мох? – Не скажу, что я шутила. Во время моей беременности и Нола, и Софи изо всех сил пытались саботировать мой выбор еды лишь потому, что мои лодыжки слегка отекали. И Рут была добровольной участницей их уловок.

Она запрокинула голову и рассмеялась, ее темные глаза сияли, как будто я только что отпустила забавную остроту.

– Нет, мэм. Это мой новый шпинат и козий сыр в лепешке из нутовой муки. Ваша подруга Софи дала мне рецепт, и я пообещала, что попробую. Сама я это не ем, но я решила, что хозяйка заведения должна делать все для клиентов, заботящихся о своем здоровье.

– Я не из их числа, – ответила я. – Я из тех, для кого на первом месте вкус. Не забывайте о нас. – Я указала на стаканчик. – В нем хотя бы много взбитых сливок и сахара?

Рут поморщилась.

– В зеленом чае? Нет. Просто полезный чай. Все еще горячий.

– Мне очень жаль, что вы взяли на себя эти хлопоты, но я хотела бы как обычно, пожалуйста. – Я с надеждой посмотрела на нее.

Вместо того чтобы забрать пакет и стаканчик, она скользнула взглядом по моему платью для беременных.

– Вы уверены?

Я выставила лодыжку, вернувшую себе былое изящество.

– Видите? Никаких опухших лодыжек! Теперь я могу есть то, что мне нравится.

Тем не менее Рут не двинулась с места. Я бросила взгляд на часы за ее спиной. Времени на споры не было. Схватив пакет и стаканчик, я протянула через прилавок несколько купюр.

– Ладно. Но завтра я хочу вернуться к нашему обычному меню. Не вынуждайте меня делать покупки в «Глазированных пончиках» на Кинг-стрит. Это не по пути, но мне по утрам нужны пончики, и я не отвечаю за себя, если меня их лишат.

Улыбка Рут померкла, и я поняла, что мой голос повысился на октаву. Не сводя с меня взгляда, она схватила единственный пакетик сахара и положила его на мой стаканчик.

– Похоже, у кого-то ломка. Завтра попробуем половину пакетика.

Я прищурилась.

– Это мы еще посмотрим.

Я направилась к двери.

– И захватите ваших милых младенцев, слышите? Они уже наверняка большие. С таким отцом, как мистер Тренхольм, я даже не представляю, какие они красивые.

Я разрывалась между материнской гордостью за своих детей и обидой по поводу того, что все как будто сговорились игнорировать тот факт, что я не только вынашивала их в течение девяти месяцев, но и родила.

Я попятилась и вышла за дверь.

– Ну что ж. Думаю, мы сможем заключить соглашение.

Рут выгнула темную бровь. Прежде чем повернуться и позволить двери закрыться за мной, я сделала то же самое, после чего проковыляла несколько кварталов до своего офиса. К тому времени, когда я открыла дверь в приемную с ее изящной кожаной мебелью и ананасовым мотивом на лампах, произведениях искусства и декоративных подушках – все в попытке выглядеть как «старый

добрый Чарльстон», – мои покрытые волдырями ноги почти полностью онемели.

– Вам чем-нибудь помочь? – произнес голос из-за стойки регистрации.

Я уставилась на незнакомку. У нее была копна темных вьющихся волос и ярко-зеленые глаза. Она была из тех немолодых женщин, чей возраст не поддавался определению по причине постоянного избегания солнца и дорогостоящего ухода за кожей. На лацкане ее светло-голубого жакета изящно сидела ярко раскрашенная эмалированная булавка в виде стрекозы.

– А где Джойс?

– Она переехала в Шотландию, чтобы полностью посвятить себя вязанию. «Хочу быть поближе к источнику вдохновения», – сказала она. Она около месяца обучала меня, и теперь я работаю одна и учусь, чтобы получить лицензию риелтора. Мое имя – Мэри Томпсон, но все называют меня Джолли.

Она просияла, и я заметила ее сверкающие серьги, составляющие комплект с брошью, – разумеется, без каких-либо мотивов игры в гольф. Я все еще скучала по Нэнси Флаэрти, моей любимой секретарше, которая работала здесь до Джойс, но Нэнси последовала за своей любовью к гольфу и Тайгеру Вудсу и переехала во Флориду.

– Понятно, – сказала я. – Приятно познакомиться. – Нет, я не ожидала фейерверков по поводу своего возвращения, но была бы рада увидеть все знакомое. Тем более учитывая мой низкий уровень сахара. – Я – Мелани Миддлтон, в смысле, Тренхольм. – Я все еще не привыкла так называться. – Я вернулась из декретного отпуска.

Улыбка Джолли сделалась шире.

– О, да. Я все о вас знаю! – Она умолкла, давая мне возможность угадать, что именно она знает. – Раньше вы были здесь продавцом номер один. У нас есть новая таблица передовиков – это больше не классная доска. Как вы думаете, мне сделать табличку с вашим именем? За место номер один идет ожесточенная конкуренция, а вас уже давно не было.

Возможно, всему виной были мои натертые до волдырей ноги, недостаток сахара и кофеина или отсутствие моих близнецов, но я была уверена, что вот-вот расплачусь.

Джолли сочувственно улыбнулась.

– Всегда тяжело возвращаться, – сказала она и просияла. – Думаю, все уже в курсе вашего возвращения. – Она протянула мне три розовых листка с сообщениями. – Они пришли сегодня утром, и кое-кто ждет вас в вашем кабинете.

– Меня?

Джолли кивнула.

– Я с ней незнакома, но она спросила вас по имени. Я ответила ей, что не знаю, когда вы придете... мистер Гендерсон сказал, что вы обычно бываете здесь намного раньше, но она сказала, что не против подождать. – Она повернула блокнот к себе. – Я попросила ее представиться. Она сказала, что ее зовут Джейн Смит – Джейн с буквой Y, – и она переезжает сюда из Алабамы.

– Из Алабамы, – повторила я. Я так давно никому не показывала дома, что теперь искала в мутной голове, что же мне делать дальше. И где эта Алабама. Я очень надеялась, что первая неделя будет спокойной, чтобы снова войти в деловой ритм, но мысль о потенциальном клиенте слегка повысила уровень моего адреналина.

– Да, – сказала Джолли. – И, Мелани? Могу я называть вас Мелани?

– Разумеется.

Вытащив блокнот, к обложке которого был приклеен снимок аллигатора, она открыла его, аккуратно взяла карандаш и вычеркнула из очень длинного списка первые два пункта. Я посмотрела на блокнот и вверх тормашками прочла: «Вручить Мелани ее телефонные сообщения. Сообщить ей, что клиент ждет в ее кабинете». Я начала читать третий пункт: «Найти рецепт для...»

Джолли захлопнула блокнот.

– У меня привычка составлять списки. Не обращайтесь на меня внимания, – сказала она с виноватой улыбкой.

Впервые за утро я расслабилась.

– Думаю, мы прекрасно поладим, Джолли. – Я повернула в сторону коридора, который вел к маленьким кабинетам. Думаю, я должна быть благодарна мистеру Гендерсону за то, что он позволил мне сохранить старый кабинет, что было привилегией самых лучших сотрудников. Хотелось надеяться, он не сомневался, что вскоре мое имя вновь займет место на верхней строчке таблицы передовиков, если, конечно, мне дадут табличку с именем.

– Мелани?

Я остановилась и посмотрела на нового администратора.

– Да, Джолли?

– Поскольку нам предстоит работать вместе, вам следует кое-что знать обо мне. – Она умолкла, и ее выкрашенные в синий цвет ногти поиграли с брошью в виде стрекозы. – Я – ясновидящая. По выходным я гадаю на ярмарках и фестивалях, но, поскольку мы теперь коллеги, я сделаю вам скидку, если вы захотите узнать будущее. Просто дайте мне знать.

Мой оптимизм вмиг испарился. Не зная, что ответить, я лишь улыбнулась, кивнула и зашагала в свой офис.

Когда я подошла к двери, Джейн – с буквой Y – стояла ко мне спиной. Зато лицом к серванту, на котором она аккуратно раскладывала мои журналы, следя за тем, чтобы они лежали на одинаковом расстоянии друг от друга, а их края были идеально параллельны краю мебели. Я нахмурилась. Пусть они устарели, учитывая, что меня здесь долгое время не было, но я всегда держала их в порядке, расставляла по датам выпуска, чтобы название каждого номера было четко видно. И я оставила строгие инструкции, что их нельзя трогать в мое отсутствие. Меня раздражало то, что она возится с моими журналами, и я задалась вопросом, не нервничает ли она.

– Доброе утро, – сказала я, положив пакет из пекарни и розовые листки на стол.

Женщина с улыбкой обернулась и протянула мне руку.

– Привет, – сказала она, крепко пожимая мою ладонь. – Я – Джейн Смит.

Ее акцент был определенно южным, но не чарльстонским. Ее рука казалась костлявой, с очень тонким запястьем. Остальную часть ее тела я разглядела, когда отступила. Хотя на верхней губе были отчетливо видны крошки сахарной пудры, Джейн выглядела жутко исхудавшей, как говорится, кожа да кости.

– Мелани Тренхольм, – представилась я, пытаюсь не обращать внимания на крошки и гадая, как ей на это намекнуть, не ставя, однако, в неловкое положение. Опустив руку, я украдкой провела указательным пальцем по собственной губе. Зеленые глаза Джейн расширились от понимания. Она полезла в сумочку и, вынув несколько конфетных оберток, нашла салфетку и вытерла рот.

– Думаю, это наказание за то, что я поддаюсь искушению, – пояснила она. – На этой улице есть чудесная пекарня... кажется, «Пекарня Рут». Я с тротуара почувствовала запах пончиков. Каюсь, я страшная сластена.

Моя улыбка дрогнула. Я подумала о моей бывшей любимой пекарне и представила восхитительный аромат свежих пончиков. Чувствуя себя обиженной, я потянулась за бумажным пакетом Рут и швырнула его в мусорную корзину. Меня так и подмывало попросить Джейн выбросить туда же ее фантики от конфет, чтобы позже самой зарыться в них носом.

Я жестом предложила Джейн сесть перед моим столом, а сама села напротив нее. Я подумала, что она моложе меня, ей чуть за тридцать. Светлые волосы, явно окрашенные, но темные брови. Она была классическая американская красавица, с длинными ногами и широкой улыбкой. Несмотря на худобу, у Джейн была такая грудь, о которой я всегда мечтала, но которая появлялась у меня только тогда, когда я была беременна и кормила грудью. Или носила бюстгальтер с мягкой подкладкой. Моя грудь все еще была больше, чем раньше, но с тех пор, как родились дети, она неким образом сумела переместиться в новое положение на моей грудной клетке.

– Извините, что я без записи. Я могу перенести свой визит, если у вас назначены другие встречи, – сказала Джейн.

Я сделала вид, что проверяю свои календари, но остановилась. Было в ее улыбке нечто странно знакомое, и меня поразило, как утренний свет, падавший в окна офиса, придавал ее глазам бледно-зеленый цвет.

– Мы раньше встречались? – спросила я.

Джейн покачала головой.

– Думаю, нет. Я никогда раньше не бывала в Чарльстоне. Если честно, я вообще ни разу не бывала дальше Бирмингема. – Джейн снова улыбнулась, но свет в ее глазах слегка потускнел. – Наверно, у меня такое лицо, оно похоже на лица многих других людей.

– Пожалуй, – согласилась я.

Звук соскальзывающих с комода журналов, их шлепки, когда они один за другим начали падать на пол, заставили нас обеих подскочить со стульев. Джейн бросилась поднимать их, после чего сложила так же аккуратно, как и до падения.

- Должно быть, я поставила их слишком близко к краю.
- Ничего страшного.

Вообще-то, они не лежали близко к краю. Они были в пяти дюймах от него и никак не могли соскользнуть. Я нахмурилась. В комнате был кто-то еще, кого я не могла видеть и едва могла чувствовать. Ни тени, ни мерцания света. Я могла точно сказать: кто бы это ни был, он хотел, чтобы я его увидела, но что-то мне мешало. Мое шестое чувство как будто задернули занавесом, оставив мне обычные пять, которыми обладали все остальные люди.

Я резко села, сбитая с толку и раздраженная. Я бы предпочла быть хозяйкой унаследованных мною способностей или странностей, в зависимости от того, как я воспринимала этот «дар» в тот или иной момент времени, но что-то, чего я не могла понять, блокировало меня. Я вспомнила, как во время беременности моя способность видеть мертвых людей исчезла и как я поймала себя на том, что мне ее странным образом не хватало. Я невольно задалась вопросом, не имело ли материнство точно такой же эффект? Возможно, именно поэтому призраки меня так долго не беспокоили. Может быть.

Джейн вернулась на свое место и улыбнулась, но выражение ее лица было иным. Как картина, когда художнику оставалось еще несколько мазков для завершения.

– Я ищу риелтора. И, когда я сегодня утром проходила мимо агентства, я поняла, что просто должна заглянуть сюда. Я увидела ваше фото в окне, и вы выглядели... – Она умолкла, не уверенная, захочу ли я услышать то, что она хотела сказать.

Я крайне нефотогенична, чему доказательство – фото на моих водительских правах. Я представила себе этот снимок, пришпиленный к доске объявлений в комнате отдыха работников департамента транспортных средств – пример их лучшей работы.

– ...как человек, к которому можно обратиться, – закончила Джейн. – Как будто вы понимали, что мне нужно.

Польщенная, я с облечением вытащила блокнот и карандаш и посмотрела на нее.

- Итак, чем я могу вам помочь?
- Мне нужно продать дом. И купить новый.
- Я работаю только в Чарльстоне. Итак, если у вас есть дом на продажу в Бирмингеме...

Она покачала головой.

– Я унаследовала дом здесь, в Чарльстоне. Это старый дом... я проходила мимо него несколько раз. Я хочу продать его и купить новый.

Я откинулась назад, не совсем понимая.

– Вы были в доме?

– Нет. Мне это не нужно. Понимаете, я не люблю старые дома, поэтому мне незачем заходить внутрь.

Я уставилась на нее.

– Вам не нравятся старые дома?

– Мне не хочется жить... в музее. Хочу чего-нибудь свежего и нового. Много металла, стекла и камня.

– Понятно, – сказал я, делая записи. Мне действительно было понятно. Я сказала те же самые слова, когда унаследовала свой дом на Трэдд-стрит, и с тех пор повторяла их не раз. Например, сегодня утром, когда я повернулась спиной к своему изуродованному саду и направилась к машине. – Где расположен ваш дом?

– На Саут-Бэттери-стрит. Прямо на углу с Легар-стрит... большой белый дом с портиком и колоннами.

Я на миг задумалась.

– Старый дом Пинкни? – Я, конечно, его знала. Я была лично знакома практически с каждым старым домом в Чарльстоне либо в силу семейных связей, либо благодаря работе риелтором, специализирующимся на исторической недвижимости. – Я знала Баттон Пинкни. Прекрасная женщина. Она ваша близкая родственница?

Джейн смущенно посмотрела на свои руки.

– Вообще-то, я никогда с ней не встречалась. И до сих пор не знала, что у Кэролайн Пинкни было прозвище. Три недели назад, когда ее адвокаты связались со мной, чтобы сообщить, что я унаследовала ее имущество, я даже не знала о ее существовании.

Дежавю. Я тотчас вспомнила, как сама сидела в офисе адвоката недалеко отсюда и адвокат объяснял мне, что Невин Вандерхорст, человек, которого я видела лишь однажды, оставил мне свой полуразрушенный дом на Трэдд-стрит, совершенно мне не нужный.

Я с такой силой сжала карандаш, что была вынуждена положить его на блокнот, и заставила себя улыбнуться.

– Мисс Пинкни была знакомой моей матери и моей свекрови. Они вместе ходили в школу Эшли Холл. – Я на мгновение задумалась. – Насколько я помню, Баттон никогда не была замужем и не имела детей. Кажется, несколько лет назад умер ее старший брат. Если не ошибаюсь, у него тоже не было детей, хотя я почти уверена, что когда-то он был женат. – Я также помнила, что в их семье произошла какая-то трагедия, но вспомнить подробности не смогла.

Джейн вздохнула.

– Да. Вы не представляете, как я удивилась, узнав, что я унаследовала старый дом от совершенно незнакомого человека.

– Хотите – верьте, хотите – нет, но я представляю. – Я поспешно закрыла рот, не желая делиться личными чувствами к старым домам, чьи стены, казалось, постоянно шептались. – Возможно, ваша мать, отец или другой член семьи захотят посмотреть дом, прежде чем вы примете какое-либо решение. Наверняка они догадаются, почему мисс Пинкни завещала вам этот дом.

Джейн замерла.

– У меня никого нет. – Она медленно подняла на меня глаза. – У меня нет родных. Я выросла в приемной семье, и меня так и не удочерили.

– Извините, – сказала я.

Колебание воздуха позади нее заставило комнату замерцать, как при изменении атмосферного давления перед грозой. Я присмотрелась, пытаюсь разглядеть, что это было, но ничего не увидела. Однако я точно знала: что бы это ни было, оно наблюдало за нами. Подслушивало. Желало быть увиденным, хотя и было лишено возможности показать себя. Я встретилась с Джейн взглядом. Она смотрела на меня не мигая, и мне вновь показалось, что мы встречались раньше.

– Я больше не переживаю по этому поводу, – продолжила она. – Это было давно. Возможно, это наследство – просто воздаяние за неприкаемое детство, и я не должна терзаться вопросами.

Она ослепительно улыбнулась, и я почти поверила ей.

– Адвокат дал понять, почему мисс Пинкни выбрала именно вас?

– Я поинтересовалась, но он сказал, что она не делилась какими-либо подробностями или дополнительной информацией, хотя он неоднократно ее спрашивал, ожидая, что у меня наверняка возникнут

вопросы. По его словам, он провел небольшое самостоятельное расследование, но так и не смог ничего обнаружить.

Было в этой женщине что-то такое, что мне нравилось, отчего мне захотелось помочь ей. Может, потому, что я хорошо помнила то время в своей жизни, когда я ощущала себя брошенной сиротой, одиноко бредущей по жизни.

– Мой муж – писатель. Он пишет книги об этой части штата и знает в Чарльстоне всех, живых или мертвых. У него настоящий талант находить, так сказать, неперевернутые камни. Если хотите, я попрошу его помочь.

– Спасибо, я подумаю, – ответила Джейн. – Не знаю, насколько это красиво – копаться в прошлом. Не будет ли это сродни тому, чтобы смотреть в зубы дареному коню?

Я кивнула, понимая ее положение лучше, чем она могла себе представить.

– И вы уверены, что хотите его продать?

– Абсолютно. Мне совсем не нравятся старые дома. Они все... неприятно пахнут. Гнилью, плесенью, пылью. Вот почему я хочу выручить деньги от продажи дома и найти что-то посовременнее и посвежее. Желательно, построенное в течение последних пяти лет.

Я кивнула, вспомнив свою старую квартиру в Маунт-Плезант, с ее простыми белыми стенами и блестящими, хромированными и стеклянными поверхностями, где я жила, пока на меня не свалилось неожиданное наследство, и о которой до сих пор время от времени вспоминаю с нежностью. Обычно сразу после выписки очередного чека Ричу Кобилту за ремонт.

– Ну хорошо. Но нам придется посетить дом, чтобы произвести его оценку. Чтобы увидеть, в каком он состоянии, требует ли он ремонта перед выпуском на рынок. К сожалению, большинство из них требуют. – Я подумала о мистере Вандерхорсте и его грустной улыбке. – Это как кусок истории, который можно подержать в руках. – Я с оптимизмом улыбнулась Джейн. – Моя хорошая подруга – доктор Софи Уоллен-Араси, она преподает курс сохранения исторического наследия в Чарльстонском колледже. Думаю, она с радостью придет, чтобы поделиться с нами своим профессиональным мнением.

Я почти услышала, как она сглотнула.

– Вы ведь можете сделать это самостоятельно? Чтобы мне не входить внутрь?

– Это необязательно, – ответила я, пристально глядя на нее. – Но было бы неплохо, если бы вы взглянули сами. Кто знает? Может, вы передумаете продавать. Такое случалось не раз.

– Я не передумаю, – быстро сказала она. – Итак, как вы думаете, сколько примерно может стоить дом? Я не гонюсь за большими деньгами. Просто мне нужно знать, сколько я могу потратить на новую квартиру. Я понятия не имею, сколько времени у меня уйдет на поиски работы здесь, поэтому поначалу не смогу рассчитывать на зарплату.

– Честно говоря, прежде чем принять какое-либо решение, я должна взглянуть на дом изнутри. На той же улице есть несколько домов, которые за последние несколько лет были проданы за семизначные суммы, но есть и такие, которые стоили гораздо дешевле, в основном из-за своего состояния. Покупатели получают их за бесценок, но в конечном итоге тратят на их реставрацию в три или четыре раза больше покупной цены. В ваших интересах получить максимально возможную цену, что может означать выполнение некоторых ремонтных работ до того, как дом будет выставлен на продажу.

Она медленно кивнула.

– В любом случае, это начало. И я уже договорилась о собеседованиях в нескольких агентствах, чтобы начать поиск работы. Это долгий процесс, с проверкой личных данных и всем прочим, и я действительно хотела бы продать дом прежде, чем начну работать полный рабочий день. Но я не могу купить себе новый, пока этот не будет продан.

Я была занята, делая в блокноте пометки, в том числе и о том, что мне следует поговорить с Джеком и матерью о Баттон Пинкни и ее семье, а также о ее связи с Джейн Смит.

– А какая у вас профессия? – рассеянно спросила я.

– Я – сертифицированная няня.

Грифель моего механического карандаша треснул.

– Няня? Для маленьких детей?

Она рассмеялась.

– Разве есть какие-то другие? Да, няня для маленьких детей, да и для детей постарше. Некоторым людям кажется странным, что кто-то,

выросший без братьев и сестер, решил стать няней, но, по-моему, я стала ею именно поэтому. Я жила во многих приемных семьях и всегда брала на себя заботу о младших детях. Думаю, даже тогда я знала: это мой единственный шанс иметь братьев и сестер... пусть даже на короткое время.

Я положила карандаш на стол и откинулась на спинку стула.

– Как вы относитесь к строгому режиму сна и кормления для младенцев?

– Без него нельзя. Режим невероятно важен для растущих детей. Им требуется регулярное кормление и регулярный сон.

– Семейная кровать?

– Плохая идея.

– Бутылочки в кроватке?

– Никогда. От этого портятся зубы.

– А шлепки по попе?

– Стул позора более эффективен.

– Пеленки тканые или одноразовые?

– Одноразовые.

– Уроки французского для младенцев?

– Смешно.

– Конкурсы красоты для грудничков?

Джейн искоса взглянула на меня.

– Шутки в сторону. Вы не похожи на такую мать.

Я улыбнулась.

– Я не... это просто проверка. – Я отодвинула стул от стола. – Так получилось, что в данный момент я ищу няню для моих десятимесячных близнецов. Их последняя няня ушла довольно неожиданно, и, если честно, мы в отчаянии. Похоже, мы с вами придерживаемся одинаковых взглядов по многим вопросам воспитания детей. Если вам интересно, я буду рада пригласить вас посмотреть на них, и мы с вами познакомимся ближе. Возможно, если все получится, вы задержитесь у нас надолго.

Она откровенно просияла, а мне стоило немалых трудов, чтобы не пройтись по комнате колесом и не стукнуть себя по ладони кулаком.

– Мне определенно интересно, – призналась Джейн.

– Отлично. Конечно, мне нужно будет проверить ваше резюме.

– Без проблем. Я могу предоставить вам всю контактную информацию моего агентства в Бирмингеме, а также рекомендации от последних трех работодателей. Думаю, вы останетесь довольны.

Я вытащила из держателя на столе свою визитку и протянула ее Джейн. Я подождала, что она что-нибудь скажет по поводу нескольких телефонных номеров, но вместо этого она подвинула ко мне через стол свою визитку. Взяв ее, я увидела, что у нее два номера сотовых телефонов. Я посмотрела на Джейн и улыбнулась, чувствуя, что наконец-то встретила родственную душу.

– Никогда не знаешь, когда один из них забарахлит или сядет аккумулятор, – пояснила она.

– Точно. – Моя улыбка сделалась шире. – Как же приятно наконец встретить человека, который думает обо всем заранее. Все остальные, похоже, смотрят вперед не далее чем на минуту.

Джейн тоже встала.

– Можете не рассказывать. Единственный, кто подготовился к сценарию «на всякий случай», жутко раздражает окружающих. – Она протянула через стол руку, и мы обменялись рукопожатием. – Приятно было познакомиться. Я соберу всю информацию о себе и принесу ее сегодня же, чтобы вы могли приступить к проверке моего резюме. И звоните мне в любое время, чтобы назначить встречу с вашими детьми и мужем.

– И пойти посмотреть на дом Пинкни. Я уточню у Софи, когда у нее появится возможность, и дам вам знать.

Ее улыбка потускнела.

– Хорошо. Думаю, чем раньше мы начнем, тем скорее сможем продать его.

Мы попрощались, и я вернулась к своему столу, где заметила розовые листки, которые вручила мне Джолли. Два были сообщениями от моей надоедливой кузины и бывшей девушки Джека, Ребекки, еще один – от журналистки местной газеты Сьюзи Дорф, проявлявшей ненормальный интерес ко мне и моему дому. Поскольку я скорее воткну в глазное яблоко вязальную спицу, чем стану разговаривать с кем-то из них, я сложила каждую записку в крошечный квадратик и бросила на дно мусорной корзины. И, лишь сняв трубку, чтобы позвонить Софи, поняла, что призрак исчез, оставив в доказательство того, что этот некто вообще здесь был, лишь свежий запах дождя.

Глава 3

Несмотря на мои разбитые и натертые ноги, я едва не прошла мимо дома. Это был долгий день, и самым ярким его моментом было общение по скайпу с Джеком, пока тот кормил малышкой протертым горохом и персиковым пюре. Джек все еще был в футболке и пижамных штанах, но я воздержалась от комментариев. Я уже свыклась с тем, что писатели – люди эксцентричные, и с ними нужно научиться жить. Не надо требовать ряд вещей – например, одеваться по утрам или ежемесячно наводить порядок в ящике с носками и нижним бельем – это лишь некоторые из причуд, к которым я пыталась приспособиться.

Мне не терпелось вернуться домой, расцеловать младенцев и сообщить Джеку, что я не только нашла потенциальную няню, но и приобрела трех новых клиентов помимо Джейн Смит и запланировала до конца недели шесть показов недвижимости. Все они видели рекламу, которую я разместила в последнем номере журнала *Charleston Magazine* и в которую Нола предложила включить фото, на котором были запечатлены мы с Джеком, все трое детей и все три собаки перед моим домом на Трэдд-стрит. По ее словам, это внушит людям, что я понимаю, когда люди ищут семейное гнездо, и знаю, что исторические дома предназначены для того, чтобы в них жить.

Не думаю, что это правда, но если это поможет мне продавать дома, то пусть так и будет. Во время простоя, когда передо мной маячила перспектива потерять дом, преследуемая злым призраком и тяжелой беременностью, повлекшей за собой месяцы постельного режима, зависнув в неопределенных отношениях с Джеком, я прохлопала две громкие продажи знаменитых чарльстонских домов. Это был особняк в стиле Греческого Возрождения Чизхолм-Олстон, который приобрел известный международный модельер, и старый, полуразрушенный, но все еще великолепный дом в стиле эпохи Возрождения, известный как вилла «Маргарита» на Саут-Бэттери. Узнав, что эти дома проданы, я несколько дней рыдала по поводу того, что не я была посредником в сделках. Во всяком случае, эти страдания

означали, что мой боевой дух, который так долго дремал, возродился и с громким криком вновь дал о себе знать.

Что само по себе хорошо, учитывая, что мы были в долгу перед Нолой за те деньги, которые она дала нам на выкуп дома, когда наследники оспорили мое право собственности. Она уже была успешным автором песен, продав две из них поп-исполнителю Джимми Гордону, и одна даже звучала в рекламе айфона. Нола охотно дала нам деньги, но ни Джек, ни я не успокоимся, пока не вернем ей их в полном объеме и с процентами. Несмотря на недавние неудачи в карьере, Джек только что подписал со своим новым издателем контракт на выпуск двух книг, но мы еще не восстановились в финансовом отношении. Не говоря уже о том, что у нас был старый дом, чьим излюбленным хобби было высасывание из нас денег.

Подходя к дому, я замедлила шаг. У кромки тротуара был припаркован белый «Приус» Софи, а грузовик Рича Кобилта по-прежнему стоял на том же месте, где я видела его утром. Что не сулило ничего доброго. Я не сумела днем дозвониться до Софи. Интересно, она нарочно избегала телефонного разговора со мной? Она ошибочно полагала, что люди предпочитают услышать плохие новости при личной встрече. В отличие от меня. Ведь, если никто не видел, как я восприняла дурное известие, можно притвориться, будто его никогда и не было.

Я замерла. Черт, может, вернуться в офис? Увы, внезапно ощутив свои ноги, – вернее, то, что от них осталось, – я поняла, что это исключено. Тяжело вздохнув, я сняла туфли и босиком проковыляла последнюю сотню футов до садовой калитки.

Софи и Рич стояли у ямы в моем дворе, теперь окруженной желтой лентой. Рядом с ними – женщина лет двадцати с небольшим. Заметив меня, Софи обернулась с широкой улыбкой. Ее дочь, на два месяца младше моих близнецов, одарила меня однозубой улыбкой, выглядывая из слинга. У малышки были темные кудрявые волосы, как у матери, большие голубые глаза, как у отца, а поверх носочков на крошечных ножках красовались крошечные «биркенстоки». Если честно, «биркенстоки» хорошо смотрятся только на младенцах.

– Мелани! – с энтузиазмом воскликнула Софи, что сразу вызвало у меня подозрения.

– Рада тебя видеть, Софи. Мне нужно переодеться и проверить детей...

– Не увиливай. С детьми Нола и Джек. – Она посмотрела на туфли в моей руке. – К тому же ты все равно почти разделась. Кстати, если бы ты носила «биркенстоки», твои ноги не болели бы.

– Но тогда бы я лишилась собственного достоинства.

Когда я подошла, мне в лицо подул холодный ветер, он взъерошил волосы, но я заметила, что только мне. И больше никому. Не обращая на это внимания, я направилась прямо к Софи и ее ребенку. Статус молодой матери сделал меня магнитом для маленьких детей с мягкой кожей и пухлыми пальцами ног, и я нежно погладила мягкую щечку ребенка.

– Как сегодня дела у Блю Скай? – Я больше не съезживалась, произнося это имя, что хорошо, поскольку я видела ее часто. И все же я довольно часто сокращала его до Скай в надежде, что от меня перестанут ожидать произнесение «Блю». Столько богемности мне просто не вынести. – Я пыталась связаться с тобой, – сказала я Софи, изучая яркий платок, который удерживал ее кудри, и ее не менее яркие брюки и футболку. На Софи была парка в радужную полоску, растянутая спереди, чтобы вместить ребенка. У ребенка было видно только лицо, вязаная шапочка и носочки под крошечными «биркенстоками», но у меня возникло ужасное ощущение, что на Софи и ее дочери одинаковые наряды.

Софи широко улыбнулась, подтверждая мои худшие подозрения.

– Да, у меня сегодня было всего две лекции, а потом позвонил мистер Кобилт. Похоже, он нашел на твоём заднем дворе что-то интересное.

Я ждала, что кто-нибудь сейчас произнесет слово «мертвец». Мой взгляд скользнул с Софи на Рича, а затем – на молодую женщину, которая продолжала смотреть на меня так, будто хорошо меня знала.

– Познакомься, это моя новая помощница, Меган Блэк, – сказала Софи. – Она аспирантка второго года обучения по программе сохранения исторического наследия. Ее диссертация посвящена именно этим вещам, поэтому я захватила ее с собой, чтобы она взглянула на эту штуку своими глазами.

Я представилась аспирантке. Мой взгляд скользнул по нитке жемчуга на ее шее, по бледно-зеленому кардигану и брюкам цвета

хаки, по балеткам от Кейт Спейд на ее ногах. В таком наряде в грязи не копаются. У нее были красивые карие глаза и длинные светло-каштановые волосы, собранные в высокий хвост, а сама она излучала такой же интерес, что и Софи, когда ту окружали старые вещи. «Любопытно, – рассеянно подумала я, – сколько времени пройдет, прежде чем она тоже начнет носить „биркенстоки“, и как к этому отнесется ее мать».

Я снова посмотрела на Софи.

– Что за штука?

– Старая цистерна. Прямо здесь, на твоём заднем дворе! – Она произнесла это так, словно мы только что откопали клад Черной Бороды.

– Цистерна? В смысле, старый водосборник?

– Именно! – Софи просияла, как будто я была ее любимой студенткой. – Эта штука, вероятно, была здесь еще до того, как в 1848 году был построен дом. Возможно, она существовала еще до Войны за независимость, служа цистерной для сбора воды жильцам прежнего здания, стоявшего на этом месте.

При упоминании о том, что на моем заднем дворе найдено нечто даже более старое, чем мой дом, я отрицательно покачала головой, но меня перебила Меган:

– Из того, что мы уже видим, кирпичи все разные и, вероятно, были взяты из других зданий. Например, из хозяйственных построек, которые больше не использовались, как здесь, так и в других местах. Я даже видела несколько случаев, когда кирпичи брали с кладбищ, если их перемещали, чтобы освободить место для новых улиц и зданий.

При слове «кладбище» я застыла. Это особенность старых кирпичей. Это были не просто песок и глина. Нет, они таили в себе совместные воспоминания и остаточную энергию людей, которые когда-то жили среди них. Эти кирпичи были зарыты на моем заднем дворе более 150 лет назад и теперь, полтора века спустя, вновь предстали солнечному свету. При мысли о том, какие сюрпризы нас еще ждут, я содрогнулась.

– Обещаю, ты даже не почувствуешь, что мы здесь, – сказала Софи, как будто я уже дала согласие превратить мой задний двор в место проведения археологических раскопок. – Меган и несколько других моих аспирантов жаждут заняться раскопками цистерны. Нам

интересны не только кирпичи. Обычно на протяжении многих лет в цистерны бросали самые разные вещи, и их находка была бы просто бесценной для таких историков, как мы.

Я в упор посмотрела на подругу, совершенно не понимая ее волнения. Потому что копаться в прошлом обычно означало наткнуться на пару недобрых призраков. Меня не прельщала перспектива уворачиваться от падающих светильников или брошенных через всю комнату предметов, особенно теперь, когда в доме двое младенцев.

Я перевела взгляд с нее на Рича.

– Как вы думаете, сколько времени пройдет, прежде чем я получу назад свой сад? В марте я надеялась устроить здесь большую вечеринку в честь первого дня рождения близнецов.

Рич подтянул пояс своих штанов, но, как только он их отпустил, они снова поехали вниз.

– Заполнить яму – не проблема: не больше пары дней, и все вернется в прежнее состояние. Но сначала я должен дождаться, когда доктор Уоллен-Араси закончит свои изыскания. Не хотелось бы лишать ее возможности откопать какую-нибудь ценную находку.

Я уже собралась отдать распоряжение поскорее засыпать эту яму, но промолчала, представив себе Софи и ее студентов, пикетирующих мой дом с требованием позволить им снова раскопать цистерну. Сказать «да» – это путь наименьшего сопротивления неизбежному.

На мою шею вновь налетел ледяной ветер и обвился вокруг моего тела так, будто на мне не было никакого пальто.

– Только побыстрее, хорошо?

Софи кивнула и встретилась со мной взглядом, понимая причины моего сопротивления. Но не настолько, чтобы игнорировать тот факт, что в моем саду закопана настоящая сокровищница давних лет.

– Кстати, я получила твою голосовую почту, – сказала она. – Завтра я должна отвести группу моих студентов в Часовню Отдохновения на Помпиан-Хилл, чтобы они почистили надгробия и отремонтировали склеп, но я могла бы встретиться с тобой в доме Пинкни в четверг утром. Восемь часов тебя устроит?

– Вполне. Я свяжусь со своей клиенткой, а потом с тобой. Она не хочет заходить внутрь, но я думаю, ей стоит зайти. Она не любит старые дома.

И Софи, и Меган посмотрели на меня так, будто я сказала нечто кощунственное.

– Бывает, – сказала я.

Мы попрощались, и Софи ушла с Меган и Скай. Рич остался на месте. Подбоченившись, он смотрел вниз. Сейчас, когда солнце клонилось к закату, дно ямы казалось почти черным. Я опасалась того, что он мне сейчас скажет. За годы совместной работы я узнала, что у Рича было не только второе зрение, но и некая способность, которую он полностью не осознавал.

– Не хочу вас пугать, миссис Тренхольм. Но что-то здесь не так. Что-то очень даже не так.

– Мне тоже не нравится эта яма в моем саду, – сказала я, пропустив мимо ушей его намек, – но нам придется ее потерпеть. Надеюсь, это продлится недолго.

Я попрощалась и пошла к двери кухни, чувствуя за спиной шаги и зная, что эти шаги не его.

* * *

Накормив близнецов и уложив их на ночь в кроватки, я села в гостиной внизу, пролистывая на своем ноутбуке новые списки выставленной на продажу недвижимости и составляя таблицы для моих новых клиентов. Нола делала уроки, сидя за партой из красного дерева, которую мать Джека, Амелия, нашла в запасниках их семейного антикварного магазина на Кинг-стрит. Джек наконец принимал душ. Он заявил, что, пока он заботился о младенцах, у него не было времени на уход за собой или на творчество. Он выглядел настолько измученным, что я не решилась сказать ему, что, если бы он следовал составленному мной специально для него расписанию и старался быть более организованным, он бы не выглядел так, будто несколько недель блуждал по пустыне.

В камине под каминной полкой работы Адамса – гордость и радость Софи – потрескивал огонь. Камин был прекрасен, но всякий раз, когда я смотрела на него, мои пальцы начинали болеть, как будто вспоминали, как я вручную скоблила его крошечными кусочками наждачной бумаги, которые мне давала Софи, чтобы удалить с

замысловатых завитков около восьмидесяти слоев старой краски. Моя маникюрша чуть было не отказалась приводить мои ногти в порядок, и, не вручи я ей щедрый подарочный сертификат в мой любимый бутик «Привередливая лошадка», я бы до сих пор ходила с окровавленными кулечками вместо пальцев.

Я обнаружила, что вновь погружаюсь в то, что подозрительно напоминало домашнее успокоение. Но в воздухе витала тревога, некая энергия, выползавшая из стен, как утренний туман. Ощущение невидимых глаз, следивших за мной. Сомнений не было: оставшиеся мертвецы сумели-таки снова найти меня, и мой новообретенный покой вот-вот закончится.

Напольные часы, в которых когда-то были спрятаны алмазы Конфедерации, гулко пробили восемь раз. В тишине дома их басистый бой почти заглушил то, что я называла вздохами дома. Как будто дом затаил дыхание в ожидании чего-то, что мог видеть только он. Генерал Ли и свернувшиеся пушистыми клубками у ног Ноли щенки подняли на меня головы за миг до того, как раздался стук в дверь.

Неистовство трех собак, с громким лаем рвущихся к двери, сопровождало меня до ниши, где на том же месте, что и предыдущая, висела новая люстра, стоившая мне комиссионных, полученных за три месяца. Ее предшественница таинственным образом упала и разбилась о мраморный пол, едва не задев меня. Одна из плиток треснула, но я стратегически спрятала ее под коврик, подальше от глаз Софи. Потому что стоит ей это заметить, как она непременно потребует, чтобы я выписала из Италии мастеров по мрамору и заменила весь пол. Тогда я точно была бы вынуждена продать кого-то из детей, чтобы оплатить такое удовольствие. Такое бывает, когда ваша лучшая подруга – страстная любительница старых домов.

Моя мать, Джинетт Приоло Миддлтон, стояла на веранде, закутанная в черную кашемировую накидку, и, хотя ей было за шестьдесят, выглядела она такой же красивой, какой, вероятно, была во время своей короткой, но звездной карьеры оперной дивы. Ее темные волосы блестели в свете уличного фонаря, а вокруг зеленых глаз почти не было видно морщин, выдававших ее возраст. Мама была невысокой, но почему-то никогда не казалась маленькой. Я заметила эту особенность после нашего недавнего примирения и наших недавних сражений с духами, которые упорно отказывались

угомониться. По моей спине пробежала дрожь, не имеющая ничего общего с холодом. Мать никогда не приходила без предупреждения. Если тому не было причины.

– Мама, – сказала я, отступая назад, чтобы впустить ее в дом.

Поцеловав меня в щеку, она, не снимая перчаток, вручила мне свою накидку. Мама всегда носила перчатки, даже летом. Ее дар, по ее словам, заключался в способности видеть невидимые вещи, прикасаясь к предметам. Перчатки защищали ее от ошеломляющих картин и голосов, бомбардирующих ее после случайного контакта, например, с перилами лестницы или дверной ручкой.

– Извини, что я так поздно. Но я возвращалась с собрания библиотечного общества, проходила мимо твоего дома и решила, что это лучше не откладывать до утра.

– Что именно не откладывать до утра? – спросила я. В горле у меня внезапно пересохло.

Мать зябко потерла ладонями предплечья.

– Мы можем пойти куда-нибудь, где теплее? Мне нужно отогреться.

– У меня в гостиной горит камин. – Я шла впереди, а собаки резвились и подпрыгивали, пытаясь цапнуть высокие каблуки моей матери.

Нола бросилась ей навстречу, чтобы обнять. Между ними была крепкая связь, за что я была благодарна, хотя иногда мне казалось, что у них против меня какой-то сговор. Или же они смеются надо мной. Когда я спросила Джека, замечает ли он это, мой обожаемый супруг сохранил вежливое выражение лица. В конце концов мы согласились, что во всем виноваты послеродовые гормоны – это из-за них я воспринимаю многие вещи в искаженном свете.

– Классные туфли, Джинетт, – восхитилась Нола. – Одолжите их мне на свидание?

Моя мать улыбнулась.

– Конечно, просто попроси в любое время. Мой шкаф к твоим услугам.

Я посмотрела на свои пушистые розовые тапочки и попыталась не обращать внимания на бедные ноги, которые все еще пульсировали от боли, вспоминая о той мучительной пытке, которой они подверглись днем.

– Сколько времени тебе понадобилось после того, как ты родила меня, чтобы твоё тело и ноги вернули себе прежнюю стройность?

Они с Нолой переглянулись – я была почти уверена, что это не плод воображения моих гормонов, – после чего моя мать снова повернулась ко мне.

– Не припомню, чтобы меня... разнесло очень сильно. Когда тебе исполнился месяц, я носила свою старую одежду и обувь. Но у тебя родились близнецы, – быстро добавила она. – И ты намного старше, чем была я, а это радикально меняет уравнение.

Моя мать и Нола в унисон кивнули, и у меня вновь возникло смутное ощущение, что им известно нечто такое, чего не знаю я. Нола вернулась к столу и предложила гостье сесть в одно из мягких кресел у огня. Я села в другое.

– Хочешь что-нибудь поесть или выпить?

Мать покачала головой.

– Нет, у меня все в порядке. Твой отец ждет меня дома, и я буду краткой. Ты уже говорила со своей кузиной Ребеккой?

При упоминании Ребекки Нола простонала. Я вспомнила розовый листок, полученный утром на работе, который я тут же выбросила и забыла.

– Она оставила мне сообщение, но я не перезвонила ей. Был мой первый день на работе. Мне хватило дел и без разговора с Ребеккой. – Я подалась вперед. – Почему ты спрашиваешь?

– После того как она не смогла связаться с тобой, она позвонила мне. – Огонь в камине потрескивал, и мать посмотрела на пламя. – Ей снились сны.

На миг закрыв глаза, я увидела на внутренней стороне век отпечаток желто-оранжевого пламени.

– Сны?

Ребекка, наша очень дальняя родственница, похоже, также унаследовала шестое чувство, с той разницей, что ее экстрасенсорные способности проявлялись во снах. Она не всегда была точна в их толкованиях, но обычно угадывала верно, что не могло не вызывать тревогу.

Не глядя на меня, мать кивнула.

– Она видела юную девушку в белой ночной рубашке, видела, как она бьется о стену. – Мать снова повернулась ко мне, и я увидела

отражение огня в ее зеленых глазах.

Я откинулась на спинку кресла и посмотрела на Нолу. Та перестала печатать на своем ноутбуке и даже не притворялась, будто не слушает.

– С чего Ребекка взяла, что это имеет какое-то отношение ко мне? Будь в этих стенах хотя бы что-то, я бы об этом знала.

Мать с легким хрустом потерла руки, затянутые кожаными перчатками. Если честно, этот звук меня нервировал.

– Потому что девушка звала тебя. И, кстати, это необязательно именно этот дом.

Я мрачно посмотрела на мать.

– Я уже почти год не вижу никаких призраков, поэтому не знаю, кто это может быть. Разве что... – Я умолкла, вспомнив только что раскопанную цистерну и шаги, проследовавшие за мной через сад.

– Что такое? – Мать изящно приподняла бровь.

– Мы обнаружили на заднем дворе цистерну. Но это лишь кирпичи, а не стена. Вряд ли это как-то связано. Может, есть еще одна Мелани?

Моя мать не мигая посмотрела на меня.

– В любом случае тебе следует позвонить Ребекке и поблагодарить ее. Я знаю, что вы не ладите, но она все же родственница.

Нола издала звук, будто ее тошнит, а затем сделала вид, что кашляет.

– Ладно. И раз уж ты здесь, у меня есть хорошие новости. Кажется, я нашла няню. Конечно, сначала она должна получить одобрение у всех в нашем доме, и я хочу попросить детектива Райли проверить ее биографию, но у меня хорошее предчувствие. По крайней мере, мы разделяем одни и те же взгляды на воспитание детей.

– Замечательные новости! Не то чтобы я не готова иногда посидеть с внуками, но будет лучше, если у вас у всех будет четкий распорядок дня, а за детьми – постоянный присмотр. Боюсь, мы с Амелией – слишком любящие бабушки и склонны баловать внуков.

Я даже не стала возражать: мать была абсолютно права. Кстати, это одна из причин, почему мне требовалась няня.

– Да, ее зовут Джейн Смит, и она сегодня утром зашла ко мне в офис, чтобы попросить меня помочь ей продать дом, который она унаследовала, и взамен купить новый, и так уж случилось, что она дипломированная няня.

– Какая удача для вас обеих.

– Вообще-то, я собиралась позвонить тебе по поводу нее. Она унаследовала дом Баттон Пинкни.

Джинетт замерла со странным выражением лица.

– Баттон была моей подругой. Буквально в прошлом месяце мы с Амелией были на ее похоронах.

– Знаю. И потому хотела тебя спросить, говорила ли она когда-нибудь о Джейн или была ли у Баттон родня? Джейн из Бирмингема и слыхом не слыхивала ни про какую Баттон, пока юристы не нашли ее и не сказали, что та завещала ей свою недвижимость.

Мать вперила взгляд в свои перчатки.

– Своих детей у нее не было. Она так и не вышла замуж. У нее был старший брат – Самтер. Он женился на Анне Чизолм Хейзелл, еще одной нашей однокласснице. Кажется, у них была дочь, но она умерла в раннем детстве. Вскоре после этого Анна и Самтер развелись, но Анна осталась в доме с Баттон. Она умерла десять лет спустя.

– Как печально. А что Самтер? Может, он женился повторно или имел других детей?

После короткой паузы мать сказала:

– Нет. Он всегда хотел сделать карьеру на Уолл-стрит и после развода переехал в Нью-Йорк. Буквально через пару лет после того, как я уехала из Чарльстона, чтобы продолжить свою музыкальную карьеру. – Она виновато посмотрела на меня, как бы признавая, что, уехав из Чарльстона, бросила и меня тоже. – Не знаю, возвращался ли он когда-нибудь в Чарльстон, но Баттон сказала мне, что он умер от сердечного приступа. Ему было всего пятьдесят три. – Мать криво улыбнулась. – Баттон обожала его. Для нее это был удар. Именно тогда она начала привечать бездомных... как животных, так и людей. Она подбирала их на улице и давала им деньги и крышу над головой, и они жили у нее, сколько им заблагорассудится. Думаю, ее щедростью злоупотребляли, но она утверждала, что, помогая другим, чувствует себя счастливой. Наверное, так она нашла и твою Джейн.

– Может быть. Джейн выросла в приемной семье в Бирмингеме. Возможно, кто-то, кто знал Джейн, в какой-то момент связался с Баттон, и в этом и состоит их связь.

– Может быть, – сказала мать, вставая. – Мне пора домой. Джеймс будет ждать.

Ее щеки порозовели. Я старалась не думать о своих родителях, недавно вступивших в повторный брак, как о состоящих в здоровых романтических отношениях, включающих физический контакт, но все-таки подумала, когда она просто упомянула его имя. По идее, мне положено быть в восторге оттого, что после всех этих лет мои родители безумно любят друг друга, но я была их дочерью, и меня иногда слегка подташнивало, если я слишком задумывалась об этом.

Мать пожелала Ноле спокойной ночи, и я проводила ее до двери. Мать на миг остановилась и посмотрела мне в глаза.

– Почему Джейн хочет продать дом?

– Она не любит старые дома.

Мать нахмурилась, сверля меня взглядом.

– Надеюсь, ты ее переубедишь. Баттон вряд ли завещала бы ей дом, если бы не хотела, чтобы она оставила его себе. Баттон была замечательной женщиной. Золотая душа. Мы должны сделать все возможное, чтобы выполнить ее волю. Может, тебе стоит рассказать Джейн то, что тебе сказал мистер Вандерхорст?

– Это кусочек истории, который можно подержать в руках, – мягко повторила я.

– Да. И иногда самые лучшие подарки в жизни бывают неожиданными. Включая старые дома.

Мать надела накидку и открыла дверь, впустив в дом поток холодного воздуха. Затем поцеловала меня в щеку и, надев капюшон, заправила волосы внутрь.

– Я не хочу ей лгать, – сказала я.

– Но разве ты бы солгала ей? Спокойной ночи, Мелли. – Мать улыбнулась и вышла наружу.

Фонари из кованого железа по обе стороны двери за моей спиной внезапно загорелись еще ярче, загудев невидимой энергией. Дважды вспыхнув ослепительной вспышкой, лампочки одна за другой взорвались, оставив меня в полной темноте.

Глава 4

Через два дня, когда я выходила из дома на работу, Джек выглядел немного встревоженным, вопреки его упрямым заверениям в том, что, пока он заканчивает редактирование своей новой книги, ему не в тягость присмотреть за детьми. Тем не менее мне показалось, что в его глазах промелькнула паника, когда я сказала ему, что, возможно, приду домой чуть позже обычного, потому что не знаю, сколько времени займет осмотр дома Пинкни в обществе Софи и Джейн. Такие вещи быстро не делаются, особенно если обнаружатся проблемы с водопроводом, обрушившийся потолок, гнилые полы или беспокойные духи... все это могло испортить мне день.

Несмотря на заверения миссис Хулихан в том, что она по-прежнему относит мои вещи в ту же химчистку, что и раньше, я была вынуждена надеть еще одно платье для беременных, но накануне не выдержала и купила у Боба Эллиса несколько новых пар туфель на каблуках. Я позвонила Софи, чтобы узнать, может ли недавно отремонтированный шкаф выделять пары, которые вызывают усадку кожи. Ответом мне было долгое молчание, как будто Софи не поняла моего вопроса. Тем не менее мои новые туфли были на целый размер больше, и я была приятно удивлена, когда пальцы ног стали двигаться при ходьбе.

Однако я добрела лишь до Брод-стрит, и мои бедные ноги поставили передо мной ультиматум, требуя, чтобы я наняла велорикшу, который бы отвез меня в «Глазированные пончики», магазин и кафе изысканных пончиков на Верхней Кинг-стрит. У меня там была назначена встреча с детективом Томасом Райли. Я хотела обсудить проверку личных данных Джейн Смит. Поскольку Томас – коп, я сочла уместным провести нашу встречу в магазине пончиков. Кроме того, это помогло бы мне избежать неодобрительных взглядов Рут, вручающей мне пакет с пончиками – что она сделала весьма неохотно, когда я накануне захватила с собой близнецов, чтобы она могла их увидеть и вновь напомнить мне, как сильно они похожи на Джека. Когда я же наконец открыла пакет на своем рабочем столе, то с ужасом обнаружила, что внутри только один пончик, а к нему в

придачу куча каких-то веганских лепешек. Да и сам пончик выглядел так, будто был приготовлен из одной пшеничной муки. Это было все равно что есть белый шоколад или ванильное печенье «Орео», – то есть совершенно бессмысленно, – и я, пару раз укусив, выбросила его в мусорную корзину.

Томас сидел за одним из маленьких столиков напротив стойки. Меня уже ждали две чашки кофе и пакет в бело-розовую полоску. Томас встал, когда я вошла, и тепло обнял меня в знак приветствия.

– Давненько мы не виделись! – сказал он, помогая мне снять пальто и придвигая стул. Я вновь оценила мужчин-чарльстонцев.

Томас пододвинул ко мне кофе.

– Много сливок и сахара – и, поскольку я приехал рано, я взял на себя смелость заказать нам пончики. Здесь глаза разбегаются, поэтому я взял два фиолетовых на козьем молоке – ягодный и с начинкой из козьего сыра и лавандовой глазурью, – пончик тирамису и один с кленовым беконом. Я неравнодушен к кленовому бекону, но, если хотите, он ваш.

Я едва не расплакалась от радости, когда, открыв пакет, ощутила восхитительный аромат пончиков ручной работы и всего этого чудесного сахара. Томас хотел было что-то сказать, но я подняла руку и, сделав глоток кофе, вытащила фиолетовый пончик. Некоторое время мы оба ждали в благоговейном молчании, пока я откушу первый кусок.

– Спасибо. Невероятно вкусно, – наконец сумела произнести я, до конца просмаковав легкое, воздушное тесто, за чем последовало странное желание выкурить сигарету. Я встретила взглядом с Томасом. – Пончик с кленовым беконом ваш, – сказала я. – Но вам придется драться со мной за второй фиолетовый на козьем молоке.

– Нет, мэм, – сказал он. – Мне для работы нужны здоровые руки, так что берите все что хотите.

Откусив еще один кусок, я откинулась на спинку стула, сжимая в руках чашку кофе и ощущая себя абсурдно довольной.

– Вы прекрасно выглядите, – сказал он. – Материнство определено вам к лицу.

Услышь я это из уст любого другого мужчины, кроме моего мужа, я бы почувствовала себя некомфортно. Хотя я знала, что Томас интересовался мной до того, как Джек заявил о своих правах на меня, наши отношения теперь прочно оставались в зоне дружбы. Томас даже

присутствовал на нашей свадьбе, и я пообещала – с благословения Джека – использовать свое шестое чувство, чтобы помочь ему в раскрытии какого-нибудь «висяка». Томас звонил несколько раз за последний год, но мне не хотелось нарушать домашний мир, за который я так боролась, и потому я говорила ему, что еще не готова. Интересно, означает ли эта услуга, что мне придется отвечать взаимностью, готова я к этому или нет.

Мои щеки вспыхнули.

– Спасибо. Теперь, когда близнецы спят всю ночь, я высыпаюсь и чувствую себя хорошо. Жаль только, что вся моя одежда под села – я немного устала носить одежду для беременных.

Томас подавился кусочком пончика, и я тут же подала ему стакан с водой. Выждав целую минуту, Томас заговорил снова:

– У меня есть информация о Джейн Смит. Скажу честно, когда вы впервые назвали мне ее имя, я подумал, что это, должно быть, псевдоним, но, похоже, это ее настоящее имя, хотя, когда ей было чуть за двадцать, она добавила букву Y. В досье нет свидетельства о рождении, поскольку она была подброшена на ступеньки церкви в Бирмингеме и вскоре после этого передана в приемную семью. Должно быть, имя ей дали изобретательные творческие умы из службы опеки.

Он поморщился, а я была готова расплакаться. Появившись на первом месяце беременности, гормоны материнства, похоже, имели привычку задерживаться дольше положенных девяти месяцев. Вероятно, это они были повинны в том, что теперь во время рекламы Общества гуманного обращения с животными или же глядя на фотографии детей в Фейсбуке, которые мне любила подсовывать Нола, я хлюпала носом. Я подумала о женщине, которую встретила в своем офисе, и не смогла совместить то, что я знала о ней, с душераздирающим образом ребенка, оставленного на ступенях церкви.

– Это так печально. Значит, она понятия не имеет, кто ее родители? – Я откусила большой кусок фиолетового пончика из козьего молока в надежде, что он протолкнет комок в моем горле. Моя мать бросила меня, когда мне было шесть лет, и меня воспитывал отец-алкоголик. Все детство я ощущала себя брошенной, но, по крайней мере, я знала, кто мои родные, знала дом на Легар-стрит, где жили многие поколения семьи моей матери. И у меня всегда была бабушка,

души во мне не чаявшая. Казалось непостижимым, что у кого-то нет истории, нет пролога к собственной жизни.

– Нет. Я также немного прозондировал прошлое Баттон Пинкни. Кто знает, вдруг у нее был ребенок, от которого она тайно отказалась? К счастью для нас, мисс Пинкни была активисткой в различных общественных организациях, поэтому в течение того года, когда родилась Джейн, ее фото почти каждый месяц мелькали на страницах светской хроники – явно не беременной и без перерывов во времени. Кроме того, после долгой болезни и смерти племянницы она стала компаньонкой своей невестки и, по словам всех, кто знал Баттон, никогда ее не покидала.

– Значит, она просто щедрый филантроп, решивший отдать все свое состояние достойной сироте.

– По всей видимости. И Джейн, безусловно, подходит под это описание, учитывая, как она начинала. Просто невероятно, что в конце концов ее жизнь сложилась не так уж и плохо. Она была отличницей, никогда не попадала в дурные компании, и, хотя у нее была череда приемных родителей, все они говорили о ней только хорошее.

– Но ее так и не удочерили.

Томас покачал головой.

– К сожалению, нет. Она несколько раз бывала близка к этому, но всякий раз удочерение срывалось.

– В документах указано почему? – Я сделала большой глоток кофе, не в силах выкинуть из головы образ маленького ребенка, лежащего на ступеньках церкви. Мне хотелось думать, что это потому, что теперь я стала матерью двух маленьких детей, которые нуждались во мне. Но было и еще что-то. Нечто такое, чего я не могла определить.

Томас встретился со мной взглядом.

– А вот здесь и правда становится интересно. Все приемные семьи вспоминали практически одно и то же: мол, она прекрасный ребенок, но в конце концов они отказывались ее удочерить, потому что... – Томас умолк и, открыв папку, пролистал несколько страниц и положил одну на самый верх, – «казалось, будто вокруг нее вечно что-то происходило». Вечные мелкие «неурядицы». – Томас изобразил пальцами небольшие кавычки, посмотрел на страницу и продолжил читать. – Ее никогда не называли в качестве непосредственной

причины, но все события, казалось, происходили, когда она находилась поблизости, что делало ее виновной по умолчанию.

Я откинулась на спинку стула.

– Странно.

– Да. Есть еще одна вещь, которая, как мне кажется, может вас заинтересовать. – Томас умолк и забарабанил пальцами по папке, словно решая, сколько следует мне сказать.

– Рассказывайте все, – сказала я. – Если она будет присматривать за моими детьми, мне нужно все это знать.

– Верно. – Томас глубоко вздохнул. – Она боялась темноты. Когда она спала, в ее комнате обязательно горел свет.

– Многие дети боятся темноты. Может, она не переросла свой страх?

– По-видимому, нет, – сказал он после короткой паузы. – Мне прислали рекомендации от двух ее последних работодателей, и это упоминается и в одной, и в другой. Рекомендации, кстати, самые похвальные. Первый назвал ее Мэри Поппинс и даже подумывал, не завести ли еще одного ребенка, чтобы оставить ее в семье, так как другие дети были уже слишком взрослые и не нуждались в няне.

Я наострила уши.

– Главное, что она хорошая няня. Я не против, чтобы она всю ночь держала в своей комнате включенный свет. Это сущая мелочь. – Я задумчиво сделала большой глоток кофе. – Что-то более конкретное об этих «неурядицах»?

– Нет, но из того, что я выяснил, я понял, что у нее вечно все валялось из рук, она что-то роняла и ломала – лампы, посуду и тому подобное.

– Значит, она слегка неуклюжая, – констатировала я с облегчением. – Главное, конечно, чтобы она никогда не роняла ребенка.

– Ничего подобного. Как я уже сказал, все ее бывшие работодатели отзываются о ней самыми добрыми словами. Черт, прочтя все эти отчеты, я пожалел, что у меня нет детей, чтобы я мог ее нанять.

Томас потянулся к бумажнику, чтобы положить на стол щедрые чаевые, затем встал и отодвинул стул.

– Как обстоят дела на рынке недвижимости?

– Очень даже неплохо, на мое счастье, – ответила я, когда он помог мне надеть пальто. – Мне было легко вернуться на работу.

– То есть, чтобы помочь с «висяками», времени не остается?

Я на миг задумалась, вспоминая, как была счастлива в прошлом году, когда на меня из зеркала не смотрели духи. Никаких бестелесных стуков в мою дверь.

– Насколько давними? – спросила я.

– Двадцать лет. Была убита девятнадцатилетняя студентка Чарльстонского колледжа, и дело так и осталось нераскрытым. Ее сестра недавно нашла нечто такое, что вынудило ее возобновить расследование.

Вопреки моему сопротивлению, любопытство взяло верх.

– Что именно она нашла?

– Половинку золотого амулета, вроде тех старых кулонов «Друзья навеки», где каждый получает половинку кулона. Вот только на этой была первая буква названия женского общества, в которое входила ее покойная сестра, и на второй половинке, похоже, были другие греческие буквы. Возможно, составляющие имя другого братства или женского общества с такой же буквой, но другая половинка отсутствует.

– Почему сестра думает, что это важно?

– Потому что она никогда раньше не видела эту вещицу. Она переехала в родительский дом и нашла на чердаке сундучок своей сестры, тот, который на момент смерти находился в ее комнате в общежитии. Его ни разу не открывали с тех пор, как привезли домой. Женщина нашла амулет на самом дне, вместе со сломанной цепочкой. Она уверена, что он не принадлежал ее сестре и может стать для нас зацепкой, которая поможет разгадать загадку ее смерти.

– Даже я бы сказала, что это маловероятно.

Ничего не говоря, Томас пристально смотрел на меня, как будто ждал, что я заполню пробелы.

– Если только кто-то не сможет поговорить с мертвой девушкой, – медленно добавила я.

– Да, я подумал примерно то же самое.

Медленно натягивая перчатки, я посмотрела на свои руки.

– Я подумаю и дам вам знать. Жизнь сейчас довольно сумасшедшая. Возможно, после того, как я разберусь с этой няней.

– Я понимаю... спасибо вам.

– Спасибо, – сказала я в ответ, – за то, что вы так быстро все выяснили. Мы с Джеком это ценим.

– Все что угодно, всегда готов помочь, – сказал он, одарив меня такой обаятельной улыбкой, от которой, если бы не было Джека, мои колени превратились бы в желе.

Мы стояли возле кофейни на Кинг-стрит.

– Куда вам нужно? Может, вас подвезти? – спросил Томас.

– Буду признательна, если вы отвезете меня к моей машине на Трэдд-стрит. Я еду на встречу с Софи и Джейн в дом Пинкни. Джейн получила его в наследство и хочет продать. Она совершенно не заинтересована в этом доме.

Томас приподнял брови.

– Это будет не первый случай, когда незнакомец завещает ничего не подозревающему другому незнакомцу разорительную недвижимость, – сказала я. – Продажа нежелательного наследства – это лучший вариант.

– Да, но все же. Не такой уж он разорительный. Этот дом, должно быть, стоит...

– Кучу денег. Я еще не видела его внутри, но, похоже, его придется полностью выпотрошить. – Я прищурилась. – Что-то не так?

– Я должен спросить своего отца, но в конце семидесятых или в начале восьмидесятых, когда он еще был полицейским, в этом доме произошло что-то нехорошее. Я был еще мальчишкой, но я запомнил это, потому что отец был изрядно потрясен, а он не из тех, кого можно легко прошибить.

– Я попрошу Джека провести небольшое исследование. Мне нужно все знать для полноты информации, если Джейн все-таки захочет продать дом после того, как побывает внутри.

– Она хочет продать его, хотя даже еще толком не видела?

Я выдержала паузу.

– Она ненавидит старые дома.

Томас вопросительно уставился на меня.

– Такое бывает, – сказала я, устав оправдывать эту совершенно рациональную точку зрения, которую я некогда разделяла по личным, а не по профессиональным причинам. – Вы удивитесь, узнав, сколько людей хотят приобрести дома, построенные исключительно в

последнее десятилетие. Большинство боятся, что ремонт дома и поддержание его в достойном состоянии обойдется им в приличную сумму. Джейн – одинокая женщина и, вероятно, просто не хочет взваливать на себя такую ношу, и я не виню ее. Если я хорошо сделаю свою работу, то на ту сумму, которую она выручит за дом Пинкни, она сможет найти что-нибудь красивое и новенькое на острове Пальм или на Дэниел-Айленд.

Томас проводил меня до своей машины и, галантно приоткрыв пассажирскую дверь, закрыл ее за мной. Затем сел за руль, пристегнул ремень безопасности и какое-то время молча сидел, глядя вперед.

– Что такое? – спросила я.

– Вы в детстве боялись темноты?

Я повернулась, чтобы посмотреть в боковое окно, и увидела женщину в белых брюках, кроссовках и с поясной сумкой. Не обращая внимания на машины, она стояла посреди улицы и фотографировала Кинг-стрит.

– Боялась. По крайней мере, пока от меня не ушла мать. Именно тогда я поняла, что настоящая жизнь намного страшнее того, что может скрываться в темноте.

Томас сочувственно кивнул и запустил двигатель.

– Я тоже боялся, но лишь потому, что допоздна не ложился спать, подслушивая, как отец рассказывал маме о каком-нибудь из своих дел. Этого бывало достаточно, чтобы детское воображение разыгралось. – Томас стиснул зубы. – Интересно, что может так напугать человека, что он, даже став взрослым, все еще боится темноты?

– Вероятно, это как-то связано с тем, что в детстве от тебя отказались. Говорят, будто некоторые травмирующие события остаются с нами навсегда, независимо от того, в сколь юном возрасте они с нами произошли.

Томас повернул руль и отъехал от тротуара.

– Да. Наверное, так и есть. Бедный ребенок.

– Бедный ребенок, – повторила я и снова отвернулась, смущенная тем, что мои глаза наполнились слезами. Мне вспомнился момент, когда я поняла, что моя мать не вернется, и как я тогда пообещала себе, что никогда больше не буду бояться темноты.

Глава 5

Я прибыла к дому Пинкни на Саут-Бэттери после Джейн, чего я всегда старалась не делать, впервые показывая клиенту дом. Я предпочитала заранее тщательно продумать, что они увидят в первый момент и что бросится им в глаза. Это должны быть исключительно положительные качества, чтобы они не заметили трещин на потолке или гнилых оконных рам. Пусть это случится позже, после того, как они полюбят старый дом и будут готовы восстановить древнюю грудку древесины, не задумываясь о долговой яме, в которую они собрались шагнуть.

Я приехала на машине и, минут пятнадцать покружив по близлежащим улицам, нашла место для парковки в четырех кварталах от дома. Джейн наверняка пришла пешком, так как была в балетках, а ее лицо выглядело разгоряченным. Концы ее светлых волос, собранных в низкий хвост, выглядели как потрепанная веревка. Прокurveyяв на каблуках четыре квартала, я поняла, что выгляжу не намного лучше.

Джейн стояла на тротуаре спиной к дому – руки скрещены на груди, кулаки сжаты. Я прищурилась – мои очки, как обычно, остались лежать на столе, – полагая, что Джейн улыбается мне, пока не подошла достаточно близко, чтобы четко ее увидеть. Хмурый взгляд и крепко стиснутые зубы, как у узника, идущего на эшафот.

– Доброе утро, Джейн, – весело сказала я. Было трудно разобрать слова, выдавленные из-за ее стиснутых зубов, но я почти не сомневалась, что она сказала «доброе утро».

– Доктор Уоллен-Араси должна быть здесь с минуты на минуту, – сказала я, нащупывая в сумочке ключ. – Она всегда опаздывает на пару-тройку минут. Если хотите, мы можем подождать ее снаружи, чтобы она рассказала нам немного об архитектуре и истории дома, или же можем пройти внутрь...

– Я подожду снаружи. – В глазах Джейн промелькнуло отчаяние. Она глубоко вздохнула, медленно выдохнула и заговорила снова. – Вы, наверное, задаетесь вопросом, почему я так не люблю старые дома. Я несколько лет, с девяти до четырнадцати, жила в старом доме. В

приемной семье. По словам приемных родителей, это был коттедж тридцатых годов в стиле крафтсман, который они отреставрировали своими руками.

– Симпатичный дом?

Джейн посмотрела на меня. Взгляд ее был печален.

– Наверно, да. Но я ненавидела его. Я ненавидела скрип деревянных полов, завывание ветра на чердаке. Но больше всего я ненавидела парадную лестницу с толстой дубовой балюстрадой. Они так ею гордились, этой балюстрадой. Они нашли ее в сарае и отремонтировали, чтобы она выглядела как новая. Даже заплатили плотнику, и тот воссоздал отсутствующие и заменил поврежденные балясины так, что новые невозможно было отличить от старых. – Она оглянулась, посмотрела через улицу в сторону реки. – Но все равно это была все та же старая балюстрада. Я всегда думала, что из нее получится хорошая растопка.

Я вспомнила, как я в собственном доме шлифовала наждаком замысловатую балюстраду из красного дерева и как тогда меня посещала та же мысль.

– Хорошо, – сказала я, делая мысленные пометки, чтобы расшифровать их позже. – В вашем будущем доме никакого стиля крафтсман, никаких скрипящих полов, никакого ветра на чердаке.

– Просто новый, – сказала Джейн, оборачиваясь, чтобы заглянуть в причудливую садовую калитку, работы – я в этом почти не сомневалась – знаменитого кузнеца Филипа Симмонса. – И не рядом с больницей.

– Из-за воя сирен?

Джейн ответила не сразу.

– Да. Сирены, – кивнула она. – Они мешают спать по ночам.

Я собиралась задать другой вопрос, но тут у тротуара появился белый «Приус» Софи и ловко занял освободившееся место. Они с Джеком кудесники по части парковки, чего я им до сих пор еще не простила.

Я с ужасом и улыбкой смотрела, как Софи вышла из машины, с ног до головы облаченная в разные оттенки зеленого. Даже непослушные темные кудри были убраны под эластичную повязку цвета лайма. На ногах были вездесущие «биркенстоки», правда, на сей

раз из зеленой лакированной кожи, и даже носки следовали общей зеленой гамме ее наряда.

– Надеюсь, ты отправишь Скай ко мне, когда она повзрослеет настолько, чтобы узнать о моде и правильном подборе цвета и узоров.

Софи расплылась в улыбке.

– Только если ты пришлешь ко мне Сару и Джей-Джея, когда прооперируешь свои стопы после травм, которые им наносит твоя обувь.

– С моими ногами все в порядке... – начала было я, но Джейн не дала мне договорить, шагнув вперед с протянутой для рукопожатия рукой.

– Вы, должно быть, доктор Уоллен-Араси. Я Джейн Смит, и я ценю, что вы согласились прийти сегодня.

Софи энергично потрясла ее руку.

– Пожалуйста, зовите меня Софи. Меня так все зовут.

– Кстати, – сказала Джейн, – мне нравятся ваши туфли. Первый раз вижу лакированную кожу на «биркенстоках».

– Напомните мне позже, и я напишу название магазина.

Я с облегчением увидела, как в глазах Джейн промелькнула паника.

– Не волнуйтесь, – сказала я. – Она годами угрожает сказать мне, где покупает эти ботинки, но так еще и не убедила меня перейти на темную сторону.

Я не видела реакции Джейн, потому что смотрела на Софи, а та, в свою очередь, нахмурилась брови, смотрела на Джейн.

– Мы раньше не встречались? Ваше лицо мне смутно знакомо.

– Нет, я почти уверена, что нет. Но я слышу этот вопрос постоянно. Наверно, у меня такое лицо.

– Да, наверно. – Софи улыбнулась, затем повернулась к своей машине и вытащила с пассажирского сиденья сложенный кусок ткани. – Я привезла подарок на новоселье. – Она развернула ткань и подняла ее. – Это антикрузизный флаг. Каждый домовладелец в Чарльстоне должен выставить такой в знак протеста.

Я вздохнула.

– Джейн приехала недавно. Пусть сначала она освоится, а потом уже займет позицию по такой спорной теме, хорошо? – Я взяла флаг, снова свернула его и положила обратно в машину Софи.

Сердито посмотрев на меня, Софи вновь сосредоточила внимание на доме и даже вздохнула, как будто только что стала свидетельницей чуда.

– Итак, это ваше наследство.

– На бумаге, – сказала Джейн. – Я владею им, но только временно.

– Я уверена, что вы передумаете, как только увидите, какой это на самом деле архитектурный шедевр. С момента постройки им владели всего две семьи. Я ни разу не имела удовольствия побывать внутри, так что это настоящая удача. – Софи отступила, чтобы лучше рассмотреть фасад. – Для неподготовленного взгляда это просто типичный дом из кипариса и сосны на крепком кирпичном фундаменте. Но, если присмотреться к нему внимательнее, вы увидите, что его георгианская простота облагорожена декоративными элементами фасада, такими как зубцы по верху карнизов, узор в виде бычьего глаза вдоль всего фронтона и портик с колоннами. Это просто прелесть.

Интересно, у меня такой же остекленевший взгляд, как и у Джейн?

– Сколько ему лет? – спросила Джейн.

– Точно не скажу, но определенно он был построен до Войны за независимость. – Софи направилась к двойной лестнице под портиком, что вела от тротуара к входной двери. – Одна из моих студенток несколько лет назад включила этот дом в свою диссертацию. В нем очень интересная система звонков, основанная на колокольчиках разного тона для каждой комнаты. Одной из целей собеседования при найме новых слуг была проверка у них музыкального слуха, чтобы они понимали, где они нужны. Думаю, колокольчики все еще в доме, хотя сомневаюсь, что они исправны. Но ведь это часть истории!

Мы с Джейн переглянулись за спиной Софи.

Между железных прутьев не без труда протиснулся очень толстый черный кот. Пропахнув свою упитанную заднюю половину, он плюхнулся на тротуар и уставился на нас одним темно-зеленым глазом. Другая его глазница была прикрыта розовой кожей без шерсти. Безразлично зевнув, кот вразвалочку прошествовал к другой стороне лестницы, где исчез.

– Надеюсь, в доме нет кошек. У меня аллергия, – объяснила Джейн.

– Почему вы это сказали? – спросила Софи с верхней ступеньки лестницы.

– Разве ты не видела, что из сада вышел большущий черный кот? – спросила я. – Такой огромный, что, похоже, его кто-то очень балует.

Софи пожала плечами.

– Либо балует, либо там много грызунов, и ему есть чем заняться.

Я послала ей испепеляющий взгляд, но она уже изучала лепнину на капителях двух колонн портика. Я уже начала подниматься по ступеням, как вдруг поняла, что Джейн позади меня нет. Я отомкнула замок и распахнула входную дверь. В ноздри тотчас ударил знакомый запах пыли, нафталиновых шариков и полироли. И что-то еще. Нечто такое, чего я не могла определить, что пахло лекарством и заставило меня вспомнить мою бабушку.

Я заглянула в фойе с высокими потолками, затем мой взгляд скользнул мимо унылых сосновых полов в парадную гостиную. Высокие потолки. Тяжелые карнизы с орнаментом в виде свадебных тортов. Отсутствующие куски напоминали зубы, вырезанные на хеллоуинском фонарике-тыкве. Зачехленная мебель стояла, словно безмолвные призраки в подвешенном во времени пространстве.

– Путь свободен, Джейн, – сказала я, вернувшись. – Не вижу никаких кошек.

Похоже, Джейн я не убедила. Она снова сложила на груди руки.

– О боже мой! Это же старинный камин с оригинальной керамической глазурованной плиткой «Сэдлер и Грин»! – крикнула Софи из глубины дома.

Я улыбнулась своей клиентке.

– Сейчас самое время осмотреть интерьер, Джейн. Энтузиазм Софи может быть заразительным, когда он не слишком навязчив.

Наградой мне стала ее слабая улыбка. Убедившись, что Джейн следует за мной, я вернулась в холл. Мои каблуки гулко цокали по пустому дому. Из комнаты напротив гостиной донесся звук, похожий на трепет крыльев. Я резко повернула голову и увидела, как через толстую оштукатуренную стену промелькнуло нечто белое, сопровождаемое мягким топотом крошечных босых ног.

Я прислушалась к звуку приближающихся шагов, более тяжелых, чем первые, и определенно в обуви, и меня тотчас сковал ледяной

холод. Уши начало покалывать еще до того, как я почувствовала, как чьи-то руки схватили меня за плечи и толкнули к двери. Я наклонила голову, пытаясь избежать того, что, как я знала, произойдет дальше – холодный глухой голос, который шепнет мне прямо в ухо. Слова звучали мягко и женственно, что, однако, не делало их менее зловещими. Холодный воздух как будто скреб по моей голове, акцентируя каждое слово, словно пытался убедить меня, что этот голос звучал не в моем воображении. *«Уходите. Прочь»*.

Я во всю мощь своего голоса запела аббовскую «Танцующую королеву» – проверенное средство, помогающее заглушить голоса, которые я не желала слышать. Я научилась этому в детстве, чтобы избегать бестелесных голосов, и до сих пор этот прием работал, но только если я успевала подготовиться. А сейчас я не успела. Моя мать была в этом доме несколько раз, навещала свою подругу Баттон Пинкни. Думаю, мать сказала бы о нескольких посторонних душах.

Софи вышла из гостиной и недоуменно посмотрела на меня. Я между тем попятилась назад через парадную дверь. Но тотчас остановилась, наткнувшись на Джейн.

– С вами все в порядке? – спросила она.

Температура в комнате нормализовалась, но меня преследовало то же ощущение, что и в тот день в офисе, когда я встретила Джейн. Ощущение постороннего присутствия, однако этот кто-то – или что-то – не желал, чтобы я его увидела.

– Да, – сказала я, заставляя себя улыбнуться. – Все хорошо. Иногда я шутки ради люблю проверять в старых домах акустику. – Я повернулась лицом к Софи. – Кто-то оставил окно открытым или врубил кондиционер?

Лицо Софи вытянулось.

– Не иначе как ты заболеваешь. Не думаю, что в доме есть система центрального кондиционирования, а единственный кондиционер, который я видела снаружи, был в окне наверху.

Я изобразила покашливание.

– Может быть.

– Здесь так же жарко, как в Бирмингеме? – процедила сквозь зубы Джейн. – Я имею в виду, потребуется ли для продажи установка кондиционера?

Мы с Софи, опешив, уставились на нее. Она что, шутит?

– Это как вы захотите, – наконец сказала я. – Вы можете либо выполнить работу сами, либо, соответственно, снизить цену. В любом случае лето в Чарльстоне похоже на жизнь в тостере, поставленном на максимум. Кондиционер обычно считается чем-то само собой разумеющимся.

Я оставила входную дверь открытой, заверив себя, что делаю это ради свежего, морозного воздуха, а вовсе не для того, чтобы при необходимости быстро выйти на улицу. Джейн по-прежнему стояла, сложив руки на груди, но смотрела на меня с улыбкой.

– «АББА», верно?

– Они вам нравятся?

Джейн наморщила нос.

– Я этого не говорила. Они были чуть раньше меня. Но я смотрела фильм *Mamma Mia* и поэтому знакома с их музыкой.

Софи направилась к лестнице.

– Вы не слышали этого от меня, но Мелани слегка одержима этой группой. Она это отрицает, но я почти уверена, что у нее в шкафу есть белый кожаный комбинезон с бахромой.

Я присоединилась к Софи на лестнице, но Джейн осталась на месте. Ее взгляд был прикован к площадке, где лестница делала поворот и исчезала из поля зрения. Я проследила за ее взглядом и замерла. На площадке сидел толстый одноглазый кот и безразлично взирал на нас сверху вниз.

– Как он попал сюда? – спросила Джейн.

– Должно быть, юркнул внутрь, пока мы разговаривали. Я пришлю кого-нибудь, кто любит кошек, чтобы он посмотрел, есть ли на нем бирка.

– А если он принадлежал Баттон Пинкни?

– Тогда он пойдет в приют.

– Что за кот? – спросила Софи.

– Вон тот, – сказала я, указывая на пустое место, где только что был кот. – Он, или она, был здесь минуту назад. Довольно пухлый и без одного глаза. Не знаю, насколько легко будет найти для него дом, поэтому будем надеяться, что он просто случайно забрел сюда.

Я ждала у двери в гостиную, надеясь, что Джейн поймет намек, но она осталась на месте, широко расставив ноги, словно упрямый малыш.

– Не переживайте, – заверила я ее. – Обещаю, о кошке позаботятся.

Она быстро посмотрела на меня и натянуто кивнула. После чего, не отрывая глаз от верхней площадки лестницы, медленно вошла внутрь. Легкое покалывание на затылке убедило меня, что мы в доме не одни, но ощущение того, что мне не дают увидеть, что это такое, оставалось.

Все пространство было наполнено зловонием тлена и неким гнетущим предчувствием. Единственным ярким пятном был необыкновенный свет, лившийся из фасадных окон. Если их помыть, он станет еще ярче, но даже сейчас мне было видно, сколь прекрасен когда-то был этот дом.

– Адвокат сказал мне, что последние несколько лет мисс Пинкни не выходила из своей комнаты на втором этаже. О ней заботились домработница и медсестра. Возможно, это объясняет запустение в остальной части дома.

– Дом старый, – сказала Джейн. – И пахнет старьем. А также... – Она вздрогнула и еще сильнее обхватила плечи. – И я определенно не хочу здесь жить.

Она двинулась к двери, но ее окликнул голос Софи.

– О господи! Да это же стеклянная люстра от Уильяма Паркера! В Чарльстоне я знаю лишь одну такую, в доме Майлза Брутона. Она стоит целое состояние.

Мы прошли в гостиную, чтобы взглянуть на матовую люстру, криво свисавшую с оголенных проводов. Гипсовый медальон, некогда окружавший дыру в потолке, осыпался и лежал крошками у нас под ногами.

– Не думаю, что подберу ее, если буду проезжать мимо обочины, где она будет лежать вместе с остальным мусором, – пробормотала Джейн.

– А эти обои, – продолжила Софи. – Это шелк, расписанный вручную. Видите вертикальные линии, показывающие, где проходит граница каждой полоски? Это значит, что владельцы были достаточно богаты и могли позволить себе купить несколько полос вместо одной длинной. Они хотели, чтобы линии отображали их богатство и социальный статус.

Я присмотрелась, но увидела лишь выцветшие обои, провисшие от тяжести лет, слезящиеся по углам от возраста и сырости. Там, где Софи видела красоту, я видела только тлен. Признаки запущенности были видны повсюду – от поцарапанных полов до пятен плесени на обоях и крошащихся лепных украшений, которые на глазах превращались в пыль. Я почти не сомневалась, что Джейн чувствует то же самое.

Мне практически пришлось тащить Джейн с собой, пока мы следовали за Софи из комнаты в комнату, слушая, как она перечисляет все уникальные, ценные и исторические элементы дома, которые ни одна из нас не могла по-настоящему увидеть или оценить.

Я старалась отделить свой дом на Трэдд-стрит от мыслей по поводу этого дома и большинства старых домов в Чарльстоне – хотя бы потому, что теперь это был мой дом, где я растила собственных детей. Там они родились, там научились ходить и лепетать свои первые слова. Деревянные полы покроют царапины от их крошечных туфель, самокатов и деревянных кубиков, знаменуя этапы взросления еще одного поколения, которое вырастет в доме номер 55 на Трэдд-стрит. Я представляла себе, как Нола выходит замуж и празднует свадьбу в нашем саду, а Сара спускается по лестнице в выпускном платье и ждет, когда за ней заедет ее кавалер. Эта последняя картинка включала в себя и Джека с винтовкой в руках. Вид у него был настолько грозный, что я постаралась выбросить картинку из своей головы.

Для меня дом Пинкни был всего лишь грудой кирпича, дерева и цемента, давнее родовое гнездо семьи, которую я почти не знала и к которой не имела никакого отношения. По собственному опыту зная, каких сил, физических и психических, требует восстановление исторического дома, не говоря уже про полное истощение банковских счетов, я мучилась, не зная, что посоветовать своей клиентке.

Я не могла смотреть на Софи. Та изучала стены старого дома так, будто только что обнаружила святой Грааль, гробницу Тутанхамона и Эдемский сад в одном лице. Сказать Джейн, чтобы та продала дом таким, как есть, значит разбить сердце Софи. И тогда мне не избежать ее изощренной мести. В прошлый раз, когда я посоветовала клиенту продать дом, который остро нуждался в ремонте и которому грозил неминуемый снос, Софи в отместку распространила листовки, на

которых я была с помощью фотошопа изображена в тюрбане. Под снимком был напечатан номер одного из моих мобильных телефонов, зазывающий на бесплатные сеансы экстрасенса. Я была вынуждена сменить номер.

– Вы слышали? – спросила Джейн, когда мы наконец добрались до второго этажа.

Да, я слышала. Негромкий, металлический звук. Я бы подумала, что он мне послышался, если бы Джейн ничего не сказала.

– Да, – ответила я. – И мне кажется, он исходит из комнаты в конце коридора.

– Что за звук? – спросила Софи с середины лестницы. Она была занята изучением кипарисовой обшивки под красное дерево, что тянулась по стене сбоку от лестницы. На дереве имелись зазубрины и сколы, мелкие метки, оставленные давно ушедшими людьми.

– Такой металлический, – сказала Джейн. – Как у старых заводных игрушек.

Я уже шагала к концу коридора, не в силах избавиться от странного ощущения, что кто-то следует за мной по пятам, а чье-то другое, более нежное присутствие впереди ведет меня по темному коридору. Я по-прежнему их не видела, лишь чувствовала их обоих – наверно, так растение ощущает свет. Что бы ни было за этой дверью в конце коридора, я должна попасть туда раньше Джейн.

Я потянулась к круглой латунной ручке, но она уже повернулась, и дверь открылась без моей помощи. Джейн догнала меня у порога, по всей видимости не подозревая, что дверь открылась сама по себе. Заглянув внутрь, мы увидели большой комод из красного дерева, уставленный флаконами для духов и потускневшими серебряными рамками со старыми фотографиями. На маленьком столике стояло штук двадцать флаконов с какими-то пилюлями и пустой стакан на кружевной салфетке. Рядом стояла огромная кровать под балдахином, с горкой подушек, аккуратно застеленная шелковым покрывалом. Я подумала о домработнице. Похоже, та заботилась о покойной хозяйке, воспринимая застеленную постель как свой последний долг перед ней.

Нас встретил холодный сквозняк. От меня не скрылось, как вздрогнула Джейн. Интересно, заметила ли она падение температуры в и без того холодной комнате? С досады мне хотелось топнуть ногой, злясь на свою неспособность увидеть, кто это был. Не то чтобы я

хотела их видеть. Но, знай я, что они там есть, я бы предпочла их видеть, а не просто чувствовать. Им было бы труднее подкрасться ко мне и застать меня врасплох.

– Должно быть, это комната мисс Пинкни, – прошептала Джейн, как будто старуха все еще была там, спала на гигантской кровати.

– Пожалуй, вы правы, – сказала Софи позади нас. – Это единственная комната, где мебель не накрыта чехлами. А в одном из окон есть даже кондиционер. – Она прошла через комнату к креслу-качалке в углу у окна. Это был элегантный предмет мебели с тонкими шпинделями и изящными полозьями внизу. Рядом стоял небольшой сундук. На его деревянной поверхности накренилась стопка книг. Софи взяла одну из них. – Судя по всему, либо ей, либо ее медсестре очень нравились Харлан Кобен и Стивен Кинг.

– Слишком страшно, на мой вкус, – иронично заметила я. Я принялась ходить по комнате и раздвигать тяжелые шторы, чтобы впустить свет, как будто это входило в мою обязанность. Как будто кто-то велел мне это сделать. Но всякий раз, когда я хваталась за штору, чтобы ее открыть, я чувствовала, как противодействующая сила пытается меня остановить. Нахмутив брови, Джейн наблюдала мою борьбу с каждой шторой.

– Они как будто застряли, – объяснила я, пытаюсь отдернуть очередную штору. – Если захотите, можете их выбросить.

Софи нахмурилась.

– Я не согласна. Это «Скаламандр», если не ошибаюсь. Я бы сказала, изысканное воспроизведение оригиналов. Сделаны на долгие годы, в отличие от многих вещей в наши дни.

– Это мисс Пинкни? – спросила Джейн. Она с большой овальной рамой в руках стояла у туалетного столика.

Заглянув ей через плечо, я увидела фотографию красивой молодой женщины с пышной прической и черной подводкой вокруг глаз, модной в конце шестидесятых или начале семидесятых. На ней было белое платье и перчатки, и она стояла рядом с молодым человеком, который на вид был немного старше ее. Он чем-то напоминал молодого Роберта Вагнера – одного из старых кавалеров моей матери. В белом галстуке и фраке он выглядел настоящим щеголем.

– Да, это она. Насколько я понимаю, снимок сделан во время ее дебюта. Она, моя мать и моя свекровь Амелия дебютировали

одновременно. Мать рассказывала, что Баттон сопровождал ее брат, поскольку их отец умер, когда они были маленькими.

– Я уверена, что никогда не встречала ее. – Прежде чем осторожно положить снимок на место и взять другой, с тремя девушками в форме Эшли Холл, Джейн на мгновение задумалась. Она указала на высокую худую девушку посередине – ее светлые волосы до плеч удерживала лента. – Думаю, это тоже она.

Я взяла рамку, отметив про себя, насколько поблекло фото. Годы как будто вымыли из него цвет. Я улыбнулась.

– А это моя мать и свекровь по обе стороны от нее.

– Они выглядят такими счастливыми, – заметила Джейн, ставя рамку на место.

– По словам моей матери, они были лучшими подругами.

– Как вы думаете, кто это?

Джейн показала еще на одно фото, изображавшее девочку лет десяти, более свежее, чем фотографии Баттон. Цвета были резче, и, судя по модели телевизора на заднем плане, это могла быть первая половина восьмидесятых. Девочка была поразительно похожа на Баттон: те же светлые волосы и большие миндалевидные голубые глаза.

– Я не знаю, – сказала я. – Возможно, ее племянница. У ее брата был ребенок.

Джейн удивленно посмотрела на меня.

– Тогда почему она не унаследовала все это?

Я взглянула на Софи, надеясь на ее помощь, но моя подруга была занята изучением кресла-качалки.

– Она... умерла ребенком. Моя мать помнит, что она была очень... болезненной.

Рамка с глухим стуком упала на стол, как будто ее вырвали из руки Джейн и нарочно швырнули.

– Извините, – сказала Джейн. – Я такая неуклюжая.

В моей сумочке зазвонил телефон. Причем рингтон я не узнала. Моя рука застыла на застежке, ожидая, что телефон умолкнет сам.

– Можете ответить, – сказала Джейн. – Я не возражаю.

– Это не важно, – сказала я, стараясь не выдать дрожь в голосе. – Я просто отключу звук, чтобы он не мешал нам работать.

Я полезла в сумочку и, не глядя на экран, щелкнула кнопкой на боку телефона, зная, что это тот же неопознанный номер, что и раньше. Я подняла рамку с фотографией. Зажимы на задней крышке, по-видимому, ослабли при падении, и стекло вместе со снимком выскользнули наружу. Я перевернула фото, чтобы посмотреть, нет ли надписей на обратной стороне. Выцветшими синими чернилами женским почерком было написано: «Хейзел».

– Это неправильное написание имени Хейзел? – спросила Джейн. Я покачала головой.

– Вообще-то, это старая чарльстонская фамилия – есть улица с таким названием, которая идет от Кинг-стрит мимо Ист-Бэй. Фамилия произносится как «Хейзел», но пишется с двумя «л». Моя мать рассказывала мне, что брат Баттон, Самтер, женился на девушке по фамилии Хейзелл, и это объясняет, почему они использовали ее фамилию в качестве имени для своего единственного ребенка.

Вернув фотографию и стекло обратно в рамку, я рассмотрела ее внимательнее. Мне стали видны темные круги под глазами ребенка, бледная, полупрозрачная кожа, еле различимые синие вены на висках. Я подумала о пухлых щечках и ярких глазах своих детей и тотчас ощутила печаль по поводу короткой жизни бедной девочки, которую никогда не знала. Я не могла оторвать взгляд от ее портрета – было в форме подбородка, в изящном изгибе бровей что-то знакомое.

Я протянула руку, чтобы взять фотографию Баттон и сравнить лица, когда вновь услышала тот же странный металлический звук, который мы с Джейн слышали ранее. Мы обе повернулись к Софи. С удивлением и восторгом на лице она держала в руках старую фарфоровую куклу.

– Это отвратительно и на грани полной жути, – сказала я, глядя на куклу в ее руках. От меня не скрылось, что Джейн юркнула за мою спину, как будто прячась от чего-то. Невыразительное лицо куклы обрамляло облако всклокоченных каштановых волос, а два больших темных глаза не мигая смотрели на нас. Я с трудом подавила дрожь.

– Вибрация наших шагов по лестнице, должно быть, сдвинула ее в кресле, и она издала этот звук. Если это то, о чем я думаю, то это может стоять небольшое состояние. – Софи широко улыбнулась, словно не подозревая об ужасающем виде той вещи, которую держала в руках.

– Что это? – спросила я, застыв на месте. Как и в случае с клоунами и кукольными домиками, в старинных куклах было нечто пугающее. То, из чего обычно формируются детские кошмары.

Софи озабоченно посмотрела на куклу.

– Я почти уверена, что это кукла Томаса Эдисона – первая говорящая кукла. Их осталось всего несколько штук, а неповрежденных – единицы, что делает их особо ценными. У них внутри туловища имеются маленькие оловянные цилиндры фонографа. Этим записям более ста лет. Все они – детские стишки, которые довольно сложно понять, а один – «Теперь, когда я ложусь спать» – довольно страшный, потому что кажется, будто это кричит испуганная женщина. По какой-то причине куклы плохо продавались, и их производство прекратили всего через месяц.

– По какой-то причине? – повторила я. – Не могу себе представить родителей, которые бы настолько не любили своего ребенка, чтобы подарить ему такую жуткую вещь. Такое можно сделать разве что в наказание за что-то серьезное, например, за вандализм. Или за убийство.

– То есть теперь она принадлежит мне? – спросила Джейн. Похоже, она отнюдь не была в восторге, какого, вероятно, ожидала от нее Софи.

– Да, – бодро ответила Софи. – Чтобы убедиться в происхождении этой вещи, мне придется отнести ее к знакомому эксперту по антикварным куклам, но я почти уверена: это именно она. – Софи перевернула куклу и показала отверстие в спине ее белого льняного платья. – Цилиндр настолько хрупкий, что, попытайся я заставить куклу заговорить, он сломается. Но есть новая технология, которая позволяет оцифровать звуки цилиндра, чтобы вы могли слышать оригинальную запись, согласитесь, это было бы просто замечательно.

Мы с Джейн покачали головами.

– В этом не будет необходимости, – сказала Джейн. – Пусть ваш знакомый эксперт определит стоимость, и я продам ее как можно быстрее.

– Давайте я сначала поговорю с моим знакомым. Посмотрим, какими должны быть наши действия. А пока оставим ее здесь, в безопасности. – Пока Софи отвлеклась, возвращая куклу в кресло-

качалку, я показала Джейн большой палец, давая ей понять, что, по крайней мере, в этом вопросе я полностью с ней солидарна.

– Думаю, я увидела достаточно, – сказала Джейн, поворачиваясь к двери.

Я внимательно наблюдала за ней.

– Это важное решение, требующее длительных размышлений. Я хочу, чтобы вы подумали пару дней, а потом мы поговорим.

Джейн остановилась и посмотрела на меня.

– Я не люблю старые дома. Я осмотрела дом и не изменила своего мнения. Я готова прямо сейчас выставить его на продажу.

Я чувствовала, как взгляд Софи прожигает мне затылок.

– Я знаю и понимаю вашу точку зрения. Честное слово. Я просто хочу, чтобы вы подумали о Баттон Пинкни. По какой бы причине она ни завещала вам этот дом, я уверена, это решение далось ей нелегко. Вам нужно время, чтобы хорошенько подумать.

Узкие плечи Джейн поникли.

– Хорошо. Я подумаю. Но заявляю заранее: я не передумаю.

Мы направились к лестнице, и у меня вновь возникло ощущение, что меня преследуют, и другое, будто кто-то тянет меня назад. Я смотрела прямо перед собой, пытаюсь увидеть это, но все же осознавала: очевидно, какая-то стена ослабляла – если не полностью блокировала – мое шестое чувство.

На полпути вниз я снова услышала звук, нечто металлическое, но на этот раз он больше походил на слова. Ни Джейн, ни Софи, похоже, его не слышали, поэтому я зашагала дальше к двери, стремясь почти так же, как Джейн, поскорее закрыть за нами дверь.

Лишь когда я поворачивала в замке ключ, до меня дошло, что это заговорила кукла, и это был не детский стишок. Это были те два слова, к которым я, к сожалению, давно привыкла. *«Уходите прочь»*.

Глава 6

– Ты готова? – спросил Джек, открывая дверь в детскую, где я, сидя на полу, одевала близнецов, готовясь к встрече с Джейн.

– Почти. Если ты сможешь надеть на Джей-Джея ботиночки, я буду тебе благодарна. Я уже дважды надевала, а он их снимает.

Джек подошел к нам, наклонился, чтобы поцеловать меня и ущипнуть Сару за щечку, и наконец поднял на руки сына.

– Привет, здоровяк. – Джек нахмурился, глядя на миниатюрные мокасины. – Я не виню его за то, что он отказывается их носить. Как насчет потрясающих мягких высоких кед, которые я ему купил?

– Они не идут к его костюму, – возразила я, видя, как Джек открыл дверь шкафа, как будто не слышал моих слов.

– Ты помнишь, куда ты их поставила? – спросил он.

Я закусила губу. Сказать ему, что я не знаю? Но я – благодаря разработанной мною таблице – знала, где хранился каждый носок, каждый бантик для волос, каждый подгузник. Джек поймет, что я лгу. Я вздохнула.

– Они все еще в коробке, на верхней левой полке под мини-футболкой с логотипом группы Van Halen и выцветшими детскими джинсами.

– Что ж, неудивительно, что ты забываешь надеть их на него, ведь они убраны подальше с глаз. Я поставлю их впереди, чтобы ты их видела.

Я переключила свое внимание на два красных банта в волосах Сары. Было жутко несправедливо, что в год у нее более густые и красивые волосы, чем когда-либо были у меня, но я знала: это ДНК ее отца. Хотя дело шло к сорока, волосы Джека оставались такими же густыми и пышными, как и в подростковом возрасте. Похоже, я облысею прежде, чем он потеряет хотя бы одну прядь.

Сара сидела, выпрямившись, ее маленькие пухлые руки лежали на коленях, и она смотрела на меня своими огромными голубыми глазами. Одевать Сару было намного легче, чем Джей-Джея. Ей нравилось, когда я расчесывала ей волосы, надевала новую пару туфелек или платье. Джей-Джей считался одетым, если на нем был не

только подгузник, потому что одевать сына – это все равно что бороться с осьминогом. Неисправимый обаяшка, он, видя, что мои нервы на пределе, всегда старался обнять и поцеловать меня. Я тотчас забывала причину своего раздражения.

Джей-Джей радостно гулил, пока Джек застегивал липучки на его крошечных кедах, и даже дважды лягнул ножками, чтобы показать свое удовольствие.

– Видишь? Они ему нравятся, – просиял Джек, когда Джей-Джей завел свою любимую литанию *дадададада*. Другим его любимым словом было «сина», которое он произносил, тыча пальчиком в первую встречную машину. Он пока еще не сказал «мама», но я не теряла надежды. Тем временем Сара освоила и «мама», и «папа», и имена каждого члена семьи и всех трех собак. Единственное имя, которое ей никак не давалось, – это имя моей кузины Ребекки. Сара предпочитала молча тарашиться на нее или приветствовала ее громкой отрыжкой.

– Опять одинаковые наряды? – нахмурился Джек.

Закончив возиться с резинкой на банте, я встала с Сарой на руках, любуясь ее платьем со сборками и белым воротничком, который, я точно знала, останется чистым до самого вечера. Ее наряд идеально сочетался с симпатичным костюмчиком брата, вплоть до воротничка, который у Джей-Джея к концу дня будет безнадежно испачкан, а может, даже полностью оторван.

– Да, пока ты не переобул Джей-Джея. – Я на миг задумалась. – Может, мне надеть на Сару ее теннисный костюмчик, раз уж мы переходим к спортивной тематике?

Джек крепко схватил меня за локоть и вывел из комнаты.

– С ними все в порядке, Мелли. Они идеальны.

Остановившись в дверях, он наклонился, чтобы поцеловать меня, и я тотчас забыла, что мы с ним обсуждали. Звякнул дверной звонок, Джек поднял голову.

– Продолжим позже. А сейчас давайте вести себя как можно лучше, чтобы произвести на нее хорошее впечатление.

– Разве не она должна произвести на нас впечатление? – спросила я, когда мы спускались по лестнице.

– Мы уже прошли этот этап, Мелли, как ты думаешь? – В его голосе была нотка отчаяния. – По крайней мере, дверной звонок снова исправен, я считаю это хорошим знаком, – оптимистично заявил Джек.

К тому моменту, как мы подошли к фойе, миссис Хулихан с двумя щенками, кусавшими ее за пятки, уже открыла дверь и забирала у Джейн пальто. Джейн робко топталась в прихожей. Она показалась мне меньше ростом, чем раньше, а на ее лице читалась растерянность. На Джейн был бледно-голубой свитер и аккуратно отглаженные темно-синие брюки, ее единственная уступка моде – пара жемчужных сережек.

Я передала Сару Джеку – тот с легкостью держал по ребенку в каждой руке, – а сама протянула руки навстречу нашей гостье.

– Джейн, – сказала я, – надеюсь, вы легко нас нашли?

Она взяла мои руки и, кивнув, изумленно огляделась по сторонам.

– Да, спасибо. Я даже не представляла... Я имею в виду, вы сказали, что унаследовали этот дом. Мне и в голову не могло прийти, что он такой...

– Старый? – закончила я вместо нее. Она смущенно улыбнулась мне.

– Да. Что-то вроде того.

Миссис Хулихан взяла щенков и удалилась на кухню, а Генерал Ли совершил свой торжественный выход, степенно прошествовав из гостиной. Я с удивлением увидела, как он уселся у ног Джейн и лизнул верх ее туфель, чего никогда не делал с незнакомцами.

– Входите, – сказала я, потянув ее вперед. – Как видите, у нас сегодня аншлаг.

Стоило ей увидеть детей, как манера ее поведения тотчас изменилась: нервной неловкости как не бывало, ее сменило нечто очень похожее на неподдельную радость.

– О, это должно быть Джей-Джей и Сара.

Я еще не успела представить Джейн Джеку и близнецам, как Джей-Джей расплылся в улыбке и протянул ей ручки. Он никогда не стеснялся незнакомцев, особенно женщин, но это был первый случай, когда он предпочел кого-то отцу.

Джек, похоже, опешил не меньше меня и тут же передал Джей-Джею из рук в руки. Сара, никогда не любившая оставаться в сторонке, тоже потянулась к Джейн и вскоре уже довольно восседала в другой ее руке.

– Кажется, вы им нравитесь, – сказала я. – Проходите в гостиную, там можно присесть. Их вес как будто удваивается каждые пять минут.

Джейн села на указанный мною диван и, усадив детей себе на колени, начала их слегка покачивать, не настолько быстро, чтобы их пухлые щечки задрожали, но достаточно, чтобы развеселить. Не обращая на меня внимания, Генерал Ли устроился у ног Джейн.

– Это мой муж, Джек Тренхольм, – сказала я, когда мы все устроились. Я почти ожидала, что Джек тоже бросит меня и найдет свободный угол дивана рядом с Джейн.

– Приятно наконец познакомиться с вами, – сказала Джейн. Ее прежняя нервозность сменилась уверенностью, что вселило в меня надежду.

– Я тоже рад познакомиться. – Лоб Джека собрался складками. – Ваше лицо мне смутно знакомо. Мы раньше не встречались?

Джейн терпеливо улыбнулась.

– Нет. Просто у меня такое лицо. Я слышу это постоянно.

Джек кивнул, но я могла точно сказать, что его терзают сомнения.

– Пожалуй. Итак... – Он положил руки на колени – поза, которая у него означала серьезность. – Вы – дипломированная няня, ищете работу.

– Да. Я новичок в Чарльстоне и хотела бы и дальше работать няней. Это то, что мне действительно нравится и что у меня хорошо получается. Мне всегда нравилось общество детей, причем любых возрастов.

– И у вас большой опыт, поскольку вы росли в приемных семьях.

Я бросила на Джека коллючий взгляд, искренне недоумевая, зачем ему затрагивать тему ее детства. Мы уже обсудили вопросы, которые собирались задать, а также темы, которые было необходимо обсудить. Детство Джейн не входило в их число.

– Верно. Я предпочла найти способ быть счастливой в очень несчастливых обстоятельствах. Помимо заботы о физических потребностях моих подопечных, я стараюсь привить им эту философию. Что всегда есть способ не обращать внимания на плохое, чтобы увидеть хорошее.

– Это весьма оптимистично с вашей стороны.

Ее щеки вспыхнули, и я впервые заметила, какая она хорошенькая.

Джек кивнул.

– У вас есть несколько в высшей степени похвальных отзывов от предыдущих работодателей. Я впечатлен. Но у нас осталось несколько вопросов, на которые вы еще не ответили. – Он прочистил горло, и у меня сложилось стойкое впечатление, что он намеренно избегает моего взгляда. – Как вы относитесь к спискам и графикам в плане воспитания детей?

Я выпрямилась. Я не предвидела этого вопроса.

– Они очень эффективны, – ответила Джейн.

Я самодовольно улыбнулась.

– Когда они имеют смысл, – продолжила Джейн. – Если наступило время сна, но дети увлечены книгой, головоломкой или изучают бабочек в саду – что угодно, что захватывает их маленькие умы, – имеет смысл скорректировать расписание. Они скорее успокоятся и будут лучше спать, если позволить им поиграть чуть дольше.

– Но... – начала я. – А как насчет одежды? Как, по-вашему, следует одевать маленьких детей?

Джейн тепло улыбнулась малышам, сидевшим у нее на коленях.

– Сара и Джей-Джей – просто прелесть, особенно мне нравятся высокие кеды Джей-Джея. Их сегодняшние наряды, безусловно, подойдут и для вечеринки, и для церкви, и для любого особого случая. Конечно, я буду уважать вкусы родителей, но моя философия заключается в том, что одежда должна быть удобной и эластичной, чтобы ее было легко надевать и снимать. И, конечно, чтобы она легко стиралась.

– Но... – снова начала я.

– Когда вы сможете приступить? – перебил меня Джек. – Мы согласны платить вам на пятнадцать процентов больше, чем ваш последний работодатель, и это будет включать проживание и питание до тех пор, пока не будет принято решение о вашем постоянном жилье. Мы также предложим вам щедрый график отпусков и большинство праздников и выходных, если только вы сами не сочтете нужным работать в эти дни.

Я резко встала, чем напугала пса и обоих младенцев. От удивления все трое посмотрели на меня одинаково вытаращенными глазами.

– Вообще-то, у нас есть еще несколько вопросов, не так ли, Джек? И прежде чем принимать окончательное решение, мы должны

обсудить...

Джек тоже встал и нежно взял меня за руку.

– Мы покинем вас на минутку?

Джек вытащил меня в прихожую и положил обе руки мне на плечи.

– У нас сидит форменная Мэри Поппинс, и я боюсь, что, если мы дадим ей покинуть этот дом без предложения о работе, от которой она не сможет отказаться, кто-то другой оторвет ее с руками и ногами. Она идеальна – у нее есть диплом, отличные рекомендации, она тебе нравится, она даже мне нравится. Черт возьми, она уже нравится детям, а Генерала Ли ты видела? Он когда-нибудь вел себя так с незнакомцами? Я доверяю его суждениям о людях больше, чем своим собственным.

– Ему нравится Ребекка, – сказала я.

– Да, потому что она – родственница. Он исполняет долг.

– Джек, это наши дети. Может, нам стоит рассмотреть и другие кандидатуры?

– В принципе, да, но мы оба знаем, что никогда не найдем такого хорошего кандидата, как Джейн. И что-то подсказывает мне, она выдержит больше месяца.

– А как насчет ее комментариев по поводу расписания и одежды? Не думаю...

Он приложил палец к моим губам, заставив меня умолкнуть.

– Она кажется серьезной, рассудительной и очень любезной. Я уверен, мы можем пойти на компромисс. Ну, пожалуйста, Мелли. Давай наведем в этом доме порядок. Потому что, если я не внесу правку до начала следующего столетия, другой книги может не выйти.

Я украдкой глянула в сторону гостиной.

– Ты уверен?

– Почти так же уверен, как и тогда, когда решил, что люблю тебя. – Он бессовестным образом эксплуатировал свои голубые глаза, но мне это льстило, и я не стала возражать.

– В самом деле?

– В самом деле, – сказал он, скрепляя сделку нежным поцелуем в губы.

– Тогда все в порядке. Пойдем нанимать няню.

Мы зашагали обратно, но тут телефон Джека завибрировал.

– Я должен ответить – это мой агент. Я ненадолго.

– Хорошие новости? – спросила я. С тех пор как муж Ребекки, Марк Лонго, украл у Джека идею книги – историю об исчезновении и убийстве, произошедших в 1920-х годах в моем доме, – и превратил ее в нашумевший бестселлер, в результате чего издатель отказался от Джека, я остерегалась задавать щекотливые вопросы.

– Понятия не имею. Я дам тебе знать.

Я кивнула и вернулась в гостиную. Джей-Джей крепко спал на плече у Джейн, тихонько сопя и пуская слюни на ее синий свитер, а сама Джейн, Сара и Генерал Ли уставились в угол комнаты. Я повернула голову, чтобы посмотреть, что там такое – лишь бы не очередной жук пальметто, затаившийся, чтобы подстеречь меня и Нолу.

Воздух переливался, словно рыба чешуя под поверхностью воды, волнообразно сверкая. Я задержала дыхание, наблюдая, как этот дрожащий блеск постепенно тускнеет, как будто его никогда там не было. Я бы подумала, что это плод моего воображения, если бы не стойкий аромат роз.

Я снова повернулась к Джейн. Та потянулась, чтобы почесать Генерала Ли за ушами, чего он никогда не позволял делать посторонним.

– Наверное, в углу сидит жук. Я не разглядела, что это, но я без очков. Я брезгливо отношусь к жукам, иначе я бы подошла поближе, чтобы рассмотреть.

Джейн поморщилась.

Мой взгляд упал на Сару. Моя дочь теперь смотрела в угол хмуро, как будто кто-то только что отобрал у нее любимую игрушку.

– Я велю Джеку отдернуть шторы. У нас стоит уничтожитель насекомых, но иногда жуки все равно попадают внутрь, даже в январе.

Сара потянулась ко мне, и я взяла ее на руки. Уткнувшись носом в ее мягкие волосики, я прижала ее к себе, безуспешно пытаюсь придумать любую другую причину для ее интереса к дальнему углу комнаты, нежели та, которой я боялась.

– Извини, что я просто вошла, но дверной звонок снова не работает, и никто не слышал, как я стучала.

Я подняла глаза и увидела мать. Та выглядела такой же красивой и элегантной, как и всегда. Она уже сняла пальто, но осталась в перчатках.

– Привет, мам, – сказала я, подходя, чтобы поцеловать ее в щеку. Узнав женщину, которая безгранично баловала ее, Сара сразу же потянулась к бабушке, просясь к ней на руки.

– Познакомься с нашей новой няней, – сказала я, подводя мать к Джейн, которая пыталась встать, не разбудив при этом спящего ребенка. – Если, конечно, допустить, что она согласилась принять наше предложение.

Джейн улыбнулась.

– Конечно, согласилась. Вы более чем щедры. А ваши дети просто души. – Ее взгляд скользнул мне за спину, и ее улыбка дрогнула.

– Это моя мать, Джинетт Миддлтон, – пояснила я. – Мама, это – Джейн Смит, наша новая няня.

Джейн протянула руку. Джинетт на мгновение замешкалась, но затем взяла ее руку пальцами в перчатке.

– Приятно познакомиться. Прошу прощения за перчатки, но у меня нарушено кровообращение, из-за этого у меня вечно ледяные руки. Я редко снимаю перчатки, даже летом.

– Вам не нужно извиняться. И мне очень приятно познакомиться с вами.

Моя мать все еще улыбалась, но как будто через силу. Джейн, должно быть, тоже это заметила, потому что сказала:

– Просто у меня такое лицо. Людям всегда кажется, будто они видели меня раньше. Но я не думаю, что мы с вами где-то встречались.

Джинетт заметно расслабилась.

– Да, наверно, это так. Вы из Чарльстона?

– Из Бирмингема. Я здесь впервые.

Джинетт перешла в гостиную и села на мое место. Внимание Сары мгновенно привлекли ее бусы из черного оникса. Это был подарок на день рождения от моего отца, с потрясающей золотой застежкой в виде корзинки цветов. Маленькие пальчики Сары обвились вокруг нитей, лицо просияло восторженной улыбкой, как будто радость от подарка перешла к ней.

– Мелани сказала мне, что вы унаследовали дом Баттон Пинкни.

Джей-Джей начал извиваться, и я забрала его у Джейн. Она снова села на диван, а я осталась стоять, мягко покачиваясь. Я старалась не смотреть на напольные часы, потому что, увы, до дневного сна было еще очень далеко.

– Да. И она наверняка сказала вам, что я понятия не имею почему. Если только не с целью наказать меня за нечто такое, о чем я даже не подозреваю. – Джейн вымучила смешок. – Дом в очень плохом состоянии. Сомневаюсь, что у меня есть силы или интерес к его восстановлению. Я готова продать его как есть, даже себе в убыток.

– Потому что вы не любите старые дома.

Джейн быстро взглянула на нее.

– Верно. Не люблю.

Джинетт пристально посмотрела на нее, и Джейн отвернулась.

– Думаю, мне пора. – Она встала. – Когда мне приступить?

– Через два дня вас устроит? Это даст вам время выписаться из отеля и поселиться здесь. Я попрошу миссис Хулихан подготовить для вас комнату. Не хотите взглянуть на нее?

Еще не выслушав меня до конца, она покачала головой.

– Увижу, когда перееду. У меня с собой только чемодан, еще часть вещей хранится на складе. Я попрошу выслать их мне, как только выясню, где буду жить постоянно.

– Нам нужно поторопиться, – мягко сказала я. – Софи спит и видит, когда возьмется за ваш дом. Она уже начала обзванивать людей, которые реставрировали виллу «Маргарита» на этой же улице.

– Я могла бы дать вам ответ прямо сейчас, но боюсь, что это будет не тот ответ, который вы хотите услышать.

– Я просто хочу, чтобы мои клиенты оставались довольны своим решением. Что касается разочарования Софи, то я как-нибудь переживу. – Я попыталась выкинуть из головы листовку с моим изображением в тюрбане.

Мать встала и подошла к нам, Сара все еще пожирала глазами ее бусы.

– Джейн, мы только что познакомились, поэтому я вас не знаю. Но я очень хорошо знала Баттон. Я знаю, что она любила этот дом. Что ей нравилось касаться тех же перил, ходить по тем же этажам, что и ее предки со времен Революции. – Мать положила руку Джейн на

плечо. – Для нее это было нечто большее, чем просто дом. Он стал тем ребенком, которого у нее никогда не было, единственным членом ее семьи, который выжил. Она бы никогда не завещала его вам без серьезных размышлений или причин. Я просто хочу, чтобы прежде, чем принять окончательное решение, вы все тщательно взвесили. Как знать, может, время, потраченное на восстановление дома, поможет вам понять почему.

Джейн глубоко вздохнула.

– Может, я просто не хочу это знать.

– Что вы имеете в виду? – спросила я. Она пожалала плечами.

– Просто копаться в причинах было бы неблагодарно. А еще...

Я вопросительно приподняла брови.

– Иногда вы находите ответ, который вам лучше не знать. – Джейн умолкла, глядя, как Сара зачарованно рассматривает ожерелье моей матери. – Но я ценю вашу проникательность, миссис Миддлтон, и обещаю уделить этому пристальное внимание. – И, повернувшись ко мне, добавила: – Я приду на работу послезавтра. Пожалуйста, попрощайтесь от меня с вашим мужем.

– Непременно. И он весьма заинтригован вашей историей. Как я уже сказала, он большой мастер по части расследований.

– Да, спасибо. – Она попрощалась с моей матерью и детьми и вышла в вестибюль, чтобы надеть пальто. Я последовала за Джейн до двери, где подождала, пока она застегнет свой темно-синий шерстяной бушлат.

Я открыла входную дверь, и Джейн остановилась.

– Есть кое-что еще, – сказала она.

– Да?

– Мне нужен ночник в коридоре. Один у меня в спальне есть, а другой нужен сразу за дверью.

– Хорошо, – сказала я. – Это не проблема.

– Отлично. И еще раз спасибо.

Она попрощалась, шагнула на веранду и вышла через садовую калитку. Я смотрела ей вслед, слушая, как ее шаги смолкают на тротуаре, и пытаюсь перебрать все причины, почему взрослая женщина до сих пор боится темноты.

Глава 7

Как это всегда бывает в Чарльстоне, холодные зимние дни часто сменялись более приятной погодой, и тогда мы сбрасывали тяжелые пальто, заменяя их свитерами. Как будто мать-природа дразнила нас, заставляя лихорадочно мечтать о скором приближении весны. А весна приходит в Чарльстон как будто из сказки – каждый сад, каждый оконный ящик и кашпо пестрели ароматными цветами всех форм, размеров и оттенков. Улицы, которые в остальные три времени года были просто живописными, весной превращались в произведения искусства, если, конечно, вы любите ряды старых домов и вам не видны тени, скрытые за их окнами. Но даже я была готова простить толпы туристов, что стекались в наш город полюбоваться им в его весенней красе.

Ожидая прибытия Джейн, я сидела в саду за домом, качая Джей-Джея и Сару на маленьких качелях, которые Рич Кобилт смастерил специально для них – с ремнями безопасности – и сам повесил их на невысокой ветке старого дуба, который в 1848 году, когда был построен дом, наверняка был тощим саженцем. Джека совершенно не напрягало то, что наш подрядчик-сантехник-разнорабочий теперь практически считается членом семьи и что он мастерит качели для наших детей. Что он наливает себе кофе в нашей кухне и обучает наших щенков разным трюкам. Порги и Бесс умели перекачываться, подавать лапу и притворяться мертвыми. Меня мучил вопрос, включалось ли потраченное на это время в оплачиваемые часы, но Джек не разрешил мне уточнить это.

Напевая песню «Фернандо», я вспоминала свой сороковой день рождения, устроенный в этом самом саду. А заодно гадала, кажется это мне или мои дети и вправду вздрагивают, когда я пытаюсь взять верхние ноты. Тот, кто сказал, что малыши прощают наши недостатки, явно никогда не имел дела с детьми.

Меган Блэк, аспирантка Софи, приходила каждый день копать яму, которая появилась в моем саду. Иногда Меган приводила других студентов, но сегодня она была одна. Она разостлала на траве простыню, на которую клала все находки из ямы, сваливая их рядом с

термокружкой с цветочным рисунком от Лили Пулитцер, из которой свешивалась бирка чайного пакетика. Кружка стояла возле пакета с логотипом пекарни «Глазированные пончики на Кинг-стрит». Мне стоило немалых усилий не смотреть на него, потому что при виде него у меня текли слюнки. Сегодня Меган снова надела жемчуг и кардиган «Джеки О» персикового цвета, но, в знак уважения к раскопкам, которые она проводила, к ним прилагались джинсы и ботинки «Хантер». Софи сомневалась в практичности выбора одежды своей аспирантки. Что до меня, то стиль этой девушки мне импонировал.

Я с тревогой уставилась на яму. Там явно таилось нечто, что еще не раскопали. Но вскоре раскопают. Я это чувствовала нутром. И никак не могла этому воспрепятствовать. Это было похоже на небо перед грозой: вы понимаете, что гроза будет страшной, но точно не знаете, в какой момент вам понадобится убежище.

Из кухни доносился лай трех собак – их не пускали в сад за домом до тех пор, пока яма не будет засыпана. За лаем последовал стук автомобильной дверцы. Я посмотрела на часы и увидела, что моей напарнице по забираанию детей из школы пора высадить Нолу. Обернувшись на девчачье хихиканье, я увидела Нолу, ее подружку, Олстон Равенель, и девушку, которую я раньше не видела. Все трое вышли из-за угла дома. Все трое в форме школы Эшли Холл, у каждой рюкзак с книгами, и каждая – воплощение цветущей юности и крепкого здоровья. Их улыбающиеся, с чистой кожей лица были полной противоположностью моим неуклюжим подростковым годам. Но в отсутствии родителей в тот период моей жизни был один положительный момент: никаких фотографических свидетельств моего отрочества, которые преследовали бы меня во взрослой жизни, не осталось.

Я помахала девочкам, глядя, как Сара улыбается и гулит своей старшей сестре. А вот Джей-Джей извивался и тянулся к Олстон, своей первой влюбленности. Он явно питал склонность к блондинкам. Сидя в коляске, мой сын тянулся к хорошеньким незнакомкам, разжимая и сжимая пальчики, требуя, чтобы те взяли его на ручки. Я пыталась втолковать ему, что это мило, пока он младенец, но, вероятно, будет не так мило, когда он вырастет. Похоже, ему было все равно.

– Привет, девчонки. – Я встала. – Как прошел день в школе?

Нола наклонилась, чтобы поцеловать каждого ребенка в щечку, после чего взялась раскачивать качели.

– Все было здорово, пока не закончились уроки. Теперь у Эшли Мартин есть права, поэтому родители купили ей кабриолет «Мерседес». Она опустила крышу и устроила настоящее шоу, заблокировав выезд с парковки. Мама Олстон была вне себя. Мы сказали, что ее внедорожник больше и должен просто переехать Эшли и ее дурацкую тачку.

– Должно быть, трудно быть пятнадцатилетней, – сказала я с улыбкой. Хотя, наверно, не так трудно, как быть отцом пятнадцатилетней дочери. Думаю, будет интересно, когда Нола начнет водить машину. И бегать на свидания. Может, мне стоит заранее запланировать встречи с семейным психологом, чтобы, при необходимости, без проволочек получить консультацию?

– А это Линдси Фаррелл. Она живет на Куин-стрит в желтом викторианском особняке.

Линдси пожала мне руку и посмотрела в глаза.

– Приятно познакомиться, миссис Тренхольм. Мама говорит, что вы, наверно, ее не помните, но она училась с вами в Университете Южной Калифорнии. Кажется, вы были на одном курсе по истории искусств.

– А ее девичья фамилия?

– Вероника Холл. На старшем курсе вы вместе работали над проектом по ранним американским художникам.

Я на миг задумалась, лишь смутно вспомнив имя и этот проект.

– Я ее не помню, но я храню наши ежегодники, так что найду ее на фотографиях. В любом случае передавай ей от меня привет.

– Обязательно. – Линдси улыбнулась, и я отметила, насколько она красива. У нее было почти эльфийское личико, окруженное облаком черных волос, и темно-карие глаза, казавшиеся черными. Но именно улыбка превращала ее лицо из просто красивого в прекрасное. Что, однако, не помогло скрыть ауру печали, которой, казалось, был пропитан воздух вокруг нее. Я отвернулась, не желая видеть то, к чему не была готова.

– Привет, Меган! – крикнула Нола.

Меган подняла глаза и помахала в ответ. Нола была под впечатлением от страсти Меган к избранной стезе и даже ни разу не

зевнула во время пространного объяснения истории цистерн, как их конструкции, так и использования. Я видела, как Нола в полной тишине сидела на краю ямы, наблюдая за работой Меган, а затем долго и внимательно разглядывала каждый крошечный артефакт, выложенный на простыню. Лично я не понимала этого восхищения, это же все равно что наблюдать за ростом травы, но пока интерес Нола не замедлял хода раскопок, я оставила их в покое.

– Миссис Хулихан испекла пирожные, – сказала я. – Для тебя – без муки, а для всех остальных – обычные. Они на плите, если ты и твои подружки захотите перекусить.

– Может, мне стоит попробовать тот, что без муки? – сказала Олстон, покачиваясь вместе с довольным Джей-Джеем, чьи пухлые пальчики сжимали пряди ее длинных светлых волос.

– Не советую, если только ты не хочешь наказать себя, – заметила я.

Олстон хихикнула, затем осторожно вернула Джей-Джея на его качели. От разочарования он зафыркал, но Нола толкнула его качели, и он вернулся в прежнее довольное расположение духа.

– У нас завтра контрольная по алгебре, поэтому мы принесем еду в мою комнату, чтобы лишний раз не отвлекаться. Постарайся нас не беспокоить, ладно?

– Хорошо, – сказала я. – Скоро приедет новая няня. У тебя будет пара минут, чтобы поздороваться?

– Конечно. Просто напиши мне, и я спущусь.

Девочки попрощались и ушли прежде, чем я успела спросить, можно ли мне просто постучать в дверь спальни? Зато, когда Линдси повернулась, чтобы последовать за своими подружками в дом, я заметила, что из ее рюкзака торчит что-то длинное и прямоугольное, вроде узкой коробки. Похоже на настольную игру, но коробка была повернута ко мне дном, и я не разглядела, что это такое. Нола не увлекалась настольными играми, и я была уверена, что она, как и большинство ее ровесников, предпочитала проводить время, зависая в социальных сетях. Я подумала, что это даже хорошо, что она и ее подружки решили позабавиться в стиле ретро.

Джей-Джей заверещал и забрыкался, сжимая и разжимая крошечные пальчики – Джек называл это имитацией краба. Я обернулась и увидела Джейн. Она выходила из бокового сада.

– Привет, – сказала она. – Я так и подумала, что вы будете здесь с детьми, чтобы насладиться такой великолепной погодой.

– Угадали, – сказала я.

Джейн с широкой улыбкой подошла к детям, похоже, она была искренне рада их видеть. Но затем ее взгляд остановился на яме позади нас, и Джейн вздрогнула.

– Что это такое?

– Вам не о чем беспокоиться – просто держите собак и детей подальше. Это старая цистерна. Она многие годы пролежала в земле, но из-за дождя земля просела. Софи присылает сюда своих студентов, чтобы провести раскопки и посмотреть, есть ли в ней что-нибудь исторически ценное, прежде чем я скажу рабочему, чтобы он снова ее закопал.

– Понятно, – сказала Джейн, наморщив лоб. – Что там можно найти? – Она определенно выглядела обеспокоенной. Интересно, читала ли она обо мне, о доме и его способности прятать захороненные тела?

– Просто хлам. Наш строитель говорит, что земля по периметру цистерны устойчива, но, если пребывание здесь доставляет вам дискомфорт, мы можем зайти внутрь. Хочу провести для вас экскурсию и показать вашу комнату, детскую и детские таблицы. Я купила для вас небольшой MacBook, чтобы нам было легче следить за их развитием. Мы можем обмениваться обновленными таблицами, чтобы отслеживать их одежду, потребляемый объем пищи, словарный запас, смену подгузников и их содержимое. Я также установила календарь Google с планами для их общего развития, включая дни рождения, поездки на пляж и посещение музеев.

Она ничего не сказала, но, похоже, ждала, что я скажу ей, что это шутка. Это выражение было мне хорошо знакомо: я не раз видела его на лицах членов моей семьи и друзей, не имевших ни малейшего понятия о том, как организовать собственную жизнь или жизнь маленьких детей.

Зазвонил мой телефон. Увидев номер Сьюзи Дорф, я подавила вздох и нажала красную кнопку. Но прежде чем я смогла вспомнить, о чем мы говорили, мне пришло текстовое сообщение. Стараясь не щуриться, я посмотрела на него, чтобы прочесть. Кстати, я сделала

шрифт на телефоне настолько крупным, насколько это было возможно. Нола даже предположила, что мои тексты можно читать из космоса.

«Вы слышали о новом фильме, который снимают в Чарльстоне? У меня есть информация, которая, возможно, будет вам интересна. Кроме того, вы задолжали мне интервью».

Я начала печатать ответ: «С какой стати я вам что-то задолжала?» Но после трех неудачных попыток напечатать первое слово с заглавной буквы сдалась. Я ей ничего не должна, тем более ответ на ее нелепую эсэмэску. В прошлом году она напечатала содержание анонимного письма, присланного в газету, о зарытых в моем саду телах. Единственное, что я действительно ей задолжала, – это желание, чтобы она стала одним из них.

– Да, – сказала Джейн. – Пойдемте внутрь. Я оставила свои вещи на крыльце и принесу их, как только узнаю, куда их поставить.

Я сняла Сару с качелей, а Джейн взяла на руки Джей-Джея.

– Джек принесет ваши сумки, когда вернется домой. Их много?

Она покачала головой.

– Нет, лишь обычный чемодан. Я путешествую налегке. Что поделаешь, старая привычка.

В ее голосе не было даже нотки жалости к самой себе, однако я вновь представила себе ребенка, оставленного на пороге церкви. Я была готова предложить ей перекрасить комнату в ее любимые цвета и обставить всем, что ей нравилось. Что было действительно глупо, поскольку я совсем не знала Джейн и тем более ее любимые цвета. Пусть я постоянно переезжала с места на место со своим отцом-военным, но у меня всегда была собственная комната, в которой я могла повесить столько плакатов «АББА», сколько захочу. Мне было жаль Джейн, жаль ее далеко не идеальное детство, беды которого ей удалось-таки преодолеть. Наверно, потому, что я стала матерью, я ощущала потребность быть матерью для всех, кто нуждался в заботе.

Держа по ребенку, мы с Джейн направились к черному ходу. Шагая, я решила составить электронную таблицу, чтобы отслеживать все, что мы можем сделать, чтобы Джейн чувствовала себя как дома, а затем еще подумала, что надо выйти в Интернет и посмотреть, смогу

ли найти какие-нибудь плакаты «АББА», если она вдруг захочет повесить их у себя на стенах.

Мы медленно шли через дом, чтобы она могла с ним познакомиться, и на мгновение остановились перед камином в гостиной на первом этаже.

– Вы еще не думали о том, как сделать эту комнату безопасной для детей? – спросила Джейн.

– Я купила все угловые протекторы и замки для шкафов, но еще не успела их установить. Сара очень послушна и не сделает ничего из того, что вы просили ее не делать. А Джей-Джей предпочитает сидеть и ждать, пока кто-нибудь отнесет его туда, куда ему хочется, желательно отец, а если Джека нет, то женщина. В секции их шкафа на втором этаже у меня есть все необходимые приспособления для обеспечения безопасности, и все они снабжены ярлыками, чтобы сразу увидеть, что у нас есть.

– Снабжены ярлыками?

– Да. И я купила вам отдельный этикеточный пистолет на случай, если я что-то пропустила. Кстати, я еще не промаркировала внутреннюю часть ящиков их комода, так что пусть это будет вашим первым заданием. Вы можете это сделать во время их дневного сна. Джей-Джей может спать даже во время урагана, а Сара так весело болтает в своей кроватке, что даже не заметит шума.

Прежде чем улыбнуться, Джейн несколько раз моргнула.

– Конечно.

Мы собирались пойти дальше, но она остановилась перед напольными часами.

– Они сломаны?

Маятник раскачивался взад и вперед, знакомое тиканье эхом отражалось от стен комнаты, но стрелки застыли на десяти минутах пятого. Я посмотрела на свои наручные часы, просто чтобы убедиться, что я не утратила счет времени, чего со мной никогда не случалось, пока я не встретила Джека. Я пристально посмотрела на циферблат. И что-то при взгляде на него встряхнуло мою память. Я нахмурилась.

– Странно. Они всегда шли точно. Думаю, мне придется вызвать мастера.

Я показала Джейн кухню. В предвкушении, что его сейчас будут кормить, Джей-Джей захлопал в ладоши.

– Ему нравится еда, – пояснила я. – Он будет есть что угодно и когда угодно, но предпочитает, чтобы его кормил кто-то другой. Сара ест хорошо, но более избирательна и предпочитает есть сама.

Джейн кивнула.

– Важно сохранять их индивидуальность. Чтобы они ощущали себя отдельными личностями.

Я вывела ее из кухни к лестнице.

– Они так похожи друг на друга, что меня просто поражает, насколько это разные личности.

– Наверно, потому, что у них такие разные родители. Вы очень похожи с мужем?

– Вовсе нет, – сказала я и услышала позади нас голос Джека:

– Мы практически идентичны.

Мы обернулись и увидели, как он выходит из музыкальной комнаты, которая стала его писательским кабинетом. Его мать помогла мне найти красивый письменный стол из красного дерева начала прошлого века. Джек поставил его перед окном, выходящим на боковой сад.

Я послала мужу укоризненный взгляд, тотчас забытый, когда Джек наклонился, чтобы поцеловать меня. Он кивнул Джейн и взял Сару, которая потянулась к нему. Я привыкла к тому, что женщины оборачиваются, когда мимо них проходит Джек, но мне казалось, что та, которую я родила, по крайней мере, сделает своей любимицей меня.

Я посмотрела на Джей-Джея. Уткнувшись носом в шею Джейн, тот, похоже, был вполне счастлив.

– Ты закончил на сегодня? – со вздохом спросила я. – Я показывала Джейн дом и хотела познакомить ее с Нолой.

Улыбка Джека еле заметно дрогнула.

– Это был не самый продуктивный день, но, наверно, моя муза просто велит мне сделать передышку.

После телефонного разговора с литературным агентом Джек был задумчив и погружен в себя. Хотя его нынешний проект произвел в издательстве небольшой фурор, новость о том, что книга Марка Лонго «Похоть, жадность и убийство в Священном городе» удостоилась повышенного внимания в прессе, повергла Джека в раздражение и уныние. Тот факт, что идея книги вращалась вокруг нашего дома,

послужила толчком к нашему знакомству и была темой его собственной книги, которая так и не вышла из-за подлой уловки Марка Лонго (чтобы собрать инсайдерскую информацию, этот подлец притворялся, будто ухаживает за мной), отнюдь не способствовал хорошему настроению Джека. Но было кое-что еще. То, что всплыло во время этого телефонного разговора, которым он еще не поделился со мной.

Я пыталась преодолеть свою привычку избегать плохих новостей и любых конфликтов, предпочитая думать, что они похожи на призраков, и если попытаться их подольше игнорировать, то они исчезнут. Но, как и в случае с беременностью, я поняла: это не так. Тем не менее я внушила себе, что, если я должна что-то знать, Джек обязательно мне скажет.

Он повернулся к Джейн с улыбкой, которую я называю улыбкой автора на задней обложке, и ее щеки зарделись. Я решила как-нибудь попросить Джека уменьшить чары на одно деление – так, как он поступал с любой из подружек Нолы, которые приходили к нам. Я еще не предлагала ему отрастить живот или облысеть.

– Я провел небольшое исследование о вашем новом доме на Саут-Бэттери. Он считается одним из сокровищ Чарльстона, причем как с точки зрения архитектуры, так и с точки зрения истории. А еще я немного покопался в жизни Баттон Пинкни. Это была невероятная женщина – щедрый филантроп и преданная защитница животных и детей. Она якобы часто говаривала, что этот дом похож на ребенка, которого у нее никогда не было. Высказывались самые невероятные предположения относительно того, что станет с домом после ее смерти.

– И она оставила его мне. – Джейн покачивалась, держа Джей-Джея на руках и убаюкивая его, и глаза малыша медленно слипались.

– Да. Совершенно незнакомому человеку. Я как писатель заинтригован. За этим определенно кроется какая-то история. Может, ее даже хватит на целую книгу. Баттон Пинкни была образованной, умной и культурной женщиной. Наверняка у нее имелась причина выбрать именно вас. Я бы не хотел, чтобы дом был продан, пока мы не узнаем, почему именно вы стали наследницей.

– Джек, – сказала я, – сейчас не время это обсуждать. Я сейчас показываю Джейн дом. Разговор о доме Пинкни назначен на завтра, на

восемь пятьдесят пять. Я уверена, что записала это в твой календарь.

И Джек, и Джейн не мигая уставились на меня. Затем Джек снова повернулся к Джейн.

– Да, конечно, мы можем подождать до без пяти девять завтрашнего утра. Я просто хотел убедиться, что у Джейн, прежде чем она примет решение, есть вся информация. И сообщить ей, что она может жить у нас столько, сколько сочтет нужным, или, по крайней мере, до тех пор, пока ее дом не будет полностью отремонтирован, и она сможет увидеть его во всем великолепии. Вдруг она решит, что любит его, когда он не будет казаться таким старым.

Губы Джейн растянулись в легкой улыбке.

– Это тоже старый дом, но атмосфера в нем – за исключением заднего двора – по-настоящему дружеская. Как будто это настоящее семейное гнездо с большим количеством тепла.

– Это потому, что мы уже изгнали всех его призраков.

Джек сказал это с веселым смешком, но Джейн бросила на него пристальный взгляд.

– Призраков?

– Не волнуйтесь, – сказала я, ведя ее к лестнице. – Самые вредные уже ушли. Те, что остались, дружелюбны. – Я сказала это в шутку для Джека, но Джейн продолжала хмуриться.

Мы были на полпути вверх, когда из комнаты Нолы донесся крик. Хотя Джек держал на руках ребенка, он взбежал по лестнице и распахнул дверь спальни.

– У вас все в порядке?

Мы с Джейн подошли к нему и заглянули в комнату. Три девочки сидели на высокой кровати Нолы с балдахинном, а между ними лежала доска для спиритических сеансов. Они повернулись к нам, одна бледнее другой.

– Он двигался сам по себе, – сказала Вероника.

По периметру комнаты возникло новое присутствие, нечто темное и тревожное, вроде легкой ряби на поверхности воды, сигнализирующей о приближении чего-то огромного. И невидимого. Как и раньше, я не могла его видеть, не могла заговорить с ним или прикоснуться к нему. Как будто между мной и миром духов опустился занавес, заблокировав мне вход. Если раньше меня напрягал тот факт, что я могу общаться с духами, то теперь меня злило то, что я утратила

эту способность. Как будто что-то глушило волны моего мозга, и это пугало меня больше всего на свете.

Джейн наклонилась, чтобы поднять фигуру в форме треугольника, но тут же уронила ее, как будто обожглась.

– Вы не должны играть с этим, – сказала Джейн негромко, но очень серьезно. – Это не игрушка.

Мы все удивленно посмотрели на нее. Чувствуя на себе наши взгляды, она попыталась улыбнуться, но безуспешно.

– Это сказала мне мать семьи, в которой я работала. Она сказала, что это не детская игра. – Ее взгляд скользнул в угол комнаты. – По ее словам, иногда это может привлечь нежелательных... гостей, и неизвестно, хорошие они или плохие.

– Они ненастоящие, – сказала Олстон. – Все эти привидения ненастоящие. Наверно, Нола сбросила его с доски, чтобы напугать нас.

Она с надеждой посмотрела на Нолу.

– Каюсь, – сказала Нола, искоса взглянув на меня и давая понять, что она лжет. По моей шее пробежал озноб. Наш дом был полон духов. Как и большинство старых домов. Они присутствовали в каждой скрипнувшей половице, в тиканье старинных часов. Но мы научились жить с ними в гармонии, зная, что, когда они будут готовы двигаться дальше, они дадут мне знать. Но, даже не видя этого нового призрака, я знала: он не хочет никуда уходить.

– Закрой, пожалуйста, Нола. Джейн права – это не игра. – В нос мне ударил запах влажной земли и опавших листьев, и я тотчас поняла, откуда он. – Пожалуйста, представь Джейн девочкам, – сказала я Джеку. – Мне нужно на минутку выйти.

Он вопросительно посмотрел на меня, но я быстро шагнула за порог, сбежала вниз по лестнице и бросилась через весь дом к задней двери. Распахнув ее, я подавила крик, едва не столкнувшись с Меган, которая отчаянно пыталась открыть заднюю дверь.

Забежав в дом, она захлопнула ее и прислонилась к ней спиной. Ее кожа была необычно бледной, а зрачки такими широкими, что я могла поклясться, что видела вокруг ее радужной оболочки только белки.

– С вами все в порядке? – спросила я, подводя Меган к кухонному столу и выдвигая стул.

Она сначала кивнула, но затем покачала головой, а когда наконец обрела голос, сказала:

– Это так странно...

– Что именно? – спросила я, хотя уже знала, что она мне скажет.

– Я копала и подумала, что что-то нашла, поэтому сосредоточилась на небольшом участке, как вдруг... – Она наморщила нос и невольно вздрогнула. – Этот запах. Как гниение... зловоние мертвечины. Однажды у нас в дымоходе сдохла белка. Мы так ее и обнаружили – по запаху. Он был точно такой. И я клянусь вам, что температура упала градусов на тридцать, потому что я даже видела облачко от своего дыхания.

– Может, вам приготовить чаю? Кажется, вы немного не в себе.

Она покачала головой.

– Я хочу вернуться домой. Вы не возражаете, если я оставлю у вас свои вещи? Не хочу сейчас возвращаться за ними. И выйду через парадную дверь, если вы не против.

– Конечно, – сочувственно сказала я. – Возможно, вам нездоровится. В конце концов, сейчас сезон гриппа.

Меган с благодарностью кивнула, держась за край стола.

– Думаю, мне следовало послушать маму и сделать прививку от гриппа.

– Возможно, – согласилась я, мягко направляя ее к входной двери. – Я соберу ваши вещи и положу их в садовый сарай на случай, если пойдет дождь. Они будут там, когда вы решите вернуться.

Меган поблагодарила меня и ушла. Войдя в холл, я увидела, что Джейн и Джек спускаются по лестнице, и у каждого из них на плече спит ребенок. Я нахмурилась.

– Почему они никогда не делают этого со мной? Когда я с ними, они всегда бодрствуют.

– Просто дети хорошо чувствуют успокаивающее присутствие, – с улыбкой сказал Джек.

Прежде чем я успела возразить, Джейн пояснила:

– Или они просто устали. Знакомство с новыми людьми для маленьких детей утомительно – им требуется обработать так много новой информации.

Я улыбнулась. Ее взвешенный подход к вынесению суждений укрепил меня в правильности решения нанять ее. Я потянулась к Саре

и Джей-Джею и взяла их обоих на руки. Кстати, они уже начали просыпаться, извиваться и сучить ножками. Вот вам и успокаивающее присутствие.

– Я пойду покормлю детей, а Джек принесет вещи в вашу комнату, чтобы вы их распаковали и обустроились.

– Спасибо, – сказала Джейн.

Я уже собралась войти в кухню.

– Я хотела бы отреставрировать дом на Саут-Бэттери, прежде чем его продать.

Я обернулась.

– Вот как? То есть я рада это слышать, но это не совсем то, что я ожидала. Что сподвигло вас принять такое решение?

– О, множество вещей.

Ее взгляд остановился на Джей-Джею, и мне показалось, что она избегает смотреть мне в глаза. Как будто не хотела, чтобы я что-то заметила.

– Например? – спросила я.

Джейн пожала плечами.

– Дело не в том, что вы рассказали мне о Баттон Пинкни и ее мотивах в выборе наследника. Это тоже важно. Но главным образом... – Она на миг умолкла. – Главным образом этот дом.

Я недоуменно посмотрела на нее.

– Мой дом?

Она кивнула.

– Он красивый и исторический, но это *дом*. У него есть душа, хорошая атмосфера, ну, вы понимаете? Это, конечно, звучит глупо, но он как будто знает, что здесь так много любви, и отражает ее.

Она посмотрела на меня, словно ждала подтверждения своих слов, но я лишь кивнула.

– И почему-то я знаю, – продолжила она, – что под всей этой плесенью, осыпающейся штукатуркой и печалью дом Пинкни такой же. До того как умерла эта маленькая девочка, там наверняка было много счастья. Когда-то это было любимое семейное гнездо, и теперь оно передано мне на попечение. – Джейн наконец осмелилась посмотреть мне в глаза. – Я всю жизнь мечтала о доме, который назову своим. Даже если это последнее, чего я ожидала, я не могу сразу взять

и отказаться от него. Это было бы... неправильно. Это все равно что упустить возможность, не дав ей ни единого шанса.

– Знаете, всегда есть способ не обращать внимания на плохое, чтобы увидеть хорошее, – сказала я, повторив мудрость, которую она усвоила за годы, прожитые в приемных семьях.

Джейн улыбнулась.

– Пожалуй. Думаю, я дам ему шанс. Или, по крайней мере, оставлю его на то время, пока не пойму мотивы Баттон. И посмотрю, во что превратится дом. Вдруг, как только мы избавимся от этой ужасной куклы, темных штор и старых обоев, он будет смотреться иначе? Вдруг косметический ремонт поможет... Как это назвал Джек?

– Изгнать его призраков, – сказала я с натянутой улыбкой.

Улыбка Джейн дрогнула.

– Да, точно. Затем я смогу решить, хочу ли я его продавать. И, надеюсь, к тому времени он будет полностью отреставрирован.

Я попыталась скрыть вздох облегчения.

– Отлично. Я знаю, Софи будет в восторге.

Джейн продолжала улыбаться, но было в ее глазах нечто такое, что подсказывало мне, что она что-то утаивает и не намерена делиться со мной всем, что ей известно.

Мы услышали, как дверь Нолы открылась, и послышались голоса девочек. Джейн снова повернулась ко мне.

– Убедитесь, чтобы она избавилась от этой игры, хорошо? Не то чтобы я во все это верю, но зачем искушать судьбу, верно?

– Хорошо, – сказала я с тревогой и направилась обратно в кухню, чтобы покормить младенцев. Я вытирала остатки пюре из сладкого картофеля и крошечных кусочков курицы – спасибо кухонному комбайну, подаренному миссис Хулихан и Софи по случаю рождения близнецов, – когда мой нос уловил запах тления, смешанный с запахом только что вскопанной земли.

Притворившись, будто ничего не почувствовала, я закончила вытирать Джей-Джея, – Сара была аккуратисткой и не нуждалась в нагруднике, – после чего подняла обоих с высоких стульев. Лишь выйдя из кухни, я заметила большие часы над дверью. Они громко тикали, подтверждая, что батарейка в них все еще работает, хотя стрелки намертво застряли на десяти минутах четвертого.

Глава 8

– Привет, красавица.

Один только голос Джека по внутренней связи превратил мои внутренности в мед, мой мозг – в тертый сыр, а мои мыслительные процессы – в золотую рыбку. Я уставилась на переговорное устройство на своем столе, желая, чтобы он снова заговорил, и одновременно – чтобы он этого не сделал. По идее, мне положено работать, что было несовместимо с близостью Джека.

По внутренней связи раздался голос Джолли, и по легкой дрожи в нем я поняла, что она тоже не застрахована от чар Джека.

– Извините, Мелани. Ваш муж здесь. Пустить его к вам?

– В этом нет необходимости, – услышала я голос Джека за дверью своего кабинета, а в следующий момент эта дверь открылась. Даже в те дни, когда Джек меня скорее раздражал, нежели располагал к себе, – надо сказать, это соотношение не сильно изменилось с тех пор, как мы поженились, – мне казалось, он всегда заполнял собой все пространство. Было что-то такое в его ослепительной улыбке и в силе его личности. Я, конечно, в этом никому не признаюсь, но я была счастлива, что все трое его детей, похоже, унаследовали эту черту. Я тут же мысленно дала себе задание составить список того, что близнецы унаследовали от меня, хотя и опасалась, что он выйдет довольно коротким.

Подойдя к моей стороне стола, Джек впился мне в губы поцелуем. А когда отстранился, то, не сводя с меня глаз, сдвинул бумаги от центра моего стола к краю. Я знала, что означает этот блеск в его глазах, – в доказательство этому у меня были близнецы, – но мой офис был совершенно не подходящим местом, какими бы соблазнительными ни были поцелуи Джека.

– Джек, нет. Я умру, если новая администраторша поймет, что здесь происходит. Может, в другой раз?

– Ты способна ждать так долго? – спросил он, снова целуя меня. Чтобы активировать хотя бы несколько клеточек мозга, я покосилась на экран компьютера, где трудилась над составлением списка домов для клиента.

– Итак, чему я обязана этим удовольствием? – спросила я, кашлянув.

– Джейн с младенцами и щенками пускала мыльные пузыри в палисаднике, что, кстати, ужасно мило, и мне показалось, что они не нуждаются в моей помощи. Я просто послал правку своему редактору в Нью-Йорке и решил, что все под контролем. В общем, я воспользовался ситуацией и не только принял душ и побрился, но даже надел нормальную одежду. Я решил пообедать с моей любимой девушкой и отпраздновать это событие.

У меня заурчало в животе – обычное дело сейчас, когда даже миссис Хулихан участвовала в заговоре против меня и больше не хранила на кухне запас моих любимых снеков. Теперь мне полагались лишь фрукты, безглютеновые батончики мюсли, и абсолютно ничего со словами «Хозяйка» или «Сара Ли» на коробке. А вместо пончиков, сырных палочек и бекона на завтрак миссис Хулихан готовила мне омлеты с яичным белком и овощные фриттаты. Неудивительно, что я все время ходила голодная. Вся эта здоровая еда не только сбивала с толку, но и медленно убивала меня.

– В «Коричневого пса»? – нетерпеливо предложила я. Закусочная была в двух шагах от моего офиса на Брод-стрит, и там готовили лучшие сэндвичи в мире, а также такие блюда, как хумус и веганские хот-доги с перчиками чили, но в меню было много блюд и не для веганов.

Джек посмотрел на часы – мой свадебный подарок ему – с выгравированной на них датой нашей свадьбы, чтобы у него никогда не нашлось оправдания, если он вдруг ее забудет.

– Еще рано. Надеюсь, там будет достаточно тихо, чтобы поговорить.

Бросив на него обеспокоенный взгляд, я встала и взяла сумочку.

– Все в порядке? С Джейн и детьми?

Джек положил руку мне на поясницу и вывел меня из офиса.

– Лучше некуда. Просто... поговорим об этом, как только забросим в желудок пищу. Мы оба знаем, какой ты бываешь, когда голодна. – Он провел рукой по эластичному поясу моей юбки. – Ты похудела?

Я остановилась, чтобы взглянуть на него. У меня нет весов, потому что они мне никогда не были нужны. Единственный человек,

которого заботил мой вес, пока я была беременна – это мой гинеколог. Я всегда была худощавой и могла есть все что хотела. Это заложено в моих генах. Мне было достаточно посмотреть на мою мать, чтобы убедиться: любой жирок на моих боках, оставшийся от беременности, пройдет сам собой.

– Что ты имеешь в виду? – спросила я. – По-твоему, я толстая?

– Тише, Мелли. Я просто озвучил тот факт, что твоя юбка сидит на тебе свободно. И все. Для меня ты – самая красивая женщина, какую я только встречал.

За миг до того, как он поцеловал меня, у меня в голове промелькнула мысль, что этот хитрец всегда использовал поцелуй, чтобы остановить любой спор. И, как всегда, это сработало.

Когда мы вошли в приемную, Джолли подняла голову. Когда она увидела Джека, ее глаза тотчас вспыхнули. Я подавила желание хмыкнуть.

– Идете обедать? – спросила она, и я была готова поклясться, что она похлопала ресницами.

– Да. Я оставляю на всякий случай свой мобильный, вдруг будет что-нибудь срочное. В остальных случаях просто примите сообщение. Я вернусь примерно через час.

Серьги в виде стрекоз, подрагивая, свисали с ее ушей. Не отрывая глаз от Джека, она покачала головой. Стрекозы качнулись.

– Хотите, я вам погадаю? Первый раз – бесплатно.

– Погадаете?

Джек был искренне удивлен.

Джолли бросила на меня укоризненный взгляд и быстро повернулась к Джеку.

– Разве Мелани вам не говорила? Я – ясновидящая. Я могу говорить с мертвыми.

– Неужели? – спросил Джек, ставя локти на стойку и наклоняясь к ней. – Как интересно! Вы сейчас видите кого-нибудь рядом со мной?

Джолли закрыла глаза, обнажив на веках полоску блестящих голубых теней, и задумчиво пожевала губами.

– Да. Вижу. Мужчину. Пожилого мужчину с темными волосами, как у вас. – Она резко открыла глаза. – Ваш отец уже пересек границу?

– Учитывая, что прямо перед тем, как войти сюда, мы разговаривали с ним по телефону, я вынужден сказать «нет». Что-то

еще?

Джолли снова зажмурила глаза, и я ткнула Джека пальцем в ребра, отчего он тихонько ойкнул.

– Он держит какое-то украшение... кажется, браслет. Может, он ювелир? – Она вновь открыла глаза и улыбнулась Джеку. Более того, на этот раз она определенно похлопала ресницами.

– Спасибо, – сказал Джек. – Я уверен, если немного подумать, я выясню, кто это мог быть.

– Вы непременно дадите мне знать, хорошо? – Джолли что-то записала в тетрадь с изображением аллигатора. – Я веду список, чтобы оценить свою точность.

– Каков ваш процент на данный момент?

Ее губы сжались в тугую линию.

– Около пяти процентов. Фактически ближе к четырем. Но я делаю успехи. Я хожу на онлайн-курсы, чтобы отточить свои навыки.

– Это здорово, – сказала я, потянув Джека за руку. – Увидимся через час.

Мы вышли на Брод-стрит, где нас встретил порыв прохладного ветра.

– Для протокола, – сказала я, – я никого не видела. Может, она увидела тебя с подарком на мой следующий день рождения и просто запуталась?

Джек запрокинул голову и рассмеялся.

– Спасибо за напоминание, у меня в запасе еще пять месяцев.

Я взяла его под руку.

– Может, Джолли поможет тебе сообразить, что мне нравится?

Мы все еще хихикали, входя в закусочную «Коричневый пес». Нас быстро усадили в одной из кабинок у ярко-синей стены, обильно увешанной кричащими плакатами и портретами мультяшных собак в рамках. Как и предсказывал Джек, мы опередили основную массу обедающих. К нашему столику тотчас подошла официантка со стаканами для воды и, как только мы уселись, приняла наши заказы. Я заказала сэндвич с жареными зелеными помидорами, острым сыром и жареной картошкой, а Джек заказал питу с морепродуктами. Помня наш предыдущий разговор о моем весе, я перешла на смесь свежих фруктов и, как только официантка отошла от нашего столика, пожалела о картошке. Левая рука Джека с золотым кольцом на среднем

пальце лежала на столе. Я хотела протянуть руку и вложить свою ладонь в его, но боялась, что это скорее подростковый жест. В подростковом возрасте я не встречалась с мальчиками, и у меня не было личного опыта, но вместе с Нолой я посмотрела достаточно молодежных фильмов и потому имела некое представление.

– Итак, – сказала я, потягивая воду через длинную трубочку, – о чем ты хотел поговорить? – Мое прежнее «я» никогда бы не задало этот вопрос, предпочтя метод «голову в песок», к которому, кстати, я все еще прибегала довольно часто. Но это был мой брак – чего никогда бы не было, держи я и дальше голову в песке, – и я решила, что это хорошее место для начала новой, замужней версии себя любимой.

Джек, похоже, приятно удивился, что я заговорила первой, но принял мудрое решение это не комментировать. Он полез в карман и вытащил что-то похожее на клочок газеты. Джек разгладил его на столе, и я увидела, что это газетная вырезка, изрядно потрепанная, с неровными краями. Я немедленно принялась рыться в сумке в поисках косметички для неотложной помощи, в которой лежали ножницы, скотч, антикоррозийный спрей, зубная паста и множество других полезных вещей, которые могли мне понадобиться в любой момент.

– Что ты делаешь? – спросил Джек.

Моя рука замерла.

– Ищу ножницы. Хотела подровнять края.

– Думаю, в этом нет необходимости. Все, что тебе нужно, – это прочитать текст.

– Хорошо, – сказала я, вынимая руку из сумочки, как будто это не имело значения. Я подвинула газету ближе, чтобы прочесть ее, стараясь при этом не щуриться и не слушать, как Джек снова говорит мне, что я не должна стесняться очков и что их носит большинство людей старше сорока. Поскольку ему еще не исполнилось сорок, в наших интересах – особенно с острыми ножницами поблизости – было воздержаться от этого разговора.

– Это из номера за прошлое воскресенье, – сказал он. – Щенки взялись за него после того, как ты вытащила вкладку с рекламой недвижимости, и до того, как я смог прочитать остальную часть, но сегодня утром, после того, как ты ушла на работу, твой отец показал ее мне. Это из передовицы.

Я ощутила первый укол тревоги.

– Из серии статей, которые «Пост энд курьер» публикует об истории некоторых старых домов в Чарльстоне. Серия предполагалась короткой, но, судя по всему, стала довольно популярна, и штатный автор получает приглашения от людей, надеющихся, что их дома станут темой этой колонки.

– Сьюзи Дорф, – сказала я, не пытаясь скрыть усмешку в голосе. – Она пыталась связаться со мной. Да что там! Она оставила мне несколько текстовых сообщений.

Джек поднял брови, не удостоив мои слова комментарием.

– Она меня раздражает. Мне нечего ей сказать, особенно после того, как в прошлом году она напечатала анонимное письмо о том, что в нашем саду захоронены и другие тела. На нее нужно подать в суд за клевету.

– Это несколько преждевременно, тебе не кажется? Особенно с учетом того, что мы только что откопали цистерну в указанном саду?

– Не важно. Любые трупы, которые мы находим, – это наши трупы. Пусть она займется своими делами.

Джек насупил брови, как будто мысленно пытался что-то перевести.

– Она – репортер, – сказал он, покачав головой. – И вот что она делает. – Он протянул руку и пододвинул вырезку ко мне. – Прочти сама.

Изо всех сил стараясь не щуриться, я начала читать:

«Голливуд прибывает в Святой город! К счастью, это не далекий от реальности сериал в духе реалити-шоу, а полноценный художественный фильм крупной киностудии. Книга уроженца Чарльстона Марка Лонго „Похоть, жадность и убийство в Священном городе“ еще даже не появилась на полках книжных магазинов, однако вокруг нее так много шума, что, по слухам, права на фильм проданы с аукциона за семизначную сумму».

Я взглянула на Джека. Тот отважно пытался сохранять бесстрастное выражение лица. Это была его история, но Марк украл ее у него и поспешил опубликовать свою версию прежде, чем у Джека появился шанс. К убийству были причастны родственники Марка,

которые поделились с ним известной только им информацией, но тела были найдены в нашем саду. Джек уже написал свою книгу о том, как мы раскрыли тайну, и подписал издательский договор. Но книга Джека не была опубликована, так как Марк опередил его. Правда, мы одержали небольшую победу, когда сумели помешать Марку выкупить дом, но только потому, что Нола одолжила нам деньги. Это было несправедливо и унижительно, однако мы постарались забыть об этом. До этого момента.

– Это то, о чем тебе на днях сообщил по телефону твой агент?

Джек кивнул.

– Читай дальше. Там еще интереснее.

«Как мне стало известно от анонимного источника, дом Вандерхорстов по адресу Трэдд-стрит, 55 – место действия грязной истории, положенной в основу книги, – будет использован для съемок, чтобы придать фильму аутентичный колорит и снискать одобрительный кивок со стороны чарльстонского истеблишмента. А с появлением новой желтой заградительной ленты позади дома кто знает, что еще будет обнаружено и что станет пищей для продолжения истории? В доме предположительно обитают привидения, так что это может быть интересно. Бу-у-у! Следите за обновлениями в этой колонке».

Дрожащей рукой я вернула газету Джеку.

– Что ж, у этих голливудских деятелей не работают мозги, если они думают, что я пущу их в свой дом и позволю им снять фильм по книге, которую мой муж не писал. А главное, этой репортерше хватило наглости предположить, что это произойдет, даже без нашего разрешения!

Джек покашлял, словно желая напомнить мне, что мисс Дорф действительно пыталась поговорить со мной, но я не захотела выйти на связь.

– Ты слышал об этом от Марка? – Я даже отпрянула, ужаснувшись направлению собственных мыслей. – Или от Ребекки? Она вынудила нас устроить для них помолвку. Но это не дает им права

предполагать... – Заметив выражение его лица, я умолкла. – Почему ты улыбаешься?

– Потому что ты такая сексуальная, когда злишься.

Я растерянно заморгала.

– Перестань меня отвлекать. Я... мы... имеем полное право быть недовольными. Почему ты, в отличие от меня, относишься к этому так легкомысленно?

Он потянулся через стол и снова взял меня за руку.

– Ты когда-нибудь задумывалась, сколько времени у нас уйдет на то, чтобы встать на ноги в финансовом отношении и вернуть Ноле деньги? Она отказывается называть это ссудой, но ведь мы никогда не воспринимали эти деньги как-то иначе.

Я уставилась на него, уверенная, что неправильно поняла.

– Джек, ты не можешь...

Меня прервал телефонный звонок. Джек посмотрел на телефон и, заметив номер без имени, встретился со мной взглядом.

– Ты меняла мелодию звонка? Я уже начал привыкать к «Мама Миа».

Я покачала головой и, чтобы завершить звонок, нажала на красную пиктограмму.

– Нет. Понятия не имею, откуда взялся этот звонок. И кто звонит. Они звонили уже несколько раз, но я не узнаю номер, а звонивший никогда не оставляет сообщения... вернее, оставил, но только один раз. Собственно, он ничего не сказал, было лишь несколько странных звуков.

Я невольно вздрогнула, вспомнив треск отдираемой доски и металлическую ноту, вибрирующую в пустом воздухе.

– Ты уже проверила номер телефона?

Настала моя очередь выглядеть сбитой с толку.

– Ты можешь это сделать?

Джек посмотрел на меня взглядом, который говорил, что если это шутка, то она неудачная, однако протянул руку и взял мой телефон.

– Ты можешь выполнить поиск... просто введи номер и... – Он несколько секунд молча вбивал цифры, затем его пальцы застыли над экраном. – Понятно.

Официантка выбрала именно этот момент, чтобы принести нам заказ, и впервые за долгое время любопытство во мне пересилило

голод. Я задумалась над тем, что сказал Джек.

– Что такое? – спросила я, когда она наконец ушла.

– Ты знаешь Кэролайн Б. Пинкни?

Я на мгновение задумалась, запах еды боролся с моей памятью. Я начала гонять по тарелке виноградину в надежде на то, что еда в желудке поможет встряхнуть мои мысли.

Джек продолжил:

– Ты, случайно, не знаешь настоящее имя Баттон Пинкни? Если, конечно, Баттон – это прозвище. В Чарльстоне частенько в свидетельстве о рождении указано странное имя...

Я уронила вилку, которой пыталась проткнуть виноградину, и встретила с ним взглядом.

– Да, точно, Кэролайн, – крикнула я. Мой голос казался сиплым, хотя я только что выпила полстакана воды. – Джейн сказала, что ее звали Кэролайн. – Я сглотнула. – Почему ты спросил?

– Потому что этот номер телефона зарегистрирован на Кэролайн Б. Пинкни на Саут-Бэттери-стрит.

Мы с минуту смотрели друг на друга, не зная, как отнестись к возможности телефонного звонка от мертвого человека.

Глава 9

Я вместе с детективом Райли стояла в фойе дома Пинкни, наблюдая отчасти с улыбкой, а отчасти обиженно, как он изучал царивший вокруг разгром. Интересно, удастся ли мне когда-нибудь слезть с воображаемого забора, на котором я сейчас сидела. Сидела, как обычно, в раздвоенных чувствах, когда дело касалось старых домов. В половине случаев – кстати, благодаря Софи, хотя я никогда бы не призналась ей в этом – я могла по достоинству оценить детали, архитектуру и мастерство, которые таили толстые стены этих старых домов. Но в других случаях, обычно оплатив очередной счет за ремонт, я легко представляла себе, как подношу спичку к динамитной шашке.

– Кто-то действительно здесь жил?

Томас внимательно разглядывал покрытые плесенью обои в столовой.

– Да, хотя мисс Пинкни последние несколько лет жизни не выходила из своей спальни. Насколько я знаю, у нее не было никакой семьи, только кошки.

– Кошки? Довольно банально, правда?

Искоса взглянув на него, я прошла мимо, чтобы лучше рассмотреть нечто похожее на кнопку на стене.

– Так же, как застать копа в магазине пончиков, правда? В каждом избитом клише всегда кроется зерно истины.

Томас усмехнулся у меня за спиной.

– Виноват. Полагаю, у экстрасенсов-риелторов нет никаких стереотипов? С другой стороны, их самих не слишком много.

Я нажала на металлическую кнопку и на миг замерла, чтобы проверить, раздастся ли где-нибудь в доме звук колокольчика. Но услышала лишь проезжающие снаружи машины и грохот колес запряженной лошадьми кареты. Я решила, что она принадлежит одной из туристических компаний, но не удивилась бы, если бы, выглянув наружу, увидела экипаж шестидесятых годов девятнадцатого века, пересекающий улицу, которая в то время лежала ниже уровня нынешней дороги. В моем мире не было гарантии того, что беспокойные мертвецы оставят меня в покое на долгое время, чтобы я

могла просто выглянуть в окно и посмотреть, что делают все остальные.

– Алло?

Вздвигнув, я повернулась к входной двери и увидела, что из-за нее выглядывает Джейн, а ее рука все еще лежит на дверной ручке.

– Простите, я не хотела вас напугать.

– Пожалуйста, не извиняйтесь. Это ваш дом.

Я пристально посмотрела на Джейн, гадая, когда она вошла и слышала ли она, что Томас сказал о риелторах-экстрасенсах. Не то чтобы я это скрывала. Но я никому об этом не рассказывала. И уж тем более не делилась своим «даром» с клиентами. В нашем бизнесе конкуренция слишком велика, и мне ни к чему, чтобы клиенты с криком убегали от меня прямо в объятия одного из моих конкурентов на том основании, что я сумасшедшая. Это просто не годилось для бизнеса.

– Входите, – сказала я, втаскивая Джейн в комнату. Я была вынуждена оторвать ее пальцы от дверной ручки, чтобы закрыть дверь. Взгляд Джейн был устремлен мне за спину. Я обернулась и увидела черного кота, притаившегося у нижней ступени лестницы.

– Как он сюда попал? – спросила Джейн, когда кот беззвучно взбежал вверх по лестнице и скрылся из виду.

– Кто, я? – спросил Томас, подходя к Джейн.

– Нет. Толстый черный кот, – объяснила я. – Мы постоянно видим его, но он очень шустрый. Не знаю, кому он принадлежит, но кто-то наверняка его кормит, потому что он определенно не голодает.

Томас, похоже, меня не слушал. Вместо этого он, насупив брови, в упор смотрел на Джейн.

– Просто у меня такое лицо, – сказала та, прежде чем он успел что-то спросить. – Вам кажется, будто мы уже раньше встречались. Но я знаю, что это не так. – Она протянула ему руку. – Я Джейн Смит. Судя по всему, новая хозяйка этого дома.

Томас улыбнулся, обнажив безупречные зубы. Веселые морщинки вокруг глаз тотчас сделались резче, превратив его из просто красивого мужчины в потрясающе красивого.

– Я детектив Томас Райли. Я понял со слов Мелани, что вам кажется, будто в вашем доме прячется кто-то посторонний?

Хотя он продолжал улыбаться, я видела, что он по-прежнему сверлил Джейн взглядом детектива, пытаюсь понять, действительно ли все дело в ее лице.

– Мы не уверены. Но на мобильный телефон Мелани было несколько звонков со стационарного номера из этого дома. Вообще-то, им пользовались почти сорок лет и, по данным телефонной компании, этот номер никому не передавали. – Джейн закусил нижнюю губу и взглянула на меня, как будто ждала подтверждения.

– Правда, есть одна вещь... – Последовала долгая пауза, и я подумала, что Джейн хочет, чтобы я продолжила за нее. Вместо этого я ободряюще на нее посмотрела. В конце концов, это ее дом. – Когда мисс Пинкни умерла, телефонная линия была отключена.

Томас вопросительно поднял брови. Я знала: он хотел взглянуть на меня, чтобы понять, что я думаю, но не осмелился.

– Допустим, записи показывают, что связь отключена, но вдруг это просто кто-то накосячил с оформлением документов? Вы поднимали трубку, чтобы проверить?

Глаза Джейн загорелись надеждой.

– Нет, у нас не было такой возможности. Кажется, я видела на стене кухни старый бирюзовый телефон.

Она направилась в кухню с таким видом, как будто мысль о том, что в доме есть посторонний, который звонит мне на мобильный, устраивала ее больше – и казалась более разумной, – нежели любое другое объяснение.

Мы последовали за ней в кухню. Здесь Джейн взяла со стены телефонную трубку и поднесла ее к уху. На миг закрыв глаза, она покачала головой и медленно повесила трубку на место.

– Не работает, – сказала Джейн.

«Это не единственная странность», – подумала я, но вслух ничего не сказала. Джейн приняла решение оставить дом себе – пока, – и я не хотела мутить воду. Что бы это ни было, с этим можно было разобраться или просто не замечать его, в зависимости от того, какую степень настойчивости оно проявит. Я надеялась, что Джейн ничего не узнает.

Томас прислонился к кухонному столу, но, заметив покрывающую кухонный стол и стулья пыль, мгновенно выпрямился и отряхнул рукава.

– Я проверю, был ли передан номер, и если да, то кому. Если нет, что ж, все становится немного сложнее. – Томас не смотрел на меня, хотя я видела, что он хотел что-то сказать. Вместо этого он слегка наклонил голову и посмотрел на Джейн. – Вы уверены, что мы не встречались?

– Абсолютно, – с улыбкой ответила Джейн. – Потому что я бы точно запомнила встречу с вами. – Ее щеки слегка порозовели. Казалось, она впервые заметила, что перед ней привлекательный мужчина, а не просто полицейский. – Я имею в виду, вы же детектив. И высокого роста. И с чистыми ногтями. И мне нравится ваша рубашка.

Закатив у нее за спиной глаза, я потянула Джейн за локоть, чтобы она остановилась. Она сейчас вела себя даже хуже, чем я, когда впервые встретила Джека. Я тоже трепетала, как подросток, который никогда раньше не был на свидании. Что, в принципе, так и было. Я подумала, что у нас с Джейн есть еще кое-что общее, а именно – одинокое детство, в котором просто не было места для общения с другими людьми или каких-либо отношений.

– Спасибо, – поблагодарил Томас с улыбкой в голосе. – Моя старшая сестра купила мне эту рубашку на день рождения. Я сообщу ей, что сегодня я удостоился за это комплимента.

Отчетливый звук колокольчика спас Джейн от очередной порции детского лепета. Она удивленно посмотрела на меня.

– Я думала, колокольчики не работают.

– Я тоже так думала, – сказала я, избегая ее взгляда. – Похоже, мы ошибались.

Мы вернулись в кухню.

– Они здесь, – сказала Джейн, входя в кладовую дворецкого. Стоявшие здесь застекленные шкафы были полны хрусталя, фарфора и чего-то похожего на коллекцию солонки и перечниц. Я вперила взгляд в нечто, напоминающее керамическую солонку в форме арахиса с надписью «Джорджия» на боку. У меня возникло ужасное подозрение, что там стоит набор из всех пятидесяти штатов. Нужно будет привести сюда Амелию. Пусть посмотрит, что находится в этих шкафах и в остальной части дома, и сообщит Джейн, есть ли здесь что-то ценное. Испытывая симпатию к Джейн, я надеялась, что фарфор окажется редким и дорогим, чтобы у нее появился предлог его продать, а не

хранить из чувства долга перед Баттон Пинкни. Фарфор был расписан розовыми розами с золотыми завитками по ободку. Определенно старый и определенно европейский. И, несомненно, уродливый. Я предположила, что все Пинкни были худыми, поскольку есть с этих тарелок можно было лишь без всякого аппетита.

Джейн указала на металлическую коробку с единственным звонком.

– Наверное, звук исходил отсюда.

– Это вряд ли, – сказал Томас, оглядываясь по сторонам с высоты своего немалого роста. – Молоточка больше нет, или он заржавел.

Мне показалось странным, что никто не задал очевидного вопроса: а как же тогда прозвенел звонок?

– Должно быть, это был звонок в дверь, – сказала Джейн после неловкой паузы и направилась к входной двери. Мы с Томасом послушно последовали за ней. Джейн широко распахнула дверь и вышла на переднюю площадку, как будто желая убедиться, что там никто не прячется. Обернувшись, Джейн нажала кнопку старого дверного звонка. Ее усилия были вознаграждены тишиной.

– Вообще-то, Джейн, – сказала я, – дверные звонки в этих старых домах редко бывают исправны из-за высокой влажности и соли в воздухе.

Джейн вошла в холл и медленно закрыла дверь.

– Значит, это звякнул велосипед снаружи, – сказала она, сложив на груди руки. – Я заметила, что в Чарльстоне много велосипедистов. Думаю, мне тоже следует приобрести велосипед.

Периферийным зрением я заметила, как промелькнуло что-то белое, но я не осмелилась повернуть голову. А еще я поняла, что мое второе зрение вновь заблокировано, как будто чья-то рука закрывает мне глаза, позволяя видеть лишь то, что, по его мнению, я должна видеть.

Громкий удар, а затем топот маленьких ножек вниз по лестнице.

– Помогите мне! – Это был голос куклы, высокий и резкий. Слова эхом разносились по всему тихому дому. Мы с Джейн обернулись и увидели, как по лестничной площадке пробежал черный кот, поднялся по лестнице и исчез.

Томас мгновенно протянул руку, не пуская нас дальше.

– Есть здесь кто-нибудь? – крикнул он. Шагнув вперед, он вытащил из наплечной кобуры пистолет и начал подниматься по ступеням. – Я детектив Томас Райли из полицейского управления Чарльстона, и я вооружен. Пожалуйста, выйдите к нам.

Жестом велел нам оставаться на месте, он начал молча, через две ступеньки подниматься по лестнице. Мы слушали, как наверху он распахивал дверь за дверью, затем ждали, пока он переходил из комнаты в комнату в поисках незваного гостя. После нескольких долгих минут Томас снова появился на лестничной площадке. Его брови были нахмурены.

– Никого. А это самая страшная штука, какую я когда-либо видел.

Мы с Джейн едва не столкнулись, когда бросились к лестнице, но, добежав до верхнего коридора, остановились как вкопанные. Кукла Томаса Эдисона, такая хрупкая и ценная, стояла у полуоткрытой двери в конце коридора, одна из ее рук была поднята вверх, словно она пыталась ухватиться за дверную ручку. Или как будто она только что открыла дверь.

– Это лестница на чердак, – пояснил Томас.

– Как вы думаете, кто-то пытается меня разыграть? – спросила Джейн дрожащим голосом.

Томас вернул пистолет в кобуру и подошел к Джейн.

– Думаю, мы должны рассмотреть такую возможность. Это, конечно, не похоже на кражу со взломом. В любом случае все на месте. Возможно, вам стоит спросить у адвокатов мисс Пинкни, есть ли у них опись вещей, находящихся в доме, которую можно сверить с тем, что здесь есть. – Томас на миг встретился со мной взглядом поверх головы Джейн. – На всякий случай предлагаю поменять замки и установить сигнализацию... ее вроде бы тут нет. Это, конечно, лишние расходы, но, судя по тому, что мне сказала Мелани, в доме немало ценных вещей.

– Включая эту куклу, – сказала я, указывая на куклу у двери.

Томас невольно вздрогнул.

– Правда? Я рад, что вы мне сказали. Иначе я бы предложил взять ее с собой и выбросить по дороге в мусорный бак.

– Она говорящая, – сказала я. – Хотя, по идее, сейчас не должна говорить. Софи сказала нам, что сначала ее нужно завести, правда,

механизм слишком хрупкий, чтобы до сих пор работать. И она читает детский стишок.

Наши взгляды встретились, и мы вспомнили два слова, которые мы все слышали. *«Помогите мне»*. Таких слов не было ни в одном детском стихе, который я знала. Я сглотнула.

– Думаю, Софи ошиблась, но она хочет показать куклу эксперту, чтобы мы, по крайней мере, имели представление о ее ценности.

Руки Джейн были по-прежнему сложены на груди, маленькие полумесяцы ногтей впивались в кожу рук.

– Что, если в доме имеется тайный вход или что-то в этом роде? И через него бездомный кот может входить и выходить?

Оставив куклу на прежнем месте – никто не вызвался вернуть ее в кресло-качалку в спальне Баттон Пинкни, – Томас повел нас к лестнице.

– Я обойду весь дом и тщательно обыщу его на предмет скрытых пустот и отверстий. Мелани, может, вам стоит позвонить вашей знакомой Ивонне. Вдруг у нее в архиве есть старые чертежи этого дома? Никогда не знаешь, что найдешь.

– Хорошо. Я так и сделаю. Мы с Джеком давно не видели Ивонну, так что она будет нам рада.

Я заметила большие латунные часы с двумя колокольчиками – металл был местами в пятнах, что придавало поверхности вид отраженных облаков, – стоящие на узком коридорном столике наверху лестницы. Когда мы проходили мимо, они начали бить. По привычке я посмотрела на наручные часы и с удивлением обнаружила, что сейчас одиннадцать двадцать. В такое время никакие часы обычно не бьют. Я остановилась, чтобы взглянуть на циферблат часов, и застыла. Хотя они все еще били, их стрелки не двигались, застыв на времени, которое становилось пугающе знакомым. Десять минут пятого.

– Ой!

Я резко обернулась и увидела, как Джейн качнулась по лестнице вперед и, словно в замедленной съемке, покатила по ступеням. Всем телом ударившись о стену лестничной площадки, она затем по инерции кубарем скатилась вниз.

Томас уже добрался до фойе и сумел-таки остановить падение Джейн прежде, чем она успела удариться об пол. Держась за перила, я

бросилась за ней следом и присела рядом. Томас уже усадил нашу няню на нижнюю ступеньку.

– С вами все в порядке?

Джейн потерла лодыжку.

– Думаю, да. Но у меня болит нога.

Томас бережно снял с Джейн туфлю и начал осторожно ощупывать ее лодыжку.

– Похоже, ничего не сломано, но я отвезу вас в больницу, чтобы пройти полное обследование. Вы довольно сильно ударились головой о стену на лестничной площадке.

– Честное слово, в этом нет необходимости...

– Есть. Я просто обязан это сделать. Как детектив и как мужчина. Узнай моя мать, что на моих глазах красивая женщина упала с лестницы, а я даже не отвез ее в больницу, она прибила бы меня сковородой.

Щеки Джейн вспыхнули. Она приподняла губы в легкой улыбке и вновь посмотрела на лестницу.

– Это было нечто странное...

– Что именно? – с тревогой спросила я. – То, что вы споткнулись?

Я лгала, прекрасно зная, что она не споткнулась.

Джейн покачала головой.

– Нет. По идее, у меня должна быть куда более серьезная травма, чем просто вывихнутая лодыжка. Но каждый раз, когда я ударялась о ступеньку или стену, удар как будто смягчала небольшая подушка.

– Да, странно, – сказала я, пожимая плечами, как будто подобное происходило каждый день. Кстати, в моем мире так оно и было, но я не хотела говорить об этом Джейн. Но я тоже его почувствовала, более мягкое присутствие, которое не боялось других духов, все еще притаившихся между старыми стенами. В доме обитали противоборствующие силы, и что-то мешало мне увидеть всю картину целиком. Но в одном я была уверена: я не могу позволить Джейн Смит вернуться в дом, пока не узнаю, что или кто не желает видеть в нем гостей.

Томас наклонился и поднял Джейн. Ее рука обвила его плечи, ее щеки стали пунцовыми.

– Возьмете ее сумочку и туфлю? Можете бросить их на заднее сиденье машины.

– Я поеду с вами... – сказала я и побежала за ним следом.

– Я не при исполнении, а у вас дома муж и двое детей, которые вас ждут. У нас все будет хорошо. Я позвоню вам и сообщу, что происходит.

– Ваш шампунь приятно пахнет, – сказала Джейн, обращаясь к голове Томаса. – Или это ваш дезодорант? Я рада, что вы пользуетесь дезодорантом.

Я закатила глаза и, закинув ее вещи в седан Томаса, посмотрела, как Томас осторожно пристегивает Джейн ремнем безопасности. Она показала мне большой палец, я ответила ей тем же. Я продолжала держать большой палец, провожая глазами машину Томаса.

Вспомнив, что не заперла дом, я уже почти шагнула к входной двери, когда та захлопнулась перед моим носом. Было слышно, как ржавый ключ царапает ветхий замок изнутри, отчего у меня сложилось стойкое впечатление, что мне здесь не рады.

Глава 10

Придя на следующий день домой на обед, я проверила почтовый ящик на воротах. Я всегда выбрасывала все ненужное в мусорный ящик, прежде чем оно попадет в дом. Джеку было строжайше запрещено вынимать почту, потому что ее груды вечно скапливались на кухонном столе, и эти бумажные залежи оставались бы там до следующего тысячелетия, не принимай я решительных мер. С улыбкой, обнажившей все его зубы, Джек поблагодарил меня за то, что я взяла эту работу на себя. Приятно, когда твой труд ценят.

Я стояла у задней двери, конверт за конвертом просматривая почту и отбрасывая все, кроме счетов от фирмы Рича Кобилта, «Хард Рок Фаундейшенз», за восстановление кухонного окна, а также двух прогнивших оконных рам в столовой – и плотного, тяжелого конверта, адресованного мистеру и миссис Тренхольм. Он был толстым, как приглашение на свадьбу, и, прежде чем перевернуть его, чтобы взглянуть на обратный адрес, я прокрутила в голове всех неженатых и незамужних, кого знала. И, кроме восьмидесятилетней библиотечарши Ивонны Крейг, не припомнила никого.

На обратной стороне конверта цвета слоновой кости был выгравирован обратный адрес. Имени не было, но адрес был нью-йоркский. Я открыла заднюю дверь. В нос мне тотчас ударил запах чего-то чудесного, что готовилось на плите, миссис Хулихан осторожно перемешивала деревянной ложкой содержимое кастрюли. Все три собаки лежали на своих кроватках с монограммами. Нола клялась, что они умеют читать и поэтому всегда отдыхают только на своей лежанке. Лично у меня имелись сомнения на сей счет – такие симпатяги не могли быть одновременно такими умными. Это противоречит законам природы.

Почесав каждого пса за ушами, я с надеждой повернулась к миссис Хулихан.

– Божественный запах. Что это? – Я потянулась, чтобы поднять с кастрюли крышку, но экономка шуточно хлопнула меня по руке.

– Это веганский мясной соус для спагетти из цельнозерновой муки, который вы едите сегодня на ужин. Рецепт из поваренной книги,

которую доктор Уоллен-Араси подарила вам на Рождество.

– По-моему, я велела вам пожертвовать ее в благотворительный магазин.

– Неужели? Должно быть, я забыла. Кстати, некоторые блюда по этим рецептам я готовила дома, и теперь одежда сидит на мне намного свободнее.

Я прищурилась, глядя на экономку. Интересно, она скажет что-то еще? Но нет, миссис Хулихан занялась сортировкой специй на кухонной полке.

Мой интерес и аппетит улетучились. Я осторожно повесила пальто в маленький шкаф, который мы добавили к кладовой дворецкого, тщательно проверила каждый карман и убедилась, что лацканы всех пальто смотрят в одну сторону. Нола научилась этому быстро, но мне пришлось поправить два пальто Джека.

Я выдвинула кухонный ящик, где хранила нож для открывания писем. Вскрытие конвертов – это еще одна вещь, которую я не доверяла Джеку. Я несколько раз показывала ему, как правильно пользоваться ножом для писем, и даже показывала, где тот хранится, но Джек как будто отказывался слышать мои указания, и, если ему в руки ненароком попадал невскрытый конверт, он рвал его в клочья, как голодный медведь у переполненного мусорного бака.

Осторожно вставив в угол конверта нож, я медленно провела лезвием до другого уголка, оставляя чистый, точный разрез, как и задумывала мать-природа, после чего извлекла тисненное на плотном картоне приглашение, без конверта или карточки с запросом подтверждения, как это принято у приверженцев этикета.

Я уставилась на элегантный шрифт. Внезапно мне сделалось дурно. Это вовсе не приглашение на свадьбу! Это приглашение на вечеринку, посвященную презентации книги! Перечитав его пару раз, просто чтобы убедиться, что я правильно все поняла, я засунула его обратно в конверт, а когда сложила почту стопкой, то положила приглашение под счет – в надежде на то, что Джек его не заметит, и я смогу притвориться, будто никогда его в глаза не видела. Мне подумалось, а не уничтожить ли его в измельчителе бумаг в кабинете Джека? Тогда бы точно никто не узнал. Прежняя я так бы и поступила. Но теперь я была зрелой замужней женщиной, так что пусть Джек сам заметит приглашение и отреагирует на него.

Глухой удар, а затем скрип и скрежет, как будто наверху что-то двигали, вынудили меня выйти из кухни. Я застыла у подножия лестницы, прислушиваясь. Сначала я подумала, что грохот исходит из комнаты Нолы, которая в тот момент практически вибрировала от оглушительной музыки. К сожалению, это был не альбом «АББА», который я подарила ей на Рождество.

Услышав смех Джей-Джея, я улыбнулась и, перепрыгивая через две ступеньки, поспешила наверх, в детскую. Я распахнула дверь и окаменела. Моей улыбке как не бывало. Положив ногу на оттоманку, Джейн сидела в кресле-качалке. Ее лодыжка была перевязана. Мои близнецы сидели у нее на коленях, держа по коричневому бумажному пакету для завтрака – явно не из числа обучающих игрушек, выстроившихся вдоль комнаты и книжных полок. Каждый раз, когда один из них сжимал пакет и тот шуршал, оба заливались хохотом. Рубашка Джека была переброшена через спинку кровати Сары, а сам он щеголял лишь в пропитанной потом футболке. Но самой обескураживающей частью этого зрелища была мебель: сдвинутая с места, она игнорировала все принципы фэншуй, заложенные в интерьер комнаты дизайнером, которого я наняла для помощи в обустройстве детской.

Вытирая пот со лба, Джек улыбнулся.

– Как ты думаешь? Джейн сказала, что таким образом комната будет более функциональной, с большим пространством для игр, и я согласился.

Сара раздавила свой бумажный пакет двумя кулачками, и близнецы весело захохотали. Я посмотрела на красивый ковер ручной работы, подарок матери Джека, на яркие кубики с инициалами детей на каждом, теперь полностью скрытые перевернутым ведром с игрушками.

Джек подошел ко мне, чтобы поцеловать, но я отступила, сославшись, в качестве главной причины, на его пот.

– Похоже, ты потрудился всюю, – сказал я.

– Еще как! – воскликнула Джейн. – Мы с Сарой строили из кубиков всевозможные конструкции, а Джей-Джей постоянно их рушил. Я поняла, что им требуется больше места, и попросила Джека помочь.

Я многозначительно посмотрела на повязку на ее щиколотке.

– Разве врач не сказал вам, что ее можно снять через день?

– Суток еще не прошло, но Джек сказал, что я должна дать ноге отдых и не снимать повязку хотя бы до завтрашнего утра. Думаю, он просто искал повод поиграть с детьми.

– Возможно, – сказала я, обиженно поджав губы. – Поскольку вся тяжелая работа сделана, я пойду приму душ, а потом мы поедем к Ивонне.

Джек без предупреждения поцеловал меня в щеку и вышел.

– Ты забыл свою рубашку, – крикнула я ему вслед.

– Я положу ее в корзину для белья, – предложила Джейн.

Сара слезла с ее колен, затем подползла к углу коврика, где из больших пластиковых кубиков было сложено нечто похожее на дом с крышей, двумя дымоходами и передним крыльцом, из которого чей-то пухлый кулачок выбил кубик. Я заметила, что Сара и Джей-Джей в одинаковых нарядах – если считать нарядами белые ползунки и подгузники. Взяв пластиковую куклу с желтыми волосами, Сара принялась колотить ею о стену дома.

Я ждала, что Джейн скажет Саре, что люди пользуются дверьми, но она ничего не сказала, предпочитая пристально смотреть на малышку, как будто моя дочь была объектом антропологического эксперимента. Нахмурившись, я присела на корточки рядом с Сарой и заглянула в ее милое личико, но дочь одарила меня колючим взглядом.

– Милая, люди заходят в дом через двери.

– Уфф, – буркнула она, продолжая лупить бедной пластиковой куклой по ярко-желтой стене.

– Сара, можно я возьму куколку? – вкрадчиво попросила я.

Не обращая на меня внимания, Сара продолжала стучать куклой по дому, словно тараном. Джейн посадила Джей-Джея на пол и опустила на колени перед Сарой.

– Она делает это весь день, как будто решила, что куклы должны проходить сквозь стены. – Джейн протянула руку. – Можно мне твою куклу? Я уложу ее в постель, чтобы она отдохнула.

Сара с серьезным видом уронила игрушку в протянутую ладонь Джейн. Та виновато посмотрела на меня. – Как я уже сказала, мы занимались этим весь день. Как будто она твердо верит, что можно проходить через стены.

– Странно, откуда она это взяла? – сказала я. Интересно, с какой ветви фамильного древа Джека унаследована эта черта? Я подумала о его родителях и решила, что корни следует искать значительно глубже.

Джейн задумчиво посмотрела на меня.

– Да. Странно. Итак, Мелани, могу я вас кое о чем спросить?

– Конечно, – ответила я, надеясь, что она предложит поставить мебель на прежнее место.

– Я не хочу возвращаться в тот дом на Саут-Бэттери, пока он не будет полностью отремонтирован. Он... слегка жутковат.

Я изо всех сил постаралась сохранить невозмутимое выражение лица.

– Да. Я понимаю. Вы говорили, что не любите старые дома, поэтому я не удивлена. Вы хотите сказать, что передумали продавать его?

Джейн покачала головой.

– Нет. Я согласилась временно оставить дом себе из уважения к желанию мисс Пинкни. Кроме того, вдруг его аура изменится после ремонта? Но мисс Пинкни не сказала, что я непременно должна в нем жить. На данный момент у меня нет ни малейшего желания переступить его порог.

Я очень надеялась, что она не заметила моего облегчения.

– Это не проблема. Сегодня я разговаривала с Софи, и она будет рада возглавить реставрацию. Возможно даже, ей удастся получить грант или же включить часть работ в учебную программу для своих студентов. Она подсчитает суммы, чтобы обсудить их с вами, и вы должны будете подписать все важные соглашения. Думаю, ради одного только счастья работать над домом она согласится взять на себя всю ответственность.

– А что насчет куклы?

Я вздрогнула, вспомнив куклу у распахнутой двери чердака.

– Софи поговорила со своим экспертом по куклам, и он очень хочет взглянуть. Он придет завтра, чтобы забрать ее. По его словам, ему нужно несколько недель, прежде чем он сможет вернуть ее нам.

– Скажите ему, что он может не торопиться.

Я улыбнулась.

– Непременно. Что ж, увидимся через пару часов. Надеюсь, мы найдем в архивах что-нибудь интересное о доме. А может, даже что-

нибудь о семье.

Поцеловав на прощание детей, я повернулась к двери.

– Мелани! – окликнула меня Джейн.

– Да?

– Подружка Нолы... Линдси. Вы хорошо ее знаете?

Я покачала головой.

– Я впервые вижу ее, как и вы. Она утверждает, что мы с ее матерью вместе учились в колледже, но я не помню. Мне нужно вытащить свой ежегодник и посмотреть. Может, тогда я ее узнаю. А в чем дело?

Джей-Джей протянул ручки, чтобы его снова взяли на руки. Не сводя глаз с его маленького лица, Джейн подняла ребенка. Я невольно задалась вопросом, не для того ли, чтобы не смотреть мне в глаза.

– Я не уверена, – сказала она. – Просто некоторые люди выглядят так... как будто их что-то преследует?

– Пожалуй, – согласилась я, радуясь, что ее внимание сосредоточено на Джей-Джее.

– У меня сложилось такое впечатление. Мне кажется, будто ее что-то преследует.

– Потому что она принесла доску для спиритических сеансов?

– Нет, – сказала Джейн, наконец взглянув на меня. – Наверно, потому, что она отчасти напомнила меня саму, когда я была в таком возрасте. В абсолютном одиночестве, даже в комнате, полной людей.

Я кивнула, не желая признавать, что отлично знаю, что она имеет в виду. Не так давно я чувствовала то же самое – до Джека и до того, как я помирилась с матерью и отцом. Когда растешь без родителей, это оставляет на психике неизгладимый шрам. Я на миг задумалась над своим следующим вопросом.

– Поскольку вы, в некотором роде, эксперт по воспитанию детей, как вы думаете, мне следует ограничить общение Нолы с ней?

Джейн покачала головой.

– У Нолы есть голова на плечах, как благодаря ее собственному характеру, так и воспитанию, которое она получает от вас и Джека. Думаю, она и Линдси могут быть полезны друг дружке.

Я кивнула.

– Спасибо. Когда мы приедем от Ивонны, на работу я уже не пойду, так что вы можете провести остаток дня и вечер по своему

усмотрению.

– Спасибо, – ответила Джейн. – Хотелось бы надеяться, что вы ничего не найдете в архивах.

Я недоуменно приподняла брови.

– Не хочу показаться неблагодарной. В самом деле, нет. Мои юристы объяснили, что завещанных мне денег хватит, чтобы провести реставрацию, которая позволит продать дом за довольно солидную сумму. После чего мне не придется беспокоиться о деньгах, что, конечно, приятно. – Она на миг умолкла. – Просто...

– Просто что?.. – подсказала я.

– Вы когда-нибудь считали, что проще игнорировать плохие вещи в надежде, что они исчезнут?

Я на миг задумалась. Сказать ли ей, что я уже сломала зубы на такой философии? Я тотчас вспомнила приглашение, которое я спрятала под счетом в надежде на то, что его не заметят и забудут. Но решила, что, как ее работодатель и мать двоих детей, я обязана дать более зрелый ответ.

– Наверное, это проще, – сказала я. – Но, по моему личному опыту, плохие вещи не похожи на укусы комара: если его не трогать, он пройдет сам, а если его расчесать, вы только сделаете себе хуже. Обычно чем дольше ждешь, тем хуже становится то, с чем вам не хочется иметь дело.

Джейн пристально посмотрела на меня.

– Вы верите в... – Она не договорила, и я задалась вопросом, почувствовала ли она, что температура в комнате упала. Джей-Джей продолжал лепетать, но Сара подняла глаза и выжидающе уставилась на дверь.

– Верю во что? – спросила я, вспомнив, как накануне невидимая сила столкнула Джейн с лестницы. И ее неодобрение спиритических сеансов.

Сара захныкала. Джейн наклонилась к ее лицу, и я не расслышала ее ответ. Пока она успокаивала мою дочь, я воспользовалась возможностью осмотреть комнату. Но ощутила лишь все тот же темный занавес, который был плотно задернут и закрывал мне обзор.

Я наклонилась, чтобы поцеловать близнецов в макушку, и отступила к двери.

– Мы скоро вернемся.

Мы попрощались, и я закрыла за собой дверь. Затем медленно спустилась по лестнице, почти уверенная в том, что знаю, о чем она хотела меня спросить. Но как ей ответить?

Глава 11

– Было что-нибудь в почте? – поинтересовался Джек, положив одну руку на руль, а другую небрежно закинув на спинку моего сиденья. Огнеупорное здание на Чалмерс-стрит, где хранится Исторический архив Южной Каролины, было не так уж далеко, и Джек предложил прогуляться, но из-за того, что я все утро проходила на шпильках, которые носила до беременности, мои ноги были готовы изойти кровью. Несмотря на онемение стопы с одной стороны и волдыри с другой, я пообещала своим красивым туфлям не снимать их до конца дня.

От Джека пахло шампунем, мылом и Джеком, и я никак не могла заставить себя убрать его руку, пока он не извинится. За что, я не знала. Я знала только одно: что на душе было тревожно и что это началось, когда я вошла в детскую и увидела его, Джейн и наших детей вместе. Почему-то я ощутила себя лишней. Мои старые комплексы снова всплыли наружу, как сыпь, которая не исчезла полностью. Потому что в глубине души я все еще считала, что любовь Джека – это случайность, что однажды он проснется и увидит жалкого, неловкого, ранимого подростка, какой я когда-то была и какой, боюсь, по-прежнему оставалась.

– Мелли?

Я поняла, что смотрю на его профиль, позволяя мыслям блуждать по той дороге, по которой мне не хотелось идти.

– А? Извини, что ты сказал?

– Было что-нибудь в почте?

Блин.

– Да, пара конвертов. Еще один счет от Рича Кобилта. Я не смотрела на сумму. Не хотела, чтобы у меня возникали уродливые мысли о том, чтобы спрятать тело в цементе. Как будто раньше этого никто не делал.

– Полиция бы сразу поняла, где искать, – серьезно ответил Джек.

– Верно. И кто знает, что еще они откопали бы, а потом мы провалились бы в очередную кроличью нору. Так что уж лучше разобраться со счетом.

Казалось, он ждал, что я скажу еще что-нибудь.

– Что такое? – спросила я. – Ты считаешь, я должна оплатить счет?

– Нет. Ты сказала, что в почте была пара конвертов. Какой второй?

Может, мне на ходу выпрыгнуть из машины? Джек ехал не слишком быстро, и я вполне могла дойти до дома пешком, даже если после этого навсегда останусь хромой.

– О, – сказала я и даже махнула рукой, чтобы показать ему, насколько это не важно. – Это было приглашение.

Джек был писателем жанра тру крайм и привык копаться в деталях и задавать вопросы. Не знаю даже, с чего я взяла, что он не заметит моей уклончивости.

– Приглашение?

Я кивнула. Джек вздохнул.

– Куда?

Я с тоской посмотрела на обочину дороги, и моя рука зависла над дверной защелкой.

– На вечеринку. В «Кэннон-Грин».

– На вечеринку? Да, это что-то. Что за вечеринка? Первый день рождения ребенка? Отставка? Обручение? Открытие нового предприятия Софи по изготовлению юбок ручной работы из африканской травы?

– Вечеринка по случаю выхода книги, – быстро сказала я, кашлянув, в смутной надежде, что он не расслышит и больше не спросит.

– Вечеринка по случаю выхода книги? – повторил он, четко выговаривая каждый согласный. – В честь кого?

Я тянула с ответом. Джек взглянул на меня, и на его лице отразилось недоверие, смешанное с растерянностью.

– Не может быть...

– В честь Марка. По случаю выхода книги «Похоть, жадность и убийство в Священном городе». По-моему, это будет нечто грандиозное – приглашение прислал его издатель. Наверно, поэтому мы тоже в списке гостей. Но это ошибка, потому что они не в курсе твоих отношений с Марком.

– О, еще как в курсе! И я почти уверен, что Марк позаботился о том, чтобы нас включили в этот список.

– Значит, мы не пойдём, да? – с надеждой спросила я. Тратить деньги на вечернее платье для банкета, устраиваемого Марком Лонго, не входило в список моих приоритетов, наряду с сеансами ясновидения на встрече выпускников Эшли Холл (как предложила Нола).

Джек ни секунды не колебался.

– Конечно, мы пойдём.

– Но зачем подвергать себя унижениям, зачем видеть, как Марк злорадствует, а те, кто должны понимать, что к чему, льстят ему? Ведь он украл у тебя эту книгу. А потом попытался украсть наш дом у нас обоих. Зачем нам идти на вечеринку и прославлять его? Не забывай, Ребекка тоже будет там. На ней будет омерзительное розовое платье, и от одного ее вида и самодовольной улыбочки меня наверняка вырвет.

Джек улыбнулся, и ямочки на его щеках стали глубже.

– Одно это стоит потраченного времени. Главное – постарайся попасть в нее.

Я толкнула его локтем.

– А если серьезно, зачем заставлять нас обоих проходить через это?

– Потому что, если мы не приедем, это будет означать, что мы обижены. Приняв приглашение, мы покажем им, что нам все равно. Что мы выше их мелочности и пришли на вечеринку, посвященную Марку и его книге, потому что мы рады за него и его успех. Потому что мы лучше их. Мы взрослые люди, которые могут оставить обиды позади и двигаться дальше, не терзая себя.

– Ты действительно так считаешь?

– Черт побери, нет. Я зол как черт и считаю Марка подлым мерзавцем, и, будь сейчас другое столетие, я бы вызвал его на дуэль. К сожалению, сейчас это исключено. Так что вместо этого мы пойдём на его вечеринку с сахарными улыбками на лицах и слопаем столько икры, сколько в нас влезет. Да еще положим в салфетки, чтобы принести домой. И пусть они думают, что мы что-то замыслием.

Он пристально смотрел на дорогу перед собой, и у меня возникло ощущение, что он по какой-то причине избегает смотреть на меня, а не просто не хочет сбить зеваку-туриста, стоящего посреди Брод-стрит, чтобы сфотографировать церковь Святого Михаила.

– Например, чтобы использовать наш дом для съемок фильма? Потому что мы не дадим на это согласие, верно?

В Чарльстоне даже парковочные места, похоже, были бессильны устоять против чар Джека. По крайней мере, как только мы подъехали к Огнеупорному зданию, на Митинг-стрит тотчас освободилось одно место. Ловко припарковав минивэн, Джек с улыбкой повернулся ко мне.

– Приехали.

– Джек...

Но он уже вскочил со своего места и открывал для меня пассажирскую дверь.

– Мы слегка опоздали, поторопись, – сказал он, посмотрев на часы. – Некрасиво заставлять Ивонну ждать.

Схватив меня за руку, он потащил меня вверх по знакомой лестнице в здание, затем в знакомый читальный зал, где мы с ним провели не один час, исследуя различные факты из истории Чарльстона.

Ивонна сидела за одним из длинных деревянных столов. Перед ней выстроился ряд из нескольких книг, и из каждой торчали закладки. Она подняла глаза, улыбнулась и, сверкнув стразами на оправе элегантных очков, встала из-за стола.

Ивонна поднялась на цыпочки, чтобы поцеловать Джека в каждую щеку, затем повернулась ко мне.

– Вы, как всегда, прекрасно выглядите, Мелани. Держите Джека на строгом поводке?

– Как же иначе, – усмехнулась я.

– Даже близко не подпускает, – одновременно со мной пошутил Джек.

Ивонна подмигнула и поцеловала меня в щеку.

– Все тот же старина Джек, – сказала она с задумчивой ноткой в голосе, и я подумала, – кстати, не впервые, – что, будь она на тридцать лет моложе, а он все еще холост, она бы точно прибрала его к рукам.

– Мне нравятся ваши новые очки, – сказал Джек, глядя на Ивонну. – Они красиво обрамляют ваше лицо.

Ее щеки приятно порозовели.

– Осторожно, Джек. Лесть не доведет вас до добра.

– А разве я этого не знаю? – сказал он, сжимая ее плечи, отчего она покраснела еще больше.

Прокашлявшись, Ивонна обратила наше внимание на книги на столе.

– Значительная часть архивов была перемещена в новую библиотеку Чарльстонского колледжа, но, к счастью, большую часть того, что вы искали, я нашла здесь. Возможно, вам все равно захочется заглянуть туда и в архивы Чарльстонского музея, чтобы узнать еще больше о семье Пинкни. Это очень старая чарльстонская семья, среди них двое отцов-основателей США и губернатор. Кстати, моя мать в девичестве тоже была Пинкни. Баттон и ее брат Самтер принадлежали к другой ветви, но наша где-то соприкасается с их ветвью. Их мать, Розалинда, приходилась далекой кузиной, но мы проводили лето вместе на нашей семейной плантации на Эдисто. Видите ли, мы были сверстниками.

Мы с Джеком сели на жесткие деревянные стулья.

– Похоже, вы не теряли зря времени, – сказал Джек. – Я знаю, что всегда могу положиться на вас, если мне нужно найти необходимую информацию.

– Рада это слышать, – сказала Ивонна. – Все так и подумают, когда прочтут посвящение мне в одной из ваших книг.

Она укоризненно посмотрела на Джека. Я тоже посмотрела на своего мужа.

– Не могу поверить, что ты ни разу этого не сделал, несмотря на всю помощь, какую нам оказывала Ивонна. В самом деле, Джек.

– Вообще-то, Ивонна, я планировал посвятить вам книгу, над которой работал, но тут встретил Мелли, – сказал он, и я заметила, как дернулись мышцы его нижней челюсти. – А потом книгу не опубликовали.

– Не переживайте об этом, Джек. Хотя я отношусь к епископальной церкви, я верю в карму. Запомните мои слова, Марку Лонго в конце концов воздастся по заслугам. Надеюсь, нам всем повезет увидеть это.

Ивонна усмехнулась, ее идеальные зубные протезы сверкнули.

Она повернулась к разложенным перед нами книгам.

– Итак, давайте посмотрим, что я нашла. Мне не удалось найти оригинальные чертежи дома Пинкни на Саут-Бэттери. Однако мне

кажется, что я обнаружила кое-что еще лучше. – Она повернула к нам старый том в кожаном переплете. – Чертежи дома, который стоял там до его постройки.

Ивонна застыла, чинно сложив на груди руки, пока мы с Джеком рассматривали старый рисунок скромного жилища, некогда стоявшего на том участке, где теперь находился дом Джейн Смит на Саут-Бэттери.

– Как видите, когда-то перед домом было болото, ведущее к реке Эшли. В 1909 году городские власти засыпали болото, подняли уровень земли и проложили там бульвар Мюррей.

Я промолчала, гадая, какое это имеет отношение хоть к чему-то.

– Дайте-ка угадаю, – сказал Джек. – Человек, который построил его, был капитаном дальнего плавания.

Ивонна посмотрела на него в упор.

– Вы водите меня за нос и проводите собственное расследование, мистер Тренхольм?

– Виновен, не отрицаю. Просто я решил на всякий случай прозондировать почву, вдруг найду что-нибудь для своей следующей книги, и наткнулся на договор на участок земли, владельцем которого когда-то был капитан Стивен Эндрюс.

Ивонна выжидающе посмотрела на него.

– Пират-джентльмен, – добавил Джек. – Хотя это никогда не было доказано... он не был повешен вместе с Черной Бородой и Стидом Боннеттом там, где сейчас расположен сквер Уайт-Пойнт, хотя легко мог закончить жизнь на виселице. Несмотря на охрану вокруг дома, ему удалось бежать на Барбадос, где он прожил долгую жизнь, скончавшись в возрасте девяноста лет. Он постоянно заводил себе новых жен, все младше и младше, от которых имел кучу детей.

Ивонна неодобрительно скривила губы.

– Если честно, я уже устала слушать скучную биографию человека, который умер много лет назад и даже не владел домом.

– И смысл всего этого в том...

И Ивонна, и Джек бросили на меня недоуменный взгляд, похожий на тот, которым смотрела на меня Софи, когда я предлагала более дешевую и разумную альтернативу, включающую замену чего-то старого в моем доме.

– Что ж, – терпеливо сказала Ивонна, – учитывая Чарльстонскую гавань, ведущую прямо в Атлантику, наличие дома почти у самой воды сильно облегчало незаконную деятельность, такую как пиратство и контрабанда, и, возможно, бегство в другую страну.

Я выпрямилась.

– Например, туннель или что-то в этом роде?

– Совершенно верно, – сказал Джек. – И даже когда дом по какой-то причине сровняли с землей, а над ним построили новый, туннели и лестницы, ведущие к ним, могли уцелеть.

– Но что это значит? – не унималась я.

– Пока ничего, – сказал Джек. – Это просто фрагмент пазла. Это может ничего не значить, но мы не узнаем результат, пока не выложим все фрагменты на стол.

В его глазах вспыхнула знакомая искорка. Увидев ее, я искренне обрадовалась. Как же здорово, что в нашей семье писателем был он, а я – всего лишь агентом по продаже недвижимости, способной видеть мертвых людей. Мне было очень трудно восторгаться домами, которых больше не было, и даже теми, которые все еще существовали. Если только я их не продавала.

Ивонна пододвинула к нам плотную картонную папку и открыла ее. Внутри лежало несколько фотокопий. Взяв верхний листок, она положила его перед нами.

– Я нашла это описание 1930 года, когда ремонтом дома занималась не кто иная, как Сьюзан Прингл Фрост, мать движения за сохранение исторического наследия здесь, в Чарльстоне. Материал был опубликован в журнале «Архитектура» и включает планы этажей, что может оказаться вам полезным.

Джек постучал пальцами по столешнице, внимательно изучая чертеж. Я притворилась, будто тоже рассматриваю его, но без очков для чтения, надежно упрятанных в прикроватную тумбочку, все, что я видела, – лишь смутные черные линии.

– Что это? – спросил Джек, указывая на квадратный чертеж с сильно размытыми черными линиями.

– Это первый этаж, также известный как подвал и используемый только для хранения чего-либо не гниющего, так как он был подвержен затоплению, – отметила Ивонна.

– Или для временного хранения пиратской добычи, пока ее не продали куда-то дальше, – добавил Джек. – И, если к этим хранилищам имелся доступ во время сухого закона, я уверен, их наверняка использовали для контрабанды алкоголя.

– Вне всякого сомнения, – сказала Ивонна с легкой улыбкой, как если бы речь шла о нашем любимом сорте чая. – Но, судя по документации, во время реставрации все точки доступа туда из дома были замурованы, а сам подвал засыпан для укрепления фундамента.

Джек откинулся назад. На его лице читалось разочарование.

– Есть одна сюжетная идея. Я надеялся отправиться на поиски сокровищ в недрах дома, с разрешения Джейн, разумеется. Но, похоже, их больше не существует.

Ивонна подвинула папку к нему.

– Когда одна дверь закрывается, открывается другая. Взять, к примеру, этот дом... никогда не знаешь, что еще найдешь.

Радуясь, что утомительный разговор о доме завершен, я повернулась к Ивонне.

– Мы, конечно, можем откопать больше информации о Пинкни в архивах, но мне интересно, что вы знали о них, будучи их родственницей. Моя мать была школьной подругой Баттон, но они утратили связь после того, как в начале восьмидесятых мать уехала из Чарльстона, ей известны лишь туманные подробности. Мы действительно пытаемся понять, почему Джейн Смит, никогда не видевшая Баттон в глаза, унаследовала все ее состояние. Наверняка должна иметься причина помимо той, что мисс Пинкни была филантропом и помогала животным и сиротам.

Глаза Ивонны за стеклами очков азартно заблестели.

– Потому что, как не раз повторял наш Джек, совпадений не бывает.

Я улыбнулась в знак согласия, хотя не была уверена, нравится ли мне это ее слово «наш». В нашем свидетельстве о браке, насколько я помню, были указаны только два имени, его и мое. Я мысленно одернула себя: когда же, наконец, я перестану сомневаться в Джеке. Он ведь выбрал меня, верно? Не то чтобы у него и в самом деле был выбор, учитывая, что я ожидала его детей. Но он любил меня. Он говорил мне это по дюжине раз в день. К тому же Ивонна годилась ему в бабушки, да и мне она очень нравилась. Вряд ли мне к лицу мысли о

том, чтобы пригласить ее в дамскую комнату для частной беседы о моем муже. Я потеряла глаза.

– Ты хорошо себя чувствуешь, Мелли? – Джек провел рукой по моей спине, и каждый нерв в моем теле мгновенно встал на дыбки.

– Да, просто устала. – Я одарила Ивонну своей самой широкой улыбкой, желая показать ей, что искренне сожалею о своих мыслях, но она посмотрела на меня с сомнением. – Я просто надеялась получить от вас небольшую инсайдерскую информацию о них. Или что вы укажете Джеку направление исследования, которое от нас ускользнуло.

– Я, конечно, могу попробовать, – сказала она. – Хотя, когда умерла Розалинда, боюсь, я потеряла связь с ее детьми. Я лишь знала, что Самтер переехал в Нью-Йорк, бросив свою бывшую жену в доме с бедняжкой Баттон.

– Почему Баттон бедняжка? – спросила я.

Ивонна задумалась.

– Потому что, как единственная девочка в семье, она всегда выполняла роль сиделки. К сожалению, Розалинде продолжительное время нездоровилось, и Баттон оставалась дома, чтобы заботиться о ней, несмотря на желание поступить в колледж. Ей хотелось стать ветеринаром... она вечно подбирала бродячих животных, а потом с удовольствием лечила их. Когда Розалинда наконец умерла, Баттон было уже слишком поздно возвращаться к учебе или искать себе мужа. Все мужчины ее возраста уже были женаты и имели детей. Кроме того, на ее плечи легла забота об Анне и Хейзелл. Самтер постоянно был в разъездах, и Баттон взяла на себя заботу о том, чтобы Анна и Хейзелл ни в чем не нуждались.

– Анна? – спросил Джек.

– Бывшая жена Самтера. Бедняжка. Она обожала малышку Хейзелл, не чаяла в ней души, заботилась о ней во время ее многочисленных болезней. Никто из врачей и специалистов, к которым она обращалась, так и не смог сказать, что с ее дочерью, но Анна сохраняла мужество и говорила всем, кто ее слушал, что, мол, что бы это ни было, она найдет лекарство и вылечит дочь. – Ивонна на миг умолкла, собирая в кулак самообладание. – К сожалению, этого не произошло. Бедняжка Хейзелл умерла, когда ей было всего одиннадцать лет. Она была таким милым ребенком. Веселая, умная. И такая добрая. Она любила всех бездомных животных, которых Баттон

приносила в дом. Она очень переживала, что ее мать изнуряет себя, заботясь о ней. – Глаза Ивонны на миг затуманились. – Тело ребенка еще не успело остыть, а Самтер уже развелся с Анной и переехал в Нью-Йорк. Неудивительно, что Анна не смогла справиться с жизнью в одиночку. Так что Баттон заботилась о ней до самой ее смерти в 1993 году.

Глаза Джека потемнели от задумчивости.

– Значит, Анна была ровесницей моей матери, потому что ей был тридцать один, когда она умерла. Вы помните, что случилось?

Ивонна на миг смутилась, и я была вынуждена напомнить себе, что она не только истинная чарльстонка, то есть сдержанная от рождения дама, но и выросла до сестер Кардашьян и социальных сетей, которые ничего не оставили от частной жизни. Ивонна деликатно откашлялась.

– Я не знаю. Близкие родственники сомкнули уста, а публичных обсуждений не было. В некрологе было сказано только, что она умерла дома.

По моему позвоночнику пробежала легкая дрожь, как будто холодный палец медленно скользнул по каждой косточке.

– Дома? То есть в доме на Саут-Бэттери?

Ивонна кивнула, и я на миг закрыла глаза, вспоминая присутствие не одного духа: один тянул меня, чтобы я осталась, а другой приказывал уйти. А потом... ничего. Просто осознание того, что там был кто-то или что-то, что мне не разрешалось видеть.

Джек выпрямился и положил локти на стол.

– Вы ходили на похороны?

– Нет. Я даже не знала, что они состоялись. Все было кончено еще до того, как я узнала, что она умерла.

Ивонна умолкла, словно размышляя, стоит ли рассказать больше.

Джек подался вперед и взял ее руки в свои.

– Прошу прощения, если мы напомнили о печальном.

Ивонна благодарно улыбнулась Джеку.

– Это очень мило с вашей стороны, Джек. Но это помогло мне осознать, что здесь что-то не так. Это что-то не было упомянуто, потому что было... некрасиво.

Ничего не говоря, Джек взял ее за руку. Похоже, это была поддержка, в которой она нуждалась.

– Была еще одна вещь...

Их взгляды встретились, и я поймала себя на том, что затаила дыхание.

– Анну похоронили не на кладбище Магнолия, рядом с мужем и дочерью, а на семейном кладбище в Айкене. Поскольку Баттон на тот момент была единственной близкой родственницей, это было ее решение.

– Любопытно, – сказал Джек.

– Да, любопытно, правда? – Ивонна наклонилась ближе. – И я надеюсь, что вы будете использовать эту информацию со строжайшей осмотрительностью.

– Вы же знаете, Ивонна, я никогда не рассказываю о поцелуях.

Ивонна покраснела и высвободила руки.

– Чего не знаю, того не знаю.

Джек быстро встал и обошел вокруг стола, чтобы отодвинуть для нее стул, а меня предоставил самой себе.

Я взяла папку.

– Спасибо, Ивонна, за вашу помощь. Не знаю, чем это поможет Джейн, но, по крайней мере, это поможет Джеку начать работу над следующей книгой.

Я наклонилась и поцеловала Ивонну в щеку, вдыхая запах детской присыпки и лака для волос, что тотчас напомнило мне мою бабушку.

– Всегда рада помочь, Мелани. Вы же знаете, я обожаю головоломки, которые мне подкидывает Джек. Помогает сохранить молодость. Это и еще зумба.

При этих ее словах мои глаза от удивления полезли на лоб, но я промолчала. Мы попрощались и вышли. Пока мы оба в глубокой задумчивости спускались по ступенькам крыльца, рука Джека лежала у меня на талии.

Мы вышли на тротуар, я взглянула на Джека. Его брови были нахмурены.

– Что-то не так?

– Я не знаю, что именно. Либо причина, по которой Баттон решила, что Анну Пинкни нельзя хоронить с мужем и ребенком, либо картинка, как Ивонна Крейг занимается зумбой. – Он улыбнулся, и я могла поклясться, что мое сердце ёкнуло. – Думаю, мне нужно узнать

больше. Хочу съездить в Чарльстонский музей, посетить архивы и посмотреть, что еще я смогу откопать.

– Тебе не нужно записываться заранее?

Джек лукаво приподнял бровь.

– Не всегда.

Я положила руку ему на локоть.

– Пообещай, что сообщишь мне обо всем, что найдешь, прежде чем поделишься этим с Джейн. Она сказала мне, что порой ответы, которые мы находим, лучше не знать. Как будто она уже проходила этот путь раньше, но ее постигло разочарование. Как будто она раз за разом пыталась найти родителей и не вынесет очередного тупика.

– И ты не хочешь ее расстраивать, потому что тогда ты можешь потерять няню?

Я покачала головой.

– Нет. Думаю, это потому, что Джейн мне нравится, и до сих пор у нее была трудная жизнь. – А еще потому, что она немного напоминает меня. – Я не хочу, чтобы из-за меня она набивала новые шишки.

– Решено, – сказал Джек, наклоняясь, чтобы легонько поцеловать меня в губы, и вручил мне ключи от машины. – Я пойду пешком. Увидимся дома. – Было в его словах что-то такое, отчего мурашки пробежали по всему телу.

– Увидимся дома, – сказала я, поворачиваясь к минивэну. Слова Ивонны все еще крутились у меня в голове. «Она умерла дома». Мне непременно нужно вернуться в дом Джейн, но не одной. Если в доме был кто-то, кто хотел, чтобы я ушла, существовал только один известный мне человек, способный помочь одолеть его. Или, по крайней мере, помочь определить, кто или что это было. Ведь мои способности, похоже, покинули меня, и это уже начало меня бесить. Нажав на телефоне кнопку быстрого набора, я подождала, когда мать ответит. Я снова вспомнила слова Ивонны и задалась вопросом, почему Анну похоронили вдали от мужа и единственного ребенка.

Глава 12

Вернулась более теплая погода и разбудила дремлющие сады, предмет гордости всех жителей Чарльстона. Хотя было лишь начало февраля, цветы уже прорастали из оконных ящиков и вазонов – и то и другое можно было легко внести в помещение в случае неожиданных заморозков, которые были просто обязаны ударить до официального начала весны. Так местные жители отличали тех, кто был «оттуда». Новоприбывшие начинали сажать свои однолетние растения при первом же дуновении теплого воздуха, а затем их видели в расстроенных чувствах, они плакали на верандах над пожухлыми, увядшими растениями, потому что на следующей неделе ртутный столбик падал ниже нуля.

Я прошла несколько коротких кварталов до дома моей матери на Легар-стрит в кроссовках и костюме для йоги, которые она мне купила. Мать сказала, что это ее подарок самой себе. Мол, она решила заняться спортивной ходьбой для здоровья, чтобы подольше оставаться в форме. У нее по-прежнему была выносливость и фигура двадцатилетней девушки, и я понятия не имела, почему эта навязчивая идея внезапно овладела ею, но она не хотела ходить одна, а я была наиболее вероятным кандидатом на роль партнера. Прогулкам мой отец предпочитал садоводство. Вероятно, потому, что считал спортивную ходьбу слишком большой угрозой для своей мужественности – как будто садоводство не было тем хобби, в котором преобладали женщины. Но, похоже, ему нравилось быть одним из немногих мужчин в садоводческом клубе.

Вот почему у меня на ногах были синие кроссовки (те, которые я носила во время беременности, слишком разношены и теперь были бы впору разве что слоненку). А еще на мне штаны для йоги, именно в таких я не единожды видела Софи. Я не раз задумывалась, уж не близок ли конец света, коль мы с Софи теперь носим одинаковую одежду.

Я остановилась у ворот дома, в котором жила первые шесть лет своей жизни с бабушкой. Я всегда ощущала ее присутствие, но здесь оно было гораздо сильнее. Иногда меня мучил вопрос, были ли это

лишь мои воспоминания о ней, или она все еще оставалась здесь, чтобы я не наделала глупостей. Она по-прежнему время от времени звонила мне по телефону, так что, скорее всего, второе, но мне всегда нравилось бывать в этом доме.

На кованом садовом столе стоял цветочный ящик. Что-то напевая себе под нос, отец сажал во влажную землю лимонно-желтые петунии и золотые герберы.

– Доброе утро, дорогая, – сказал он, когда я поцеловала его в щеку. – Знаю, зима еще не закончилась, но я не смог удержаться, чтобы не высадить чего-нибудь в такую хорошую погоду.

– Они прекрасны, – сказал я, восхищаясь оттенками и композицией цветов. У отца был истинный дар садовника, который я только начинала ценить. Я уже знала, как выглядят и пахнут розы, так что начало было положено.

– Собралась с мамой на утреннюю прогулку?

– Да, – сказала я. – Я думала, она будет ждать снаружи.

Отец поджал губы.

– У нее ранняя встреча, но к настоящему времени они уже должны закругляться.

– Встреча?

Он коротко кивнул, давая понять, что это за «встреча». В отличие от меня, у моей матери не было проблем с рекламой экстрасенсорных способностей. Мой отец предпочитал делать вид, что это все ерунда. Похоже, эту привычку я унаследовала от него. Я вздохнула.

– Где они?

– В гостиной внизу. Не волнуйся, ты не прервешь ничего важного, – сказал он, увидев сомнение на моем лице. – Кроме того, она здесь уже долго.

– Спасибо, пап, – сказала я, не зная, стоит ли мне оскорбиться, что он не воспринимал наши способности всерьез. Между ним и моей матерью шла непрекращающаяся битва, и я, когда была маленькой девочкой, оказалась частично виновата в их разводе. Хотя отец постоянно сталкивался с призраками и паранормальными явлениями, он был Фомой неверующим, отрицавшим существование тонкого мира. Он хорошо видел и понимал лишь то, что хотел, – вот в этом я действительно была его дочерью.

Я толкнула входную дверь и замерла, увидев перед собой странную штуковину. Она была похожа на двойную прогулочную коляску, вслед за которыми по улицам Чарльстона бегали молодые, подтянутые и веселые матери, и их задорные «конские хвосты» радостно подпрыгивали над задним ремешком бейсболки. Наверно, эту штуку захватила с собой клиентка, с которой у матери была назначена встреча. Я не могла придумать никакой другой причины, почему эта штука стоит в фойе дома моих родителей.

– Мелли? Это ты?

– Да, мама, – сказала я, направляясь в гостиную. Я на миг застыла на пороге, любясь игрой солнечного света, падавшего через стекла витража. Внутри таилось секретное послание, загадка, которую мы с Джеком разгадали с помощью моей матери. Тогда она подумала, что мы с ней могли бы публично заявить о наших способностях и что наш долг – помогать другим. Я все еще тянула, ожидая, когда она меня убедит в том, что это не разрушит мою карьеру или мою репутацию.

– Иди сюда, – сказала мать, приглашая меня к ломберному столику из красного дерева, за которым, по слухам, когда-то играл в карты сам Лафайет. Она сидела напротив рыжеволосой женщины примерно моего возраста, но темные круги под глазами делали ее старше. Моя мать сняла перчатки, и они были аккуратно сложены на краю стола, не оставляя сомнений в том, что она гадала.

– Доброе утро, – сказала я, наклонившись, чтобы поцеловать ее в щеку, и кивнула ее гостье. – Мы опаздываем на прогулку, а в десять у меня назначена встреча, я показываю квартиру в Ист-Бэй.

– Сядь, Мелли. Мы почти закончили.

Я повиновалась и, вопросительно приподняв брови, посмотрела на нее.

– Вероника, это моя дочь, Мелани Тренхольм. Мелани, это Вероника Фаррелл. Если не ошибаюсь, ты знакома с ее дочерью.

Я в замешательстве уставилась на гостью, пытаюсь вспомнить имя и лицо.

– Извините, но...

– Моя дочь – Линдси. Подружка вашей падчерицы Нолы, они учатся в одном классе в Эшли Холл.

– О да. Конечно, – сказала я, вспоминая девушку, которую Нола привела домой. Девушку с доской для спиритических сеансов. Было в

Линдси что-то еще, что у меня никак не получалось вспомнить. Эх, мне точно следовало взвесить свой мозг до и после родов, чтобы иметь доказательство того, что с рождением каждого ребенка теряется значительное количество серого вещества.

Легкая улыбка приподняла уголки губ Вероники, слегка осветив ее бледное лицо.

– И я знаю вас по Университету Южной Каролины. В свое время мы обе записались на курс истории искусств и вместе работали над проектом.

Точно! Я едва не хлопнула себя по лбу.

– О да. Линдси говорила об этом. Боюсь, я мало что помню из студенческих лет. Наверно, я сознательно старалась подавить эти картинки, чтобы не вспоминать, какой одинокой и неуклюжей я была в социальном плане.

Она широко улыбнулась, и я увидела сходство с дочерью: несмотря на разный цвет волос, у них были одинаково тонкие, почти хрупкие кости, высокие скулы и прямые брови. «Патрицианские» – вот как бы я их назвала. Теперь я ее вспомнила, хотя и смутно, а также и причину, по которой я, вероятно, исключила ее из своих мыслей, как только мы получили оценку за наш проект. Она была из тех девушек, которые слишком хорошо общались со своей семьей. Ее мать или сестра вечно звонили, когда мы работали над проектом, и вместо того, чтобы проигнорировать звонок, она всегда на него отвечала, а затем тратила драгоценное рабочее время на рассказ о содержании их разговора. Мне это казалось утомительным, хотя теперь я, наверно, признала бы, что в своем одиноком, почти сиротском положении просто завидовала ей.

– Мы получили высший балл, если я правильно помню, – сказала я с улыбкой, как будто это могло компенсировать целый семестр отчужденности.

– Верно. И, главное, заслуженно. Вы стремились получать высокие баллы, и ваш пример стал заразительным. Помню, вы были очень организованны, что оказало на меня хорошее влияние. Думаю, в тот семестр у меня был самый высокий средний балл за всю мою учебу в колледже. – Ее улыбка дрогнула. – Моя сестра навещала меня, когда мы работали над проектом. Она жила в моей комнате в

общежитии, пытаюсь выбрать между Университетом Южной Каролины и Чарльстонским колледжем. Вы встречали ее.

Веронике Фаррелл, похоже, было важно, чтобы я это вспомнила. Я нахмурилась, перебирая свои воспоминания; я как будто просеивала муку, чтобы увидеть, что там застряло. Ничего. Ровным счетом ничего.

– Извините, не помню. Хотя припоминаю, что вы были близки... много разговаривали по телефону. Вы все еще близки?

На ее лицо упала тень, и я услышала, как Вероника сглотнула. А еще я ощутила запах духов, причем до странности знакомый. Единственное, в чем я была уверена, – это в том, что ни мать, ни Вероника не душились ими, иначе я бы заметила его раньше. На моих глазах возник ореол света, окруживший Веронику. Запах странных духов стал еще более явственным, а свет за ее спиной задрожал. Мой взгляд скользнул на позолоченное зеркало над буфетом в другом конце комнаты, и я увидела в нем отражение девушки лет двадцати с небольшим. Ее рука покоилась на плече Вероники, взгляд карих глаз был устремлен прямо на меня. Сначала я испытала облегчение, облегчение оттого, что я по-прежнему вижу духов. Потом удивление, потому что, кто бы это ни был, он явно ждал меня.

– Она умерла, – спокойно произнесла Вероника, как будто, говоря о сестре, привыкла сдерживать эмоции. – Ее убили, когда она училась на первом курсе Чарльстонского колледжа. Полиция так и не узнала, кто это сделал.

Свет позади нее стал ярко-белым, а затем исчез вместе с запахом духов.

– Вот почему Вероника пришла ко мне сегодня утром, – мягко сказала мать. – Детектив Райли дал ей мой номер телефона в надежде на то, что я смогу помочь.

Я встала.

– Поскольку ты явно не закончила, думаю, сегодня утром я пойду на прогулку одна.

Мать положила руку мне на плечо.

– Остайся, Мелли. Обычно я не прошу тебя помогать мне с клиентами, но, поскольку ты уже общалась с Вероникой и встречалась с ее сестрой Адриенной, думаю, ты можешь мне помочь.

Я посмотрела на мать, надеясь, что она истолкует этот взгляд как «подожди, пока я уйду», но снова села на место.

– Я не знаю, чем могу помочь...

Я вновь ощутила запах духов, узнав в нем те, которыми я душилась в колледже. «Ванильный мускус» от Коти. Он был очень популярен в конце девяностых, когда Адриенна была на первом курсе.

Моя мать снова повернулась к Веронике:

– Вы сказали, что хотите что-то показать мне, что-то, что принадлежало вашей сестре.

Вероника кивнула и, сунув руку в карман юбки, вытащила длинную золотую цепочку с кулоном. Я наклонилась ближе: кулон был сломан посередине, замок застегнут. И тогда я вспомнила наш разговор с Томасом, он спросил меня, могу ли я помочь ему с одним «висяком». Что-то про сломанную цепочку, найденную в сундуке давно мертвой сестры, сундук обнаружили на чердаке родительского дома и вскрыли впервые с момента убийства.

Я протянула руку, глядя, как золотые звенья, змеясь, опускаются в мою ладонь, а поверх них лег сломанный кулон. На его вершине красовалась греческая буква, а две другие свисали прямо под ней. Искусственно зазубренный край показывал, где мог крепиться второй амулет.

– Я не состояла в женском обществе, поэтому, боюсь, для меня это китайская, вернее, греческая грамота. – Я сказала это вовсе не в шутку, но мать все равно пнула меня под столом.

– Это вензель из букв женского общества Адриенны, «омега хи», и другой организации, с греческой буквой «омега». Это могло быть как женское общество, так и братство... без остальной части кулона твердо сказать нельзя. Понятия не имею, где может быть эта вторая половина.

– В названии братства ее парня была буква «омега»? – спросила я.

– Нет. Она встречалась с парнем из Каппа Сигмы, но у него было железное алиби, и он никогда не считался подозреваемым. – Вероника откашлялась. – Это недавно обнаруженная улика. К сожалению, все это было двадцать лет назад. Люди разъехались кто куда, обзавелись семьями, забыли об Адриенне. Даже имея этот кулон, указывающий на что-то совершенно новое, детектив Райли не питает надежд на раскрытие дела. Он пытался взять показания у членов женских обществ и братств, содержавших в 1996 году в своих названиях букву «омега», но никто из них не помнит Адриенну.

Я повернулась к матери.

– Томас рассказывал мне про этот случай, и я объяснила, что не готова к этому.

Я уронила цепочку. Та с твердым, сердитым стуком упала на стол. Девушка все еще была здесь. Я не видела ее в зеркале, но чувствовала ее присутствие. Ощущала запах ее духов. Я оттолкнула от себя цепочку, не желая, чтобы она последовала за мной домой.

– Простите, Вероника. Честное слово, простите. Я всей душой хотела бы вам помочь. Но у меня дома двое детей, карьера, которую я пытаюсь воскресить, яма на заднем дворе, гниющие окна и множество других проблем, которые я должна решать прямо сейчас. Боюсь, я просто не могу взять на себя...

Моя мать протянула руку и схватила цепочку. Ее тонкие пальцы сомкнулись вокруг кулона, голова дернулась назад, глаза закрылись. Пару секунд мы были в полной неподвижности, а затем ее голова начала раскачиваться взад-вперед, как будто говоря «нет». А потом, словно откуда-то из эфира, из горла моей матери вырвался мужской голос, пришедший из глубин вместе со зловонием плесени.

– Не надо! – закричал голос. – Ты. Не. Хочешь. Знать. Правду.

На губах моей матери вспенилась слюна и потекла по подбородку. Вероника вскочила так резко, что ее стул с грохотом опрокинулся на пол.

Я протянула руку и выхватила у матери цепочку. Их ее легких вырвался шипящий порыв воздуха, ее голова безвольно упала на стол. Я стояла, тяжело дыша, как будто это я только что общалась с кем-то или с чем-то.

– Вам пора идти, – сказал я Веронике. – Мы ничем вам не поможем.

– Извините, – сказала она, поднимая свой стул, и сунула цепочку с кулоном в карман. – Ради бога, извините.

Мне были слышны ее шаги, удаляющиеся в холле. Входная дверь открылась и закрылась. Я наклонилась к матери, чтобы проверить дыхание. Ее пульс был ровным, но на ощупь ее кожа казалась липкой. Я помогла ей встать и подвела к дивану, чтобы она могла прилечь. Ее глаза оставались закрытыми. Я сидела с ней рядом, прислушиваясь к ее дыханию и держа ее руку в моей.

– Мы ей нужны, – наконец сказала мать.

– Ее сестра погибла двадцать лет назад, и нам ее не вернуть. И если ты сделаешь это снова, это может просто убить тебя.

Мы услышали, как вошел отец, и я быстро помогла матери сесть. Он просунул голову в комнату.

– Мне казалось, вы собирались прогуляться.

– Мне кажется, маме слегка нездоровится... – начала я.

– Мы как раз уходим, – сказала с улыбкой мать, поднимаясь с дивана.

– Мама, я думаю, тебе лучше остаться дома, если тебе нехорошо.

– Ни в коем случае. Думаю, прогулка в такую прекрасную погоду – как раз то, что мне сейчас нужно.

Она медленно поцеловала отца в губы – чтобы не видеть этого, я даже заставила себя отвернуться, – и направилась в холл, где остановилась перед штуковиной, которую я заметила ранее.

– Софи сказала, что тебе нужно иметь такую коляску. У нее она тоже есть, и она бегаёт с ней, и в полном восторге. Так что я купила ее тебе в качестве подарка ко дню рождения.

– Я не бегаю, – сказала я, стремясь вернуться к нашему предыдущему разговору.

– Знаю, но, возможно, тебе понравится заниматься бегом с детьми. Особенно в хорошую весеннюю погоду, пока не стало слишком жарко.

Я с сомнением нахмурилась, глядя на странное приспособление на колесиках.

– Вряд ли мне нужно...

Но мать распахнула входную дверь и вышла на улицу. Я последовала за ней. Она глубоко вдохнула, и я была благодарна за то, что румянец вернулся к ее щекам.

– Ничто так не очищает разум, как глоток свежего воздуха.

– Мама, – начала я, но она уже шагала по Легар-стрит. Она шла медленнее, чем обычно, но быстро восстановила силы и начала работать руками, и я с трудом поспевала за ней. Чтобы не вывихнуть лодыжки на неровных, древних тротуарах, мы шли по середине улицы с односторонним движением, навстречу движению, чтобы знать, когда нужно уйти с проезжей части.

– Ты сказала, что тебе требуется моя помощь, – сказала мать с заметным усилием.

Я пыхтела с ней рядом, мне даже пришлось перейти на бег, чтобы не отставать.

– Это очень, очень странно. В доме Джейн есть чье-то присутствие, возможно, даже двух духов. Ты когда-нибудь что-то чувствовала, навещая Баттон?

Мать покачала головой.

– Нет. Обычное смутное ощущение, что мы не одни, но не больше, чем в любом другом старом доме в Чарльстоне.

Я нахмурилась.

– Дело в том, что я чувствую два сильных присутствия, и оба пытались общаться со мной, но каждый раз, когда я нахожусь там, что-то блокирует мое зрение, мешая что-либо увидеть.

– Блокирует зрение?

Я кивнула, радуясь дополнительному мгновению, чтобы втянуть в легкие воздух.

– Как плотный занавес. Раньше такого со мной не было. Я думала, что это, возможно, из-за беременности и родов, что я потеряла свои способности вместе со всем своим гардеробом и обувью.

Мать искоса взглянула на меня.

– Миссис Хулихан все еще неправильно стирает твою одежду и она садится?

Я обиженно выпятила подбородок.

– Это пока не установлено. В любом случае, несмотря на катастрофу в твоей гостиной, меня почти успокоило то, что я увидела сестру Вероники.

Джинетт остановилась.

– Ты видела Адриенну?

Я кивнула и попыталась перевести дух.

– Да. Я чувствовала ее, ощущала запах ее духов. А потом увидела ее отражение в зеркале. Она положила руку Веронике на плечо. – Я на мгновение опустила руки на колени и посмотрела на мать. – Это означает, что я все еще вижу мертвых людей, верно?

Она кивнула.

– Похоже на то. Бывали ли еще случаи, когда ты ничего не видела, но ощущала присутствие духов?

Я на мгновение задумалась.

– Да, в комнате Нолы. Дочь Вероники, Линдси, принесла доску для спиритических сеансов, и они играли с ней.

Брови матери испуганно взлетели.

– Не волнуйся, мы сказали им, что это не игра и они не должны больше к ней притрагиваться. Но, прежде чем я вошла в комнату, там что-то произошло. В комнате определенно что-то было – нечто, исходившее из цистерны на заднем дворе. Я знала, что оно там, хотя ничего не видела.

– Странно, – сказала она, и мы пошли дальше. – Но ты ясно видела Адриенну и ничто тебе не мешало?

Я кивнула.

– Не то чтобы я просила об этом «даре», но мне по-своему его не хватает. – Я почувствовала, как мать вновь искоса посмотрела на меня, но я проигнорировала ее взгляд. – В общем, поэтому мне требуется твоя помощь. Эти два духа, похоже, довольно сильны – один столкнул Джейн с лестницы, а другой ее подхватил.

– Ты объяснила Джейн, что случилось?

– Конечно, нет. Я хочу, чтобы она доверила мне продажу дома, когда придет время. Сказать ей, что я вижу призраков, чтобы она решила, что я сумасшедшая, – не лучший способ укрепить ее уверенность во мне. К тому же она списала падение на свою неуклюжесть и решила, что еще легко отделалась. Я сказала об этом Джеку, и он говорит, что годы попыток приспособиться к разным приемным семьям научили ее не замечать ничего необычного. Это хорошо, потому что она живет у нас.

Джинетт какое-то время молчала, размышляя.

– И ты хочешь, чтобы я вошла с тобой в дом и посмотрела, что там, поскольку ты этого не видишь?

– Верно. Совесть не позволит мне продать дом со злым призраком или уговорить Джейн жить в нем, пока он там обитает.

Мы дошли до Гиббс-стрит, перешли ее и зашагали к Саут-Бэттери.

– Почти пришли. Ничего не трогай, просто дай мне знать, если ты что-то почувствуешь.

Мать озабоченно посмотрела на меня.

– Нам нужно остановиться и передохнуть.

– Почему? – выдохнула я.

– Потому что твое лицо красное, как мак, как будто ты только что пробежала марафон, а не прошла несколько кварталов, и ты задыхаешься, как Генерал Ли, когда я беру его на прогулку в разгар лета.

Я нахмурилась, но не успела ничего ответить, поняв, что мы стоим перед домом Джейн. Рядом с домом был припаркован грузовик фирмы «Хард Рок Фаундейшенз» Рича Кобилта, а на подъездной дорожке стоял мусорный контейнер, частично заполненный хламом. Рядом с ним высилась груда кухонной техники шестидесятых годов, как будто сбившаяся в кучу, чтобы обсудить побег из дома. На краю мусорного контейнера, медленно покачивая хвостом, сидел черный кот, а его единственный здоровый глаз смотрел прямо на нас.

– Как туда попал этот толстый кот? – спросила мать.

– Понятия не имею. Я не знаю, кто его кормит и как он попадает в дом, но каждый раз, когда я прихожу, он оказывается здесь. Я не сумела подойти достаточно близко, чтобы увидеть, есть ли на нем ошейник, но если у меня это получится и окажется, что он принадлежал Баттон, то мне придется решать, что с ним делать. У Джейн аллергия на кошек.

– Бедняжка, – тихо сказала мать. – Баттон обожала животных. Однажды она сказала, что чем больше она узнает людей, тем больше ей нравятся собаки и кошки.

Я подумала о Марке и Ребекке и об их приглашении с целью еще раз напомнить Джеку о его поражении.

– Иногда я с ней согласна. – Я снова повернулась к матери. – Раз мы уже здесь, можем войти. Ты готова?

Она оглянулась со слабой улыбкой на лице.

– Сегодня вряд ли, учитывая то, через что я только что прошла. Мне нужна как минимум неделя, чтобы восстановить психические силы. Кроме того, я не давала согласия помогать тебе.

– Что ты имеешь в виду? Мы хорошо работаем вместе. Помнишь мантру «вместе мы сильнее», которую ты заставляла меня повторять снова и снова?

– Помню. Вот почему я попросила тебя помочь с Вероникой. Потому что вместе мы сильнее.

Я сосредоточилась на коте, как будто тот мог вложить мне в рот слова, в которых я так нуждалась.

– Мама, какой бы дух ни прошел сквозь тебя сегодня утром, это злой дух, и я была бы счастлива никогда больше о нем не слышать. Я занимаюсь этим только ради клиента с недвижимостью. Лично мне это не нужно.

Я сделала шаг к дому, но мать осталась на месте, глядя на что-то в окне верхнего этажа. Проследив за ее взглядом, я увидела девочку в белой ночной рубашке и с длинными светлыми волосами, заправленными за уши, которая смотрела на нас.

– Ты видишь ее? – тихо спросила я.

– Нет. Но я ее чувствую. – Она повернулась ко мне. Ее глаза были полны тревоги. – А ты видишь ее сейчас?

– Да, – с удивлением сказала я. – Кажется, я видела, как мелькнула ее ночная рубашка.

– Должно быть, это племянница Баттон, – сказала мать. – Хейзелл. Она умерла в больнице, но большую часть жизни провела в этом доме. Вполне естественно, что она вернулась сюда.

– Но она же ребенок. Зачем ей оставаться здесь?

Наши взгляды встретились.

– Незавершенное дело. То, что она умерла в детстве, еще не означает, что у нее не осталось незавершенных дел.

Я оглянулась. К моему великому удивлению, девочка все еще была в окне.

– Ее мать умерла в этом доме. Ты это знала?

Мать покачала головой.

– Нет. К тому времени я уже уехала из Чарльстона и не общалась с теми, кто мог бы сказать мне об этом.

– И она была похоронена в Айкене, а не в Магнолии, где похоронены Хейзелл и ее отец.

– Самтер, – едва слышно сказала мать. – Я помню Самтера. Я была без ума от него, когда мы с Баттон учились в старшей школе.

– Тогда помоги мне, мама. Помоги мне разобраться в этом. Дай мне помочь Хейзелл.

Она снова повернулась ко мне.

– При одном условии, Мелли. Ты поможешь мне с Вероникой. Помоему, это будет честно, не так ли?

Я снова посмотрела на окно: за спиной девочки появилась темная тень. Чья-то рука схватила ее за плечи и утащила из поля моего зрения.

Я заморгала. Интересно, привиделось ли мне это, как когда-то в детстве, когда я была маленькой девочкой и подумала, что увидела в своем шкафу фигуру в плаще. Я затаила дыхание.

– Ладно. Будь по-твоему. Но я не собираюсь рассказывать папе.

Похоже, мать не слушала. Я проследила за ее взглядом обратно к окну, где раньше была девочка, а теперь, пристально наблюдая за нами, на подоконнике сидел кот, пока что-то не напугало его. Тогда кот отскочил назад и исчез из вида.

Глава 13

Я сидела в постели с Генералом Ли у ног, с телефоном в руке, ноутбуком на одном колене и айпадом на другом, пытаюсь согласовать различные электронные таблицы и календари, с помощью которых я планировала свои дела. То, что обычно занимало минут десять, сегодня заняло вдвое больше времени из-за того, что некий муж упрямо терся носом о мою шею.

– Разве тебе не нужно работать над списками дел или планами на завтра и оставшуюся неделю? – спросила я.

Джек подул мне в ухо, и я вздрогнула от предвкушения. Не поднимая головы, он сказал:

– Завтра в десять у меня назначена встреча в архивах Чарльстонского музея. После этого я приду домой, пообедаю с близнецами и дам Джейн передохнуть, после чего вернусь к себе в кабинет, чтобы поработать над идеей новой книги.

Я отстранилась и посмотрела на него.

– Я думала, ты сегодня утром ездил в архив.

Его язык начал медленно ласкать мое ухо, и мне пришлось применить дыхательную гимнастику, чтобы не закричать в голос от сладкой пытки.

– Верно, ездил. Но теперь у них новый руководитель, и он мужчина. И, очевидно, тот, кто верит в календари, правила и заранее назначенные встречи. Он тебе наверняка понравится.

– Не исключено. Может, пригласим его как-нибудь на ужин?

Джек поднял голову и нахмурился.

– Нет. – Его взгляд скользнул на мои электронные устройства, затем снова на меня. – Думаю, пора их выключить, – сказал он, потянувшись за моим айфоном.

Я отдернула руку.

– погоди, я почти закончила. Ты же знаешь, я становлюсь бескостной после того, как мы, ну, ты понимаешь... так что я должна сделать это сейчас, пока мой мозг еще функционирует. – Я прищурилась и посмотрела на свой ноутбук. – Либо здесь что-то не

так, и поэтому не синхронизируется, либо Джейн забывает регулярно обновлять таблицы для близнецов.

Гибким движением пантеры Джек перебрался через меня и полез в ящик моей прикроватной тумбочки.

– Мелли, разве твоя бабушка никогда не говорила тебе, что, если постоянно щуриться, ты наживешь себе морщины? – Бросив мне на колени очки для чтения, Джек продолжил щекотать меня носом. – Вдруг это поможет тебе быстрее выполнить работу, чтобы мы могли поиграть.

Я надела очки на нос и мысленно отключила все нервные окончания и клетки мозга, которые тянулись к Джеку.

– А если серьезно, вдруг она не заполняет таблицы? И, похоже, она еще не пометила их ящики.

Тяжело вздохнув, Джек выпрямился и положил подушку под голову, чтобы сесть у изголовья.

– Заполняет она их или нет, не важно, зато она проводит бесчисленные часы, играя с ними, гуляя, читая, напевая, смешая. То, что делаем мы, когда мы дома. Я предпочитаю, чтобы мои дети были счастливы, а не организованны.

С моего языка едва не сорвалось слово «богохульство», но я прикусила язык. Потому что где-то в глубине души я понимала: возможно, Джек прав.

– И все же, – сказала я, – если ей хочется что-то изменить, она сначала должна обсудить это с нами.

– Вообще-то...

– Джек! Не говори мне, что ты разговаривал с ней о том, как заботиться о наших детях, и даже не посоветовался со мной!

– В прошлую субботу, когда у Джейн был выходной, мы случайно одновременно вышли из дома на утреннюю пробежку, и, конечно же, наш разговор перешел на детей и на то, что она думает о своей работе.

– Джейн бегают по утрам?

Джек пожал плечами, как будто раньше не задумывался об этом.

– Думаю, да. По крайней мере, она легко бежала рядом со мной, да и выглядит она довольно подтянутой, так что, возможно, она делает это регулярно. Во всяком случае, она сказала, как ей весело с детьми, какие они умные, милые и уравновешенные... Думаю, они все в меня, как ты считаешь?

Я улыбнулась, сделав вид, что слушаю его разглагольствования, а вовсе не заиклилась на его фразе о том, что Джейн «выглядит очень подтянутой». Джейн – наша няня. По всей видимости, у нее есть тело, но Джек не должен этого замечать.

– В любом случае, – продолжил он, – Джейн призналась, что ей очень нравятся прогулки и игры с ними, но она боится, что это мешает другим ее обязанностям, таким как заполнение таблиц и маркировка. Поэтому я сказал ей, чтобы она продолжала делать то, что она делает, потому что дети румяны, здоровы и любят ее.

– Предварительно не посоветовавшись со мной, – холодно сказала я и тотчас пожалела о своем тоне. Пальцы ног все еще покалывало от его ласк, и мне не хотелось разочаровывать ни их, ни все остальное тело, если продолжение не последует по той причине, что я повела себя неразумно. Все дело было в контроле, за который я боролась сколько себя помнила, и теперь, когда мне не нужно было все тащить на своих плечах, у меня никак не получалось сложить с себя часть этого груза. Как ни странно, мне было крайне трудно полностью от него отказаться.

Джек снова выпрямился.

– Послушай, Мелли, мы одинаково любим наших детей. И ты – прекрасная мать. Но у нас с тобой разный подход к воспитанию. Возможно, причина, по которой предыдущие няни не задерживались у нас, заключалась в том, что они уставали заниматься перетягиванием каната...

Тишину за стенами нашей спальни нарушил душераздирающий крик. Прежде чем я успела осознать, что это было, Джек уже спрыгнул с кровати и бросился к двери.

– Оставайся здесь, – сказал он. Генерал Ли поднял глаза, разок твякнул и вновь опустил голову на матрас. Однако визг одного из щенков заставил его вновь оторвать голову от постели, а в следующий миг, прижав уши, он уже, как супергерой, метнулся к двери.

– Не волнуйся, – пробормотала я, сползая с кровати. – Все будет хорошо.

Я узнала чей-то плач – Джейн? – а также лай Генерала Ли и обоих щенков, Джек спрашивал, что случилось, а Нола что-то нашептывала собакам, пытаясь их успокоить. Из детской не доносилось ни звука – не то чтобы я ожидала услышать плач Джейн-Джея, и даже Сара, хотя

она, вероятно, и проснулась от резкого звука, была спокойна, как и ее отец. Не желая больше оставаться в комнате, я подошла к двери и выглянула наружу.

Нола в старой отцовской футболке еще университетских времен стояла со щенками под мышкой, беспомощно глядя перед собой. Джейн согнулась над чем-то на ковровой дорожке в коридоре и безутешно рыдала, а Джек – без рубашки, как я заметила, – обнял ее и пытался притянуть к себе.

Знакомое покалывание на затылке привлекло мой взгляд к коридору. Там по стене ползла черная человеческая тень, но только огромных, нечеловеческих размеров, становясь все больше и больше по мере приближения к открытой двери спальни Джейн.

Я ахнула. Джейн резко вскинула голову – как раз в тот момент, когда черная масса достигла ее двери. В свете уличных фонарей, падавшем в окна нижнего этажа, тень ползла, растягиваясь по обоям, словно мстительная летучая мышь.

А потом она исчезла, хотя я по-прежнему чувствовала ее. Чувствовала прохладный воздух в коридоре наверху, гнилостный запах плесени. Я протянула руку и щелкнула выключателем. Передо мной остались лишь Джейн – заплаканная и в тонкой ночной рубашке – и мой муж, без рубашки, который обнимал ее и пытался утешить.

– Что случилось? – спросила я. В этой конкретной сцене было много чего странного, но я была уверена, что я единственная, кто заметила это.

– Ночник, – всхлипнула Джейн. – Кто-то вытащил его и разбил.

Я шагнула ближе, и что-то тотчас впилося в большой палец моей ноги. Подняв ногу, я увидела то, что осталось от маленькой прозрачной лампочки, которая, когда мы ложились спать, счастливо горела в красивом пластиковом ночнике в виде цветка. Теперь же он был стерт в порошок, как будто на него наступил чей-то большой и тяжелый ботинок и вдавил его в ковер.

– Как это случилось? – спросила я, делая шаг назад.

Я чувствовала, что Нола и Джек в упор смотрят на меня, но сделала вид, будто не замечаю этого, и встретила взглядом с Джейн.

Джейн шмыгнула носом.

– Я могла разбить ночник случайно. Я не знала, включен ли он, поэтому вышла в темный коридор, чтобы проверить. Должно быть, я

запаниковала, выбила ночник из розетки и наступила на него. Обычно я владею собой, даже когда мне страшно. Наверно, это случилось потому, что дом для меня все еще новый...

Она не договорила, рассматривая осколки лампочки и ночника.

– Мы завтра купим вам новый, – сказала я и повернулась к детской. – Пойду проверю детей.

Я действительно хотела их проверить. В коридоре наверху что-то было, некая темная, зловещая тень, которая – я в этом почти не сомневалась – была тем же присутствием, которое я ощутила в тот день, когда девочки взяли доску для спиритических сеансов, а Меган Блэк примерещилось нечто холодное и пугающее в цистерне. А еще мне нужно было уйти, чтобы восстановить самообладание, странным образом давшее трещину при виде Джека без рубашки, обнимающего нашу няню.

Я включила в детской маленькую лампу, ту, которая разбрасывала вдоль стены световые картинки розовых и голубых слонов, и пошла проверить младенцев. Сначала я растерялась, но затем вспомнила новое расположение детских кроваток. Оно было гораздо удобнее, оставляя посередине больше места для игрушек и кубиков. Но в данный момент я его ненавидела, хотя бы потому, что идея исходила не от меня.

Я заглянула в колыбель Джей-Джея. Он лежал на спине, широко раскинув все четыре конечности и повернув голову вбок, чтобы большому пальцу было удобно лежать на матрасе, пока он его сосал. Сын улыбнулся во сне, и мое сердце сжалось от нежности к моему счастливому малышу. Амелия сказала, что, когда ребенок улыбается во сне, это означает, что он разговаривает с ангелами. Я была готова в это поверить, хотя и не удивилась бы, если бы к ангелам присоединились и другие для воссоединения старой семьи.

Я накинула на сына одеяльце, зная, что он скоро его сбросит, и повернулась к кроватке Сары.

– Мамамамама.

Я наклонилась, чтобы поднять Сару, и наши взгляды встретились. Нет ничего милее теплого от сна ребенка в пижамке, прижатого к вашей груди. Я стояла, уткнувшись носом в пушистые волосики, пахнущие детским шампунем.

– Привет, милая, – проворковала я.

– Мамамама, – снова залепетала она, и я прижала ее чуть крепче.

Джек и Джейн уже заявили мне, что М – это самый легкий согласный для детей, и поэтому слово на М обычно произносится первым, и что в их юном возрасте Джей-Джей и Сара необязательно имели в виду меня, когда говорили: «Мама»... не то чтобы Джей-Джей уже произнес это слово, но можно было предположить, что это скоро произойдет.

Тем не менее мне нравилось думать, что Сара знала, кто я, и называла меня по имени. Я прижала ее к себе и начала раскачиваться, и даже собралась что-то спеть, но передумала, опасаясь, вдруг она расплачется. Я мягко повернулась, чувствуя, как она расслабилась в моих руках, а в следующий миг комнату наполнил нежный аромат роз.

Головка Сары дернулась назад. Казалось, ее взгляд был устремлен на что-то у меня за плечом. Она протянула руку и улыбнулась.

– Мамамама.

– Луиза? – прошептала я, обращаясь к пустому углу, но, что бы это ни было, оно уже исчезло. Остался лишь легкий аромат роз и ощущение материнского тепла и заботы.

* * *

В следующую субботу я боролась с пакетом овощей в супермаркете в Ист-Бэй, когда услышала, что меня кто-то окликнул. Миссис Хулихан была на свадьбе у кого-то из своих родственников, поэтому я отправилась за продуктами. У Джейн был выходной, и поэтому у меня в тележке сидели оба моих ребенка. Неудивительно, что, когда я узнала окликнувший меня голос, я прокляла и экономку, и няню за то, что те бросили меня в столь щекотливом положении. Сбежать из супермаркета с двумя маленькими детьми и сумкой для подгузников было гораздо сложнее, чем одной. Я знала это по опыту, поскольку до замужества делала это не раз, чтобы избежать неловких ситуаций.

– Привет, Ребекка, – холодно сказала я.

На ней были розовые колготки для йоги и жакет в тон, а в сумке-переноске на ее груди сидела Пуччи, крошечная мамаша детей Генерала Ли.

– Я не знала, что в продуктовые магазины пускают собак, – с намеком сказала я.

– О, их не пускают. Но я не вынесу, если меня разлучат с моей малышкой, поэтому я сертифицировала ее как собаку-компаньона, чтобы она могла повсюду бывать со мной.

– Какое счастье для всего населения, – съехидничала я.

Ребекка потянулась к младенцам и легонько похлопала их по головкам, словно они были животными. Животными, которые могут укусить.

– Привет, малыши, – сказала она тоном, вселившим в меня надежду, что она и дальше будет привязана к собакам и никогда не будет иметь собственных детей.

– Поздоровайтесь с тетей Ребеккой, – сказала я, стараясь быть вежливой. Джей-Джей что-то булькнул и потянулся к ее светлым волосам, а Сара рыгнула. Я не учила ее этому, но тем не менее она поступила правильно.

– Они такие очаровашки, – проворковала Ребекка. – И похожи на Джека, да? Им повезло.

Я сделала вид, что это был комплимент, и лишь улыбнулась.

– Что ж, было приятно тебя увидеть, но у меня совсем мало времени до того, как Джей-Джей захочет, чтобы его накормили...

– Мы еще не получили ваш ответ по поводу большой вечеринки. Надеюсь, приглашение не затерялось в почте?

Приглашение лежало на кухонной стойке и вызывало недовольство со стороны миссис Хулихан, которой требовалось место на стойке. Я сказала Джеку, что не хочу идти, но пойду, если для него это важно. Однако он должен снять трубку и позвонить. Именно по этой причине приглашение по-прежнему лежало нетронутым.

Я вымучила улыбку.

– Да, но у нас такие напряженные графики. Мы попробуем передвинуть кое-что, чтобы выкроить час-другой, но в любом случае мы дадим тебе знать.

– Издатель Марка старается на всю катушку. Будет живая музыка, хиты двадцатых годов, полный бар, отличная еда. – Ребекка заговорщицки наклонилась ко мне. – Мы собираемся сделать важное объявление и очень надеемся, что вы с Джеком будете там, чтобы его услышать. Ведь мы как-никак родня.

Джей-Джей выбрал этот момент, чтобы громко и злобно набить свой подгузник, из-за чего я испытала за него большую гордость, чем если бы он младенцем окончил юридический факультет Гарварда. Помахивая у себя перед носом ладонью, Ребекка отпрянула, и даже Пуччи твякнула в знак протеста.

– Извини, – сказала я. – Мне действительно нужно домой...

– Я познакомилась с твоей новой няней... Джейн, не так ли? – спросила Ребекка, зажимая нос.

Я вздохнула, зная, что Ребекка уже давно бы ушла, не будь у нее иных планов.

– Да. Джейн Смит. Она действительно замечательная. Дети ее любят, и она, похоже, неплохо вписалась в нашу семью.

– Пожалуй. На прошлой неделе я видела ее и Джека с детьми в Приморском парке. Похоже, они перекусывали у фонтана и прекрасно проводили время. Прямо как голубки, – сказала она, внимательно наблюдая за мной.

Я улыбнулась своей самой широкой улыбкой.

– Да, я же сказала, мы все ее любим. Она отлично вписалась в нашу семью.

Ребекка продолжала сверлить меня глазами.

– Я слышала, что она унаследовала старый особняк Пинкни на Саут-Бэттери. Интересно, что думает по этому поводу твоя мать.

– Что ты имеешь в виду? – спросила я, подвигаясь ближе к Саре, потому что от подгузника Джей-Джея у меня защипало глаза. – Что Баттон Пинкни и моя мать были хорошими подругами?

– Да, и это тоже. А также то, что она была без ума от Самтера Пинкни. Моя мать сказала, что Джинетт мечтала выйти за него замуж и была буквально убита, когда вместо нее он выбрал Анну Хейзелл.

Я отмахнулась от нее.

– Это была школьная влюбленность. Твоя мать, должно быть, что-то путает.

Прежде чем она успела сказать что-то еще, я бросила пластиковый пакет с овощами на пакет с помидорами и начала толкать свою тележку прочь.

– Мне действительно нужно идти. Пожалуйста, передай своей матери привет от меня.

– Не забудь ответить, – крикнула мне вслед Ребекка, но я сделала вид, что не слышала.

Оставив тележку заполненной продуктами, я вынесла детей к машине. Было не слишком холодно, и я решила, что вполне можно доехать до дома с открытыми окнами. Я несколько раз касалась кнопки Bluetooth на рулевом колесе, чтобы позвонить матери и спросить ее про Самтера Пинкни, но всякий раз убирала руку, не зная, хочу ли я узнать ответ.

Глава 14

Думая о том, что сегодня мне предстоит несколько показов домов для клиентов, я вышла на работу через черный ход. Увы, я с опозданием поймала себя на том, что привыкла пользоваться парадной дверью из-за зияющей ямы на заднем дворе и не отпускавшего меня чувства тревоги.

К своему удивлению, я обнаружила, что Нола в школьной форме сидит на корточках перед ямой, а рядом с ней лежит ее рюкзак. Когда я подошла ближе, Нола, как будто почувствовав меня и услышав мой незаданный вопрос, крикнула через плечо:

– Миссис Равенель немного опаздывает, и я решила поговорить с Меган. Вдруг они нашли что-нибудь интересное?

Я остановилась позади нее и увидела Меган и еще одну аспирантку, с которой познакомилась ранее, Рейчел Флоринг. Небольшими лопатками девушки аккуратно соскребали грязь со старых кирпичей. Судя по всему, Меган больше не хотела работать в цистерне одна, и рядом с ней теперь всегда кто-то был.

– Вы сегодня рано, – сказала я, заметив вездесущий жемчуг и кардиган.

Меган широко улыбнулась.

– Да. Но сегодня в «Джей-Крю» распродажа, на которую я хотела бы попасть. И я подумала, что если начну здесь пораньше, то успею туда до обеда.

Я оставила это без комментариев.

– Нашли что-нибудь новое и интересное? Если честно, я надеялась, что к этому времени вы уже закончите свои изыскания, и я смогу засыпать это бельмо на глазу.

И она, и Рейчел посмотрели на меня так, будто я только что предложила бросить в колодец сумку с котятками.

– Мы не хотим ничего упустить, – сказала Меган, когда к ней вернулось самообладание, – поэтому на поиски у нас уходит так много времени. Но поверьте мне, мы работаем так быстро, как только можем. Просто мы не хотим повредить кирпичи, ведь они имеют историческое значение, и мы бы хотели проанализировать их.

– Посмотри, что они нашли, – сказала Нола, указывая на одеяло, куда девушки складывали «артефакты» – их слово, а не мое.

Я уставилась на коллекцию чего-то похожего на кости мелких животных и черепки глиняной посуды.

– Похоже на то, что сантехник на прошлой неделе вытащил из нашего мусоропровода, – сказала я с улыбкой. Увы, она тотчас померкла, когда меня встретил коллективный хмурый взгляд трех пар глаз.

Нола выпрямилась и взвалила на плечи рюкзак.

– Так и быть, не стану повторять Софи то, что ты только что сказала.

Я недоуменно приподняла брови.

– Извини. Я имела в виду доктора Уоллен-Араси. Но она сказала мне, что я могу называть ее Софи.

– Я знаю, но мы в Чарльстоне, – сказала я, надеясь, что это все объяснит.

Мы попрощались, и я прошла за Нолой в переднюю часть дома. Джейн закутывала в одеяло сидевших в прогулочной коляске детей. Эту коляску принес мой отец. Я еще не пользовалась ей, но Джейн, похоже, была рада совершить утреннюю пробежку с детьми на буксире. На ней были обтягивающие штаны для бега, подчеркивающие длинные ноги и стройные бедра, и облегающий топ, обнажающий мускулистые руки, когда она наклонялась над коляской, проверяя, хорошо ли дети защищены от прохладного утреннего ветра. Поймав себя на том, что хмурюсь, я поспешила отвернуться. Не хватало мне для полного счастья морщин!

– Мне нравится наша новая няня, – сказала Нола. – Она прекрасно ладит с младенцами и не обращает внимания на твои всплески ОКР^[1].

– Прощу прощения?

Она уже шла к воротам.

– Ладно, проехали. – Она остановилась. – Есть одна вещь...

– Одна вещь? – спросила я, гадая, имеет ли она в виду Джейн или решила извиниться за комментарий об ОКР.

Нола пожала плечами.

– Нет, я не виню ее, но с тех пор, как у нас поселилась Джейн, я не могу писать музыку. Возможно, это просто совпадение, но согласись, что это странно.

– Я уверена, что это всего лишь кризис. Поговори со своим отцом – он тоже переживает периоды творческого упадка. Возможно, он поможет тебе его пережить. Но я уверена, Джейн тут совершенно ни при чем.

– Знаю. Наверно, ты права. Но это так странно. Как будто над той частью моего мозга, которой я пользуюсь для творчества, задернули занавес.

Я моргнула. Как, однако, странно, что для описания своего творческого кризиса она выбрала именно эти слова, но от дальнейших размышлений меня отвлек знакомый седан, который подъехал к дому и припарковался у тротуара.

– Это детектив Райли. Интересно, что он здесь делает в такую рань?

Нола мотнула подбородком в сторону Джейн.

– Нетрудно догадаться. Но ей определенно нужен наставник. Вчера я слышала, как она разговаривала с ним по телефону, она на полном серьезе похвалила его за использование зубной пасты и за то, что у него две ноги. Ну разве такое говорят? Тем более привлекательным представителям противоположного пола?

Понимая, что ее вопрос, скорее всего, риторический, я не стала утруждать себя ответом, что на самом деле знаю кого-то, кроме Джейн, кто был столь же неуклюж. Но та, кого я имела в виду, теперь была замужем, так что это не имело значения.

Мать Олстон, помахав рукой, остановилась рядом с Томасом. Быстро чмокнув меня в щеку, Нола подбежала к фургону и, уже отъезжая, помахала Джейн и Томасу.

– Вот те двое, кого я обязательно должен был увидеть, – сказал Томас, когда мы с ним подошли к Джейн и коляске. – Я знаю, что еще рано, но я надеялся застать вас до того, как вы приступите к работе.

Он одобрительно посмотрел на Джейн, и я заметила, как ее щеки стали пунцовыми.

– Доброе утро, Томас, – сказала она. – У меня двое детей. Здесь. На пробежке. В смысле, они не мои. Но...

Она закрыла глаза, мысленно ругая собственный язык.

– Доброе утро, – повторила она и вновь захлопнула рот. Нола была права. На это было больно смотреть.

Было видно, что Томаса душит смех. Чтобы скрыть это, он присел на корточки перед прогулочной коляской, чтобы быть на одном уровне с близнецами, как это обычно делают с маленькими детьми. Я знала, что Томас был любимым дядей стайки племянниц и племянников, так что меня это не удивило. Он протянул руку и большим пальцем ласково потер щечку Сары.

– Похоже, мама уже поцеловала тебя на прощание.

Я покопалась в сумочке в поисках упаковки с салфетками, которые всегда носила с собой.

– Я думала, что стерла помаду.

– В салфетках нет необходимости, – сказал он. – Я уже стер ее большим пальцем. Вы, должно быть, были без очков.

Он произнес эти слова без злого умысла, но они задели меня за живое. Рядом с Джейн я уже чувствовала себя старой уродиной. Не надо мне лишний раз напоминать, что я быстро приближаюсь к бифокальным очкам и палочке.

Я многозначительно посмотрела на часы.

– Мне действительно пора на работу.

Томас выпрямился.

– Да, извините. Еще пара новостей, которые, думаю, заинтересуют вас обеих. Во-первых, я вернулся на Саут-Бэттери и хорошенько осмотрел дом по периметру, на тот случай, если вдруг обнаружится скрытая дверь, откуда кот мог бы пробраться внутрь, но, увы, безуспешно. Но я продолжу поиски.

Джейн начала делать растяжку и даже прижалась лбом к коленям. Голос Томаса на мгновение дрогнул. Я едва не указала, что единственная причина, почему она умеет это делать, состоит в том, что она еще не рожала двоих детей.

Томас между тем вернулся к нашей теме.

– И телефонная линия в доме определенно отключена. Должно быть, звонок поступил по спаренной линии, с другого телефона, потому что это единственное разумное объяснение. Не то чтобы сейчас бывают спаренные линии, но ничего другого в голову не приходит. – Его взгляд на миг задержался на мне. – Просто дайте мне знать, если это повторится снова. А теперь хорошая новость: не похоже, что в доме побывал злоумышленник. Тем не менее сигнализация нужна, и не только для вашей безопасности, но и для защиты всех ценностей в

доме. У меня есть знакомый в этом бизнесе, и он может помочь вам. Если хотите, я могу договориться о встрече. Я даже пойду с вами, если вам потребуется мое присутствие. Не потому, что я не доверяю ему, а потому, что знаю, что вам не нравится оставаться в этом доме одной.

– Да, – сказала Джейн, энергично кивая. – Дом. В нем живет кот.

Я толкнула ее ногой. Я уже начала беспокоиться, что мои дети никогда не научатся вести обычные разговоры, если будут слышать это весь день. Я мысленно напомнила себе, что мы с Джеком и Нолой должны вести в присутствии близнецов как можно больше разговоров, чтобы они знали, как разговаривают люди без комплексов.

– Спасибо. Это было бы хорошо, – сказала она, после чего закрыла рот и с благодарностью улыбнулась мне.

– Я подумал, – между тем продолжил Томас, – а не использовать ли нам это время на то, чтобы заодно проверить опись, которую вы получили от своих адвокатов, просто чтобы убедиться, что ничего не пропало, а затем можно и поужинать вместе.

Он произнес это небрежным тоном, но я точно заметила, что он затаил дыхание в ожидании ее ответа.

Джейн сглотнула, и я почти услышала, как она старательно выстраивает слова, прежде чем они слетят с ее языка.

– Спасибо. Это было бы чудесно.

Джейн улыбнулась, и мы с Томасом улыбнулись ей в ответ. Казалось, все трое почувствовали облегчение оттого, что ей удалось как минимум одно связное предложение. Джей-Джей начал подпрыгивать и выражать свое нетерпение по поводу того, что его слишком долго держат в неволе. Джейн погладила его по головке, затем то же самое проделала с Сарой, чтобы та не чувствовала себя обделенной.

– Вы бежите? – спросила она Томаса, затем резко повернулась, вытолкнула коляску на улицу и, помахав нам рукой, побежала прочь.

Томас вопросительно приподнял бровь.

– Думаю, она хотела спросить, бегаю ли я, и в то же время объяснила, что ей нужно бежать. Экономия слов. Что ж, впечатляет.

– У меня было несколько очень внятных разговоров с ней, так что, пожалуй, причина в вас, – сказала я.

– Прекрасно. Что ж, надеюсь, после того как мы проведем некоторое время вместе, она немного расслабится. – Он смотрел ей

вслед. – Я знаю, что раньше мы не встречались, – я в этом уверен, – но мне постоянно кажется, что я ее знаю. Может, она похожа на знаменитость и поэтому ее лицо кажется знакомым? Ну, вы понимаете...

– Как одна из тех женщин из реалити-шоу «Самый большой неудачник»?

Он странно посмотрел на меня.

– Это вряд ли. Но я вспомню... в конце концов, я всегда вспоминаю. И дам вам знать.

– Есть еще что-нибудь? Я действительно спешу на работу. – Я не сказала ему, что у меня еще достаточно лишних минут, чтобы зайти в пекарню Рут и купить пончики и кофе со сливками. Я случайно узнала, что Рут взяла несколько выходных, чтобы навестить в Шарлотте сестру, и ее подменит кто-то из родственников, а потому спланировала свой день соответствующим образом.

– Да, вот что, – сказал Томас, залезая в карман и что-то вытаскивая. – Вчера ко мне пришла Вероника и попросила передать это вам. – Томас протянул руку. С его пальцев свисала сломанная цепочка с кулоном в виде греческой буквы. – Она сказала мне, что ей звонила ваша мать и сказала, что вы можете раскрыть убийство ее сестры. Она понимает, что в вашей жизни сейчас полно других дел, и сказала, что готова подождать. Она ждет уже двадцать лет, так что лишние дни или месяцы не имеют значения. Но она хотела, чтобы это было у вас, чтобы вы не забыли.

Разве такое забудешь? Было достаточно вспомнить мою мать, говорившую потусторонним голосом. Я протянула руку и почувствовала, как холодный металл упал мне в ладонь.

– Хорошо. Не знаю, когда я буду готова, но я дам вам знать.

– Спасибо. Знаю, что прошу у вас слишком много. И чтобы не возникало сомнений: именно Вероника предложила поговорить с Джинетт. Она услышала о ней от подруги, которая доверяет ей, так как знала вас и прочла о вас в газете, когда около года назад всплыла эта история с домом. Я никогда не буду действовать за вашей спиной. Можете поверить мне на слово, если все-таки в будущем решите работать со мной над нераскрытыми делами.

– Знаю. И буду держать вас в курсе, – сказала я.

Мы попрощались, и я направилась к бывшему каретному сараю, который мы переделали под гараж. Я пару минут сидела в машине, чувствуя в руке вес кулона и порванной цепочки, как вдруг, по какой-то прихоти, решила обернуть ее вокруг зеркала заднего вида. Воспоминание об отражении Адриенны и о горе в голосе Вероники отстранить было непросто.

Я смотрела, как Джейн бежит трусцой по противоположной стороне улицы, направляясь с коляской к реке. Ее хвостик колыхался из стороны в сторону, ее упругая попка не дрожала, пытаюсь вырваться из лайкровой тюрьмы. Джейн выглядела так, будто была своей в этом районе, с этими детьми и с этим домом. С красивым мужем, похожим на Джека.

Я заставила свои мысли отвлечься и повернула ключ в замке зажигания. Что-то из сказанного Нолой не давало мне покоя. Я въезжала на свое парковочное место позади «Бюро недвижимости Гендерсона», когда наконец вспомнила. Она сказала о том, что в ее мозгу как будто опустился занавес и заблокировал то место, где гнездились ее творческие способности. Я знала, что она имела в виду. Потому что именно это я ощутила, впервые войдя в особняк Пинкни на Саут-Бэттери-стрит.

* * *

Когда я во второй половине дня вернулась домой, отец был в саду. Близнецы сидели в двойной коляске, наблюдая, как он подстригает кусты роз возле фонтана, и чередуя внимание между щелчками его садовых ножниц и плеском воды от писающей статуи.

У тротуара перед домом был припаркован небольшой седан «Джетта» с наклейкой «Цитадель» на бампере.

– Кто это? – спросила я, указывая на машину после того, как осыпала мордашки детей поцелуями и села на скамейку перед ними. Они оба запрыгали, поэтому я расстегнула их и, вынув из коляски, усадила по одному на каждое колено и стала нежно подталкивать вверх, как это делала Джейн.

– О, – сказал отец, опуская ножницы. – Это Купер Равенель – старший брат Олстон. Похоже, он приехал просить у Джека

разрешения пригласить Нолу на танцы в Цитадели.

Я приподняла брови.

– Думаю, я посижу на улице, подожду, пока не утихнет гром. Ты спрятал охотничье ружье Джека?

– Наверно, стоило это сделать, – сказал он, оглядываясь на дом. Мне стало слегка не по себе.

– Где Джейн? – спросила я.

– Похоже, она неплохо готовит, и, когда Джек сказал, что он не прочь отведать что-нибудь итальянское, она спросила миссис Хулихан, может ли та помочь ей на кухне. Я не знаю, что там у них происходит, но пахнет чудесно, и я подозреваю, что тофу там нет и в помине.

– Как мило. – Должно быть, было в моем тоне нечто необычное, потому что он пристально посмотрел на меня.

Я поспешила сменить тему.

– Ребекка на днях рассказала мне кое-что интересное, и я надеялась, что ты мне это прояснишь. Она сказала, что мама была без ума от Самтера Пинкни и думала, что они поженятся.

Отец кончиками ножниц поднял ветку и наклонил голову, пристально ее рассматривая.

– Почему ты сама не спросишь у матери?

– Потому что, если бы она хотела, чтобы я знала, она бы сказала раньше. Хотя это странно. Я практически жила и дышала домом Пинкни и даже привела туда маму, но она и словом не обмолвилась об их отношениях, сказала только, что помнит его и что была влюблена в него школьницей. Хотя, по словам Ребекки, это было нечто большее.

Отец со вздохом положил секатор и сел рядом со мной на скамейку.

– Я познакомился с твоей мамой на танцах в Цитадели, когда нам обоим было по девятнадцать. Она была чьей-то девушкой, но меня это не остановило – я всегда был из тех, кто считает, что надо добиваться того, что вам нравится. Так и было, когда я увидел Джинни. Для нас обоих это была любовь с первого взгляда. Так что, даже если в школьные годы она и была влюблена в старшего брата своей подруги, ничего большего между ними не было. Она выбрала меня, и я выбрал ее, и мы любили друг друга, сильно и безоговорочно, и ни для кого другого просто не было места. И это все, что я могу сказать тебе по этому поводу.

Я не стала напоминать ему про их развод и последующее примирение, не хотела все усложнять. Теперь они все равно были вместе, так что все это не имело значения. В любом случае его слова меня успокоили. Хотя мои ранние годы были далеко не безоблачными, их любовь друг к другу и ко мне была подлинной и непреходящей, невзирая на ухабы той дороги, по которой мы шли, чтобы добраться туда, где мы оказались сейчас. Наверно, мне просто нужно было это услышать.

– Спасибо, пап. Не знаю даже, почему я разрешила Ребекке вот так залезть мне под кожу. Мама наверняка сказала бы мне, будь это правдой.

– Именно. – Отец положил руки на колени и встал. При этом его взгляд упал на порванную золотую цепочку и кулон, которые я повязала себе на шею. Я хотела отнести их в дом, чтобы не оставлять болтаться на зеркале в машине.

– А это что? – спросил он.

Прежде чем я успела ответить, Сара потянулась к цепочке, и кулон исчез в ее крошечном кулачке. Она с криком вытаращила глаза. Маленькие пальчики разжались, как будто схватили что-то горячее. Она отпрянула от меня так резко, что наверняка упала бы с моих колен, не успевай мой отец поймать ее.

Хотя розы еще не расцвели, их приторный аромат проник в этот уголок сада, действуя на Сару как соска. Малышка быстро успокоилась, ее взгляд сосредоточился на чем-то около фонтана.

– Должно быть, она хочет кушать, – сказал мой отец, сняв эти слова с моего языка.

– Похоже на то, – сказала я, вставая с Джей-Джеем, и потянулась за Сарой.

Я шла через сад на каблуках, вдыхая аромат роз и слушая журчание фонтана, и меня неотступно преследовал вопрос: как далеко мы с ним готовы пройти по дороге отрицания, прежде чем столкнемся с правдой?

Глава 15

Остановившись рядом с кабинетом Джека, я глубоко вздохнула. Я только что вернулась с утренней прогулки с матерью и еще не приняла душ, но я знала: лучше с этим покончить сейчас, прежде чем я передумаю. Все это было частью новой, зрелой Мелани. Я отнюдь не считала, что открытость и честность вредны для меня. Просто перемена давалась с трудом, это все равно что приучать себя выбирать овощи вместо шоколада.

Я коротко постучала в дверь, открыла ее и сунула голову внутрь. Середину комнаты занимал рояль Нола, но, глядя дальше, мимо него, я разглядела Джека, сидящего за столом у окна, в кардигане с кожаными нашлепками на локтях. Я сказала ему, что, по нашему мнению, это придаст ему более писательский вид и что кардиган – вместе с тапочками-мокасинами из овчины, которые подарила ему Нола, – поможет ему преодолеть творческий кризис. Теперь меня немного беспокоило то, что он носил и то и другое.

Джек как будто не замечал моего присутствия, пока я не оказалась с ним рядом – очевидно, был поглощен папкой с бумагами, полученными от Ивонны. Те были разложены по всему столу, среди них лежал желтый линованный блокнот, на котором я разглядела каракули Джека, соединенные стрелками.

Похоже, он долго сидел, подпирая голову рукой, потому что на его лоб упал очаровательный чуб. Джек моргнул, как будто пытался понять, кто я, где мы и какое сейчас время суток. А когда понял, улыбнулся.

– Хорошо прогулялись?

Я кивнула.

– Да, погода чудесная. Не слишком жарко, не слишком холодно и очень низкая влажность. Жаль упускать такую возможность. – Я указала на свои волосы, все еще гладкие, несмотря на утренние усилия. – Смотри, – сказала я. – Никакой вьющейся мочалки.

– Рад за тебя, – сказал он. – Хотя твоя утренняя растрепанность мне нравится больше.

Он многозначительно выгнул бровь и поднял руки, как Джей-Джей, когда хотел, чтобы его подержали.

– Иди ко мне, – сказал он.

– Но я все потная, – возразила я.

– Может, мне так нравится. Или ты предлагаешь пойти наверх и принять душ? – Не дожидаясь моего ответа, он посадил меня к себе на колени. – М-м-м, – промурлыкал он, уткнувшись носом в мою шею и запустив пальцы мне в волосы. – Именно то, что мне было нужно прямо сейчас.

Я улыбнулась и расслабилась в его объятиях.

– Кстати, о вьющихся волосах, – невнятно пробормотал он, прижимаясь губами к моей шее. – Джейн пробует новый шампунь, который, как она клянется, не дает волосам завиваться при повышенной влажности. Можешь спросить ее, если для тебя это так важно. Хотя я любил бы тебя даже лысой.

Я напряглась. С какой стати Джеку вести с Джейн разговоры о ее волосах? Эта мысль пыталась заблокировать все мои нервные окончания. Джек отстранился с тревогой на лице.

– Что-то не так?

– Ничего. Но я и вправду хотела поговорить о том, что меня беспокоит.

Джек удивил меня тем, что улыбнулся от уха до уха.

– Это новая, улучшенная версия Мелли, о которой ты постоянно мне твердишь?

Я шлепнула его по плечу.

– Это и так сложно, не надо мне лишний раз напоминать об этом.

Он быстро заставил свое лицо посерьезнеть.

– Понятно. Итак, о чем ты хотела поговорить?

Я для храбрости сделала глубокий вдох.

– Ты бы расстроился, если бы Сара унаследовала... э-э-э... определенные способности от моей семьи?

Джек наклонил голову, точь-в-точь как Генерал Ли, когда я говорила ему, что сейчас не время для угощения.

– В смысле, способность общаться с мертвыми?

– Да. Я вижу, как она смотрит в углы и другие места, где ничего не происходит, но ей как будто кажется, что там что-то есть. Даже если я сама ничего не вижу, что в последнее время бывает часто. А вчера в

саду она схватила цепочку, которая может быть ключом к разгадке старого убийства, и вскрикнула.

– Как бывает с твоей матерью, когда она чего-то касается?

Я зажмурилась и кивнула. Джек молчал, и я забеспокоилась. В конце концов я открыла глаза и увидела, что он широко улыбается.

– Почему ты улыбаешься? – спросила я.

– Потому что ты смешная.

– Думаешь, это смешно? – спросила я, начиная раздражаться.

– Нисколько. Способности нашей дочери требуют самого серьезного обсуждения. Забавно другое: то, что ты считаешь, что твои гены вредны для нашей дочери. Я люблю тебя, Мелли. Я люблю все в тебе – некоторые вещи больше, чем другие. Если наша Сара унаследовала твои экстрасенсорные способности, это прекрасно. Мы должны принять это и радоваться. А когда придет время, мы сможем научить ее разумно этим пользоваться. Может даже, это научит тебя не стесняться собственных талантов. Иногда мне кажется, будь твой отец более терпимым, ты бы не была такой.

– Стеснительной? Я не уверена, что понимаю...

Он коснулся губами моих губ, и я быстро забыла, из-за чего, собственно, я была расстроена. Наконец он отстранился, оставив меня размякшей и бескостной, а мой подбородок зачесался от его небритой щеки.

– Ну как, теперь тебе лучше? – улыбнулся Джек.

Я не знала, что он имеет в виду, поцелуй или разговор, но в любом случае мне определенно было лучше, чем когда я вошла в комнату. Будучи не в состоянии сформулировать фразу, я просто кивнула.

– Отлично. Я рад, что мы, так сказать, на одной волне и что ты пришла сюда, чтобы обсудить это со мной. Есть еще что-нибудь, о чем ты хотела бы поговорить?

Я на миг представила Джейн в спортивном костюме, бегущей за моими двумя детьми в коляске, но быстро выбросила эту картинку из головы. Если я пытаюсь стать более зрелой личностью, мне не следует спешить. Лучше оставить эту тему на другой раз.

– Нет, – сказала я и повернулась к разбросанным по его столу бумагам. – Ты нашел что-нибудь новое?

– Пока не уверен... я все утро просматривал свои записи, пытаюсь понять, не сложится ли что-нибудь, но пока ничего. Есть одна вещь, –

добавил он, постукивая пальцем по желтому блокноту. – Эта маленькая девочка, Хейзелл. Будучи единственным ребенком этого поколения, она бы вместо Джейн унаследовала дом после смерти Баттон. Ради спортивного интереса я подумал, не взглянуть ли мне на короткую жизнь Хейзелл. И вот тут-то стало интересно.

– Почему? – спросила я, ощущая странное дурное предчувствие. Для Джека слово «интересно» обычно означало убийство и погром. И трупы. Вот почему он был писателем. Для меня это означало лишь большее количество мертвецов, которые нуждались во мне для решения их проблем, поскольку сами они не могли их решить.

– Я нашел в архиве ее свидетельство о смерти. Ей было почти двенадцать, когда она умерла, но весила она всего семьдесят фунтов.

– Бедняжка, – сказала я. – Должно быть, она и правду была больна. Это был рак?

Джек покачал головой.

– Нет. В том-то и дело: причина смерти в справке была просто помечена словом «неизвестна».

– Неизвестна? В наши дни они не могли понять, от чего она умерла?

– Странно, правда? Было бы интересно посмотреть ее историю болезни.

Я нахмурилась.

– Но они, как правило, закрыты для публики, разве нет? Я имею в виду, если ты не член семьи.

– Это можно обойти. У меня есть способы.

Я прислонилась к столу.

– Разве тебе не нужно знать, кто был ее врачом?

Он пододвинул мне фотокопию некролога из газеты.

– Это просто. Она умерла 3 января 1983 года в присутствии доктора Огастеса Грея, друга семьи. После ее смерти в живых оставались ее тетя Кэролайн Баттон, отец и мать. Других родственников в списке не было.

– Так, и что дальше? – спросила я.

– Я отыщу доктора Грея или его потомков и выясню, вел ли он какие-либо записи помимо больничных. Из-за новых дурацких правил у меня нет возможности получить к ним доступ через больницу. Но в те времена, вполне возможно, ее врач вел свои собственные записи.

– А если он оставил после себя одинокую вдову...

Джек обнял меня за талию и снова усадил к себе на колени.

– Мелли, если она и существует, то уже наверняка в преклонном возрасте. Кроме того, для меня никогда не будет другой женщины. Только ты. Даже будь она молода и красива, я бы этого не заметил.

Я положила голову ему на плечо.

– Я знаю, прости. Это просто старые привычки.

– Которые трудно сломать, – закончил он. – Кстати, что это, черт возьми?

Он протянул руку и вытащил из своего стола ящик. Внутри выстроился десяток ночников разного дизайна и цвета. С другой стороны ящика лежали клочки бумаги, которые еще недавно были разбросаны повсюду, а теперь рассортированы и сложены стопками. И снабжены ярлыками.

– Это набор ночников, я купила для Джейн на случай, если она продолжит их бить. У меня наверху нет места, а у тебя здесь его вагон, и оно не используется...

– Неправда, Мелли. Я использовал ящик для хранения своих заметок, а теперь ничего не могу найти.

– Но ведь я облегчила тебе задачу. Разве ты не заметил ту карточку наверху стопки? На ней показано, как все это организовано.

Он улыбался, но почему-то его улыбка не производила впечатления искренней. Как та, которой одарила меня Софи, когда я в качестве подарка на день рождения предложила отвести ее к своему парикмахеру.

– Ты можешь раскладывать по полочкам свои вещи, и даже вещи детей, пока они не дают отпор. Но обещай оставить мои вещи в покое.

– Знаю, но, когда я открыла ящик и увидела беспорядок...

Его губы коснулись моих, и к тому моменту, когда его язык приоткрыл мои губы, я уже полностью забыла, о чем мы говорили.

* * *

Моя мать взяла с одной из витрин магазина Victoria's Secret на Кинг-стрит нечто похожее на отрезок нити, соединенной с двумя круглыми кружевными кусочками. Она задумчиво подняла это нечто и

пристально его разглядывала до тех пор, пока я не выхватила его у нее из рук.

– Мама! – возмутилась я.

– Это не для меня, Мелли. А для тебя. Я подумала, что раз уж мы собираемся купить тебе новые бюстгалтеры, то почему бы заодно не купить и новое нижнее белье. Знаешь, мужчины замечают подобные вещи.

– Мама, – сказала я едва слышно, оглядываясь по сторонам, не слышал ли кто-нибудь, в частности Джейн. Мне было немного неловко встретиться с ней в магазине нижнего белья, хотя она быстро объяснила, что ищет новые бюстгалтеры для бега. У нее был выходной, поэтому было логично, что она бегала по делам. Вот только лучше бы она бегала где-нибудь в другом месте.

– Это не нижнее белье, – громко прошептала я. – Это средневековое орудие пыток. Я не позволю ему даже приблизиться к моему телу.

Джейн высунула голову из-за стойки со спортивными бюстгалтерами и трусами.

– Я вынуждена с ней согласиться. Однажды я слышала историю о женщине, которой хирургическим путем удаляли стринги. Судя по всему, она пошла в парк развлечений, и там произошла какая-то авария.

Я сделала мысленную заметку позже поговорить с Джейн о том, какие темы для разговора приемлемы, а какие – нет.

Как ни удивительно, моя мать расплылась в улыбке.

– Какой ужас, – сказала она. – Зато теперь ей есть что рассказать своим внукам!

Мать и Джейн зашлись в подростковом хихиканье. Я же стояла и, глядя на них, гадала, что я упустила.

– Пойду поищу бюстгалтер для Нолы, – сказала я, отворачиваясь от них. – Она отказывается приходить, чтобы примерить что-либо, и я вынуждена быть ее личной помощницей. Просто попробую угадать ее размер. Надеюсь, он будет хорошо смотреться с ее платьем для танцев в Цитадели.

– Тридцать два Б, – вместе сказали Джейн и моя мать и, взглянув друг на дружку, вновь рассмеялись.

– Какая разница, – пробормотала я, отходя от них.

– Разница есть, – бросила мне вслед мать. – Твоя новая одежда плохо на тебе сидит, потому что ты носишь старые бюстгальтеры. Тебе нужно что-то более упругое – может, даже с поролоновой прокладкой. Дорогая моя, не обижайся, но грудь у тебя обвисла.

Джейн хватило приличия выглядеть не самодовольной, а искренне обеспокоенной.

– Это нормально после родов и кормления грудью. А еще это приходит с возрастом.

Они с Джинетт одновременно кивнули, как пара болванчиков на приборной панели автомобиля.

– Спасибо, Джейн. Я даже не подозревала, что мое тело изменилось с тех пор, как я в преклонном возрасте родила близнецов.

Ее лицо залила краска.

– Извините, Мелани. Я не хотела...

Моя мать положила руку в перчатке ей на плечо.

– Она знает. Она просто щепетильна в этом вопросе. Она изменит свое мнение, как только мы наденем на нее бюстгальтер в стиле «вот это да!».

– О-о-о, я тоже хочу себе такой, – раздался голос из-за вешалки с шелковыми ночными рубашками.

Я съежилась, узнав голос Ребекки за долю секунды до того, как она сама предстала перед нами. Пуччи сидела в маленькой нагрудной переноске, и у нее, и у ее хозяйки в волосах были одинаковые розовые бантики. Я заметила, что моя мать в упор смотрит на собаку и на сумку.

– Пуччи – сертифицированная собака-компаньон, – объяснила я, с улыбкой наблюдая, как мать закатила глаза.

– Привет всем. Какой приятный сюрприз. – В руках у Ребекки были маленькие вешалки, с которых гроздьями свисали бюстгальтеры. – Я уже вся извелась, пытаюсь подобрать бюстгальтер к платью для большой вечеринки по случаю презентации книги. Там будет куча представителей прессы, так что я должна выглядеть безупречно. – Она в упор посмотрела на меня. – Надеюсь, ты уже начала подбирать платье? Полагаю, что сейчас, когда ты, э-э-э, между размерами, тебе сложно найти что-нибудь.

Впервые в жизни я поймала себя на том, что втягиваю живот.

– Вообще-то, я не особо об этом задумывалась. Кстати, напомни, когда будет эта вечеринка? Джек дал согласие, но, наверное, забыл записать это в мой календарь. Надеюсь, он проверил, свободна ли я в этот вечер.

Губы Ребекки сжались в прямую линию.

– Двадцать седьмого. Ты согласилась, так что просто обязана прийти.

– Как вы думаете, это можно носить вместе?

Джейн появилась за спиной моей матери. В руках у нее была яркая спортивная майка с цветочным принтом и полосатые штаны для бега.

– Только если собираешься сбежать с цирком, – заявила Ребекка, прежде чем заметила, с кем она разговаривает. – О, это Джейн, не так ли? Мы встречались в парке. Кажется, вы обедали с Джеком и детьми. Хотя с тех пор мы уже виделись, верно? – Ребекка сделала вид, что на мгновение задумалась, и постучала розовым ногтем по подбородку. – Да-да, когда ты бежала вокруг Колониального озера. Ты снова была с Джеком, а близнецы сидели в этой очаровательной прогулочной коляске. Вы выглядели как идеальная чарльстонская семья. Кстати, хотела спросить у тебя, какой на тебе спортивный бюстгальтер... ты довольно грудастая, но я заметила, что он довольно хорошо поддерживал твою грудь.

Джейн покраснела, как бурак, и открыла рот, чтобы что-то сказать. Увы, ее губы двигались так, как будто она была не в состоянии подобрать правильные слова.

– Мы так счастливы, что Джейн стала членом нашей семьи, – сказала моя мать тоном оперной дивы, которой она когда-то была. – Надеюсь, ты была там тоже на утренней пробежке. – Она медленно скользнула взглядом по Ребекке и с ледяной улыбкой сказала: – Было приятно увидеть тебя, Ребекка. Пожалуйста, передай от меня привет своей матери. Скажи ей, что мы давно не виделись и должны вместе пообедать.

– Обязательно передам. Более того, я тоже не прочь составить вам компанию. Я слежу за колонкой моей знакомой и бывшей коллеги Сьюзи Дорф об истории некоторых замечательных домов, которые есть здесь у нас, в Чарльстоне. Я прямо подсела на ее колонку, что не удивительно: ведь история дома Мелани сделала моего мужа

знаменитым. Вот почему я под впечатлением истории Джейн о том, как ей достался дом Пинкни. Моя мать клянется, что у вас с Самтером Пинкни было все серьезно, но Мелани утверждает, что я ошибаюсь. Только представьте, будь это правдой, дом мог бы стать вашим! Какое забавное совпадение, что теперь этим домом владеет няня Мелани!

Ребекка улыбнулась, и я была счастлива заметить на ее передних зубах пятнышки розовой помады. Никто из нас ей об этом не сказал.

– Во всяком случае, мама сказала, что она может ошибаться, но вы переехали в Нью-Йорк, чтобы начать петь, а затем пару лет спустя Самтер тоже переехал туда. Она сказала, что мой папа, который знал Самтера еще по работе в Портер-Го, столкнулся с вами обоими, когда был там по делам.

Только раздувавшиеся ноздри выдавали мамино раздражение.

– Конечно, я видела Самтера, когда жила в Нью-Йорке. Он был старшим братом моей лучшей подруги и несколько раз приглашал меня на ужин, чтобы я не чувствовала себя одинокой. Мы даже пару раз сходили с ним в театр, пока моя карьера не подмяла под себя всю мою жизнь. Это была прекрасная семья. А теперь, если вы меня извините... – Она повернулась к Ребекке спиной и направилась в дальнюю часть магазина, где стояли корзины с нижним бельем, отсортированным по цвету.

– Да, – сказала я. – Нам нужно сделать еще кучу покупок, прежде чем проснутся близнецы...

Наконец вернув самообладание, Джейн посмотрела на Ребекку.

– У вас на зубах помада. Но вы можете оставить ее там, чтобы людям было на что посмотреть кроме этой глупой штуковины у вас на груди. Отдаете вы себе отчет в том или нет, но вы делаете медвежью услугу людям, которые действительно нуждаются в собаке-компаньоне. Подумайте об этом, когда в следующий раз посадите свою маленькую зефирную собачку в переноску для ребенка.

Понимая, что больше добавить к этому нечего, я одарила Ребекку легкой улыбкой и помахала рукой, после чего последовала за Джейн в дальний конец магазина, чтобы присоединиться к матери. Убедившись, что Ребекка нас не видит, я дала Джейн пять, и не только потому, что она поставила Ребекку на место. К моему великому облегчению, Джейн умела произносить связные, разумные, хорошо продуманные предложения.

Уже в лучшем настроении, мы продолжили поиск бюстгалтеров с мягкой подкладкой, которые приподнимали грудь, но что-то из сказанного Ребеккой продолжало клевать мой мозг, крутясь как мотылек вокруг лампочки. Что-то про совпадения и про то, что Джек твердо верил, их не бывает.

Глава 16

Я зашнуровала кроссовки и надела солнцезащитные очки на тот случай, если кто-нибудь узнает меня во время первой попытки совершить пробежку. Софи вызвалась составить мне компанию, но я отказалась, сказав, что я уже большая девочка и могу сделать это сама. Правда заключалась в том, что я собралась сделать то, что видела в Интернете, – интервальные тренировки, комбинации бега и ходьбы. Или то, что я для себя называла выживанием. Пролистав большую часть статьи со скучными наставлениями, сколько минут нужно тратить на то и другое, я решила, что, когда устану бежать, перейду на ходьбу и буду идти, пока не почувствую, что снова готова бежать.

В последний момент я схватила поводок Генерала Ли, объясняя это тем, что если я вдруг свалюсь от изнеможения, то смогу во всем обвинить его и, шатаясь, вернусь домой. Я подумала о том, не взять ли с собой Порги и Бесс, потому что у них наверняка больше энергии, но тотчас отклонила эту идею, потому что прогулка с ними была упражнением в гимнастике и нервотрепке. Похоже, у обоих была аллергия на ходьбу по прямой, а также страстная цель покалечить или вообще угробить меня, для чего они вечно запутывали поводки и норовили убежать в противоположных направлениях.

Я начала переставлять ноги со скоростью чуть быстрее ходьбы, но гораздо медленнее той, что другие назвали бы бегом, если только этот кто-то другой не был черепахой. Генерал Ли с опаской посмотрел на меня. Вскоре он ухватился за эту идею и прибавил скорость, упруго подскакивая на коротких, пушистых лапах. Я была готова поклясться, что он улыбался. Я понятия не имела, сколько лет Генералу Ли, поскольку унаследовала его вместе с домом, но он был слишком стар, чтобы опередить меня, я же изо всех сил старалась не отставать. Мимо нас, размахивая «конскими хвостами», пронеслась пара студенток Чарльстонского колледжа. На их фоне я ощутила себя еще одной рептилией – той, что была родственницей черепахе, но на сегодняшний день вымерла.

К тому времени, как я добежала до Саут-Бэттери, я была убеждена, что рухну замертво от сердечного приступа, и остановилась,

намереваясь развернуться и пойти обратно домой, так как уже достаточно набегалась за утро. Но стоило мне зашагать в том направлении, откуда мы только что пришли, как Генерал Ли внезапно дернул поводок и отчаянно залаял. Я обернулась, чтобы посмотреть, что вызвало его раздражение, и увидела большого толстого кота, сидящего на садовой стене дома напротив. Без очков было трудно сказать, но, когда я подошла ближе, Генерал Ли уже перешел в режим атаки, и я увидела лоскут кожи, закрывающий пустую глазницу, и единственный зеленый глаз, устремленный в нашу сторону. Кот сидел на стене, лениво покачивая хвостом, как будто дразнил и подначивал нас.

Как только мы оказались перед ним, кот спрыгнул на землю и рванул по тротуару прочь. Генерал Ли так сильно дернул поводок, что тот выскользнул из моей руки, а пес бросился вслед за котом. Было еще достаточно рано, и на улице было не так много машин, но моему псу нельзя доверять без поводка. Если бы такое диагностировали у собак, я почти не сомневаюсь: у него нашли бы синдром дефицита внимания. Его способность отвлекаться практически на все, что движется или издает звуки, доказывала это.

– Генерал Ли, стой! – крикнула я, увы, безрезультатно. – Ко мне, – добавила я, как будто всю свою собачью жизнь он только и делал, что слышал и слушал эту команду. – Сахар! – крикнула я вместо этого, зная, что это единственное слово, на которое он мог отреагировать. Увы. У меня уже закололо в боку, когда я сообразила, что пес ведет меня к особняку Пинкни.

У меня на глазах кот взбежал по ступенькам и исчез в открытой входной двери, Генерал Ли влетел за ним по пятам. Я остановилась у подъездной дорожки, согнулась пополам и вонзилась пальцами в бок в тщетной попытке ослабить боль.

– Мелани?

Услышав голос Софи, я открыла глаза, но мне не хватало энергии и кислорода, чтобы выпрямиться. Я увидела «биркенстоки» и низ пурпурной прозрачной юбки с радужными слоновьими головами, разбросанными, как шлепки рвоты, по всей ткани. Мой взгляд скользнул за спину Софи к мусорному контейнеру, где я заметила зад мужчины, наклонившегося, чтобы что-то поднять. Его джинсы съехали

гораздо ниже того места, где им полагалось быть. Я снова зажмурилась.

– Это Рич Кобилт?

– Он помогает мне убрать из всех ванных комнат чугунные ванны.

А ты что здесь делаешь?

Я медленно выпрямилась, боль постепенно отступала.

– Я бежала за Генералом Ли. Он только что бросился в дом, преследуя черного кота.

Она выглядела сбитой с толку.

– Я не заметила никакого кота, пробежал только Генерал Ли. И я ни разу не видела, чтобы он так быстро бегал.

– Да, кот явно намного проворнее, чем мой пес. – Я заглянула ей за спину и увидела, что Рич и еще один рабочий поднимают вверх по пандусу, ведущему к задней части его пикапа, ванну на ножках, а рядом своей очереди ждут еще три ванны. – Почему не отправить их в мусорный бак?

Софи дернулась, как будто я ее ударила.

– Потому что их можно восстановить! Они чугунные! Ты хотя бы представляешь, сколько они будут стоить сегодня? К тому же в наши дни все покупатели ищут старые вещи, которые выглядят как новые... и эти ванны идеально впишутся в современные ванные комнаты, которые мы устанавливаем в этом доме.

Я посмотрела на ванны: с них откололось столько кусков фарфоровой эмали, что они напоминали пятнистых, коричнево-белых коров.

– Вынуждена поверить тебе на слово.

Рич заметил меня и подошел, на ходу подтягивая штаны. Интересно, если оставить ему на водительском сиденье анонимный подарок в виде ремня, будет он его носить?

– Доброе утро, Рич.

– Утро доброе, миссис Тренхольм. – Он кивнул подбородком в сторону дома. – Сомневаюсь, что ваш пес поймает этого кота. Я много раз пробовал, но он шустрый, поганец. Мои рабочие в один голос утверждают, что не видели его, но это лишь потому, что они не хотят напрягаться. Ничего, посмотрим, что они запоют, когда этот кот околет где-нибудь в доме и начнет вонять. Вы когда-нибудь чувствовали такую вонь?

Я почти сказала: «Да, и даже хуже», но предпочла сосредоточиться на наклейке на его бампере, с цифрами 0.0 в белом овале.

– Что это означает?

– Это означает, что я разумнее своей жены и ценю свои колени больше, чем она. Она марафонец, и у нее есть наклейка с надписью 26.2. Так что мне пришлось обзавестись своей.

Я представила себе, как он бежит, его штаны спадают до лодыжек, и он спотыкается, и подумала, как хорошо, что он не бегун. Мне захотелось дать ему пять и спросить, где взять такую наклейку, но я поймала хмурый взгляд Софи.

– Думаю, мне нужно найти свою собаку, – сказала я.

Оставив Рича разбираться с ваннами, я последовала за Софи внутрь. Внутри царил еще больший бедлам, чем в мое последнее посещение. Вдоль стен высились груды обвалившейся штукатурки и полосы заплесневелых обоев. Мебель была сдвинута в центр комнаты и накрыта брезентом, картины сняты со стен.

Софи едва ли не со слезами на глазах огляделась по сторонам.

– К сожалению, даже при хорошем бюджете на реставрацию мы были вынуждены избавиться от большего количества элементов интерьера, чем нам хотелось бы. – Внезапно она просияла. – К счастью, найденная Ивонной статья о ремонте 1930 года оказалась чрезвычайно полезна. Архитектурная фирма, упомянутая в статье, сохранила все образцы обоев и тканей, а также рисунки многих потолочных медальонов и прочих архитектурных элементов дома. Это было похоже на золотую жилу. Что, безусловно, избавит нас от лишних догадок и сэкономит время. Хотя...

– Что? – подсказала я.

– Я чувствую себя виноватой, принимая все эти решения. В смысле, я приношу вещи Джейн на одобрение, а она просто соглашается со всем. Она отказывается прийти и посмотреть, что мы делаем. Говорит, у нее аллергия на пыль, и я это понимаю, но я могу дать ей маску.

Я пожала плечами.

– Ей действительно все равно. Вряд ли она планирует здесь жить. Ее цель – сделать дом как можно более привлекательным для покупателей за как можно более короткий срок.

Софи покачала головой.

– Это очень печально. Большинство людей отдаст свою левую руку, чтобы оказаться на ее месте. Включая меня. Не зная я о ее прошлом, я бы сказала, что некоторым людям везет по жизни.

– Да, но не все думают, что унаследовать старый дом – это подарок. Кое-кто может даже рассматривать это как наказание. – Прежде чем Софи успела возразить, я поспешила сменить тему. – Хотела спросить у тебя – что происходит с цистерной у меня на заднем дворе?

– Ах да. Это. Да, там небольшая задержка.

Я сощурилась, желая напугать ее своим пристальным взглядом, но она занялась ковырянием в грудях мусора перед нами.

– Да, и с Меган Блэк – моей помощницей, которая выполняла большую часть работы, пока мои усилия сосредоточены здесь, – произошел несчастный случай при работе с рентгенофлуоресцентным спектрометром.

– Чего-чего?

– Это разновидность рентгеновского аппарата. Мы используем его для анализа кирпичей, чтобы определить, из каких рек бралась глина, что позволяет нам выяснить происхождение кирпичей. Поскольку цистерны обычно делали из старых кирпичей из разных мест, это может быть увлекательно.

– Увлекательно. – Я повторила это слово, но с другой интонацией, в надежде, что Софи поймет намек. Она не поняла.

– К сожалению, Меган уронила этот аппарат себе на ногу и сломала ее. Мне неприятно это говорить, но, по крайней мере, ее нога предотвратила его дальнейшее падение, так что с аппаратом все в порядке. Но какое-то время Меган не сможет залезать в цистерну и вылезать из нее. А другие мои аспиранты слишком заняты работой над диссертациями или помогают мне здесь. Нам просто нужно подождать, пока она встанет на ноги, и раскопки продолжатся. – Она сказала последнюю фразу, практически прижавшись носом к стене, изучая нечто такое, что я не могла и не хотела видеть.

– Прекрасно. Надеюсь, все это будет сделано до того, как дети закончат школу. Я бы не хотела, чтобы кто-то из них свалился в эту яму.

Софи не успела ответить. Ее спас телефон, заигравший мелодию Джона Леннона «Представьте». Я не могла слышать ее собеседника, но по испуганному выражению ее лица и косым взглядам в мою сторону я поняла две вещи: это было нечто, что касалось меня, и это были дурные вести.

– Я вам перезвоню, – сказала она, прежде чем повесить трубку, и посмотрела на меня вытаращенными глазами.

– Что не так?

– Помнишь моего знакомого, Джона Нолана, эксперта по антикварным игрушкам, который все знает о куклах Эдисона?

– Да. Он пришел на прошлой неделе и забрал куклу. У него хорошие новости?

Софи сжала губы и покачала головой.

– Боюсь, что нет. Кукла, похоже, пропала.

– Пропала? В смысле, он не помнит, куда он ее дел?

– Он не может понять. Он принес ее в свой офис и запер в сейфе для ценных вещей. Он очень ясно помнит, как это сделал. Но ее там больше нет.

– Может быть, ее взял кто-то из его коллег? Или он положил ее в другое место и не помнит?

Софи вновь покачала головой.

– Он сказал мне, что заметил исчезновение куклы вчера, и все последние двадцать четыре часа он провел в ее поисках, расспрашивая людей, которые могли ее видеть. Судя по всему, он единственный, кто знает комбинацию сейфа, и, когда он пошел проверить куклу, сейф по-прежнему был заперт.

Мы в упор посмотрели друг на дружку, как будто каждая из нас ожидала, кто заговорит первой.

Крик мужчины, за ним – глухой удар, как будто что-то тяжелое упало на пол над нами. Мы с Софи как по команде повернули наши головы в сторону лестницы. В поле моего зрения промелькнуло что-то белое и исчезло за углом у лестничной площадки.

– Ты это видела? – тихо спросила я.

– Что именно?

Я испытала то, что можно назвать облегчением. Я видела привидение, и оно не было заблокировано! Но появилось и темное,

гнетущее чувство, которое теперь давило мне на плечи, прижимая мои ноги к полу, отчего я с трудом ими двигала.

– Там все в порядке? – крикнула мне вслед Софи.

Не получив ответа, она поспешила вверх по лестнице. Я последовала за ней, но не потому, что хотела, а чтобы не оставаться здесь одной. Мы остановились наверху лестницы и попытались оценить ситуацию.

Рабочий в белой фирменной футболке стоял в коридоре, прижавшись спиной к стене, а его молоток валялся на полу. Цвет его лица соответствовал цвету его футболки. Словно боясь оторвать руку от стены, рабочий подбородком указал в конец коридора.

– Ее там не было десять минут назад, когда я спустился на кухню за молотком. И я знаю, что дверь была закрыта, потому что я подумал, что мне придется взломать ее молотком.

Я знала, что увижу, еще до того, как повернула голову и увидела то, что встревожило рабочего. Кукла Эдисона с пустым лицом и такими же пустыми, широко открытыми глазами, как и раньше, стояла за дверью на нижней ступеньке лестницы, что вела на чердак. Немигающие глаза смотрели на нас с жестокостью.

По коридору эхом разносился визгливый смех маленькой девочки, правда, непонятно откуда. Темное присутствие, которое я чувствовала внизу, теперь было где-то сзади, проходя сквозь нас в сторону открытой двери. Мы все дрожали, но только я знала почему.

– Я заберу куклу, – сказала я хриплым, надтреснутым голосом.

Генерал Ли залаял, а затем спустился по чердачной лестнице и сел у моих ног, наблюдая, как к двери и ступеням движется холодная масса воздуха. Когда же я двинулась вперед, он остался на месте, этот маленький трус. Я напряглась, вперив взгляд в темное пятно, которое, казалось, растягивалось и сжималось передо мной. Зловоние было невыносимым, подобно запаху протухшего мяса. Я тотчас вспомнила свой разговор с Ричем Кобилтом.

Темное пятно бросилось вперед, опережая меня, взлетело по чердачной лестнице и замерло на полпути. Не сводя с него глаз, я сделала еще шаг вперед, намереваясь схватить куклу. Я протянула руку, готовая схватить ее за волосы и дернуть на себя, независимо от того, насколько они ценные и редкие. Кукле не место на этой лестнице, и меня возмущало то, что она наверняка была иного мнения. Увы, мои

пальцы коснулись лишь воздуха, не достав до головы куклы, и, прежде чем я смогла повторить попытку, дверь захлопнулась передо мной, едва не прищемив руку.

Софи коротко выругалась, что было совершенно ей не свойственно. Я не сомневалась, что рабочий выбрал бы словцо покрепче. Но он уже сбежал вниз, бросив свой молоток и даже пообещав, что никогда сюда больше не вернется.

Не сводя глаз с двери, я наклонилась и подняла Генерала Ли, чувствуя, как его маленькое тельце дрожит в моих руках. С другой стороны двери раздалось громкое мяуканье. От неожиданности мы все трое вздрогнули. Затем последовало энергичное царапанье. Генерал Ли заскулил и начал вырываться из моих рук.

– Мы не можем оставить его там, – сказала Софи.

– Разве?

Софи нахмурилась.

– Он может повредить куклу. И вообще, это было бы бесчеловечно, – поспешно добавила она. У Софи была жуткая аллергия на шерсть животных, и она никогда не держала их дома. Вот почему мои собаки обожали сидеть у нее на коленях, когда она бывала у нас. – Кто-то из нас должен открыть дверь и выпустить его.

– Дай угадаю, – сказала я. – Ты хочешь, чтобы это сделала та из нас, у кого больше опыта в необъяснимых вещах, например, когда двери хлопают, хотя там никого нет.

Она сделала большие, невинные глаза.

– Это ты сказала, а не я.

Я бесцеремонно сунула собаку ей на руки и вновь повернулась к двери.

– Есть что-нибудь наверху?

Софи чихнула, и я ощутила легкое злорадство.

– Думаю, это спальня маленькой девочки, хотя зачем держать ребенка на раскаленном чердаке, мне непонятно. Не думаю, что там что-то изменилось с тех пор, как она умерла. За исключением повреждений из-за протекающей крыши. Разве ты не показывала его Джейн?

Я покачала головой.

– Мы предположили, что это просто чердак, забитый обычным хламом.

– Джейн нужно прийти сюда, посмотреть и решить, что с ним делать. Ночная рубашка девочки все еще лежит у изножья кровати.

Не сомневаюсь: мой испуганный взгляд наверняка соответствовал ее взгляду. Царапанье сделалось громче, но не оно двигало меня вперед. Я ощущала и другое присутствие, то, которое в моем сознании было связано с промелькнувшим белым силуэтом, этот силуэт я краем глаза видела несколько раз во время своих визитов в дом, присутствие легкое и беззлобное. Я почти чувствовала, как чьи-то нежные руки подталкивают меня к двери. Когда я приблизилась, дверь открылась, и из чердачного окна на лестницу упал яркий солнечный луч, осветив куклу и сидящего рядом с ней кота. Другое присутствие, словно сжалившись над нами, исчезло.

С громким визгом кот прыгнул мимо меня и молнией пронесся по лестнице. Генерал Ли возмущенно залаял, недовольный тем, что его удерживают на месте.

– Она у тебя? – спросила Софи.

Я повернулась к ней с куклой в руках.

– Да, у меня.

– Нет. Я имела в виду кошку. В смысле, кота. Ты поймала его или он побежал вверх по лестнице?

– Он пробежал мимо тебя. Разве ты не видела?

Софи покачала головой.

– Должно быть, я была слишком занята, пытаюсь удержать Генерала Ли, когда кот проскользнул мимо. Главное, чтобы он не был заперт на чердаке.

– Ага, – сказала я. – Какое облегчение.

Она поставила собаку на пол, протянула мне поводок, и я с радостью отдала ей куклу.

– Понятия не имею, как это попало сюда, но я предлагаю тебе подбросить ее в офис твоего друга. Пусть он думает, что у него поехала крыша.

Мы тихо спустились по лестнице и с удивлением обнаружили Рича Кобилта. Сняв бейсболку, он стоял посреди фойе и почесывал затылок.

– Что-то не так? – спросила я, делая вид, что не заметила, как один из его рабочих пульей вылетел из дома.

– Могу я быть с вами честен?

Мы с Софи кивнули.

– Не хочу вас пугать, – сказал он, понизив голос почти до шепота, – но сдаётся мне, что в этом доме есть привидения.

Мы с нарочито невозмутимыми лицами посмотрели на него.

– Но не волнуйтесь. Я немного чувствителен к этому, и я дам вам знать, если сочту, что есть какая-то опасность. – Его взгляд упал на куклу, и я заметила, как он передернулся. – Господи, это еще что такое?

– Не волнуйтесь, мы выносим ее из дома. Одним привидением меньше.

– Спасибо, миссис Тренхольм. Вернемся к этим ваннам. Я буду держать вас в курсе.

Как только он вышел на улицу, наверху хлопнула дверь, а из глубины кукольной груди послышалось жужжание и щелчки, которые затем стихли. Мы на миг затаили дыхание, ожидая, вдруг она заговорит. Но нет. Софи со вздохом облегчения пронесла ее через холл и почти дошла до двери, когда высокий металлический голос, напоминающий царапанье поломанных ногтей о внутреннюю крышку гроба, пронзительно крикнул: *«Помогите. Мне»*.

Глава 17

Я сидела в детской с Сарой на коленях, вытирала ее пухлые пальчики на ногах и вдыхала сладкий, детский запах, запах ребенка, только что вынутого из ванны. Вот если бы найти способ налить этот запах в бутылку, чтобы при желании, например во время стресса, достать ее, понюхать и успокоиться. Как сейчас. Мне еще предстояло привыкнуть к перестановке мебели, а теперь вдобавок к прежнему хаосу тут появились перевернутые корзины с яркими пластиковыми игрушками, которые совершенно не соответствовали общей цветовой гамме. Аккуратно сложенные и промаркированные коробки с кубиками и развивающими игрушками, которые я часами складывала и систематизировала, стояли нетронутыми на полках вдоль стен.

Я была вынуждена отвернуться, лишь бы не видеть взятых наобум нарядов, которые Джейн разложила на пеленальных столиках. Для меня это было слишком. Вместо этого я закрыла глаза и вдохнула сладкий запах ребенка. Даже протесты Джей-Джея по поводу того, что его вытащили из ванны, меня не трогали.

Джейн вышла из ванной с Джей-Джеем, закутанным в детское полотенце. Его голову покрывал капюшон с ушками медведя панды. Капюшон был очень симпатичный, из натурального, выращенного без применения химикатов хлопка, – подарок Софи, – но он не подходил к тому капюшону, который я выбрала для Сары. Я вновь закрыла глаза и глубоко вдохнула запах влажных темных волос дочери.

Мое присутствие в офисе не требовалось до часу дня, и поэтому я предложила Джейн помочь ей с купанием близнецов. В моем графике купание было запланировано на вечер, перед сном, но Джей-Джей за завтраком перевернул себе на голову тарелку овсянки.

А еще мне срочно требовалось поговорить с Джейн о возвращении в дом Пинкни. У меня в десять часов утра была назначена там встреча с матерью Джека, Амелией: надо было взглянуть на некоторые предметы декора и мебель и определить их ценность. Продаст Джейн дом или нет, ей нужно решать, что делать со всем, что было внутри. Ни Софи, ни я не горели желанием принимать за нее эти решения.

– Джейн, – начала я тогда же, когда она сказала «Мелани». – Вы первая, – сказала я, предпочитая немного подождать.

Сев рядом, она начала осторожно вытирать Джей-Джея полотенцем. Мой сын блаженно зажмурился, а она потерла ему голову и вытерла за ушами. Этим Джей-Джей был удивительно похож на Джека. Тот тоже блаженно жмурился, когда я массировала ему плечи после долгого дня, проведенного за письменным столом.

– Я не собираюсь никуда идти, но я просто хотела сообщить вам, чтобы вы знали, что сказать, если она вдруг спросит, почему меня нет.

Я уставилась на нее, моргая, пытаюсь разгадать смысл ее слов, но так и не смогла.

– Прошу прощения?

Джейн перешла к пальчикам на ногах Джей-Джея. Тот выгнул спину и завизжал от восторга. Сара нахмурилась.

– Извините. Когда я нервничаю или смущаюсь, я обычно несую всякую околесицу.

– Да, я заметила.

Она вспыхнула и посмотрела на меня.

– Я говорю о детективе Райли. Мы договорились поужинать вместе в пятницу вечером, но, пожалуй, я все отменю. Не хочу подавиться собственным языком.

– Он полицейский. Детектив, – заметила я. – Бьюсь об заклад, он знает прием Геймлиха и при случае окажет вам первую помощь.

Джейн поморщилась.

– Пожалуй. После сверки описи с вещами внутри дома мы должны были пойти на ужин, но я не смогла заставить себя вернуться туда, поэтому отдала опись Софи, чтобы она все сверила сама, а затем отменила ужин. Но потом позвонил Томас и спросил снова, так что я влипла.

– И вы хотели, чтобы я высказала свое мнение?

– О нет, – сказала Джейн, встала и отнесла Джей-Джея к его пеленальному столику, где умело застегнула на нем подгузник. – То есть я бы с радостью выслушала ваше мнение, если бы вы его высказали, но я пыталась сказать не это. Я про вечеринку. – Джейн наморщила нос. – У меня тоже есть приглашение.

Ее слова наконец дошли до меня, и я вытаращила глаза.

– На презентацию книги? Вас тоже пригласили?

– Знаю... это странно. Но не волнуйтесь, я не пойду. Я все равно должна оставаться дома с детьми.

Я отнесла Сару к ее пеленальному столику и, вытащив чистый подгузник, тщательно взвесила свой ответ. Я неплохо представляла себе, почему Ребекка пригласила Джейн, но я бы ни за что не сказала этого вслух.

– Согласна, это довольно странно, но, пожалуйста, не отказывайтесь, если только действительно хотите туда пойти. Думаю, я смогу уговорить родителей Джека, моих родителей или даже Нолу посидеть с детьми.

– Приглашение на два лица. Я могу попросить детектива Райли сопровождать меня. При условии, что я туда пойду.

Я принялась сосредоточенно застегивать кнопки на комбинезончике Сары.

– Право, Джейн, если хотите пойти, то идите. И я уверена, Томас будет рад пойти с вами. – Я так сильно закусилла нижнюю губу, что она закровоточила. Моя кузина обожала вмешиваться в чужие дела, обожала создавать драмы и раздражать меня. Или же просто это было частью ее натуры, и она ничего не могла с собой поделать.

– Ну, если вы уверены. У меня не так много поводов принарядиться, так что это было бы прикольно. Но только если вы найдете мне замену. Если же нет, просто скажите, и я останусь дома с близнецами.

Джейн усадила на бедро полностью одетого Джей-Джея, и он улыбнулся ей. Она посмотрела на меня. Я все еще пыталась с третьего захода защелкнуть добрую сотню кнопок на комбинезончике Сары, как вдруг до меня дошло, что я, оказывается, пропустила третью кнопку и должна начать все сначала. Или оставить все как есть, и пусть люди думают, что Сара оделась сама.

– Может, нам поменяться местами? – предложила Джейн.

Я покорно кивнула и, взяв у нее Джей-Джея, поменялась с ней местами.

– Думаю, пусть лучше этим займется эксперт.

– Нет, – сказала Джейн. – Я не эксперт. Я – няня, а вы – мать. Я бы никого из нас не назвала экспертом, но мы к этому и не стремимся, не так ли?

– Думаю, нет, – сказала я с искренней улыбкой.

Под моим пристальным взглядом Джейн принялась заново застегивать кнопки на комбинезончике Сары. Из биографических данных, проверенных Томасом, я знала, что Джейн лет на десять моложе меня, хотя выглядела она гораздо старше.

Джейн была великолепной няней. Она прекрасно ладилась с детьми и собаками, с Нолой и практически со всеми, кого мы ставили на ее пути. Кроме, пожалуй, Томаса, но он не в счет. Она была добрая и веселая, и – если вспомнить, как она осадилась Ребекку в магазине нижнего белья – очень проникательная, и не из тех, кто позволяет помыкать собой. Полагаю, она мне нравилась. Очень нравилась, хотя мне было сложно в этом признаться даже самой себе. Мне не давал покоя вопрос, перестанут ли когда-нибудь мои комплексы мешать моим отношениям с другими людьми?

– Теперь ваша очередь, – сказала она, поднимая полностью одетую Сару. Я взглянула на маленькую щетку для волос и нетронутые бантики на комодике, не зная, сделать ли мне все самой или подождать, когда это сделает Джейн. Сара ненавидела банты, но я продолжала твердить Джеку, что это лишь вопрос времени, Сара постепенно к ним привыкнет. Он сказал, что чем больше я буду давить на нее, тем больше она будет сопротивляться, поскольку унаследовала упрямство матери. Я не разговаривала с ним весь остаток дня, но не потому, что думала, что это не соответствует действительности, а потому, что боялась, что он прав.

Я снова села, подбрасывая Джей-Джея на коленях и радуясь его смеху.

– Сегодня утром я встречаюсь в доме Пинкни с матерью Джека, Амелией. Она владеет антикварным магазином на Кинг-стрит и хорошо разбирается в старой мебели и всяких декоративных аксессуарах. Я предложила ей прийти и посмотреть, что там есть, чтобы вы получили общее представление о ценности вещей. А вы уже решите, что оставить себе или выставить на аукцион. Так вы выручите больше денег, нежели продавать все вместе с домом.

– Вы ведь можете сделать это и без меня, правда? – Ее глаза были круглыми и настороженными, что было мне до боли знакомо.

– Полагаю, что нет. Если бы вы сразу сказали ей, что именно вы не собираетесь оставлять, это ускорило бы процесс. Вроде того уродливого розового фарфора, что стоит в кладовой дворецкого.

– Как вы узнали, что он мне ненавистен?

– Разве вы не говорили? – Я пожала плечами. – Он показался мне таким уродливым, что я даже представить не могла, что вы со мной не согласитесь. – Я на миг в упор посмотрела на нее. – И еще кое-что. Софи думает, вам стоит заглянуть на чердак. Судя по всему, это была спальня умершей девочки – племянницы Баттон. По словам Софи, это нечто... экстраординарное. Она считает, что не имеет права решать, что с ним делать.

– Вы ее видели?

Вспомнив кричащую куклу и хлопнувшую дверь, я покачала головой.

– В прошлый раз, когда я была там, я спешила и потому не успела. Но я подумала, что сегодня самое время отправиться туда. Джек дома и сказал, что будет рад присмотреть за детьми. Думаю, что он просто откладывает работу на потом. По-моему, писатели занимаются этим большую часть своего времени, так что мы вряд ли отвлечем его от работы.

Джейн убрала волосы Сары за уши, очевидно забыв о бантах. Я закрыла глаза и нюхала голову Джей-Джея, пока раздражение не прошло.

– Как вы думаете, сколько времени это займет? – спросила Джейн.

– Я бы сказала, не больше часа. А потом в награду я угощу вас пирожным из пекарни Рут.

Она задумчиво закусила нижнюю губу.

– Обожаю ее кексы с беконом и шоколадом.

При этих словах я сглотнула и, к собственному стыду, поняла, что у меня текут слюнки. Слишком давно у меня во рту не было ничего даже близко похожего на сахар.

– Я еще их не пробовала. Могу поделиться с вами.

Она нахмурилась.

– Или каждая возьмет себе по одному, – поспешила добавить я.

Она едва заметно вздрогнула.

– Хорошо, будь по-вашему. Всего час можно потерпеть что угодно, правда?

Чтобы не отвечать, я притворилась, будто кусаю Джей-Джея за шею. Я отлично помнила свой последний визит в дом, когда пятнадцать минут показались мне вечностью.

Когда мы приехали, «Ягуар» Амелии уже был припаркован на подъездной дорожке. Стоя у подножия крыльца, я на минуту подумала, что мне придется взять Джейн за руку и тащить ее за собой. Я не увидела кота и не почувствовала никакого присутствия, ни зловещего, ни доброго. Пока все шло нормально. Или, может, что бы это ни было, оно все еще не пришло в себя после того, как напугало нас в прошлый раз. Джейн глубоко вздохнула и последовала за мной внутрь.

В комнатах нижнего этажа, где находилась большая часть повреждений, нанесенных водой, и крошащихся карнизов, были возведены строительные леса, и несколько студентов Софи и нанятые эксперты по консервации зданий были заняты кропотливой работой по постепенному удалению большей части поврежденных карнизов и медальонов. Как уже объяснила Софи, их пришлось удалить, чтобы воссоздать заново, а недостающие части реконструировать. Я не стала говорить Софи о том, что большая шлифовальная машинка справится с этой работой в считанные минуты и что на самом деле в гладком потолке нет ничего плохого. Полагаю, я слишком дорожила нашей дружбой.

– Мелани, это ты? – позвала из столовой Амелия.

Мы с Джейн нашли ее возле большого буфета между окнами. Там было еще больше отвратительного розового фарфора и самое огромное количество хрусталя, какое только мне доводилось видеть в одном месте, кроме разве сувенирного магазин «Вьетан» на Кинг-стрит. К своему разочарованию, я увидела там еще больше солонки и перечницы, придававших замысловатому резному фасаду старинного буфета почти клоунский вид. Имей он возможность высказаться, что он думает по этому поводу, я уверена, он бы разрыдался от обиды.

– Привет, Амелия, – сказала я, целуя ее, как обычно, в каждую щеку. Элегантная, в костюме от «Шанель», с ниткой жемчуга на шее, светлые волосы убраны в тугий французский узел. Она казалась крошечной и сдержанной, но я знала: Амелия – милая и душевная, обожает своих внуков и даже готова проползти на четвереньках, просто чтобы рассмешить их, или лечь на пол, чтобы они могли перелезть через это препятствие.

– А это Джейн Смит, наша няня.

Они обменялись рукопожатием, и я заметила взгляд, к которому уже привыкла, представляя Джейн.

– Просто у нее такое лицо, – объяснила я. – Если вы подумали, что вы уже встречались, то это не так.

Но Амелия не рассмеялась и не отступила назад. Вместо этого она продолжала держать руку Джейн и пристально смотреть ей в лицо.

– Это какое-то наваждение... – Она умолкла, улыбнулась и наконец отпустила руку Джейн. – Извините. Я знаю, что раньше мы не встречались. Но на какой-то миг я была готова поклясться, что вы – это кое-кто другой. Но вы совсем не того возраста, что привело меня в чувство. Говорят, у каждого есть двойник... возможно, не в одном с нами поколении. – Она засмеялась, но ее смех показался мне натянутым. – Итак, вы та самая чудесная няня, о которой нам так много рассказывал Джек. Я подумала, что у вас даже есть нимб и крылья.

Джейн покраснела, а я засмеялась, хотя мне это вовсе не показалось смешным. Не ангельский образ Джейн, а тот факт, что Джек рассказывал о ней другим людям. Но она была нашей няней. Конечно, он говорил о ней. Другие люди, у которых есть няни, ведь тоже говорят о них, не так ли? Я не знала никого с няней и потому была вынуждена принять это как нечто вероятное.

– Мы даже не представляем, как бы мы обходились без нее, – сказала я.

Амелия улыбнулась Джейн, но за этим взглядом явно скрывалось что-то, чему у меня не было названия.

– Я приехала сюда чуть раньше, и один из рабочих любезно впустил меня. Надеюсь, вы не возражаете, что я позволила себе прогуляться по дому и сделать несколько заметок? У вас здесь есть очень ценная и востребованная у любителей мебель. Несколько изделий знаменитого краснодеревщика Томаса Эльфа и еще несколько от Чиппендейла. У вас также есть целая коллекция дорогого костяного фарфора Royal Albert – если не ошибаюсь, как минимум на семьдесят персон с большим количеством сервировочных предметов.

– Это те самые блюда с розовым рисунком? – спросила Джейн.

– Да. Это то, что вы хотели бы сохранить? – спросила Амелия.

– Нет, – хором ответили мы с Джейн.

Амелия засмеялась и сделала пометку в блокноте, который не выпускала из рук.

– Понятно. Он не в моем вкусе, но многим нравится этот узор. Думаю, я могу получить за весь лот очень хорошую цену. – Она провела нас из столовой через кухню в кладовую дворецкого. – Как видите, здесь еще больше фарфора. И еще просто огромная коллекция наборов, состоящих из солонки и перечницы. – Амелия приподняла изящные брови. – Я знаю, что Баттон их собирала, посетив каждый штат. Всего пятьдесят наборов, все в первозданном виде.

– Они имеют какую-то ценность? – спросила я.

Амелия печально улыбнулась.

– Боюсь, только сентиментальную. Хотя есть вот этот набор.

Она отложила блокнот и ручку и осторожно приоткрыла одну из стеклянных дверок. Протянув руку над желтыми треугольниками, похожими на сыр с глазами, со словами «Вис» и «Консин» на каждом из них, она осторожно извлекла из-за них еще одну пару.

Эти имели форму пушистых белых ватных комочков, и на каждом черным по белому было написано «Лейк-Джаспер, Алабама». Амелия подержала их на ладони.

– Прошло много времени, но я почти уверена, что именно здесь у семьи Баттон когда-то был дом у озера.

– Они симпатичные, – великодушно сказала Джейн. – Есть ли в них что-то особенное?

– Не уверена. Я обычно не продаю такие вещи в своем магазине, поэтому понятия не имею. Но я заметила, что внизу кто-то что-то нарисовал. – Перевернув их, она показала нам, что кто-то нанес и на солонку, и на перечницу надпись: 30 мая 1984 года. – Я попрошу Джека это исследовать. Пусть он выяснит, имеет ли эта дата какое-то значение. Возможно, это сувениры с мероприятия типа Вудстока. Это могло бы повысить их ценность, хотя и ненамного.

– Было бы здорово, – сказала Джейн. – Спасибо. Но у меня нет намерения сохранять эту коллекцию, какой бы прекрасной она ни была.

– Вы очень тактичны, – сказала Амелия, осторожно закрывая дверцы шкафа. – Наверное, поэтому вы такая хорошая няня. – Она провела нас обратно в фойе. – Я дам вам полный список того, что я нашла, и приблизительную стоимость. Вам не нужно ничего с этим

делать прямо сейчас, не торопитесь. Но вам непременно стоит обзавестись сигнализацией. В этом доме слишком много бесценных вещей.

Я хмуро посмотрела на Джейн.

– Мне казалось, вы с Томасом уже работали над ее установкой.

– Да, работали. В смысле, я работаю. Он очень высокий.

Амелия приподняла брови.

Джейн покачала головой.

– В смысле, да, он высокий, но это не имеет никакого отношения к системе сигнализации. – Она сглотнула и на мгновение взяла себя в руки. – Я хотела сказать, что мы над этим работаем. Нам просто нужно назначить встречу.

– В магазине мы сотрудничаем с замечательной компанией, – сказала Амелия. – Если хотите, я могу попросить кого-нибудь прийти сюда и назвать вам примерную стоимость работ. Вас это устроит?

Джейн энергично кивнула.

– Конечно. Спасибо. И я скажу детективу Райли, что ему не о чем беспокоиться. – Казалось, она вздохнула с облегчением.

– Вы видели чердак? – спросила я Амелию.

– Да, хотя я бывала там и раньше, с Баттон. Когда бедняжка Хейзелл еще была жива.

– Так вы были знакомы? – спросила я.

Амелия кивнула.

– Да. Несколько раз, когда я была в гостях у Баттон, она просила меня прийти поздороваться. Эта бедная маленькая девочка была так одинока и так отчаянно хотела видеть людей. Видите ли, ее мать боялась микробов и держала Хейзелл в изоляции. Мне разрешали подняться к ней только тогда, когда Анны не было дома.

– А как насчет моей матери? – спросила я. – Она когда-нибудь навещала Хейзелл? – Я поймала себя на том, что затаила дыхание, не желая, чтобы она сказала «да». Потому что тогда мне пришлось бы задаться вопросом, почему мать не сказала мне об этом.

Амелия наклонила голову.

– Боюсь, что нет. Она хотела, но они с Анной не дружили. Анна, вероятно, догадывалась, что меня и еще нескольких тайком пускают в комнату больной, но, если бы она узнала, что Баттон разрешила Джинетт навещать ее дочь, это бы добром не кончилось.

– Правда? Это потому, что моя мать была влюблена в мужа Анны, Самтера?

– Она тебе это сказала? – спросила Амелия, приподняв бровь.

– Нет. Она лишь сказала, что была влюблена в него, когда училась в старшей школе. И что она и Самтер одновременно были в Нью-Йорке, и что он был добр к ней. Но это было уже после смерти Хейзелл и его развода. Моя кузина Ребекка намекнула, что между ними было нечто большее, но я ей не верю.

Амелия на мгновение задумалась.

– Да, у Анны было развито чувство собственности. Я даже не понимаю, почему она терпела меня. Ей казалось, что все женщины посягают на любовь ее дочери и мужа, и поэтому им нельзя доверять. Думаю, она лишь потому терпела свою невестку, что Баттон была такой доброй, сердечной и дружелюбной со всеми.

Амелия повела нас за собой вверх по лестнице. Поставив ногу на нижнюю ступеньку, я моментально ощутила вокруг себя дрожание воздуха. Так я представляла себе медведя, открывающего глаза после долгой спячки. Я вздрогнула, то ли от резкого падения температуры, то ли из-за того, что мы поднимались наверх, на чердак.

Амелия остановилась на площадке и зябко потеряла плечи.

– Полагаю, наверху работает кондиционер, потому что здесь определенно холоднее, чем внизу.

– Возможно, – сказала я, вспоминая кондиционер в комнате Баттон и молясь, чтобы это так и было. Я повернулась, чтобы взглянуть на Джейн, и увидела, как из ее открытого рта выходит облачко дыхания.

Амелия стала подниматься дальше.

– Я никогда не винила Анну за то, что она была такой. Она была единственным ребенком, брошенным на попечение слуг, пока ее родители путешествовали по всему миру. Ее отец был владельцем архитектурно-строительной компании, так что они были очень богаты и заботились о том, чтобы у нее было все самое лучшее, кроме них самих. Она же жаждала их любви. Думаю, именно поэтому она никогда не была частью нашей компании. Баттон, Джинетт и я были подругами и с радостью впустили бы ее в наш круг, но Анна никогда не умела выражать свои чувства.

Я остановилась на лестничной площадке, чувствуя борьбу между двумя отдельными, разными сущностями, толчки и притяжение, которые уже начали ассоциироваться у меня с пребыванием в этом доме. Я медленно, словно на эшафот, поднималась на каждую ступеньку. Джейн следовала за мной по пятам.

Я почти ожидала вновь увидеть у двери чердака куклу, но я не получала от Софи панического телефонного звонка и потому надеялась, что кукла все еще заперта в сейфе в офисе ее знакомого. За грудой кирпичей. И с католическим священником со святой водой.

Дверь за нами захлопнулась, и я вздрогнула.

– Это комната Баттон, – сказала я. – Должно быть, это кондиционер, – добавила я с надеждой, молясь, чтобы мои спутницы не указали мне на то, что в таком случае дверь бы распахнулась, а не захлопнулась.

– Хорошо, – сказала Амелия. – Оставь ее закрытой, и подождем несколько минут, чтобы воздух прогрелся.

Она направилась к двери чердака, явно не замечая ни пульсирующего воздуха, который мерцал вокруг нас, ни гнилостного запаха тлена.

Она повернула дверную ручку. Я на долю секунды задержала дыхание, но потом поняла, что в этом нет необходимости. В моей голове с едва слышимым хлопком вновь опустился занавес. Воздух вернулся в нормальное состояние, гнилостный запах исчез, остался только свежий запах опилок и новой штукатурки.

Амелия толкнула дверь. Я втянула в себя воздух и оглянулась на Джейн. Та, казалось, даже не подозревала, что что-то произошло. Я облегченно вздохнула. Не хотелось бы вновь пережить ту сцену, когда невидимая сила столкнула Джейн с лестницы.

Мы начали подниматься по еще одной лестнице на чердак, хорошо освещенный из окна на самом верху.

– Зачем они поселили больного ребенка на чердаке? – поинтересовалась Джейн.

Амелия дошла до верхней площадки лестницы и повернулась, глядя на нас.

– Это был выбор самой Хейзелл. Ей всегда хотелось путешествовать по всему миру, но она не могла. Поэтому она удовлетворяла свое желание, глядя на воду, на проплывающие мимо

лодки и корабли. Она сочиняла истории о великих приключениях, которые ожидают их пассажиров, и множество других по-настоящему ярких историй о собственном воображаемом мире. Она даже записывала их в большой блокнот и всегда говорила, что хочет, чтобы их когда-нибудь опубликовали. Увы, этому было не суждено случиться. Я искала эту ее записную книжку, но, должно быть, в какой-то момент ее отсюда убрали.

Когда мы шагнули на чердак, Джейн что-то напевала себе под нос. Ее пение тотчас оборвалось, как только мы увидели, что находится перед нами. Несмотря на остроконечный потолок и пересекающие его открытые стропила, эта комната не производила впечатления чердачной. Одна стена была сильно повреждена водой, но остальная часть комнаты, хотя и была покрыта плесенью, в целом не пострадала.

Четыре стены были выкрашены в ярко-голубой цвет с яркими картинами моря, неба и чужих земель. На одной небольшой картине была нарисована копия дома на клочке земли рядом с речкой, обозначенной как река Эшли. Были там и другие картины, например Эйфелева башня и Британский парламент, а также другие знаменитые достопримечательности со всего света.

– Это потрясающе, – сказала Джейн с трепетом в голосе. – Кто это нарисовал?

– Ее отец, Самтер, – сказала Амелия. – Он был очень талантлив, хотя по его выбору профессии этого не скажешь. И он любил свою дочь. Баттон однажды сказала мне, что он очень рад, что у них есть этот огромный дом, в котором найдется место для дюжины детей, которых он хотел бы завести.

Я подошла к кровати – этакое громадное привидение под белыми простынями, накинутыми на четыре стойки, один край соскользнул, обнажив тонкую белую ночную рубашку, сложенную в изножье кровати, чуть пожелтевшую от времени.

– После Хейзелл Анна больше не могла иметь детей?

Амелия включила потолочный вентилятор. Лопасты тотчас взметнули пыль, но и неподвижный тяжелый воздух тоже пришел в движение.

– Она не хотела. Хейзелл требовалось все ее внимание, и Анна считала несправедливым уделять другим детям меньше внимания,

нежели они заслуживают. Вряд ли ей или Самтеру когда-либо приходило в голову, что Хейзелл может не дожить до взросления.

Джейн ахнула. Резко обернувшись, я увидела, как вниз по ступенькам сбежал черный кот и исчез в коридоре.

– Что не так? – спросила Амелия.

– Снова этот кот, – ответила я. – Мы не знаем, как он попадает в дом. Не хотелось бы думать, что где-то есть дыра. Кто знает, что еще может заползти внутрь?

Амелия нахмурилась.

– Я очень надеюсь, что вы выясните, как он попадает в дом. Может, когда сотрудники службы безопасности будут устанавливать сигнализацию, они найдут этот ход.

Я слушала вполуха. Мое внимание привлек отблеск солнечного света на угловой этажерке, покрытой толстым слоем пыли. Однако на том, что выглядело как сотни снежных шаров всех размеров, покрывавших все доступные поверхности, было очень мало пыли.

– О да, коллекция снежных шаров Хейзелл, – пояснила Амелия, подходя к этажерке. – Всякий раз, когда Самтер ездил куда-нибудь по делам, он привозил Хейзелл по шару. Многие из этих мест он посетил лишь потому, что Хейзелл мечтала там побывать. Думаю, иногда он нарочно делал остановку в том или ином месте, чтобы привезти оттуда снежный шар. – Амелия взяла тот, на котором было изображено гигантское солнце в солнечных очках, плавающее в лазурной воде на заднем фоне, а на основании ярко-оранжевыми буквами было написано слово «МАЙАМИ». Амелия встряхнула шар, и мы увидели, как со дна, словно внезапный тайфун и солнечный дождь, взлетают блески сверкающего песка, на мгновение затмевая улыбку небесного светила.

Амелия вернула на место снежный шар.

– Вот почему я хотела, чтобы вы все это посмотрели. Конечно, если хотите, вы можете пожертвовать все в «Гудвилл» или в другую достойную организацию. Или ничего не трогать, или даже отдать на хранение. Просто мне кажется, что это не следует оставлять кому-то другому. Вы не знали Баттон, но она доверила вам заботу об этом доме и обо всем, что есть в нем.

Джейн побледнела, ее кожа и губы казались почти бескровными.

– Мне нужно немного побыть одной, вы не против? Я встречу с вами внизу.

– У вас нездоровый вид, – ласково сказала Амелия, протягивая к ней руку.

Джейн упрямо покачала головой.

– Нет, со мной все в порядке. Вы двое идите дальше. Я вернусь через минуту.

– Вы уверены? – спросила я, вновь ощутив падение температуры и знакомое покалывание на затылке и шее.

– Да, – коротко сказала Джейн. – Просто идите.

Мы с Амелией спустились по лестнице и остановились в фойе на первом этаже.

– Продолжай, – сказала я Амелии. – Я подожду здесь. Хочу убедиться, что с ней все в порядке.

Амелия кивнула и слегка наморщила нос.

– Что-то есть в ней такое... – Она не договорила и задумалась.

– Она тебе кого-то напоминает?

Амелия покачала головой.

– Это даже нечто большее. Мне не просто кажется, что я уже встречала ее раньше. А как будто в ней есть нечто... знакомое. – Она улыбнулась. – Не важно. – Она поцеловала меня в обе щеки и направилась к двери. – Дай мне знать, что с ней все в порядке.

– Обязательно. – Мы попрощались, и я осталась в столовой, наблюдая, как рабочие кропотливо вырубают небольшой кусок трухлявой древесины. Еще недавно это пробудило бы во мне желание схватить топор и нарубить дров.

Хлопнула дверь. Я посмотрела на лестницу. Джейн быстро спускалась по ступеням, крепко цепляясь за перила, как будто помня, как она спускалась по ним в прошлый раз. Она уже достигла нижней ступеньки, когда наше внимание привлекло громкое мяуканье: на площадке позади нее сидел кот и облизывался, как будто только что поел. Я посмотрела на Джейн. Мне не терпелось поговорить с ней, но она избегала смотреть мне в глаза.

– Глупый кот, кажется, он поцарапал меня, – сказала она и прошла мимо меня, подтягивая вверх горловину футболки. Что, однако, не помешало мне заметить красные рубцы, которые могли оставить только ногти, впившиеся в бледную кожу ее шеи.

Глава 18

Я выглянула в окно, проверяя, прибыл ли кто-нибудь на вечеринку, и протянула Джеку поднос с канапе. Он покачал головой и вместо этого, звякнув кубиками льда, сделал глоток из стакана с колой. Я отвернулась и быстро засунула в рот сэндвич с сыром бри и ветчиной, а затем, не торопясь, поставила поднос на сервант и взялась расставлять другие закуски. А когда подняла глаза, заметила, что напольные часы снова остановились на десяти минутах пятого. Сэндвич моментально застрял у меня в горле.

Прежде чем заговорить, я сделала глоток вина, чтобы не подавиться.

– Джек, разве ты не чинил эти часы?

Он, нахмурившись, повернулся к ним.

– Они не были сломаны. Я просто завел их и поставил время. Мне показалось, что с ними все нормально. Они снова остановились?

– Да. Одновременно с часами в доме Пинкни и теми, что в кухне. Вряд ли это совпадение.

Он проницательно посмотрел на меня и сделал еще глоток колы. Он явно предпочел бы, чтобы это был скотч.

– Вообще-то, Джек, это просто танцы. И мы знаем, что Купер – приличный молодой человек. К тому же они идут туда как друзья. Его сестра будет там, и их подружка Линдси с парой приятелей Купера. Да, есть разница в возрасте, но это не свидание, а всего лишь массовое мероприятие.

– Ему девятнадцать лет, Мелли. Я помню, каково быть девятнадцатилетним парнем. Капля мозгового вещества и море гормонов.

Джек осушил свой стакан и подошел к бару, чтобы налить еще один.

– Купер – это не ты, Джек. Я не говорю, что у него нет бурлящего либидо, но он курсант Цитадели. Безусловно, там их учат сдерживать определенные порывы. Кроме того, тебе известно, как Нола относится к алкоголю. Она уже сказала Куперу, что, если только увидит, как какой-нибудь несовершеннолетний пьет алкоголь, она сразу позвонит

тебе. То же самое касается того, что ты называешь «шуры-муры». Это должно вселить в них страх. Они даже арендуют лимузин, чтобы все время быть вместе и уехать вместе, так что никаких обнимашек на заднем сиденье – опять-таки, твое слово, а не мое.

– Может, мне стоит подождать на крыльце и почистить ружье, чтобы намек был понят?

Я было рассмеялась, но потом поняла, что он вполне серьезен.

– Нет, лучше не надо. Не знаю, что могут подумать другие родители.

– Пап? – В дверях появилась Нола, сногсшибательно красивая, вылитая дочь своего отца. Я помогла ей выбрать платье – красивое фиолетовое атласное платье в стиле ретро, но не слишком мини, чтобы давление Джека не подскочило до тревожно высокого уровня. Я помогла ей и с прической – небольшой пышный хвостик над копной густых темных волос, слегка закрученных на концах.

Джек улыбнулся. Тревога исчезла с лица, стоило ему посмотреть на свою старшую дочь. Из всего, что мне нравилось в Джеке, больше всего я ценила его любовь к детям. Даже когда он вел себя как пещерный человек.

Он осторожно обнял ее, не желая испортить прическу или макияж, и нежно поцеловал в лоб.

– Ты очаровательна, – сказал он. Его улыбку медленно сменил хмурый, задумчивый взгляд. – Ты положила в свое портмоне тот баллончик с перцовым газом, который я тебе дал?

Нола закатила глаза.

– Нет, папа. Уже давно никто не называет это портмоне. Если только ты не старпёр.

Звякнул дверной звонок. Джек поставил стакан и поправил галстук.

– Я открою. И если только эти парни мне не понравятся, я отправлю их домой с предупреждением.

– Папа! – испуганно крикнула Нола.

– Он просто шутит, – сказала я, чтобы успокоить ее, хотя кто его знает? Вдруг Джек исполнит свою угрозу?

Трое молодых людей в военной форме и с короткими стрижками были настоящими красавцами – высокие, подтянутые, с прекрасными

манерами. Но чем больше они мне нравились, тем заметнее брови Джека сползали к переносице.

Мы уже знали Олстон и ее родителей, Сесили и Кэла Равенель, и Купера, а теперь познакомились с отцом Линдси, Майклом Фарреллом. Я, конечно, знала Веронику и вновь встретила ее в доме моей матери, но не разговаривала с ней с того момента, как Томас вручил мне кулон ее сестры. Я познакомила их с Джеком, который был олицетворением учтивости и радушия, хотя было ясно, что все его внимание сосредоточено на дочери и Купере.

Миссис Хулихан осталась, чтобы помочь с небольшой вечеринкой, и теперь разносила подносы с закусками и салфетками, а Джек стоял за барной стойкой, вручая юношам стаканы ледяной воды, даже если они просили колу или лимонад, как будто кофеин и сахар могли повлиять на их поведение.

Нола запретила мне фотографировать, но в любом случае в этом не было бы необходимости, судя по количеству фото, сделанных на мобильный телефон, и селфи. Я попрошу Нолу просмотреть свои и переслать их мне. Когда я поняла, что у нее совсем нет детских фотографий, моей миссией стало документировать каждый момент ее жизни, как будто это могло как-то компенсировать все ее ранние годы. Я надеялась подарить ей фотоальбом как часть подарка по случаю окончания школы. Это был мой маленький секрет, но его было трудно сохранить. Джек и Нола постоянно дразнили меня, говоря, что я на каждом семейном и школьном мероприятии превращаюсь в фоторепортера.

Я обнаружила, что стою наедине с Майклом, отцом Линдси. Он не произвел на меня впечатления человека застенчивого, но я заметила, что он держался особняком, улыбаясь и кивая, если оказывался в компании, а затем тихонько уходил прочь под предлогом наполнить тарелку или бокал. Он никогда не возвращался к тем, с кем только что разговаривал, предпочитая вместо этого стоять в одиночестве, как мне показалось, с выражением самодовольного удовлетворения на лице. Казалось, все его внимание было приковано к мебели и произведениям искусства в комнате. Когда я подошла к нему, он стоял возле напольных часов.

– Эти старые часы не ходят, да? – снисходительно спросил он.

– Вообще-то, эти часы показывают точное время уже почти два столетия. И лишь недавно у нас начались с ними проблемы. – Я едва не сказала ему, что в часах имеется хитроумное потайное отделение, где когда-то были спрятаны алмазы Конфедерации, но у меня возникла извращенная потребность не делиться с ним этим знанием.

На его лице читалось сомнение, как будто я ему солгала.

– Я слышу их тиканье, маятник движется, но стрелки застыли на месте. Боюсь, это уже инвалидность.

– Ничего подобного, – с улыбкой сказала я. Не знаю почему, но этот человек как будто гладил меня против шерсти.

Словно почувствовав это, Майкл улыбнулся в ответ.

– Послушайте, извините. Антиквариат – это увлечение моей жены. Я вырос в маленьком городке, моими родителями были парикмахер и слесарь. Мы, конечно, не жили в трейлере, но наш дом был ненамного больше и крепче. И мы не могли на нем никуда поехать.

Он усмехнулся, и я из вежливости усмехнулась вместе с ним.

– Скажем так, единственный антиквариат, который у нас был, – это диван, купленный моей матерью на гаражной распродаже. Выглядел он просто жутко, а пах еще хуже. Поэтому, когда я женился на Веронике...

Он пожал плечами, как будто это все объясняло.

В каком-то смысле так оно и было. Они жили в большом красивом викторианском особняке на Куин-стрит, и, по-моему, он уже много лет принадлежал семье Вероники.

– Так вы не любите антиквариат?

– Ненавижу. Кому нужны вещи, к которым раньше прикасались и которыми пользовались другие люди? Клянусь, этот дом больше похож на алтарь в честь умерших предков, чем на дом для тех, кто еще жив.

Несмотря на мое первоначальное впечатление, Майкл определенно начинал мне нравиться.

– Некоторые люди говорят, что старые дома и вещи – это наши ворота в прошлое. Способ сохранить историю.

Майкл насмешливо фыркнул.

– Больше похоже на жизнь в прошлом, что дает повод не двигаться вперед. Мы прожили там всего год – на прошлое Рождество мы перевезли ее родителей в дом престарелых, и Вероника вступила в

наследство, – и я просто поражен тем, что люди готовы терпеть, лишь бы жить в историческом доме. Зимой мы замерзаем насмерть, потому что установка в доме совершенно новой системы вентиляции и обогрева разрушит его историческую целостность. А чтобы сделать это «правильным способом», – он произнес последние два слова, изобразив пальцами кавычки, – по словам Вероники, необходимо привлечение архитектора, а также специалиста по сохранению исторического наследия, что обойдется в целое состояние. Я говорю ей, просто сделай это самым дешевым способом, чтобы нам три месяца в году не ходить дома в зимних пальто, и к черту Бюро архитектурного надзора!

В недалеком прошлом я, вероятно, согласилась бы с ним на все сто. Но у меня внезапно возникла картинка того, как выглядел бы мой дом сейчас без пристального внимания Софи к его исторической целостности, и мне стало немного грустно. Не так грустно, как тогда, когда я представляла, каким здоровым был бы мой банковский счет, если бы я ее не слушала, но тем не менее грустно.

– Верно, – сказала я. – Но они служат цели, даже если они раздражают. Бюро архитектурного надзора заботится о том, чтобы наш исторический район был сохранен в первоначальном виде и не утратил своего характера. Иначе мы просто станем еще одной Атлантой.

– Это так плохо? – спросил он, щелкнув указательным пальцем по кисточке, свисавшей с дверного ключа на часах.

Я ни за что не скажу Софи, что мои собственные губы произнесли слова, которые я слышала от нее снова и снова. Обычно я воспринимала их с насмешкой, за которой следовали язвительные замечания на тот счет, что, если мы станем еще одной Атлантой, нам не придется иметь дела с толпами туристов. Или с круизными лайнерами.

– Я не знаю, – сказала я. – Думаю, это может служить аргументом в пользу обеих сторон.

Я улыбнулась, желая сменить тему, прежде чем я зарююсь в норке. Меня заинтриговало то, что он рассказал о доме своей жены.

– Говоря о семье вашей жены. Однажды мне довелось встретить вашу покойную невестку. Когда вы упомянули, что ваш дом превратился в святыню, вы ее имели в виду?

Его манера стала такой же, какой была, когда я столкнулась с ним возле часов, отстраненной и пренебрежительной.

– Отчасти. Есть картины маслом и старые снимки почти каждого члена семьи, который когда-либо фотографировался. Это нелепо. По этой причине все мы, кто вошел в эту семью, связав себя узами брака, постоянно чувствуем себя чужаками. Но комната Адриенны...

Он казался почти злым, и я была готова снова сменить тему, но он, похоже, этого не хотел.

– Они ничего не трогали. Даже ее косметика все еще на туалетном столике вместе со щеткой для волос, на которой остались ее волосы. Нет, вы представляете? Ее одежда висит в шкафу, а в прихожей стоят ее резиновые сапоги. Нет, я понимаю, потерять ребенка – это ужасно, но это все равно что жить с мертвым человеком.

«Знали бы вы, что это такое!»

– Могу представить, каково это. Но вы с Вероникой наверняка захотите сделать ремонт, если уж теперь вы живете в ее семейном доме.

Майкл шумно выдохнул.

– Это да. Собственно, именно этим мы и начали заниматься, когда обнаружили на чердаке сундук Адриенны. С тех пор Вероника не позволяет что-либо менять, чтобы, не дай бог, не потерять какие-либо улики. И это через двадцать лет! Если честно, у меня это уже сидит в печенках и в известной мере подпитывает мою неприязнь к антиквариату. – Он покачал головой. – Извините, просто сейчас для меня это болезненное место. Я не собирался вас этим грузить. – Его улыбка снова стала заискивающей. Я же поймала себя на том, что испытываю к нему симпатию. Похоже, между нами было больше общего, чем он думал.

Вероника подошла и взяла Майкла под руку, и мне почудилось, будто тот напрягся от ее прикосновения. Разумеется, если между ними был длительный спор относительно их нынешней жизненной ситуации, без напряжения не обойтись.

– Надеюсь, ты не монополизировал нашу хозяйку, – сказала она, сжимая его руку не то в знак нежности, не то в знак предупреждения, я так и не поняла.

– Вовсе нет, – сказала я. – Мы просто обсуждали достоинства истории и старых домов и их место в нашей жизни. Не говоря уже о

расходах, связанных с ремонтом исторического дома. Поверьте, я могла бы написать об этом книгу, но ее пришлось бы поставить на одну полку с романами ужасов. – Я сказала это в шутку, но никто из них не рассмеялся.

– Мелани согласилась помочь нам в деле Адриенны.

Майкл отстранился.

– По-моему, ты сказала, что консультируешься с медиумом. – Он подозрительно посмотрел на меня.

Я послала Веронике предупреждающий взгляд.

– Вообще-то, она посоветовалась с моей матерью. Я случайно оказалась там в это время.

– Кстати, для протокола, я не верю в эту чушь. Не в обиду будет сказано, но я был бы крайне признателен, если бы подобные разговоры не велись в присутствии моей дочери.

– Вы не одиноки в таком мнении, – сказала я, думая о собственном отце. – И у меня нет ни малейшего желания втягивать Линдси в какое-либо расследование с помощью паранормальных явлений, которое проводит моя мать.

Вероника нахмурилась, но ничего не сказала.

– Пожалуйста, скажите мне, вы тоже в это не верите? – спросил Майкл с оттенком воинственности в голосе.

– Скажем так, я предпочитаю сохранять нейтралитет.

Майкл покачал головой.

– Даже если что-то случайно и всплыло в сеансах медиума, это ведь неприемлемо в суде, верно?

– Я не знаю, как это работает в правовой системе, но доказательства остаются доказательствами.

– Но их нет, – процедил он сквозь стиснутые зубы, и я отступила назад, гадая, в какой момент разговор вышел из-под контроля. Вероника, должно быть, подумала то же самое, потому что потянула его за руку.

– Я уверена, Майкл, что Мелани узнала о наших проблемах более чем достаточно. Давай позволим ей пообщаться с другими гостями.

Я посмотрела им вслед и увидела, как Вероника обернулась и вопросительно посмотрела на меня через плечо.

Я присоединилась к Джеку, стоявшему вместе с Купером и его родителями. На мое счастье, разговор шел не об уровне содержания

алкоголя в крови или важности безопасного секса, – хотя Джек вряд ли был бы хорошим примером для обеих тем, – а о гораздо более безопасном предмете, о гольфе. Судя по всему, и Сесили, и Кэл были заядлыми игроками в гольф, как и их дети. Когда Кэл предложил сыграть в воскресенье вчетвером, в глазах Джека промелькнул ужас. У меня была координация и спортивная грация медведя, и я лишь чудом не ослепила и не искалечила Джека во время нашего первого – и единственного – визита на тренировочное поле.

– Я не играю в гольф, – сказала я, надеясь закончить этот разговор.

– Нола сказала, что Джейн неплохо играет в гольф, – вмешался Купер. – Если не ошибаюсь, раньше она работала у одной женщины, профессионального игрока, и та научила Джейн играть. По словам ее бывшей работодателя, у Джейн природный талант, и если бы она посвятила себя гольфу, то запросто лишила бы многих профи их заработка.

Сесили засмеялась и сделала глоток вина.

– А теперь заинтригована я. Я сама неплохой игрок в гольф и не прочь помериться силами с кем-то другим. – Она повернулась ко мне. – У няни наверняка есть выходные. Ты не против, Мелани, если она займет твое место?

Я испугалась, что мои щеки треснут от застывшей улыбки.

– Ух ты, конечно, нет, забавное предложение! Буду счастлива присмотреть за детьми, чтобы она могла поиграть в гольф с моим мужем.

Джек странно посмотрел на меня.

– Я имела в виду мужа и друзей. Действительно, что в этом плохого? – Чувствуя, что начинаю нести всякую чушь, совсем как Джейн, я сделала глоток из своего бокала, чтобы больше не проронить ни слова.

Купер посмотрел на часы.

– Извините, но, кажется, нам пора.

Девочки побежали наверх, чтобы освежить макияж и похихикать, а затем вернулись, чтобы взять вечерние сумочки и шали. Я тайком проверила сумочку Нола, чтобы убедиться, что Джек не сунул в нее маленький баллончик «Мейс».

Проводив компанию молодежи на веранду, мы выстроили их там, чтобы сделать хотя бы один снимок. Затем они вышли на улицу, где их ждал лимузин, однако Нола задержалась на минутку.

– Ты сегодня настоящая красавица, – сказала я, обнимая ее. – Желаю тебе от души повеселиться.

– Непременно. Просто скажи папе, чтобы он расслабился. Он весь вечер косо смотрел на Купера. Боюсь, Купер теперь со мной даже танцевать не будет. Папа должен мне доверять. Тем более что я еще ни разу не давала ему повода подозревать что-то плохое.

Я оглянулась на Джека. Тот стоял на веранде у перил с очередным стаканом ледяной кока-колы в руках. Лично на меня он произвел впечатление стервятника, парящего над несчастной жертвой дорожно-транспортного происшествия.

– Я это знаю. Просто пойми: ты его дочь, и он пытается тебя защитить, потому что обожает тебя. И еще я знаю: Сара оценит, что ты облегчаешь ей путь. – Я снова обняла Нолу и легонько поцеловала в щеку.

Она улыбнулась, а затем вновь с тревогой обернулась через плечо.

– Как ты думаешь, он будет ждать на крыльце, когда мы вернемся?

– Разумеется, нет, – сказала я, ломая голову, как мне удержать Джека внутри. Может, подсыпать ему в кока-колу бенадрила, чтобы он вырубился?

Купер протянул Ноле руку. Она взяла ее, и он повел ее вниз по ступеням веранды в сад. Вокруг фонтана, нежно развевая волосы и платье, пронесся прохладный ветерок. Он принес с собой аромат роз, которым до цветения оставался как минимум месяц.

– Почему ты улыбаешься? – сказал Джек, обнимая меня за плечи.

Я посмотрела на него.

– Даже не знаю. Просто у меня такое чувство, что за нами наблюдают.

Нола уже сидела в лимузине с двумя подружками и их кавалерами. Стоявший у задней двери Купер повернулся и помахал на прощание рукой. Я с ужасом увидела, как Джек, двумя пальцами сделав букву V, указал ими на собственные глаза, а затем нацелил их на Купера. Мол, я слежу за тобой. Улыбки Купера как не бывало.

Я хлопнула Джека по руке и помахала Куперу.

– Не обращай на него внимания! – крикнула я. – Желаю вам весело провести время!

Лимузин отъехал. Вскоре после этого уехали и родители ребят, оставив нас с Джеком наедине.

– Нола попросила меня помочь тебе расслабиться. У нас есть четыре ничем не занятых часа, которые нужно заполнить.

Я встала на цыпочки и поцеловала его.

– Повремени с этой мыслью, – сказал он, взяв меня за руку, и повел в свой кабинет. – Мне не терпелось поделиться с тобой этим весь день. После нескольких дней проволочек я наконец зашел сегодня в семейный архив в Чарльстонском музее и, похоже, нарыл кое-что интересное.

Щелкнув выключателем лампы в углу стола, Джек принялся перелистывать листы фотокопий, разбросанных по всей поверхности. Я закрыла глаза. Как жаль, что рядом со мной сейчас нет ни Джей-Джея, ни Сары, чтобы понюхать их и снизить подскочившее давление!

– Судя по всему, Розалинда – мать Баттон – завещала всю свою корреспонденцию музею, включая письма своего сына Самтера. Не знаю, есть ли что-либо значимое в этой коллекции, но я решил на всякий случай просмотреть ее, поэтому сделал копии. Пожертвование было сделано уже после смерти Анны. Вероятно, это посмертная просьба Розалинды, чтобы не оскорблять живых. Пока что я лишь быстро все пролистал, однако нашел вот это. Вероятно, когда Анна умерла, Баттон вырезала это из «Пост энд курьер» и приложила к бумагам брата.

Я прищурилась, пытаясь прочесть мелкий печатный шрифт, и в очередной раз удивилась, как только газеты умудряются сжимать истории гигантских размеров до небольшого квадрата текста. Я прочла его дважды, просто чтобы убедиться, что я все поняла правильно. И подняла глаза на Джека.

– Анна покончила с собой. Какой ужас.

– Она повесилась в спальне дочери на чердаке, – добавил Джек.

Мои глаза полезли на лоб. Я вспомнила ужасное присутствие в доме, столкновение и притяжение двух враждующих сущностей и невольно задалась вопросом: разгадала ли я только что личность одной из них?

– Должно быть, она была вне себя от горя из-за смерти Хейзелл, – сказала я. – Но если она – тот самый несчастный призрак, чье присутствие мы заметили в доме, нам нужно выяснить, почему она все еще здесь. – Я нахмурилась. – К сожалению, когда ответ знает только мертвый, есть только один способ узнать, что это такое.

Глава 19

Я пыхтела, как паровоз, едва поспевая за Софи. Мы с ней шагали по одной из дорожек Кэннон-парка. Вдоль нее тянулась возмутительно красочная клумба с растениями, при виде которых мой отец умер бы от зависти, я же не могла назвать ни одного цветка. Я толкала беговую коляску с близнецами, а Софи несла Блю Скай в «кенгурятнике», мало чем отличном от нагрудной сумки, в которой Ребекка таскала свою собачку Пуччи.

Кэннон-парк расположен недалеко от Эшли Холл на Ратледж-стрит, поэтому я предложила встретиться с Софи после того, как высажу девочек у школы. Я скучала по ней и хотела бы видеть ее чаще – как в те дни, когда мы обе были не замужем, когда дети и мужья еще не начали занимать большую часть нашей жизни. Я не жаждала, чтобы она гадала мне на картах Таро или вновь рассказывала, почему старые окна намного превосходят сегодняшние, но я скучала по ее обществу. Все-таки прекрасно иметь друга, который скажет тебе правду обо всем, даже когда ты не хочешь ее слышать. Даже если этот друг одевается как персонаж «Улицы Сезам» и предлагает роды в воде в качестве альтернативы обычным родам в больнице.

– Почему ты идешь так быстро? – спросила я, шумно дыша и пытаюсь не отставать.

– А почему ты идешь так медленно? Я думала, у тебя есть беговая коляска. И потому решила, что ты сможешь не отставать. – Она энергично заработала руками и пошла еще быстрее.

– Так нечестно – у меня их двое, а у тебя – только один. Кроме того, Джейн пользуется беговой коляской почти каждый день, так что сейчас она как бы в ее собственности.

Софи странно посмотрела на меня, но без комментариев продолжила свой изнурительный темп.

Мы дошли до высоких величественных колонн и парадных ступеней бывшего здания музея, сгоревшего в 1981 году. Теперь от него оставались только колонны, стоящие идеальным полукругом, как напоминание о том, что когда-то было на этом месте.

– Чувствуешь? Что-то горит, – спросила я, зажимая нос от удушающего дыма.

– Нет, – сухо ответила Софи. – Ты говоришь это каждый раз, когда мы проходим здесь. Ты просто чувствуешь запах пожара, которому больше тридцати лет.

Я просияла.

– Но я чувствую его запах! Это хорошая новость. В эти дни мои экстрасенсорные способности то усиливаются, то ослабевают без всякой видимой причины. Бывают моменты, как сейчас, когда они так же сильны, как и раньше, а иногда полностью заблокированы.

– Как странно. Я бы сказала, что виноваты гормоны, и, когда ты была беременна, они полностью исчезли и не напоминали о себе.

– Может, это послеродовые гормоны?

Софи наконец замедлила шаг и посмотрела на меня.

– Ты серьезно? Прошел уже почти год. К настоящему времени они должны были успокоиться, а твой разум и тело – вернуться в прежнее состояние.

– Это неправда, – возразила я. – Некоторым женщинам требуется больше времени, чтобы прийти в норму.

Я быстро откусила от своего слегка сплющенного пончика из пекарни Рут, который тайком пронесла в дом. Когда Рут пару дней навещала свою сестру, я воспользовалась ее отсутствием и купила целую дюжину. Я прятала их в глубине морозильной камеры, постоянно проверяя, что миссис Хулихан ничего не переставила и не обнаружила мой тайник, и всякий раз прятала один за поясом своих спортивных штанов, когда выходила из дома, чтобы заняться спортом. Не хотелось бы потерять сознание по причине отсутствия необходимого горючего.

– Да, но, как мне кажется, это больше связано с вредными привычками, чем с гормонами.

Я посмотрела в пространство между колоннами и увидела призрак гигантского скелета кита, что свисал с невидимого потолка.

– Софи, ты видишь?

– Нет, я не вижу скелет кита. Еще до пожара в музее его перенесли на новое место. Его здесь больше нет.

– Но я его вижу, – сказала я с улыбкой. – И это хорошо. По крайней мере, пока я не посмотрю в зеркало и не увижу кого-то позади

себя. Тогда, возможно, я вновь передумаю.

Мы проходили мимо детской площадки, когда малышка Блю Скай внезапно принялась дрыгать ножками – они, как обычно, были обуты в крошечные «биркенстоки» – и кряхтеть. Видя, что она подпрыгивает вверх и вниз, Софи остановилась, вынула дочь из «кенгурятника» и, взяв ее на руки, посмотрела ей в лицо.

– У тебя есть ручки, Блю Скай. Ручками скажи маме, чего хочешь.

Малышка перестала подпрыгивать и серьезно посмотрела в лицо матери. А затем, словно она и вправду поняла, что сказала Софи, Блю Скай разжала и сжала кулачки и указала ими в сторону детской площадки.

– Хочешь покататься на качелях?

Блю Скай повторила то же движение руками.

– Не будешь возражать, если мы остановимся? – спросила Софи. – Ей нравится, когда я качаю ее на качелях.

– Гм, конечно, – сказал я. – И что это было?

– Это детский язык жестов. Таким образом дети могут общаться без плача. Очень рекомендую.

Я хотела спросить у нее, не проще ли научить ребенка говорить, но знала, что получу ответ, который еще больше запутает меня. Припарковав коляску, я полезла во внешний карман сумки для подгузников, висевшей на ручке, вытащила пакет с детскими антибактериальными салфетками и направилась к качелям.

– Для чего они нужны? – спросила Софи.

– Чтобы протереть качели перед тем, как посадить в них Блю Скай. Она может прикоснуться к ним.

– Совершенно верно, – сказала Софи, вытаскивая дочь из «кенгурятника», шагнула мимо меня и усадила дочь в маленькие качели. – Им полезно соприкасаться с микробами. Дети в африканских джунглях здоровее, чем наши, потому что им не мешают развить иммунитет. Постоянно все дезинфицируя, мы только делаем себя и наших детей уязвимыми.

Я внутренне содрогнулась, глядя, как Скай схватила качели и тут же засунула пальцы в рот.

– Только не говори мне, что ты и в вакцинацию не веришь.

Софи с вызовом положила руку на бедро.

– Это было бы глупо. Конечно, я верю в прививки. С чего ты взяла, будто я антипрививочница?

Я пожала плечами.

– Например, ты носишь «биркенстоки». И еще ты вегетарианка.

Софи пристально посмотрела на меня.

– Ты когда-нибудь слушала себя? Seriously, Мелани. Напомни мне еще раз, почему мы дружим.

Я сделала вид, будто думаю.

– Потому что тебе отчаянно нужны мои советы по части моды, а я люблю их давать.

Она улыбнулась.

– Верно. Но ведь это не я ношу штаны для йоги с потайным карманом для пончиков.

Она покачала головой и легонько подтолкнула качели. В конце концов мне надоело наблюдать за ней, держа на каждом бедре по ребенку, и я посадила близнецов на соседние качели. Пока Софи не смотрела, я быстро протерла подолом рубашки те места на качелях, которых могли касаться мои дети, а затем старалась не ахать от ужаса каждый раз, когда они подносили пальцы ко рту.

Мы болтали о работе, детях, мужьях и радостях йоги, – о последней говорила Софи, – пока разговор не зашел о доме Пинкни.

– Я ни разу не получала такой карт-бланш на реставрацию, – призналась Софи. – И реставрационная компания, с которой я работаю, тоже. Это такое прекрасное чувство, когда знаешь, что тебе не поставят в упрек каждый цент, не заподозрят в ненужных тратах, что на тебя не наорут, когда возникнет что-то новое и неожиданное.

– Я никогда не орала на тебя, – возразила я.

– Нет, но я могу сказать, когда тебе хочется наорать, и это почти так же плохо. В любом случае, работать с Джейн над этим проектом было очень легко.

– Она сказала тебе, что хочет сделать с чердаком и его содержимым? – спросила я, пытаюсь не ежиться, когда Джей-Джей наклонился и начал грызть перекладину перед ним.

– Пока нет. И нам пора браться за крышу. Брезент – временная мера. Я не могу отремонтировать потолки на втором этаже, пока мы не решим проблему с крышей. Я была на чердаке со своими реставрационными инструментами, чтобы измерить влажность стен, и

должна сказать, что дела не слишком хороши. Боюсь, нам придется все снести, до обрешетки, а я ненавижу это делать, потому что никогда не знаешь, что найдешь. Я очень надеюсь, что мы не обнаружим черную плесень, потому что это поменяет все коренным образом. Было бы здорово, если бы ты могла поскорее поговорить с Джейн и получить ответ. Тогда мы могли бы просто перенести все в другую комнату на втором этаже, но там все такое... личное. Всякий раз, когда я поднимаюсь туда, я не могу избавиться от ощущения, что Баттон хотела, чтобы Джейн взяла решение на себя. Иначе не проще ли было избавиться от всего этого после смерти Хейзелл и Анны?

Я перестала толкать качели и задумалась над словами Софи. Почему Баттон все эти годы держала комнату Хейзелл в нетронутом виде, почти как святыню, а затем завещала дом совершенно незнакомому человеку?

– Почему ты позволяешь ему это делать? – спросила Софи, наблюдая, как Джей-Джей грызет металлическую перекладину.

– Ты сама только что сказала, что нужно позволять детям трогать предметы, чтобы они привыкали к микробам.

Софи протянула руку и осторожно подняла головку Джей-Джея.

– В пределах разумного. Это металл. Почему ты позволяешь своему ребенку грызть металл?

Я вытащила из пакета тканевый подгузник – Джейн держала их запас согласно моему контрольному списку, который я повесила на стену в прихожей. По крайней мере, это было то единственное, что она делала в соответствии с моими инструкциями. Пока Софи пристегивала Блю Скай к качелям, чтобы та не выскользнула, я обмотала вокруг перекладины чистый подгузник на тот случай, если Джей-Джею снова захочется ее пожевать.

Мы продолжили качать наших детей, наслаждаясь тихим утром в парке и наблюдая за собаками без поводков, что носились кругами, как будто отказывались поверить, что их выпустили на свободу. Однажды я привела сюда Генерала Ли, Порги и Бесс, но щенки норовили разбежаться в разные стороны, и Генерал Ли разрывался между необходимостью следить за ними и погоней за кем-то или чем-то, что мог видеть только он. Когда мы вернулись домой, я устала даже больше, чем они, и поклялась никогда больше этого не делать.

– И как тебе Джейн в качестве няни? – спросила Софи. Чтобы не нанимать няню, она предпочла разделить родительские обязанности со своим мужем, Чэдом, преподавателем истории искусств в колледже, и они оба по очереди носили малышку Блю Скай, пока вели занятия. Я понятия не имела, что они собирались делать, когда ребенок начнет ходить, но была уверена: это будет столь же непривлекательно, как приносить ребенка на работу.

– В целом неплохо, – сказала я, вспоминая разбитый ночник, передвинутую мебель в детской и незаполненные таблицы. – Дети хорошо реагируют на нее и, похоже, любят, так что все в порядке. – Увидев, что Софи готовится задать более щекотливый вопрос, я, как всегда, во избежание конфликта поспешила добавить: – И Джек говорит, что у нее терпение библейского Иова в том, что касается близнецов. – Вообще-то, он добавил «и тебя», но я воздержалась говорить это Софи.

– Тебя не беспокоит, что она такая привлекательная? – Софи удалось-таки втиснуть свой вопрос.

Так. Она это сказала. То, как Софи умела читать мои мысли, было сродни ясновидению. Вот почему она была моей лучшей подругой. Потому что мы с ней обе знали: мне никогда не избежать ужасной правды, когда рядом Софи. Но это не означало, что я не попытаюсь.

– Неужели? – сказала я. – На мой взгляд, она хорошенькая, в чисто американском спортивном стиле. Не думаю, что она естественная блондинка, и если она перестанет красить волосы, то будет вполне заурядной внешности.

Софи вопросительно приподняла брови.

– Да ладно, Софи. Она няня. Ну и что, что она привлекательная?

Софи вздохнула.

– Думаю, мне стоит еще разок погадать тебе на картах Таро.

– Это еще зачем?

– Потому что мне кажется, в твоей жизни есть определенные... полутона, о которых тебе лучше знать. Я ощущаю исходящие от Джейн странные флюиды. Возможно, это ничего не значит, и, скорее всего, причина в том, что она кажется мне такой чертовски знакомой. Не могу сказать почему. Думаю, именно это и не дает мне покоя, а не ощущение, будто что-то происходит.

Я перестала толкать качели.

– Происходит?

Она махнула рукой:

– Наверно, я неудачно выразилась. Просто мутное прошлое Джейн и то, что ее лицо кажется таким знакомым, заставляет меня задуматься. Думаю, я буду даже счастливее, чем она сама, когда Джек выяснит, почему Баттон Пинкни завещала ей дом. И я уверена: то, что я видела, было именно тем, чем это было, по их словам.

– Прошу прощения?

– Я опять неудачно выразилась. Честное слово, я превращаюсь в Ребекку. Я хотела сказать, что пару дней назад я зашла поздороваться с вами и задать Джейн вопрос о новой кухне, которую мы устанавливаем, – не хочет ли она сохранить колокольчики для слуг как своего рода украшение. И застучала ее и Джека – не могу подобрать более точного слова, – когда они стояли, обняв друг друга, прямо посреди фойе. Я вошла, потому что дверной звонок в очередной раз не работал. У каждого в руке было по клюшке для гольфа, и повсюду разбросаны пластиковые стаканчики и мячи. Джек сказал, что она учила его удару-трюку.

– Трюку?

– Послушай, Мелани, я уверена, что все было именно так, как они сказали. Джек любит тебя и не станет изменять. Но она привлекательна и живет под твоей крышей. Пойми меня правильно, мне она тоже нравится. Просто в ней есть... что-то сверхъестественное. – Софи пожала плечами. – Я просто хотела, чтобы ты знала.

Внезапно мне стало плохо.

– Думаю, мне пора домой. Хочу принять перед работой душ, а сейчас мне требуется целая вечность, чтобы найти в шкафу хоть что-то, что мне еще впору.

Я отвернулась. Если честно, я была на грани слез. Софи сняла Блю Скай с качелей и сунула ее в «кенгурятник».

– Я всегда готова погадать тебе на картах Таро. Просто дай мне знать, если пожелаешь.

– Да, спасибо, – ответила я, сажая младенцев обратно в коляску. – Я тебе позвоню.

Поместив младенцев и коляску в «Вольво», я медленно поехала домой. Мои мысли боролись между гневом и слезами, пока наконец не

остановились где-то между рациональным взглядом и недоверием. Теперь я была большой девочкой. Новой зрелой Мелани. Я могла обсуждать с Джеком все что угодно, потому что доверяла ему. Мы были женаты. Я была уже далеко не той, неуверенной в себе Мелани Миддлтон, которую он когда-то встретил и которая имитировала иностранный акцент, притворяясь кем-то другим на другом конце телефона.

С новой уверенностью я поставила машину в бывшем каретном сарае и, взяв в каждую руку по ребенку, вошла в дом через кухню. И тотчас услышала смех. Он доносился откуда-то изнутри дома. За смехом последовал удар по мячу, громкий, как хлопушка. Все три собаки тотчас залаяли и забегали, как мне показалось, догоняя катящийся по полу мяч, затем последовали крик и смех Джека. А затем наступила тишина, такая оглушительная и напряженная, что я застыла, как статуя, и едва могла дышать. Эта тишина тянулась вечно. Каждый удар моего сердца казался свинцовым. Дети молча наблюдали за мной, как будто тоже гадали, что происходит по ту сторону кухонной двери.

Я совершенно забыла о новой Мелани, бросив ее на коленях и в пыли. Я тихонько шагнула через кухню назад, вышла и неслышно прикрыла дверь.

Глава 20

Услышав стук хлопающей дверцы, я подняла глаза и увидела машину матери, которая стояла позади моей на подъездной дорожке, ведущей к особняку Пинкни на Саут-Бэттери. Было воскресенье, поэтому грузовиков рабочих не было, хотя переполненный мусорный контейнер все еще занимал большую часть проезда.

На матери поверх черной блузки был длинный свободный красный свитер, на ногах – узкие брючки и изящные туфельки. Красные кожаные перчатки закрывали ее руки выше запястий. Она, как всегда, выглядела красивой и слишком молодой, чтобы годиться мне в матери. Единственное, что портило ее черты, – это небольшая морщинка на лбу.

Мать села рядом со мной на кирпичные ступени, не обращая внимания на слой пыли на них.

– С тобой все в порядке, Мелли? – Мать озабоченно посмотрела на меня.

Я шмыгнула носом.

– Просто весенняя простуда, – сказала я и даже покашляла, чтобы убедить ее, на тот случай, если шмыганья будет недостаточно.

– По телефону ты сказала мне, что это аллергия, – напомнила она.

– Да, думаю, это и то и другое.

Мать нахмурилась.

– Что случилось, Мелли? Вы с Джеком повздорили?

Возможно, виной всему были последние двадцать четыре часа страданий и недостаток сна, но, как тонюсенькая трещина в плотине во время наводнения, этот легкий толчок сочувствия мгновенно разрушил остатки моего самообладания. Каждая капля жалости к себе выплеснулась наружу, на плечо моей матери. Она крепко обняла меня и похлопала по спине, как я это делала с Джей-Джеем, когда пыталась сказать ему, что нельзя есть землю.

– Не плачь, Мелли. Не плачь. Все не так плохо. Почему бы тебе не рассказать мне, в чем дело, чтобы нам вместе во всем разобраться?

– Это из-за Джека, – всхлипнула я. – И Джейн.

Она отстранилась, и на мгновение мне показалось, что она расстроена тем, что мой макияж и слезы испачкали ей свитер.

– И что насчет Джека и Джейн?

– Когда я пришла домой в пятницу после прогулки по парку с Софи и младенцами, они с Джейн были в фойе... – Я умолкла, надеясь, что мать воспользуется своими экстрасенсорными способностями, чтобы мне не пришлось заканчивать рассказ.

– Хорошо. Они были в фойе. И что случилось потом?

Я вздохнула. Ну почему этот экстрасенсорный дар никогда не работал, когда мне это было нужно?

– Я их слышала. Думаю, они отработывали технику игры в гольф или что-то в этом роде...

– В доме? – прервала она. – Только не говори Софи. Иначе с ней случится припадок, и она размажет их обоих по стене.

Я представила, как Джек и Джейн вместе влипают в стену на целую вечность, и к моим глазам подкатились новые слезы. Джинетт продолжила гладить меня по спине.

– Извини, дорогая. Я просто пыталась поднять тебе настроение. Так что же случилось потом?

– Потом, – я шмыгнула носом, – я услышала удар клюшки по мячу и как мяч покатился. Джек рассмеялся, а затем...

– Что? – Мать даже подалась вперед.

– Ничего. Ни звука. Ни слова, ни смеха. Ничего. Тишина.

– А когда ты вошла в фойе, что там происходило?

Я растерянно уставилась на мать.

– Что ты имеешь в виду? Я не хотела застукать их!

Мать пристально посмотрела на меня и поморгала.

– То есть ты не пошла посмотреть, что происходит?

Я покачала головой.

– Я не могла. Я не хотела видеть, как они...

– Что, Мелли?

Я пожала плечами, не желая выразить свои страхи словами.

– Сама знаешь.

Джинетт откинулась назад и глубоко вздохнула.

– Вообще-то, нет. Ведь ты не пошла туда, чтобы лично убедиться, а вместо этого дала своему воображению заполнить пробелы.

– Но чем еще они могли заниматься, кроме как... кроме как... крутить шуры-муры? – Я сплонула. Внезапно любимое словечко Джека прозвучало хуже, чем слово «блуд».

– Ну, я не знаю, – сказала она, делая вид, что думает. – Может, отработывали технику ударов клюшкой? Любовались картиной? Или, может, вышли в другую комнату, где ты их не слышала. Есть десятки вещей, которыми они могли заниматься и которые не подпадают под определение «шуры-муры». – Она в упор посмотрела на меня. – Итак, что сказал Джек, когда ты спросила его об этом?

Я внезапно озаботилась изучением своих ногтей.

Словно следуя за ходом моих мыслей, мать большим и указательным пальцами нежно взяла меня за подбородок и заставила посмотреть ей в глаза.

– Что сказал Джек, Мелли? Прошло почти два дня. Наверняка ты уже с ним поговорила.

Я покачала головой, стряхивая каплю с кончика носа.

– Я не смогла. Я прячусь в гостевой комнате, притворяясь, будто у меня грипп, и, когда Джейн нет рядом, крадусь в детскую, чтобы посмотреть на детей.

Мать приложила пальцы к вискам, и я с воодушевлением подумала, что она направляет кого-то мне на помощь. Но она лишь покачала головой.

– Это хуже, чем я думала. Мелли, дорогая. Что случилось с твоим намерением стать лучшей версией себя? Теперь ты жена и мать. Ты должна быть более открытой и честной во всех отношениях, особенно в браке. Ты это заслужила, и, что еще важнее, этого заслуживают твои дети. Джек любит тебя, Мелли. Я ни на секунду в этом не сомневалась и не поверю, что ты сама в этом сомневаешься. Что бы ни происходило тогда в холле, ты обязана – ради себя, ради своего брака и ради своих детей – разобраться с этим.

Мать протянула руки в перчатках и взяла мои ладони.

– Обещай мне, что поговоришь об этом сегодня вечером? Что вы с Джеком поговорите и все уладите? – Уголки ее губ приподнялись в легкой улыбке. – Должна сказать, что секс примирения – это лучший секс.

Охваченная отвращением, я отстранилась.

– Фу, мама. Пожалуйста, никогда не употребляй слово «секс» в моем присутствии, особенно когда я знаю, что ты имеешь в виду себя и папу. Это просто... неприлично.

– Понятия не имею, почему ты так думаешь, Мелли. В конце концов, как, по-твоему, ты появилась на свет?

Я снова вздрогнула, а она засмеялась.

– Ладно. Постараюсь больше не повторять этого в твоём присутствии. Но пообещай мне, что поговоришь с Джеком? Сегодня вечером. Не затягивай с этим делом.

– Но что, если...

Она приложила палец к моим губам, заставляя меня умолкнуть.

– Просто сделай это. Я уверена, все не так страшно, как ты думаешь. Ты никогда не узнаешь, пока не поговоришь с Джеком. Знаю, ты, как страус, предпочитаешь сунуть голову в песок, этот же подход ты применяешь к большинству призраков, но я сомневаюсь, что в данном случае он эффективен.

– Нет, но...

Она посмотрела на меня так, что у меня тотчас отшибло желание сказать то, что я собиралась сказать.

– Мама, могу я задать тебе вопрос?

– Конечно. Любой. Надеюсь, ты понимаешь, как отчаянно я пытаюсь наверстать годы отсутствия, когда девочка больше всего нуждается в матери.

Я моргнула, и мои глаза защипало от слез.

– Я толстая?

– Что? – Мать даже отпрянула от меня, как будто я грязно выругалась.

– Скажи, я толстая? Только, пожалуйста, ответь мне честно.

Она глубоко вздохнула и вернулась на свое место рядом со мной.

– Нет, Мелли. Ты вовсе не толстая. Ты определенно набрала немного после беременности, но это тебе идет. Раньше ты была худовата, хотя я понятия не имею, как это тебе удавалось, поскольку я никогда не видела, чтобы человек ел столько нездоровой пищи и не был размером с дом, но с парой-тройкой фунтов у тебя во всех нужных местах появились женские округлости.

– То есть ты хочешь сказать, что я разжирела?

– Милая, твое тело произвело на свет двух самых драгоценных детей, и ты должна его уважать, обожать и хорошо к нему относиться. Самое главное, ты должна понимать, что размер платья – это всего лишь цифра. Женщина может быть красивой при любом размере, если она держится уверенно. Одно это стоит всей косметики и дорогой одежды в мире.

Я прижалась к ней.

– Где ты была, когда мне было шестнадцать и мне действительно нужно было это услышать?

– Да, боюсь, что это часть твоей проблемы. Но мы разберемся с этим вместе, хорошо?

Я кивнула и шмыгнула носом.

– У Джейн есть тело, которое когда-то было у меня, да?

– Тоже верно. Кроме бюста. У тебя никогда не было такого, как у нее. Но ты не Джейн. И Джек выбрал тебя. Никогда этого не забывай.

– Спасибо, – сказала я. – Если это что-то для тебя значит, я бы сказала, что ты более чем наверстала упущенное. Жаль только, что вся твоя мудрость тратится на одного ребенка.

По ее лицу пробежала тень. Я подняла глаза и с удивлением обнаружила ярко-голубое, безоблачное небо. Мать улыбнулась, отгоняя любой намек на тучи или тени.

– Да, вот для чего и нужны внуки. И благодаря тебе у меня теперь трое детей, которых я обожаю. По большому счету, я должна поблагодарить тебя за то, что моя старость не так уныла, как я когда-то ее себе представляла.

За неимением бумажного платочка, я вытерла нос тыльной стороной ладони, а мать сделала вид, будто ничего не замечает.

– Итак, – сказал я, вставая, – ты готова сразиться с призраками?

Мать тоже встала, осторожно отряхнула свои брюки, и мы повернулись и посмотрели на дом.

– Готова, как всегда. Я хорошо выспалась, выпила нужное количество воды и готова к тому, что нас ждет. Думаю, это стало проблемой, когда мы встретились с Вероникой. Я была совершенно застигнута врасплох. Это тоже будет нелегко и, вероятно, ослабит меня, но я к этому готова. И ты будешь держать меня за руку, чтобы вместе мы были сильнее.

– Договорились, – сказала я, отпирая дверь и входя в фойе. – Почему ты предложила прийти сюда в середине дня? По-моему, ты говорила, что духи всегда более активны по ночам.

– Так и есть. Ночью меньше электрических помех, поэтому у них больше энергии. Я подумала, что лучше всего встретиться с ними в первый раз, не будучи в невыгодном положении.

– Разумно, – сказала я, закрывая за собой дверь. В доме царил еще больший беспорядок, чем в прошлый раз, а все из-за нежелания Джейн решить, что делать со всей мебелью. В результате в ходе ремонтных работ вещи передвигали и складывали в других комнатах Единственные комнаты, куда Софи никого не пускала, – это чердак и комната Баттон из-за их личного характера. Но, по ее словам, ремонт крыши не заставит себя долго ждать, и рано или поздно со всем этим нужно будет что-то делать. Лично мне было все равно, какая судьба ждет этот хлам. Главное, Софи пообещала не перемещать ничего из него на хранение в мой дом, пока Джейн не примет окончательное решение.

Мать убрала волосы с затылка, ее лицо блестело капельками пота.

– На улице прохладно, но мое тело как будто не может регулировать свою температуру, и меня все время бросает то в жар, то в холод. Думаю, это возрастное.

– Наверху прохладнее, потому что там есть окно... при условии, что они не забывали держать дверь в комнату Баттон открытой.

– Я думаю, скоро станет намного холоднее. – Она посмотрела мне в глаза. – Ты это чувствуешь?

Ее голос был едва ли громче шепота.

Я кивнула.

– Я слышу много голосов, но, по-моему, это потому, что мы обе здесь и служим своего рода порталом для заблудших духов. И есть два сильных присутствия, хотя их может быть и больше. Просто их заслоняют эти два.

Мать кивнула и посмотрела на лестницу, где в углу площадки промелькнуло что-то белое, а затем донесся слабый топот бегущих ног. Медленно, палец за пальцем, Джинетт начала снимать перчатки.

– Я их чувствую. Одно нежное, почти приятное... – Мать повернулась ко мне, ее зрачки расширились. – Она хочет нам кое-что показать. Она – та, кому нужна наша помощь.

Я кивнула.

– Думаю, я только что ее видела. Она бежала по лестнице.

– Теперь ты их видишь?

– Да, – с некоторым облегчением сказала я. – Вернее, то да, то нет.

Но теперь меня ничто не блокирует.

Ее губы сжались в хмурюю линию.

– Баттон так любила этот дом. Так грустно видеть его таким. –

Она обернулась, глядя на дыры в штукатурке и покоробленные доски пола. – Думаю, с возрастом ей было все труднее поддерживать в нем порядок. – Мать наморщила лоб. – Интересно, почему она вместо этой махины не оставила Джейн дом у озера?

– Дом у озера? Амелия говорила, что у семьи Баттон был такой, но я предположила, что он был продан или что-то в этом роде, потому что, насколько мне известно, он не входил в состав наследства.

Мать кивнула и, запрокинув голову, посмотрела на зияющую в потолке дыру, откуда была снята хрустальная люстра, которая теперь, накрытая клеенкой, стояла в углу.

– У семьи Пинкни был еще дом на озере, недалеко от Бирмингема, Джейн ведь оттуда, верно? Озеро Джаспер, если не ошибаюсь. В Алабаме. Летом я проводила там недели с Баттон и ее семьей. Дом был спроектирован и построен компанией отца Анны. Думаю, именно так и познакомились их семьи. – Мать задумчиво улыбнулась, ее взгляд затуманился воспоминаниями. – Должно быть, в какой-то момент Пинкни решили продать его. А жаль. Он был не таким грандиозным, как этот, зато красив и уютен. И стоял прямо на берегу озера. Мы провели там немало счастливых дней. Думаю, Джейн там понравилось бы гораздо больше, чем здесь.

– Если только он не такой же старый, как этот, – шутливо сказала я. – Я спрошу Джейн, может, ее адвокаты упоминали о нем. В противном случае, нам просто придется предположить, что он был продан много лет назад.

Я зашагала вверх по лестнице, чувствуя, как кто-то наблюдает за нами, как кто-то ждет. Вот только чего? Я знала только одно: это нечто догадывалось, что мы его чувствуем, что мы знаем, что оно свернулось и ждет, чтобы прыгнуть на нас. Наверно, оно догадывалось, что я скована ужасом, а мои нервы напряжены, как струна. На миг мне

подумалось, что зря я считала потерю своих экстрасенсорных способностей такой уж плохой вещью.

Мы остановились в коридоре наверху. Взгляд матери был устремлен на закрытую дверь в его конце.

– Могу я пойти и посмотреть комнату Баттон? Я не была там с тех пор, как мы закончили Эшли Холл.

Я кивнула, с грустью подумав о том, что Баттон провела последние годы жизни в этой спальне, а всю свою жизнь – в этом доме, словно его пленница. Она осталась, чтобы заботиться о матери, затем о невестке, после чего умерла здесь, одна.

Я толкнула дверь, отчасти ожидая увидеть сидящую в кресле-качалке куклу, но нет, комната была пуста. Я облегченно выдохнула. Воздух в комнате был почти осязаем. И, хотя здесь было пусто, казалось, будто кто-то только что застелил кровать или причесал волосы и ушел, рассчитывая, что скоро вернется. Может быть, так оно и было.

– О, ты только посмотри на это, – сказала мать. Она стояла у комода, где, глядя на пустую комнату, в потускневших серебряных рамках стояли семейные фотографии.

Я подошла к матери и встала рядом.

– Ты, вероятно, знаешь многих из этих людей.

Она кивнула и указала на ту фотографию, где были Амелия и Баттон в форме Эшли Холл.

– Даже не верится, что она сохранила его. Наверное, у меня где-то есть такая же фотография – скорее всего, на дне коробки из-под обуви.

Я посмотрела на фотографию Баттон и красивого молодого человека рядом с ней во время ее дебюта.

– Это Самтер?

На лице матери появилось печальное, почти болезненное выражение.

– Да. Красавец, не правда ли? И такой веселый. Не говоря уже о его обаянии. Вообще-то, Джек немного напоминает мне его. – Она вздохнула. – Никогда не ожидала увидеть этот дом пустым, без Баттон, Самтера или хотя бы их детей. Мы не всегда можем планировать свою жизнь, верно?

Я покачала головой.

– Да, не можем. – И указала на фотографию девочки. – А это Хейзелл. Когда я впервые ее увидела, то подумала, что она очень похожа на Баттон. Теперь я не уверена. Есть в ее подбородке что-то такое...

Мать подошла к тумбочке, где стояла рамка поменьше, которую я раньше не замечала. Это был снимок Самтера и Баттон, хотя только Баттон улыбалась в объектив. Самтер тоже улыбался, но его лицо было обращено к кому-то рядом с ним. Брат и сестра все еще были молоды и красивы, но было ясно, что этот снимок сделан через несколько лет после других фотографий. Нет, они не были седыми и морщинистыми, отнюдь. Скорее, дело было в том, что прошедшие годы наложили на их лица свой отпечаток. Мне подумалось, что, по всей видимости, этот снимок был сделан после смерти Хейзелл, примерно во время развода Самтера с Анной. Это объяснило бы их напряженные взгляды и линию губ.

На Самтере был темный костюм и полосатый галстук. Баттон была в простом летнем платье с вырезом в форме сердечка, с ниткой жемчуга на шее и большой идеальной жемчужиной в каждом ухе. По другую сторону от Самтера был еще кто-то, женщина, чья обнаженная рука была продета под его локоть. Но она была отрезана от снимка, очевидно, чтобы тот поместился в рамку, поэтому были видны только ее рука и кисть. Я решила, что мать собирается поднять фото, забыв, что уже сняла перчатки. Но она лишь долго смотрела на него, а потом тихо сказала:

– Покойся с миром, дорогой друг.

– Ты готова подняться на чердак? – спросила я через мгновение. – Это спальня Хейзелл.

Она кивнула.

– Да, я знаю. Помню, как Амелия говорила мне об этом. Я еще подумала, какое ужасное место для ребенка! Кстати, ты в курсе, что это Амелия нашла для нее кровать? В то время у нее не было магазина, но она работала на другого антиквара и нашла кровать, которая легко разбиралась и которую можно было поднять по узкой чердачной лестнице. – Мать последовала за мной из комнаты, и я оставила дверь открытой.

– Амелия сказала, что ты ни разу не была в гостях у Хейзелл, потому что Анна тебя не любила и не хотела, чтобы ты бывала в их

доме.

Мать пожала плечами.

– Полагаю, это была одна из причин. Но к тому времени я тоже была замужем, и у меня родилась маленькая девочка. У нас с твоим отцом были проблемы. Я была слишком озабочена, чтобы заметить, что Баттон требуется моя дружба, независимо от того, хотела Анна видеть меня или нет. Это был дом Баттон, и порой люди злоупотребляли ее добротой.

Я остановилась у двери на чердак, чтобы собраться с духом и побольше узнать об истории Баттон.

– Даже после того, как ты ушла на пенсию, вернулась в Чарльстон и возобновила отношения с Амелией, со мной и в конце концов с папой, ты никогда не звонила ей?

Мать посмотрела вниз, ресницы закрывали от меня ее глаза.

– Нет. Ни разу. И очень жалею об этом. Она была так добра ко мне... – Она подняла глаза и улыбнулась. – Но теперь это все в прошлом. Давай лучше разберемся с твоим призраком.

Словно по мановению волшебной палочки, по коридору пронесся ледяной ветер. Дверь задрожала. Мать вопросительно посмотрела на меня. Я кивнула, подтверждая, что мы не одни.

– Здесь повесилась Анна, так что будь готова. Это может быть неприятно.

– Я готова, – сказала она с мрачной улыбкой.

По коридору пронесся еще один порыв холодного ветра. Дверь вибрировала так сильно, что казалось, будто кто-то с другой стороны дергал дверную ручку. Я схватилась за нее одной рукой, а моя мать взяла мою вторую руку в свою ладонь. Я повернула медную ручку, но дверь выскользнула из моих пальцев и с громким стуком ударилась о стену.

Тишину пронзил душераздирающий вопль. Черный кот спрыгнул с нижней ступеньки, юркнув между нашими ногами, бросился по коридору и исчез в комнате Баттон. Я повернулась, чтобы снова взглянуть на чердак. Сердце билось как бешеное, как будто было готово вырваться из груди.

Первое, что я осознала, – это громкое жужжание мух. Сотни крылатых черных насекомых металась в воздухе, ударяясь о стены и окно, и эти шлепки странным образом усиливались. Мы обе

посмотрели на ступени, ведущие на чердак, и мать еще крепче сжала мою руку. И закричала.

Глава 21

Мой рот был открыт, но кричала не я. И не моя мать. Пронзительный звук исходил от куклы, которая стояла во весь рост наверху лестницы. Окно у куклы за спиной бросало на нее свет под неестественным углом, создавая ее гротескную, раздутую версию, причем гораздо более устрашающую.

Мать с такой силой сжала мою руку, что я подумала, она сломает мне пальцы. Но даже это было бессильно заставить меня вырвать руку из ее хватки. Крик продолжался и продолжался, как будто диск внутри куклы заклинило. Увы, крик этот исходил не от механического диска. Он шел издалека, из того места, куда я не хотела даже заглядывать.

Я попыталась отступить за дверь, но мать перегородила мне путь.

– Мы не можем уйти, Мелли. Она просит о помощи.

Стоило ей заговорить, как вопли прекратились. Тишину теперь нарушали лишь редкие шлепки о стену редящего мушиного роя. Моим барабанным перепонкам потребовалось мгновение, чтобы привыкнуть к ней. Пронзительный крик продолжал эхом отдаваться в моих ушах, и где-то среди этой какофонии можно было различить слова «помогите мне».

– Я не пойду туда, – решительно заявила я.

– А я говорю, пойдешь. Я пойду с тобой.

Мать поставила ногу на первую ступеньку и подтащила меня к себе. Я тотчас ощутила спиной холодный сквозняк, в ноздри ударил гнилостный запах тлена. Я повернула голову к стене у лестничной клетки, где воздух был пропитан особым зловонием.

– Чувствуешь этот запах?

Мать кивнула.

– Думаю, его почувствуют даже мертвые.

– Не смешно, – пробормотала я и взглянула на куклу. Та все еще маячила перед нами на верхней ступеньке, но, к счастью, перестала издавать звуки. – Если хочешь, чтобы я поднялась туда, ты пойдешь первой.

– Как скажешь.

Не выпуская мою руку, мать повела меня вверх по лестнице. Воздух на чердаке стал холодным, несмотря на тепло снаружи.

– Не отпускай мою руку, ни за что не отпускай.

– Не волнуйся. Я не собираюсь этого делать.

Мы остановились перед куклой, и моя мать оказалась лицом к лицу с ней.

– Она здесь, – сказала Джинетт. – Маленькая девочка. Ты ее чувствуешь?

Я кивнула. Я слышала позади себя новый, царапающий звук, словно кость терлась о кость.

– Но я ее не вижу, потому что она прячется. Хотя вряд ли от меня.

Один из снежных шаров скользнул по полке, затем упал и раскололся посреди комнаты, блески и вода растеклись по полу. Пластиковый оранжевый смайлик лежал в луже лицом вниз, как жертва на месте преступления. Я посмотрела вверх и увидела завязанную узлом простыню, похожую на петлю, тихо покачивающуюся в воздухе.

– Сейчас здесь два духа, – шепнула мать. – Один из них хочет, чтобы я прикоснулась к кукле.

Она шагнула на чердак и потянулась за куклой, но я перегородила ей путь.

– Который из них, мама? Может, лучше этого не делать, пока ты не узнаешь наверняка?

Что-то тяжелое заскользило по дереву, и этот звук стал для нас предупреждением. Мы быстро присели, а в следующий миг через комнату пролетел еще один снежный шар и врезался в стену позади нас.

– Анна? – позвала мать. – Это ты? Мы здесь, чтобы помочь тебе.

Ответом на ее просьбу стала почти оглушительная тишина, как та, что, по моим представлениям, бывает в центре торнадо, нарушаемая лишь непрекращающимся царапаньем. А затем тихий звук, похожий на шуршание скручиваемой ткани, вновь привлек наше внимание к потолку: на наших глазах петля размоталась сама по себе, медленно соскользнула с потолочной балки и приземлилась на плечи моей матери. Та не стала ее снимать, в ее глазах застыла настороженность.

– Хейзелл? – сказала мать тихим, но спокойным голосом. – Ты здесь?

В груди куклы послышалось жужжание, хорошо знакомые мне щелчки и скрежет. Это продолжалось несколько долгих минут. Кукла открывала и закрывала рот, но не сказала ни слова и наконец застыла на месте. У меня создалось впечатление, что она пыталась двигаться, но какая-то другая сила мешала ей.

– Хейзелл? – попробовала моя мать еще раз. – Ты здесь в ловушке. Скажи нам, что тебе нужно, чтобы уйти к свету. Для тебя есть место получше, и мы можем помочь тебе попасть туда.

Я вздрогнула от холода, глядя, как вся полка снежных шаров подпрыгивает и вибрирует. Я чудом успела оттолкнуть мать, прежде чем еще один шар пролетел через всю комнату и, ударившись об одну из опор кровати, соскользнул на пол.

– Я хочу прикоснуться к кукле, Мелли.

Мать снова потянулась к кукле, но та отлетела назад, а чьи-то невидимые руки дернули мою мать за простыню, которая теперь была туго обернута вокруг ее шеи. Мать выпустила мою руку и потянулась к ткани у горла. Я же почувствовала, как моя сила ослабевает, как будто из электрической розетки выдернули вилку. С отчаянием тонущего человека, хватющегося за волну, мать цеплялась за ткань.

Я подскочила к ней и впиалась пальцами в туго натянутую простыню. При этом я внезапно ощутила новый запах, слабый, но пряный, так пахнет трубочный табак. И так же быстро, как и появился, этот запах исчез, как и натяжение ткани. Простыня соскользнула на пол. Потирая шею, на которой виднелись красные полосы, моя мать упала на колени. На чердаке вновь стало тепло, у меня на лбу, заливая мне глаза, выступил пот.

Я помогла матери подняться на ноги и более внимательно рассмотрела полосы на ее шее.

– Представляю, как ты будешь весело проводить время, пытаясь объяснить это папе, – сказала я.

– Для этого есть шарфы, – почти рассеянно ответила мать, рассматривая куклу. Та теперь лежала на спине, глядя на то место, где вокруг балки была завязана простыня. – Кукла принадлежала Хейзелл, – сказала мать. – Я хорошо это помню. Баттон подарила ей куклу не в качестве игрушки, для этого она слишком хрупкая и ценная, а в качестве компаньонки. Хейзелл не разрешали никаких друзей, потому что они могли принести с собой микробы.

– Ты собираешься потрогать ее прямо сейчас?

Она покачала головой.

– Боюсь, не сегодня. Этот маленький эпизод меня жутко утомил. Тем более что сейчас в этом нет необходимости. Я почти уверена, что Анна все еще здесь – такая же несчастная, как и при жизни. И бедняжка Хейзелл все еще заперта здесь и ищет выход. – Мать посмотрела на меня, и я подумала, что, наверно, выгляжу такой же измученной, как и она. – Мы должны помочь им, Мелли. Их нельзя оставлять здесь навсегда. Особенно если Джейн переедет сюда.

Я начала собирать разбитые обломки трех снежных шаров, складывая их пластмассовые основания в одну кучу, а стекло и более крупные куски – в другую.

– Я дам знать Софи, где найти куклу. Ты можешь получить к ней доступ в другое время.

Мать как будто меня не слышала.

– Ты что-то почувствовала, пока мы снимали простыню с моей шеи?

– Как будто кто-то курил трубку?

– Да. – Мягкая улыбка приподняла уголки ее губ. – Думаю, это был Самтер.

– Так что же нам теперь делать?

Джинетт пожала плечами.

– Давай подождем, когда Джек откопает что-нибудь новое, что поможет нам понять, почему Хейзелл и Анна все еще здесь. Иногда, когда смерть наступает неожиданно, человек бывает сбит с толку и не понимает, что он умер. Не думаю, что здесь дело обстоит именно так. Скорее, они обе здесь по какой-то причине, и я точно знаю, что, по крайней мере, одна из них не хочет, чтобы мы знали, что это за причина. Как только мы узнаем, что это такое, мы вернемся сюда. Ночью.

Казалось, она едва держалась на ногах, поэтому я взяла ее за локоть и повела к лестнице. Мы уже наполовину спустились, когда до меня дошло, что это за царапины. Стена лестничной клетки была от потолка до пола исписана чем-то вроде детских каракулей. Мне пришлось как следует приглядеться, прежде чем я поняла, что слова написаны задом наперед, как будто по другую сторону стены. Как только до меня дошел их смысл, я дернулась назад.

– Помогите мне, – вслух прочла моя мать, встретившись со мной взглядом.

Мы вновь пристально посмотрели на испещренную буквами стену, а потом спустились по лестнице. Я уже собралась закрыть дверь и запереть куклу и все, что было наверху, когда явственно услышала кошачье мяуканье, доносившееся из-за стены лестничной клетки.

* * *

Я лежала в постели рядом с Джеком, прислушиваясь к его ровному дыханию. Я притворилась усталой и пропустила ужин, а затем рано легла в постель. Когда же Джек залез в кровать и нежно поцеловал меня в щеку, я притворилась спящей. Но я бы не уснула, даже если бы неоновые цифры на прикроватных часах прекратили мигать, показывая десять минут пятого. Я уже трижды сбрасывала неверное время и устанавливала его заново, но часы упорно показывали десять минут пятого, стоило мне хоть на миг отвернуться или закрыть глаза. Не могу сказать, что я закрывала их слишком часто. Я пообещала матери, что поговорю с Джеком, признаюсь в своих страхах и стану новой Мелани, которой я пыталась быть. Но обещать гораздо легче, чем сделать это.

Пронзительно зазвонил сотовый телефон. Я не сразу сообразила, что это мой – незнакомый рингтон сбивал с толку. Я попыталась сесть и одновременно потянулась к телефону. Я бы точно упала с кровати, если бы сильная рука Джека не оттащила меня назад и не прижала к изгибу его тела.

– Алло? – наконец произнесла я, поднеся телефон к уху. Как и прежде, там никого не было, только странный звук, как будто кто-то пытался что-то открыть, эхом донесенный издалека. Я взглянула на номер, зная, что это номер Баттон, еще до того, как мои глаза пробежали все десять цифр.

– Алло? – снова сказала я. Я посмотрела на время в телефоне. Четыре десять. Я нажала кнопку отбоя и, бросив телефон на тумбочку, подождала, пока Джек снова уснет, прежде чем пошевелиться.

– Мелли? – прошептал он мне в шею.

– М-м-м?

- Кто это был?
- Баттон Пинкни.
- Хм.

Либо он не расслышал, либо его не волновало, что мне все еще звонят из дома мертвой женщины.

- Мелли?
- М-м-м?

– Мы будем говорить о том, что тебя беспокоит, или ты намерена до конца года притворяться больной?

Я подумала: может, притвориться мертвой и просто не двигаться, но в какой-то момент поняла, что Джека не проведешь. Вместо этого я откинула одеяло и села на краю кровати спиной к нему. В комнате было темно, но лунный свет из окон освещал кровать и нашу свадебную фотографию над туалетным столиком призрачным синеватым мерцанием. Фотопортрет был сделан в саду моего дома менее года назад. После рождения наших детей это был самый счастливый день в моей жизни.

«Ты обязана это сделать ради вашего брака и детей». – Мать как будто сидела рядом со мной и шептала мне на ухо.

Вспомнив, как моя бабушка когда-то говорила мне, что легче вырвать шатающийся зуб, чем позволять ему шататься, я глубоко вздохнула и спросила:

- У тебя роман с Джейн?

Воцарилось ошеломленное молчание, а затем:

- Джейн – это которая няня?

Я оглянулась через плечо.

– Разумеется. Если только ты не знаком с какой-нибудь другой Джейн, с которой у тебя может быть роман.

Я почувствовала, как Джек придвинулся ко мне сзади, но ему хватило такта не прикасаться ко мне.

– Нет никакого романа, Мелли. Ни с Джейн, ни с кем-то еще. С чего ты это взяла?

Похоже, он был искренне удивлен.

– Потому что на днях, когда я водила детей в парк, мы вернулись в дом и были на кухне. Мы слышали, как вы с Джейн в фойе играли в гольф и смеялись. А потом стало... тихо.

Я с трудом выдавила последнее слово.

Воцарилось молчание, и мое сердце сжалось. Я опустила подбородок и снова обернулась. Его зубы блеснули в лунном свете, и я поняла, что он улыбается своей обычной широкой, открытой улыбкой, как будто ему было по-настоящему весело.

– О, Мелли. Иногда меня мучает вопрос, почему писатель я, а не ты, ведь у тебя чертовски богатое воображение.

– Что ты имеешь в виду? – спросила я, позволяя негодованию закраситься в мой голос.

– Что ж, если бы ты просто сделала несколько шагов в фойе, ты бы увидела нас с Джейн внизу лестницы. Мы стояли и слушали Нолу в ее спальне. Она пела, аккомпанируя себе на гитаре. Помнишь, она говорила тебе, что у нее был период творческого кризиса, и это меня беспокоило. Я был так рад, что она вновь начала сочинять музыку, что мы не осмеливались ее беспокоить.

– И как, вам понравилось? – спросила я, на миг забыв свои обиды.

– Джейн, возможно, да, но, по стандартам Нолы, это не совсем то. У нее творческий застой. Я сказал ей, чтобы она продолжала работать, и в конце концов у нее получится. Вот почему я не хотел ее беспокоить. Я оставил Джейн собрать все мячи для гольфа, а сам вернулся в свой кабинет, чтобы писать.

Я почувствовала, как он встал позади меня на колени и положил руки мне на плечи.

– Мелли, после всего, через что мы прошли, ты должна мне верить. Без доверия с обеих сторон у нас не может быть крепкого брака. Ты ведь сама это знаешь?

Я кивнула, пытаюсь сосредоточиться на его словах, а не на прикосновениях его рук к моим обнаженным плечам.

– Но она молодая и красивая. И стройная. И вы смеялись. Что я должна была подумать?

– Все что угодно, только не то, о чем ты подумала, Мелли. Ты для меня самая красивая женщина, такая, какая ты есть. Я женился на тебе потому, что хочу провести с тобой остаток своей жизни и вместе растить наших детей. Я больше ни с кем не хочу это делать.

Мои глаза наполнились непролитыми слезами.

– Прости, Джек. Прости. Просто у меня все еще есть проблемы с самооценкой, которые я пытаюсь решить. Но я пытаюсь. Честное слово.

Я повернулась к нему лицом, любуясь тем, как лунный свет скользил по нему, делая похожим на мраморную статую. Но когда я положила руки ему на грудь, в нем не было ничего прохладного или мраморного.

– Я люблю тебя, Мелли. Несмотря на все доводы разума, я считаю, что не могу жить без тебя. Все, о чем я прошу, – это поверить мне.

Я подалась вперед, прижимаясь к нему своим телом.

– Я верю, – прошептала я ему в губы. – Хотя я думаю, ты мог бы выбрать слова понежнее.

Стремительным движением, настолько поразившим Генерала Ли, что тот прыгнул на относительно безопасный пол, Джек прижал меня к кровати.

– Может, я смогу убедить тебя другими способами? – Он склонил голову к моей шее и принялся целовать мое ухо.

Я улыбнулась.

– Хотелось бы увидеть, как ты попробуешь.

Мой мобильный телефон вновь зазвонил. Схватив его с тумбочки, я, не глядя на номер, выключила его и швырнула через всю комнату. Мне не терпелось проверить на практике теорию матери о примирительном сексе.

Глава 22

Мать высадила меня перед «Бюро недвижимости Гендерсона», и я помахала ей на прощание. Мы с ней ездили в магазин «Гвинн» в Маунт-Плезант покупать мне платье для вечеринки, посвященной презентации книги Марка. По мнению матери, сшить вместе два старых покрывала и вырезать дыры для головы и рук – не лучшая идея для такого случая.

Я вошла в вестибюль, желая поскорее погрузиться в работу, чтобы забыть про эпизод с примеркой платьев или про причину, по которой меня заставили это сделать. Судя по всему, ни одно из платьев в моем шкафу не подошло бы, даже если бы, как сказала мать, мне удалось застегнуть молнию до самого верха без треска рвущейся ткани. Я понятия не имела, когда мать успела стать таким экспертом в области моды, но она, похоже, считала, что обтягивающие фасоны в духе Ким Кардашьян мне больше не подходят. Я бы не возражала против сравнения с Ким, если бы не увидела себя в зеркале и не поняла, что у нас с ней гораздо больше общего, чем я себе представляла.

– Мамамама!

Я сняла солнцезащитные очки и с удивлением увидела перед собой Джека. Он стоял в вестибюле с коляской и обоими детьми. Увидев меня, малыши принялись возбужденно подпрыгивать, что помогло моему эго больше, чем шкаф, полный самых шикарных платьев. Поцеловав близнецов, я повернулась к Джеку. Тот, не торопясь, поцеловал меня и, вероятно, продлил бы свой поцелуй еще дольше, если бы Джолли Томпсон не откашлялась из-за стойки администратора.

– Ой, извини, Джолли. Я немного... отвлеклась. – Я вновь посмотрела на Джека. – Мы с тобой договорились встретиться здесь?

– Нет. Мы только что приехали. Джейн встретит меня здесь через пятнадцать минут, чтобы забрать детей, но я надеялся, что у нас будет немного времени, чтобы я кое-что тебе показал. А потом я пойду в кафе, чтобы там поработать.

– Что не так с твоим кабинетом дома? Тебе не нравится стол, который мы с твоей матерью выбрали для тебя? Твой кардиган и

тапочки?

– Я люблю все это, честное слово, люблю. Просто я... – Он пожал плечами. – Как будто вся творческая часть моего мозга отключается, когда я нахожусь в доме... где угодно в доме. Я пробовал писать на кухне и в столовой. И даже в спальне. – Он подмигнул. – Хотя, по моему, довольно легко понять, почему я отвлекаюсь, когда пытаюсь писать там.

Джолли снова откашлялась, и он вновь стал серьезным.

– В любом случае, я обнаружил, что, если я творю в кафе, на скамейке в парке или где-нибудь еще, моя рука начинает писать сама.

Я нахмурилась.

– Раньше у тебя этой проблемы не было, правда?

Джек покачал головой.

– Не было. Все началось чуть больше месяца назад. Это совпало с моментом, когда я узнал о сделке Марка с киностудией.

– Допустим. – Я повернулась к Джолли. – До часу дня у меня нет никаких встреч, верно?

– Верно. – Она улыбнулась младенцам. – Если вы хотите, чтобы я присмотрела за ними, а вы могли поговорить не отвлекаясь, буду только счастлива. Все ушли на обед, так что сейчас довольно тихо.

– Весьма любезно с вашей стороны, спасибо, – сказала я, с восхищением наблюдая, как она вычеркивает что-то из одного из своих списков.

– Что это было? – спросила я. Скажу честно: я всегда питала интерес к методам организации других людей.

– Каждый день в моем списке дел я пишу: «Сделать что-нибудь хорошее для кого-нибудь». Так что спасибо.

– Пожалуйста, – медленно ответила я.

– Их только что накормили и переодели подгузники, так что они должны быть довольны жизнью, – сказал Джек. – Они любят, когда им поют, и не слишком разборчивы. Если только вы не Мелли. Тогда они обычно плачут.

Я послала ему испепеляющий взгляд, но Джек лишь улыбнулся в ответ, зная, что мне нечего на это возразить.

– Отлично, – сказала Джолли и, обойдя стол, нагнулась над коляской. Сара тотчас потянулась за ее сверкающими серьгами в виде стрекоз, а Джей-Джей – к ее груди. Я быстро отвлекла их внимание:

сунув руку в мешочек с игрушками, прикрепленный к коляске, вытащила две мягкие игрушки и вручила каждому по одной. – Позвоните нам, если вам что-нибудь понадобится, но обычно они ведут себя хорошо.

– Не волнуйтесь. Я люблю малышей.

Судя по часам, которые я уже провела, пока она показывала мне на телефоне фотографии своих внуков, я решила, что у нее приличная практика. Джек последовал за мной в офис и, как только я закрыла за нами дверь, прижал меня к ней.

– Жаль, что у нас всего пятнадцать минут.

Я оттолкнула его от себя: Джолли и наши дети были всего в тридцати секундах ходьбы, не говоря уже о коллегах, которые могли вернуться с обеда.

– Для этого у нас дома есть супружеская кровать.

– Неужели? Кстати, для протокола, я намерен как можно дольше хранить пикантность нашего брака. Так что ожидай этого, когда ты меньше всего этого ожидаешь.

Я почувствовала, что заливаюсь краской с головы до пят. Или это у меня уже климактерический прилив? Я высвободилась из его объятий и направилась к своему столу.

– Итак, что ты хотел мне показать?

– Это вопрос с подвохом?

Я вздохнула.

– Нет, это нормальный вопрос. – Я указала на кожаную сумку, висевшую у него через плечо. Она была из искусственной кожи и с клеймом в виде ярко-зеленого значка мира и выглядела точно так же, как та, что была на плече у мужа Софи, Чэда, когда тот ехал на велосипеде на работу в колледж. Вообще-то, это был свадебный подарок от них – у меня была точно такая же, но я пока еще не нашла ей применения.

Сняв сумку с плеча, Джек вытащил толстую пачку бумаг и со шлепком положил посреди моего совершенно голого стола. Последнее было поводом для гордости: я ни разу не ушла с работы, не положив все бумаги, ручки и карандаши на свои места. Исключение было сделано лишь для рамок с фотографиями Джека, Ноли и младенцев.

– Что это? – спросила я, морщась при виде неровных краев стопки бумаг.

– Медицинская карта Хейзелл. Занимала половину полки в шкафу.

– Это настоящие записи?

– Да. К счастью для нас, Хейзелл неоднократно лежала в больнице до вступления в силу закона о мобильности и подотчетности медицинского страхования, поэтому частный врач их семьи хранил все ее записи в своем офисе, а когда вышел на пенсию, перенес их на чердак своего дома. Как мы и думали, он скончался несколько лет назад, но его пожилая вдова до сих пор живет там. Она сказала, что я могу их взять на время. Правда, мне пришлось уламывать ее, но в конце концов она сдалась. – Джек ослепительно улыбнулся, и я легко представила, каково было бедной женщине под залпом его бесконечного обаяния и лестии. Джек между тем продолжил: – Я, наверно, не лягу спать сегодня ночью, буду делать заметки, потому что я должен вернуть их завтра. Я уже успел пробежать их глазами, и есть вещи, которые меня озадачивают.

Мы сели по обе стороны моего стола, и Джек начал листать страницы.

– Записи начинаются с трехмесячного возраста. Она заболела пневмонией и хорошо реагировала на антибиотики, и ее выписали домой, но вскоре она вернулась с устойчивой к антибиотикам пневмонией и бронхитом. В больнице у нее несколько раз останавливалось дыхание, но ее удавалось оживить, потому что ее мать была там и делала ей искусственное дыхание. – Джек перевернул страницу, чтобы я могла прочесть. – Это записка медсестры с комментарием о том, как Анна, мать Хейзелл, отказалась покидать девочку и в течение пяти месяцев спала на раскладушке возле ее инкубатора, пока Хейзелл наконец не вернулась домой.

Я подумала о своих розовощеких, довольных жизнью младенцах, пышущих крепким здоровьем крепышах, и, несмотря на то что Анна сделала с нами на чердаке, ощутила укол сочувствия к ней.

– Ей стало лучше после этого?

Джек вернул страницу в стопку и покачал головой.

– Нет. Дела пошли еще хуже. У нее были повторяющиеся приступы удушья, а также возникли проблемы с пищеварением. Она до пяти лет не могла есть твердую пищу. Матери приходилось кормить ее через зонд. Один из врачей отметил, что это был наихудший случай гастроэзофагеальной рефлюксной болезни за всю его долгую практику.

Она была настолько слаба, что научилась ходить только в три года, и даже тогда лишь на короткие расстояния. К моменту смерти она была прикована к постели.

Я старалась не думать о комнате с красивой фреской и снежными шарами и о девочке, которая мечтала путешествовать по всему миру, но так и не вышла за порог своей спальни.

– Но они не знают, от чего конкретно она умерла?

– Согласно свидетельству о смерти, нет. Но я поговорил с одним из моих знакомых-врачей, и он сказал мне, что ее тело просто устало, и ее внутренние органы отключались один за другим. Должно быть, мозг отключился последним, и она знала, что умирает.

Джек полез в задний карман, вытащил только что выстиранный носовой платок и протянул его мне.

– Это страшно слышать.

Я потрогала лицо. С удивлением обнаружив, что оно влажное, я промокнула платком глаза.

– Это в некотором роде меня злит. Все достижения медицины были бессильны исправить то, что с ней было. Но это не объясняет, почему она все еще здесь.

– Разве обычно причиной не являются незавершенные дела?

– Иногда. Но какие незавершенные дела могут быть у одиннадцатилетней затворницы? И это заставляет меня думать, что, возможно, на чердаке не ее призрак. Ведь дому больше двухсот пятидесяти лет! В нем жили и умерли многие люди. Она всего лишь одна из длинного списка кандидатов.

Он посмотрел мне в глаза и вернулся к стопке бумаг. Вытащил торчащий лист с самого низа и протянул мне.

– Это поможет тебе изменить свое мнение.

Это была ксерокопия свидетельства о смерти из Южной Каролины, которую он мне уже показывал раньше.

– Я основательно изучил это снова, на тот случай, если я что-то пропустил, и вот оно. – Он указал пальцем на строчку в бланке.

Я прищурилась, не в состоянии прочесть слишком мелкий шрифт.

– Сколько можно, Мелли! – Джек обошел стол и открыл верхний ящик. – Вот, надень их.

Пристыженная, я надела очки для чтения и, посмотрев вниз, увидела в верхней строке имя Хейзелл Пинкни, а затем перевела

взгляд туда, куда указывал Джек. И тотчас прижала руку к губам, не в силах говорить. Сверху жирным черным шрифтом в маленькой рамке было аккуратно напечатано: «Время смерти – 4:10 утра».

– Это выглядело бы случайным совпадением, не пытайся дух Хейзелл достучаться до тебя, верно? – тихо спросил Джек.

– Даже если бы мы верили в совпадения, – медленно произнесла я. Мой разум все еще пытался осмыслить то, что только что сказал Джек. Я вспомнила, как мои будильники остановились в десять минут пятого и как телефонный звонок пришел с отключенного номера. Это был мой первый день на работе. День, когда я познакомилась с Джейн и узнала, что она унаследовала дом Пинкни, тот самый дом, в котором жила и умерла Хейзелл. Именно тогда Хейзелл впервые обратилась ко мне, об этом я могла догадаться. Но это не приблизило меня к пониманию почему.

– А мы в них не верим. – Джек на миг задумался, а затем начал поправлять бумаги, складывая их в стопки на поверхности стола, прежде чем вернуть в свою сумку. – Есть еще кое-что.

Я посмотрела на него поверх очков для чтения и тотчас сообразила, что я, вероятно, похожа на свою первую учительницу, миссис Монтемурно. Помнится, она облачала свое дородное тело в просторные балахоны и увешивала себя множеством золотых, звенящих браслетов. Те сидели на складке ее руки, где полагалось быть ее запястью. Даже так она выглядела древней. Я отлично помнила мешки под ее глазами, которые казались еще больше, когда она смотрела на меня поверх очков. И я поспешила снять свои.

– Давай рассказывай, – сказала я.

– Ты говорила, что у семьи Пинкни когда-то был дом на озере Джаспер, недалеко от Бирмингема. Я никогда об этом не слышал, но на то я и писатель, чтобы хвататься за каждую крупницу информации, поэтому я провел небольшое исследование. Причина, почему я никогда не слышал об этом раньше, вероятно, состоит в том, что его больше не существует. В 1985 году озеро было увеличено силами Инженерного корпуса армии, а его название поменяли на другое, принадлежавшее более крупному озеру, с которым его объединили.

– Так что же случилось с домом Пинкни? – спросила я.

– Я уверен, он все еще там. Просто под водой. Иногда такое бывает – даже с целыми городами. Они как будто заключены внутри

снежного шара – улицы, дома, магазины, церкви. Они все еще там и доступны только любителям плавания с аквалангом.

– Это ужасно. И даже жутко. Напомни мне никогда не кататься на лодке и не плавать там. Страшно подумать, какие злые духи водятся там.

– Пожалуй. Некоторые люди говорят, что воскресным утром там до сих пор можно слышать звон церковных колоколов.

Я поморщилась.

– Это просто кошмар, даже для меня. – Я задумалась на мгновение, вспоминая его слова. – А в 1985 году он был затоплен?

Джек кивнул, а я продолжила:

– Твоя мать нашла набор из солонки и перечницы, который был частью коллекции в доме Пинкни. Этот набор с озера Джаспер, и кто-то нанес на него дату, тридцатого мая 1984 года.

Джек вытащил свой блокнот и записал ее.

– На тот случай, если это важно. Тем не менее набор может иметь ценность, поскольку озера Джаспер больше не существует. Убедись, что Джейн в курсе, скажи ей, чтобы она не спланировала всю коллекцию в «Гудвилл», пока не узнает цену.

Джек положил блокнот, взглянул на часы и с хитрой ухмылкой снова посмотрел на меня.

– Похоже, у нас есть пять минут.

На моем столе зажужжало переговорное устройство, и раздался голос Джолли:

– Пришла ваша няня.

– Задержи эту мысль, – сказала я, вставая.

Дети так завизжали от радости, увидев Джейн, что даже не заметили Джека и меня. Я сообщила Джейн, что добавила несколько пунктов в Google-календарь для детей, в том числе дату осмотра у педиатра. Я также сочла своим долгом сообщить ей, что добавила примечание о том, во что их следует одеть. Она, Джек и даже Джолли посмотрели на меня с одинаковым пустым выражением. Я даже на мгновение задумалась – может, я что-то не понимаю?

Мы попрощались с детьми и помахали им и Джейн, когда они вышли на тротуар.

– Хотите знать, что я думаю? – спросила Джолли. Ее глаза за стеклами очков сияли.

– О чем? – уточнила я.

– Ваша няня... Джейн, верно? Мне показалось, что я видела это, когда она в первый раз была здесь, но теперь я совершенно уверена.

– Что именно вы видели? – с тревогой спросила я.

– Ауру. У нее определенно есть аура. По ней можно определить, что у кого-то есть «дар». Так говорила обо мне моя бабушка, поэтому я знаю, что могу общаться с духами. Им просто нужно чуть больше времени, чтобы это осознать.

– Действительно? – удивилась я. – А у меня есть аура?

Джолли решительно покачала головой.

– Нет. Даже тени, иначе я бы вам сказала. Простите.

– Ничего страшного, – сказала я. – Я уверена, что в большинстве случаев это скорее бремя, чем благословение.

– Это точно.

В упор глядя на Джека, Джолли начала возиться с булавкой в форме стрекозы на своей блузке.

– Есть ли еще темноволосые джентльмены, – сказал он с невозмутимым лицом, – держащие в руках украшения?

Джолли печально покачала головой.

– К сожалению, нет, – ответила она и нахмурила брови. – Вообще-то, я не уверена, поэтому не хочу ничего говорить... – Хотя было ясно видно, что ей не терпится нам что-то сказать.

– Давайте говорите, – произнес Джек. – Мы как-нибудь переживем.

– Это кот. И он обращается к вам. Я просто не слышу, что он говорит.

Я на миг уставилась на нее, потрясенная тем, что она упомянула про кота.

– Какого он цвета?

Она нахмурилась, словно пытаюсь вспомнить.

– Кажется, полосатый. С длинным хвостом.

Я вздохнула, пожалуй, даже чересчур громко.

– Хорошо. Мы будем начеку, ожидая говорящих полосатых котиков.

Джолли покачала головой.

– Не стоит понимать мои сообщения так буквально. Я все еще новичок, поэтому делаю что-то неправильно... или не совсем так, как надо. Но подумайте об этом, и вы поймете, в чем суть сообщения.

– Я так и сделаю, – сказала я. Зная, что Джолли наблюдает за мной, я целомудренно поцеловала Джека на прощание и проводила его взглядом, пока он шагал в сторону кафе, где собрался писать.

Я вернулась к себе в офис, включила компьютер и попыталась поработать со списком показов для семьи, прилетавшей из Калифорнии. Однако поймала себя на том, что тупо смотрю на экран и не вижу его. Вместо этого я представляю дом и город. Они плавают под водой, словно в снежном шаре, и слышится звон церковных колоколов, в которые не звонили более тридцати лет.

Глава 23

Я стояла с матерью в ее спальне на Легар-стрит, чувствуя себя почти как Али-Баба, когда тот попал в пещеру чудес. Мать высыпала на покрывало содержимое нескольких шкатулок с украшениями, все разных размеров, в поисках кулона, который, как ей казалось, идеально подошел бы к моему платью для вечеринки по случаю презентации книги Марка Лонго.

– Он наверняка где-то здесь, – донесся ее голос из огромной гардеробной, где несколько полок были отведены для хранения коробок с ювелирными украшениями. У меня чесались руки навести там порядок, но мать наотрез отказалась от моей помощи, заявив, что коробки составлены по возрасту, в котором она их носила, и в соответствии с ее воспоминаниями. Тем не менее, увидев непарные серьги и спутанные узлами цепочки, я была вынуждена крепко сжать руки, чтобы не сделать то, о чем мы обе пожалеем.

Мать вышла с маленькой кожаной шкатулкой в форме сердца. Та выглядела старой, кожа была потертой и растрескалась возле петель.

– Он должен быть здесь. Это украшения, которые я носила в старшей школе, и, возможно, что-то из того, что я носила в колледже. Не представляю, почему он может быть здесь, но, с другой стороны, где ему еще быть.

– Воистину странно. Учитывая, что все не там, где должно быть, – сказала я себе под нос. – Может, ты все-таки разрешишь навести мне порядок...

– Мелли, – сказала мать тоном, какой типичен для опытных матерей. Она заботилась обо мне всего несколько лет, но уже довела этот навык до совершенства.

Мать открыла коробку, и я заглянула внутрь. Там царил полный хаос: цепочки намотались вокруг колец и сережек, а сверху даже лежала пара непонятно как туда попавших пуговиц. Я с такой силой прикусила нижнюю губу, что почувствовала вкус крови. Между тем мать выкрашенными красным лаком ногтями вытащила красивый золотой браслет с узкой женственной цепочкой.

– Я всегда думала, что подарю его своей дочери, когда та пойдет учиться в Эшли Холл.

– Извини, если я тебя разочаровала, – сказала я, прищурившись, чтобы лучше рассмотреть. На одной стороне было выгравировано «Джинетт Приоло, выпуск 1970 года», а на другой – «Эшли Холл, Чарльстон, Южная Каролина».

– Хочу отдать его Ноле, когда она будет в выпускном классе. Классическое кольцо вряд ли будет ей интересно, но это в ее глазах будет винтаж, и оно может ей понравиться. – Мать положила его на комод рядом с единственной бриллиантовой серьгой, у которой не было пары, и плетеной золотой цепочкой со сломанной застежкой. У меня нет пропавших или сломанных украшений, потому что моя бижутерия тщательно организована и хранится на крючках с этикетками и в прозрачных корзинах, а дорогие украшения – в запертом сейфе, где промаркирована каждая полка, поэтому я промолчала.

– Что это? – спросила я, вытаскивая кольцо с чем-то вроде овального оникса с маленьким бриллиантом в центре.

Я уронила его в протянутую ладонь матери. Ее лицо тотчас смягчилось, как только она узнала его.

– Я любила это кольцо. Не снимала его годами. – Она надела его на безымянный палец правой руки. Я старалась не замечать, как легко кольцо скользнуло на него. Лично мне пришлось увеличить размер обручальных колец, потому что иначе я бы просто не смогла их носить.

– Откуда оно у тебя?

Мать ответила не сразу.

– Старый друг подарил мне его на шестнадцатый день рождения.

– Ты без перчаток, – заметила я. – Неужели ты не получаешь сообщений?

– К сожалению, нет. Похоже, это работает, только когда я прикасаюсь к предмету, который не имеет ко мне никакого отношения. Что на самом деле прекрасно, иначе мне пришлось бы носить перчатки в собственном доме, чего мне отнюдь не хотелось бы.

– Но тогда ты не сможешь заново пережить воспоминания, связанные со всем этим. – Я вновь посмотрела на кольцо. – Оно

прекрасно, – сказала я, любясь плетеными нитями платины, что опоясывали палец и окружали оникс.

– Вот, примерь. – Она стянула кольцо с пальца. – Готова спорить, оно подойдет на твой средний палец, где будет смотреться эффектнее всего, поскольку он у тебя такой длинный. И оно сочетается с твоим платьем.

Я выполнила ее просьбу и вытянула руку, чтобы полюбоваться.

– Ты права, оно отлично смотрится на среднем пальце и идеально подходит. Ты уверена, что я могу его одолжить у тебя?

– Разумеется. Кстати, можешь оставить его себе. От того, что оно лежит в шкатулке с драгоценностями, лично мне никакой пользы, и я не могу представить его на себе. Так почему бы не дать ему новую жизнь?

– Действительно, почему бы нет? – сказала я, поднося его к свету. – Спасибо.

Мать отвлеклась на что-то на дне коробки, а потом высыпала все ее содержимое на покрывало.

– Вот! – Она вытащила тяжелую золотую цепочку, на которой висел идеально овальный опал, окруженный маленькими бриллиантами.

– Это просто чудо, – сказала я. – Но у меня будет V-образный вырез. Тебе не кажется, что кулон ляжет чуть ниже?

– Конечно. В этом-то и дело. Теперь у тебя есть чудесное декольте, кстати, подчеркнутое новым бюстгальтером, и это идеальный аксессуар к твоему черному платью с блестками. Не думаю, что тебе нужны серьги или браслет, просто кулон и кольцо, и ты готова к выходу.

Я позволила ей надеть мне на шею кулон – он лег прямо между грудей.

– Тебе не кажется, что это... слишком?

Моя мать посерьезнела.

– Мелли, дорогая. Для Джека это такое же событие, как и для Марка. Марк влип с этой глупой Ребеккой, которая будет одета как розовое мороженое парфе – одни нулевые калории. Зато ты будешь выглядеть как филе миньон, и Джек будет гордиться тем, что ты с ним. Это будет нелегкая вечеринка. По крайней мере, придя туда, ты уже будешь на два очка впереди.

Я нахмурилась.

– Я вовсе не думаю о ведении счета, мама.

– А зря, – сказала она, собирая украшения и бросая их в коробки.

– Ты знала, что Джейн тоже приглашена на вечеринку?

Она взглянула на меня через плечо.

– Да. Она попросила меня помочь выбрать ей платье.

Я вопросительно подняла брови. Мать прекратила свое занятие и повернулась ко мне лицом.

– Бедная девочка остро нуждается в матери, даже больше, чем когда-то ты. Ты заметила, насколько ей лучше с детьми, чем со взрослыми? Во всяком случае, я согласилась. Надеюсь, ты не против.

– Почему я должна быть против? – спросила я, отчаянно пытаюсь скрыть раздражение в голосе.

Мать многозначительно посмотрела на меня.

– Мы едем в воскресенье, в ее следующий выходной. Можешь присоединиться к нам. Возможно, это слегка неловко, но я не хочу, чтобы ты подумала, что я выбрала для нее более красивое платье.

– Правда, мама? Я не такая уж незрелая.

Настала ее очередь приподнять брови.

– Кроме того, это ведь не я сказала, что мне следует вести счет, – пояснила я.

– Это другое, – сказала мать. – Мотивы Ребекки никогда не бывают хорошими. А что касается Джейн, я не вижу в ней ни капли коварства.

Я плотно сжала губы, чтобы промолчать. Я не забыла свои прежние подозрения и не желала полностью с ними расставаться, независимо от того, насколько я доверяла Джеку или симпатизировала Джейн.

Мать вновь стала собирать свои драгоценности, чтобы убрать их. Я машинально протянула обе руки, чтобы пресечь ту бессистемность, с которой она складывала украшения в случайные коробки. Почувствовав мое настроение, мать повернулась ко мне спиной и заработала быстрее, как будто боялась, что я поддамся порыву и оттолкну ее.

В моей сумочке пискнул телефон. Я вытащила его – прочесть сообщение и отвлечься от разворачивающегося передо мной ужаса.

– Мне пора. Софи пишет, что они нашли кота, и ей нужно, чтобы я на него взглянула. Она предлагает, чтобы ты тоже приехала, если сможешь.

– Думаю, что смогу, – сказала мать, поднимая руку, чтобы посмотреть на часы, после чего встряхнула кистью. – Это так раздражает! Эти часы уже много лет шли без всяких проблем, как вдруг примерно месяц назад начали останавливаться в одно и то же время, сколько бы раз я их ни заводила.

У меня на голове стянуло кожу.

– На какой цифре застревает стрелка?

Мать вновь посмотрела на часы.

– Десять минут пятого. Разве это не странно?

– Страннее, чем ты думаешь. – Я положила колье и кольцо в сумочку. – Пойдем. Я поведу машину и расскажу тебе все по дороге.

Она последовала за мной из комнаты.

– Что мне сказать твоему отцу?

– Что хочешь. Главное, не говори, что мы собираемся посмотреть на призрак, заколоченный в стене чердака около тридцати лет назад.

* * *

Когда мы подъехали к дому Пинкни, Софи, Рич Кобилт и вся его рабочая команда ждали на подъездной дорожке: Софи – с тревогой на лице, а Рич как будто в очередной раз собирался сказать нам, что, по его мнению, в доме обитают привидения.

– Ты звонила Джейн? – спросила я, когда подошла к Софи. Она кивнула.

– Она уже в пути. Миссис Хулихан уже ушла, поэтому ей пришлось подождать, когда Джек вернется домой, чтобы оставить на него детей.

– Добрый день, миссис Тренхольм... миссис Миддлтон, – сказал Рич, подходя к нам. – Мои ребята чуток встревожены. К тому же им давно пора закругляться. Поэтому я отпущу их домой. Но я останусь здесь на тот случай, если вам понадобится помощь, чтобы передвинуть... оставшееся.

– Это всего лишь кот, – сказала я. – Я уверена, что мы сможем...

– Спасибо, Рич, – перебила моя мать. – Мы были бы признательны. – Она повернула ко мне голову и прошептала: – Я не прикоснусь к нему.

Рич кивнул и вернулся к своей команде. Его рабочие уже начали загружать инструменты в кузов грузовиков. К нам подошла Джейн, слегка запыхавшаяся от быстрой ходьбы.

– Не думаю, что мне нужно входить внутрь, – сказала она. – Я доверяю вашему мнению, Софи. И если вы хотите просто оштукатурить...

– Видите ли, – начала Софи, растягивая слова, – все не так просто. Я подумала, что вы должны увидеть все это сами, прежде чем решать, как действовать дальше.

Джейн взглянула на пустые окна дома, и я увидела, как ее охватила еле заметная дрожь. Джейн выдавила улыбку.

– Хорошо. Тогда пойдете.

Мы гуськом двинулись наверх, Софи шла впереди. Покалывание в затылке, которое началось, когда я стояла снаружи, исчезло, осталось лишь тревожное чувство, что за нами наблюдают, но посмотреть в ответ я не могла. Это было похоже на драку, с той разницей, что мне было запрещено наносить удары. Это выводило из себя, расстраивало и немало пугало.

Услышав мычание, я обернулась и увидела Джейн. Похоже, она изо всех сил старалась сохранять спокойствие. Она десятки раз говорила мне, что ненавидит старые дома, и я не сомневалась: мы вот-вот раскроем причину, почему так много людей разделяют ее мнение.

От недавних строительных работ в воздухе висела тяжелая пыль – самые насыщенные водой стены сносили до основания. Пока что рабочие добрались только до стены лестничной клетки на чердаке. Но смогут ли они продвинуться дальше, сохранив фрески и мебель в комнате наверху нетронутыми? По крайней мере, большая часть стены с обратными надписями была разрушена, и я могла притвориться, что ее никогда здесь не было.

Тогда я едва не спросила Джейн, чего она ждет. Ей еще предстояло принять решение относительно распределения имущества дома, и мне жутко надоело, что Софи приставала ко мне по этому поводу. Маловероятно, что какой-нибудь дальний родственник оспорит завещание и прикажет Джейн уйти. Будь это так, это уже давно бы

произошло. Возможно, Джейн надеялась, что, если ничего с этим не делать, проблема исчезнет сама по себе. Как пожизненный представитель этой школы мысли, я испытала соблазн согласиться с ней. Если бы не одно «но»: я по опыту знала, что это не так. И все же меня странно утешало то, что я не одинока в своем довольно извращенном образе мышления. Я поняла: это одна из причин, почему мне нравилась Джейн. Мы с ней были однополчанами, сидящими в окопе, а наши жизни были позиционной войной.

Мы подошли к входу на чердак, и Софи остановилась. На ступеньках была установлена переносная лампа, освещавшая темный проем в соседней стене, чему способствовало и вечернее солнце, лившееся из окна чердака.

Казалось, никто не хотел двигаться вперед, поэтому я первой сделала шаг, не потому, что я храбрая, а просто отчаянно желая покончить с этим до наступления темноты. Дни были все еще короткими, и в мои планы не входило застрять на чердаке после захода солнца. Выкрашенные в лазурно-голубой цвет стены, на которых были нацарапаны слова «Помогите мне», исчезли. Осталась лишь потемневшая деревянная обрешетка, похожая на кости дома, с которых удалили плоть.

И там, между планками, был прорезан небольшой дверной проем, а за ним, почти параллельно ступеням, на которых мы стояли, виднелся пролет деревянной лестницы, ведущей вниз, в темную бездну.

– Дверь была там все время, – сказала Софи. – С пружинной защелкой, чтобы не было ручки, а швы были скрыты во фреске.

– То есть она была здесь до того, как нарисовали фреску, – сказала я, размышляя вслух.

– Необязательно. – Лицо Софи было задумчивым. Даже в своем нелепом одеянии она выглядела как профессор колледжа, кем, собственно, и была. – Лестницы очень старые. Предполагаю, они были частью первоначального дома, и эти ступени вели вниз, к туннелю, который использовался для контрабанды или других целей, которые следовало прятать от соседей.

Она подняла глаза, как будто мы были студентами, а она хотела убедиться, что мы следуем ее рассуждениям.

– Судя по копии чертежей реконструкции 1930 года, которые Джек и Мелани сделали для меня, не похоже, что кто-то знал о существовании этой лестницы. На чертежах ее нет, и она нигде не упоминается. Первоначальный дверной проем могли оштукатурить, когда нижний этаж был завален, и этот дверной проем могли добавить позже, после того, как лестница была обнаружена случайно, как сегодня. – Она указала на потолок над нами. – Насколько я могу судить, при изменении конструкции крыши не был предусмотрен дождевой сток. Осмелюсь предположить, что с тех пор, как в 1930 году была установлена новая крыша, здесь была постоянная протечка. Хотя за эти годы было сделано несколько ремонтов, они так и не устранили то, что, по сути, является недостатком конструкции.

– Ты это к чему? – спросила я.

– Где-то между 1930 годом и нынешним временем кого-то отправили на чердак, чтобы проверить течь в крыше, и он обнаружил лестницу за стеной, а затем решил спрятать небольшую дверную панель, которая давала доступ к старой лестничной клетке. – Софи протянула руку к верхней ступеньке и вытащила старую банку с краской, чья крышка и ручка были сплошь в ржавчине. – Я нашла это и поэтому склонна думать, что фреску нарисовали до того, как была сделана дверь, а потом рисунок слегка подкрасили. Это только цвет фона, что наводит меня на мысль, что добавление было сделано не первым художником.

– Самтер, – сказала я. – Амелия сказала мне, что Самтер нарисовал это для Хейзелл.

– Но зачем им понадобилась потайная дверь? – спросила Джейн, когда мы все шагнули вперед, чтобы лучше все рассмотреть.

– Понятия не имею, – сказала Софи.

Моя мать, которая до сих пор хранила молчание, подала голос:

– Потому что тот, кто ее установил, хотел сохранить это в тайне. – Она шагнула вперед и сунула голову в отверстие. – Это здесь вы нашли кота?

Заговорил Рич Кобилт, стоявший позади нее.

– Да, мэм, – сказал он, – бедняга внизу, у лестницы. С раздробленным черепом... либо упал с лестницы, либо... – Он не закончил, но я знала: воображение каждого из нас работает сверхурочно. – Я не фанат кошек, но это просто какой-то кошмар.

– Что еще там внизу? – спросила мать.

– А вот это самое интересное, – сказал Рич, почесывая затылок. – Когда я впервые спустился туда, мне показалось, что лестница заканчивается цементной стеной. В тот момент я увидел кота и едва не потерял от испуга штаны.

Я не стала говорить ему, что это было бы не слишком сложно, учитывая, как низко они сидели, и подождала, что он скажет дальше.

– Как бы то ни было, я решил вернуться за сумкой для кошачьих костей, как вдруг у меня возникло странное чувство, будто тихий голос велел мне прижаться к стене, что тянется рядом со ступенями. Вот так я ее и нашел... маленькую кнопку. И когда я ее нажал, внизу открылась дверь кладовой. Я вошел и закрыл ее за собой, и, черт возьми, вы ни за что не увидите, что она там, даже если вы это знаете. Тот, кто это построил, отлично знал, что делал.

Я встретилась взглядом с матерью. Слабый голос. Возможно, голос маленькой девочки. Может, Хейзелл хотела, чтобы он ее нашел? Потому что это что-то значило.

– Может, эту лестницу сделали для Хейзелл? – предположила Софи.

Я покачала головой.

– Эти ступеньки даже круче других. В ее состоянии Хейзелл не могла самостоятельно подниматься и спускаться по ним. К тому же последние несколько лет жизни она была прикована к постели.

Я вновь повернулась к Ричу.

– А больше ничего нет? – допытывалась я. Хотелось бы, чтобы это открытие дало как можно больше информации.

Рич как будто слегка смутился.

– У меня пока не было возможности посмотреть. Этот кот меня напугал, поэтому, как только я выскочил через ту дверь в кладовую дворецкого, я пошел за доктором Уоллен-Араси. А вообще, это просто куча деревянных досок, и будьте осторожны с ними. Некоторые покоробились от влаги. На них легко оступиться.

Рич умолк, а я поняла, что Джейн все еще что-то напевает и пока не проронила ни слова. Я повернулась к ней: ее кожа была сероатой, подчеркивая темные корни под светлыми волосами.

– Что не так?.. – начала я, но, заметив, что ее взгляд устремлен куда-то позади меня, обернулась.

Густая подвижная масса мух вокруг старого дверного косяка вздувалась и раскачивалась, их жужжание внезапно сделалось громче. Мы в немом оцепенении наблюдали, как они образовали шар, а затем вылетели на лестничную клетку и скрылись из виду.

Софи первой добралась до отверстия и посмотрела вниз.

– Их больше нет, – сказала она. – Не знаю, куда и как, но они улетели.

Позади меня раздался громкий стук. Я обернулась и увидела Джейн, лежащую на полу в глубоком обмороке. Ее падение смягчила подушка с кровати, которую я не видела там раньше. Я посмотрела в окно на заходящее солнце. В следующий миг мне в спину дохнул порыв холодного воздуха, а от почерневшей лестницы долетел тлетворный запах мертвой плоти.

Глава 24

Я медленно спускалась по лестнице в своем доме на Трэдд-стрит, прислушиваясь к успокаивающему тиканию напольных часов в притихшем доме. Я только что уложила сопротивляющуюся Джейн в кровать, дав ей таблетку ибупрофена. Близнецы уже давно были уложены в свои кроватки. Им полагалось спать, но я слышала лепет Сары. Кому он предназначался, не знаю. Нола и ее подруга Линдси уединились в спальне Нола, готовясь к экзамену по истории, который должен был состояться на следующий день.

Когда я поднялась к девочкам, чтобы принести тарелку печенья без сахара, я украдкой проверила, нет ли в комнате каких-либо признаков доски для спиритических сеансов. К моему удовлетворению, похоже, ее там не было.

Джек сидел за столом в гостиной, окруженный беспорядочными стопками бумаг, при виде которых у меня зачесались кончики пальцев, и делал записи в своем желтом линованном блокноте. Я подошла к нему, и он поднял глаза.

– Как Джейн?

– Нормально. Скорее смущена, чем больна. Она считает, что слишком надолго задержала дыхание и поэтому упала в обморок. Хотя это забавно... – Я вспомнила чердак и потайные ступеньки, и мой голос оборвался.

– Что забавно? – уточнил Джек.

– Нет, не забавно, а странно. Она сказала, что задержала дыхание, потому что зловоние было ужасным. Но, кроме нее, никто ничего не чувствовал, даже мы с матерью почувствовали запах лишь после того, как Джейн упала в обморок.

– Она моложе, – заметил Джек.

Я пристально посмотрела на него.

– Что ж, это документально подтвержденный факт, что по мере старения ухудшается обоняние.

– С моим обонянием все в порядке. И с обонянием моей матери. Мы чувствовали запах строительной пыли и плесени, но ничего даже близко похожего на гнилостный запах, который, по словам Джейн,

уловила она. Я чувствовала его, когда в последний раз была на чердаке с Софи, и сразу после того, как Джейн потеряла сознание.

Джек постучал ластиком по бумаге.

– Возможно, причина тому – ее живое воображение. У нее настоящий страх перед старыми домами, поэтому она, вероятно, уже подготовилась к худшему, вплоть до того, что подумала, что чувствует запах этого кота, хотя этот кот окошел много лет назад.

Он усадил меня к себе на колени.

– Надеюсь, Рич не обиделся, что она предпочла, чтобы я, а не он помог ей дойти до машины и отвез ее домой. Когда ты позвонила, я с детьми был практически перед домом, направляясь в парк, поэтому я не стал отказываться.

Я молчала, а Джек уткнулся носом в мои волосы.

– Думаю, она боялась, что он споткнется о штаны, если обе его руки будут заняты, – сказала я. – Но я рада, что тебе удалось увидеть дом. Ты должен вернуться туда в дневное время. Чем больше Софи рассказывает мне о ремонте дома, тем больше я начинаю понимать, почему Баттон решила переложить его на совершенно незнакомого человека. Любой из ее друзей подумал бы, что чем-то обидел ее и теперь она ему мстит.

Джек усмехнулся, его теплое дыхание щекотало мне затылок.

– Софи любезно разрешила мне взять с собой все эти фотографии из комнаты Баттон. – Он указал на рамки, которые теперь стояли на дальнем крае его стола. Заметив на них толстый слой пыли и потускневшие пятна, я решила почистить их завтра. Я не могла просить об этом миссис Хулихан. Джек вечно просил ее никогда ничего не трогать на его столе, и она не стала бы ни к чему прикасаться. Ее преданность поражала, и поэтому я попросила ее испечь мне шоколадные пирожные, но она отказалась.

– Я до сих пор не пойму, зачем они тебе нужны. – Я запрокинула голову, давая ему легкий доступ к моей шее.

– Они – всего лишь кусочки пазла. Писать книгу – сродни тому, как собирать пазл. С той разницей, что иногда появляется куча фрагментов, которые в нее не лезут, и порой это становится понятно лишь после того, как потратишь массу времени и сил, пытаясь заставить их встать на место. – Джек отстранился, и его взгляд упал на рамки. – Когда я пишу о реальных людях и реальных событиях, мне

нравится держать под рукой их фото. Это напоминает мне, о чем я пишу на самом деле. Помогает сосредоточиться. Хотя я до сих пор не знаю, что это за история.

Я взяла солонку из Алабамы, которую Джек тоже взял с собой, и рассеянно поводи́ла указательным пальцем по написанной на ней дате. 30 мая 1984 года.

– Единственное, что я знаю наверняка, – это то, что Самтер и Анна Пинкни обожали свою дочь. Особенно Анна. Она посвятила всю свою жизнь заботе о Хейзелл. Я с трудом представляю, каково это – видеть, как ваш ребенок чахнет на глазах, и никто не может сказать вам, почему или как вы можете это исправить. – Взгляд Джека был печален. – В основном Анна тащи́ла груз забот на себе. По словам моей матери, Самтер большую часть времени проводил в разъездах. Возможно, он чувствовал себя таким же беспомощным, как Анна, и предпочитал как можно чаще уезжать из дома. Или же... – Джек умолк.

– Или что?

– Или же Анна заставляла его чувствовать себя лишним, ненужным. Убеждала, что она единственная способна должным образом заботиться о Хейзелл.

Я, прищури́вшись, посмотрела на его записи и заметила слова «Архитектурно-строительная фирма Хейзелл», подчеркнутые трижды.

– Это что? – спросила я.

– Так называлась компания отца Анны. Она получила диплом архитектора в Университете Клемсона – ты это знала? И, даже выйдя замуж, первое время работала в отцовской фирме, но затем ушла, чтобы постоянно заботиться о Хейзелл.

– Твоя мать сказала, что компания отца Анны построила для Пинкни дом у озера. Именно так семьи и познакомились. Анна и Баттон практически выросли вместе. Неудивительно, что Анна в конце концов вышла замуж за ее брата.

Джек выпрямился и принялся перебирать стопки листов, пока не нашел то, что искал.

– Это письмо я нашел в архивах Розалинды, матери Баттон и Самтера, датированное ноябрем 1960 года. Оно от ее мужа. Речь в нем идет о доме в Алабаме, который, как я предполагаю, и есть тот самый дом у озера. Он пишет, что нанял местную пару молодоженов в

качестве зрителя и экономки. Предполагалось, что они будут работать там круглый год. Как будто супруги Пинкни и вправду намеревались использовать дом у озера в качестве второго жилья и хотели, чтобы он всегда был готов к их приездам.

– Интересно, – сказала я из вежливости. Старые письма давно умерших людей никогда меня не привлекали. Тем более что у меня были другие, более прямые способы общения с ними.

Джек взял из моей руки солонку и стал вертеть ее в руках.

– Кто-то написал на ней эту дату явно неспроста. Похоже, это единственное, что осталось от дома у озера. И это притом что, согласно письмам к Розалинде за несколько десятилетий, этот дом был любимым пристанищем для нее и ее семьи. Совершенно особое место, в котором все они стремились бывать как можно чаще.

– Откуда ты знаешь, что это единственное, что осталось от дома?

– От матери. Я спросил ее. И она сказала мне, что предлагала прислать грузчиков, чтобы те вывезли все из дома у озера, или продать до того, как дом будет затоплен. Баттон сказала ей, что все должно остаться нетронутым. Чтобы, вспоминая этот дом, она знала, что он все еще там, только под водой.

Подавшись вперед, он подтянул к нам фотокопию газеты.

– Это было после смерти Розалинды, поэтому я бы предположил, что Баттон вырезала заметку и положила ее в ящик матери, набитый корреспонденцией для потомков. Я прочел ее несколько раз, и одна вещь не дает мне покоя: семьи на озере и в городе знали, что будет, знали за целый год до этого. Моя мать даже предлагала Пинкни помочь им очистить дом и позаботиться о его содержимом. Однако Баттон и ее брат даже пальцем не пошевелили, чтобы спасти хоть что-нибудь. Только набор из солонки и перечницы, на котором написана дата.

– Причина могла быть какой угодно, Джек. Как сказала твоя мать, они хотели сохранить дом в целости, даже под водой, поэтому взяли только набор для специй. И вдруг в этот день умерла их любимая собака? Или это дата их первого поцелуя? Кто знает? Он хранился с остальной коллекцией в доме на Саут-Бэттери, где, предположительно, был всегда, а вовсе не был привезен из дома у озера. Мне кажется, ты предаешься полету фантазии.

Он продолжал постукивать карандашом по блокноту.

– Сколько лет назад это было... тридцать два? На самом деле это не так давно. Муж Розалинды сказал, что нанял местную пару... в 1960 году они были молодоженами. Возможно, они еще живы и даже живут в тех краях. Я вот думаю, а не съездить ли мне в Алабаму, посмотреть, что я смогу найти. – Он бросил карандаш и начал расстегивать мою блузку. – Мне определенно здесь не пишется, но, может, я смогу быть продуктивным в другом месте. А пока...

Он едва прижался губами к маленькому треугольнику кожи над моим бюстгальтером, когда раздался звонок в дверь. Джек неохотно откинулся назад и начал застегивать на мне блузку.

– Дверной звонок почему-то уверен, что знает, когда ему нужно звонить.

– Вероятно, кто-то пришел за Линдси. Уже почти десять часов.

Как по команде, напольные часы пробили четыре раза.

Джек подошел со мной к двери и открыл ее. Перед нами стоял Майкл Фаррелл, отец Линдси. Мужчины обменялись рукопожатием, а затем Джек извинился и пошел за Линдси. Чисто из вежливости я спросила у Майкла, не хочет ли он чего-нибудь выпить. Он удивил меня, сказав «да», и последовал за мной в кухню.

Налив ему из кувшина стакан холодного сладкого чая, я, чувствуя себя довольно неловко, села с ним за кухонный стол. Постепенно до меня дошло, что Майкл подыскивает слова, чтобы что-то сказать.

– Все в порядке? – спросила я первой. – У Линдси все хорошо?

Он сделал глоток чая и кивнул.

– Да, все в полном порядке. – Он пристально посмотрел на меня. – Я пытаюсь найти верный способ попросить вас об одном одолжении.

– Об одолжении? – удивилась я. – О каком именно? Что я должна сделать?

– Вообще-то, я хотел просить вас кое-чего не делать.

– Боюсь, я плохо понимаю...

– Я провел небольшое расследование касательно вас и вашей матери.

– Понятно, – сказала я и откинулась на спинку стула. Теперь мне стало ясно, к чему он клонит.

– Вероника сказала, что нанимала только вашу мать, но, судя по тому, что я прочел, вы также называете себя «экстрасенсом». Я,

конечно, могу понять, почему вы пытались уклониться от правды, когда мы говорили об этом на вашей вечеринке.

Я выпрямилась.

– Я не пыталась *уклониться* и не заявляла, что я экстрасенс, независимо от того, что вы, возможно, прочли.

Он скрестил руки и с сомнением наблюдал за мной, забыв про сладкий чай.

– Да, когда я спросил об этом Веронику, она призналась, что вы и ваша мать согласились помочь ей выяснить, что случилось с Адриенной. Я бы просил вас этого не делать, – добавил он, когда я ничего не ответила.

– Послушайте, Майкл, независимо от того, во что вы верите, а во что – нет, разве вы не хотите, чтобы ваша жена наконец узнала правду об убийстве ее сестры и обрела душевный покой?

Майкл положил руки на стол, и я заметила, что его кутикулы были все в заусеницах, как будто он их постоянно грыз. Он рассмеялся, но отнюдь не весело.

– Конечно, я хочу, чтобы моя жена обрела душевный покой. И Линдси тоже – второе имя Адриенны было Линдси, она вам говорила? Вероника взбудоражила нашу дочь рассказами о поисках убийцы своей сестры, и теперь они обе ни о чем больше не думают. Это просто что-то нездоровое.

– Но ведь я говорю то же самое! Есть новые улики, которые могут привести к убийце. А значит, есть надежда, что они обе наконец обретут душевный покой.

Он покачал головой.

– Нет! Новая улика ничего не значит. Даже детектив Райли согласен с этим. Вселять в них надежду, говоря, что вы можете при помощи какой-то чепухи раскрыть убийство Адриенны, на мой взгляд, жестоко. И я хочу, чтобы вы прекратили это делать. – Он подался вперед и понизил голос. – И это не просьба, а требование.

Я встала, скорее злая, чем напуганная.

– Мне жаль, что вы так думаете. Но, повторяю, ваша жена обратилась к моей матери...

Он отодвинул свой стул так быстро, что тот чуть не опрокинулся, и погрозил мне пальцем.

– Я читал о вас и ваших «приключениях» по поиску трупов. Я даже поговорил с репортером Сьюзи Дорф. Кстати, у нас с ней был хороший разговор о вас. О том, как вокруг вас постоянно появляются трупы. Легко выдать себя за «экстрасенса», не так ли? Звучит куда лучше, нежели инсайдерская информация.

Мы услышали за дверью Джека. Манера Майкла тут же смягчилась.

– Извините. Просто наша семья в страшном смятении из-за всей этой истории. И я просто хочу... чтобы все это поскорее закончилось.

Дверь открылась, и в кухню заглянул Джек.

– Вот вы где! Мы гадали, куда вы делись. Линдси готова идти домой. Они обе валяются с ног от усталости. – Джек широко распахнул дверь, давая нам пройти. Майкл снисходительно улыбнулся.

– Я умирал от жажды, и ваша прекрасная жена предложила мне выпить чаю.

Мы застали девочек в фойе – обе в помятой школьной форме и совершенно измученные. Я обняла Нолу за плечи, и она прижалась ко мне.

– Хотите узнать про приобретение Техаса?

– Звучит захватывающе, но не сегодня. Думаю, вам обеим пора спать. Кстати, Нола, сначала подними все с пола в своей комнате. Миссис Хулихан сказала, что она хотела бы завтра там пропылесосить.

Нола тут же отшатнулась от меня.

– Но я так устала! – заявила она и тотчас поникла, как будто целый день выкапывала камни и катила их в гору.

– Тебе следовало подумать об этом, когда ты бросала свои грязные носки на пол, а не в корзину для белья, – сказал Джек, и я с благодарностью посмотрела на него.

Мы попрощались, и я взглянула на Нолу – та медленно поднималась по лестнице, преувеличенно волоча ноги.

– Пора доить коров, вспахивать поле и кормить цыплят...

Я спрятала улыбку.

– Я лишь прошу тебя поднять вещи с пола в твоей комнате, Нола.

– ...укладывать сено в сарай, чинить трактор... – продолжала она, пока наконец наверху не хлопнула ее дверь.

Я хотела рассказать Джеку о своем разговоре с Майклом, но потом передумала. Его взгляд был напряжен, задумчив и хорошо мне

знаком: так всегда бывало, когда ему писалось с трудом. Я знала по крайней мере один способ помочь ему почувствовать себя лучше.

Я потянула Джека за руки.

– Ты готов подняться в спальню?

– Вообще-то, это странно, но с того момента, как ты спустилась после того, как уложила Джейн в постель, я чувствую небольшой прилив творчества. Я уже давно не пишу по ночам, но, учитывая, что в последнее время я почти не писал днем, думаю, пора его воскресить. – Словно предвидя мои протесты, он приложил палец к моим губам. – Только временно – пока не пойму, куда я направляюсь с этой книгой. Не забывай, у тебя будет Генерал Ли, он согреет твои ноги. И всегда есть утро. – Он многозначительно посмотрел на меня.

– Хорошо, – сказала я, уже скучая по Джеку в нашей постели и пытаюсь убедить себя в том, что Генерал Ли греет мои ноги намного лучше. – Как ты думаешь, почему ты именно сейчас получаешь эту небольшую дозу адреналина?

– Понятия не имею. Возможно, все дело в фотографиях и солонке. Наверное, мне просто нужны зримые опоры. Вот почему я теперь убежден, что мне надо на несколько дней съездить в Алабаму. Вдруг мне удастся поговорить с кем-то, кто помнит озеро Джаспер или же знает, чем знаменательно тридцатое мая 1984 года. Возможно, я хватаюсь за соломинку, но тут так много разных загадок и вопросов, что я убежден: где-то здесь кроется настоящая история.

Я запустила пальцы ему в волосы.

– Я буду по тебе скучать. Я бы поехала с тобой, не будь мой рабочий график забит до отказа... что на самом деле хорошо. Потому что лишних денег у нас нет. – Я не стала вспоминать жуков-древоточцев, которых Софи обнаружила в половицах в столовой, решив, что поберегу это на потом.

– Это всего на несколько ночей. Надеюсь, я найду новый материал, который вдохновит меня, и из него действительно получится книга.

Мой взгляд упал на стол в коридоре.

– Что здесь делает это фото? – спросила я, подходя, чтобы взять в руки фото в рамке с прикроватной тумбочки Баттон, на котором она и Самтер были на вечеринке. Я смотрела на их улыбающиеся лица, едва замечая неизвестную женщину, аккуратно вырезанную из кадра.

Джек подошел и взял фотографию у меня из рук.

– Без понятия. В последний раз, когда я на нее смотрел, она была на моем столе. Должно быть, Нола ее переставила. Напомни, чтобы я спросил ее утром.

Я присмотрелась к фото и впервые заметила дату, написанную мелким почерком выцветшими чернилами в правом нижнем углу фотографии.

– Семнадцатое марта 1984 года. Должно быть, вечеринка в честь Дня святого Патрика... поэтому на ней зеленое платье, а на нем галстук в зеленую полоску.

– Возможно, – согласился Джек, забирая у меня рамку.

Мы поцеловались, пожелали друг другу доброй ночи, и он, взяв с собой рамку, удалился в свой кабинет. Я медленно поднялась по лестнице, думая о разговоре с Майклом и о фотографии Самтера и Баттон на столе в коридоре. Я была уже на полпути вверх, когда напольные часы пробили четыре раза – четыре длинных удара, эхом отозвавшиеся в спящем доме.

Глава 25

Стоя в начале пешеходной дорожки, тянувшейся параллельно транспортному мосту через реку Купер, я смотрела на стальные тросы вантового моста Равенель. Мимо прогромыхала огромная фура. Я невольно отпрянула на шаг и снова взглянула на Софи.

– Что ты задумала? – спросила я. Солнце уже обжигало мне шею, а тени нигде не было видно. По словам Софи, она привезла меня в «новое место для занятий спортом». Я даже не подозревала, что на самом деле она вознамерилась лишить меня жизни.

– Я думала, мы совершим пробежку по мосту. Это всего десять километров – шесть целых две десятых мили для тех из нас, кто не знаком с метрической системой, – и тебе придется пройти только в одну сторону. Сегодня второе апреля, так что мы уже слегка опоздали, но, если начать тренироваться сейчас, мы сможем пробежать его в следующем году.

Я смерила ее пристальным взглядом и пошла прочь.

– Я подожду тебя в машине. Мне нужно кое-кому позвонить.

Софи побежала за мной и схватила меня за локоть.

– Я не предлагаю бежать сегодня шесть миль. Я лишь говорю, что мы каждую неделю делаем пробежку и постепенно увеличиваем дистанцию. Это все равно что отремонтировать дом – за один день этого не сделать.

Она широко улыбнулась, и мне захотелось ее хорошенько встряхнуть. Я подбоченилась и вновь посмотрела на мост.

– Я не знаю, Софи...

– Джейн сказала, что уже зарегистрировалась для участия в этом году.

Я тотчас наострила уши.

– Вот как?

Я посмотрела на группы пешеходов и бегунов на мосту. На вид они были всех возрастов, мужчины и женщины в спортивных костюмах, у некоторых были мускулистые икры и стройные бедра, но многие были больше похожи на меня.

– Самое замечательное в беге, – сказала Софи, как будто что-то вспомнив, – это то, что он сжигает столько калорий, что ты можешь время от времени побаловать себя пончиком, а стрелка весов даже не дрогнет.

Я нахмурилась, но к машине не пошла, и тогда Софи сразила меня наповал.

– Мы можем начать с ходьбы. Я установлю телефон на пятнадцать минут, и, когда он пискнет, мы повернем назад. Ни суеты, ни спешки.

Не знаю, что тому причиной: то ли то, что Джейн пробежала 6,2 мили, то ли то, что я съела пончик, но я опустила руки и прошла мимо Софи.

– Ладно, давай поскорее покончим с этим. Но сегодня у нас только ходьба. Боюсь, мне не по силам взбежать на этот подъем.

– Идет, – сказала она, догоняя меня, и энергично заработала руками.

Через полчаса мы вернулись на исходную точку. Софи почти не вспотела, я же тяжело дышала, как пес, который только что преодолел дистанцию в забеге собачьих упряжек, и была пропитана таким количеством пота, что ничего не подозревающий прохожий легко мог подумать, что я только что переплыла реку. Снова сев в «Приус» Софи, под работающий на всю катушку кондиционер, я ощутила что-то вроде гордости за себя любимую.

Софи повернула ключ в замке зажигания.

– Прежде чем я отвезу тебя домой, у тебя найдется несколько минут, чтобы заглянуть в дом Пинкни? Я нашла в комнате Баттон стопку фотоальбомов. И подумала, что мы могли бы сложить их в коробку и ты передала бы их Джейн. Пусть она посмотрит их и решит, что с ними делать. Боюсь, если мы оставим их в доме на время ремонта, они сильно испортятся.

Я посмотрела на свой телефон, затем на часы и, наконец, на всякий случай, на часы в машине.

– У меня в одиннадцать сделка, но я думаю, что смогу выделить около часа. Как ты думаешь, мы успеем?

Софи задумчиво выпятила нижнюю губу, посмотрела в зеркало заднего вида и, включив сигнал, выехала на Ист-Бэй.

– Безусловно. Не думаю, что это займет много времени.

Я недоверчиво посмотрела на нее, но не стала напоминать о том, что мой дом являл собой бесконечную строительную площадку, несмотря на все ее предыдущие заверения, что ремонт продлится не больше шести месяцев. С тех пор как начались реставрационные работы, я помирилась с обоими родителями, вышла замуж, родила двоих детей и обзавелась падчерицей, а дом все еще не был полностью отремонтирован. Мне просто не хватило воздуха в легких, поэтому я промолчала и прижалась лицом к вентиляционному отверстию кондиционера.

Когда мы приехали на место, я с облегчением увидела возле дома Рича Кобилта и нескольких рабочих. Не то чтобы я считала, что духи оставят нас в покое, если у нас будет численное преимущество, но это немного успокоило мои нервы, пока я не поднялась по ступеням к входной двери. Я стояла в фойе, прислушиваясь к уже знакомым звукам строительных работ: визгу пилы, стуку молотка, металлическому лязгу, скрипу лестниц и строительных лесов. До меня не сразу дошло, что я прислушиваюсь и к чему-то еще. А потом я это услышала. Или, вернее, почувствовала. И даже с некоторым облегчением вздохнула: занавес был отдернут, и между мной и миром духов не было преград. Я знала, это лишь вопрос времени, когда он откроет себя.

– Анна? – прошептала я, готовясь не удивляться, если кого-то увижу. – Хейзелл? – сказала я чуть громче. Мягкий топот босых ног по полу над нами был знаком того, что меня слышали. «Хейзелл», – подумала я. Но она еще не хотела, чтобы ее видели. Ощущала я присутствие и другого духа, который, я не сомневалась, был бедной Анной. «Не она ли сдерживает Хейзелл, – подумалось мне. – Интересно почему?»

Я последовала за Софи на второй этаж, а пока мы шли по коридору в спальню Баттон, чьи-то глаза как будто прожигали мне спину. Войдя, я затаила дыхание и поглядела на пустой, к моему счастью, стул, на котором когда-то была найдена кукла Эдисона.

– Есть какие-нибудь сведения насчет стоимости куклы? – спросила я.

Софи покачала головой.

– Пока нет. Джон взял ее на выставку антикварных кукол в Кливленде. Вероятно, именно поэтому мы в последнее время ничего о

ней не слышали. Есть какое-то правило о том, что духам нельзя пересекать воду?

– Не думаю, что есть какие-то «правила». А если бы и были, я уверена, наверняка было бы правило против дематериализации старых кукол, с запретом последующего появления там, где им быть не положено.

– Хорошая мысль, – сказала Софи, подходя к высокому зеркальному шкафу и открывая его. – Если ты вытащишь альбомы, я пойду поищу коробку, в которую мы их загрузим.

Я почти умоляла ее не оставлять меня одну и предлагала держаться вместе, но она уже вышла из комнаты. Убедившись, что дверь спальни распахнута настежь, я опустилась на колени перед шкафом и заглянула внутрь. Там были три аккуратно сложенные стопки альбомов в темно-коричневой коже с золотым тиснением на корешках, охватывавшие период с 1960 по 1985 год – год, когда озеро было затоплено. Осторожно, чтобы не повредить переплеты, я вытаскивала их один за другим и сложила в три стопки, но не по годам, а по десятилетиям. Я знала, Софи ожидала, что я рассортирую их по годам, и у меня чесались руки сделать именно это, но не хотелось вот так сразу оправдывать ее ожидания.

Софи вернулась с двумя коробками среднего размера, с названием фирмы по производству шпаклевки.

– Я поспорила сама с собой, что к тому времени, когда я вернусь, ты уже рассортируешь их по датам. – Она бросила коробки посреди комнаты. – Я выиграла.

– Ха! Они рассортированы только по десятилетиям, а не по годам. Но перед тем, как отдать их Джейн, думаю, это стоит сделать, чтобы ей было легче с ними работать. – Я не стала добавлять, что не усну, зная, что их сложили в коробку без всякого разбора.

Софи опустилась на колени рядом со мной и взяла первый альбом.

– Ты еще не заглядывала в какой-нибудь из них?

– Нет, – смущенно призналась я. – Слишком увлеклась их сортировкой.

Софи открыла обложку альбома за 1960 год.

– Похоже, что все эти фотографии сделаны в доме у озера. Даже если все альбомы хранились там, думаю, Баттон решила, что их стоит

вывезти. Немного грустно, что не осталось никого, кому эти фотографии были бы дороги.

Положив альбом себе на колени, я вперила взгляд в большую фотографию на первой странице. Это был один из старых магнитных альбомов, а не альбом архивного качества, какие Софи заставила меня использовать для всех моих семейных фото. Цвета начали блекнуть, лица бледнели и растворялись, как души, покидающие этот мир. На фотографии был изображен коттедж в стиле крафтсман с множеством веранд и кресел-качалок и длинный причал, пронзающий темные воды озера. Дом разительно отличался от особняка на Саут-Бэттери, как будто его создатели сознательно приложили усилия к тому, чтобы построить уютный семейный домик без всех излишеств и украшений городского дома. Семья из четырех человек – мать, отец, сын и дочь – стояли на причале на фоне дома и улыбались фотографу. Я подалась вперед, чтобы рассмотреть девочку, и как будто смутно узнала ее.

– Это Баттон, – сказала Софи. – Я осторожно сняла фотографию, чтобы посмотреть, не написано ли что-нибудь на обратной стороне. Беглый осмотр показал, что большинство, если не все фото, помечены. К сожалению, почти все надписи были сделаны синими чернилами, и некоторые уже начали просачиваться на оборотную сторону фотографии. Она указала на тонкую синюю жилку над головой матери. – Снимок сделан в первое лето семейства Пинкни на озере, и на нем запечатлена вся семья: Розалинда, Самтер-старший, Самтер-младший и Баттон. Ей лет восемь или девять.

– Они выглядят такими счастливыми, – сказала я, медленно листая страницы, глядя на загорелые лица и ноги членов семьи и друзей, весело проводящих время на воде, в доме и вокруг него в разное время года. Быстро пролистав все страницы, я вернула альбом Софи, чтобы она положила его в коробку, а сама вытерла ладони о штанины брюк, чувствуя себя так, будто меня только что поймали на шпионаже.

Положив еще несколько альбомов в одну из коробок, Софи вручила мне другой.

– На, посмотри.

Я перевернула альбом, чтобы взглянуть на корешок – 1967 год, – и начала перелистывать страницы, разглядывая выцветшие фотографии той же семьи. На них они все были уже старше. У них появились

новые друзья. На причале и во дворе устраивались пикники, десятки снимков разных людей в лодке и на водных лыжах, купающихся в озере, загорающих на причале.

Внезапно я замерла, узнав свою мать. На вид ей было лет пятнадцать-шестнадцать, и она выглядела как модель: в купальнике, длинноногая, с округлым бюстом. Она, Баттон и еще одна девушка были в купальных шапочках и относительно скромных закрытых купальных костюмах и лежали на полотенцах на причале, загора.

– Хорошо, что ее не было рядом, когда я была подростком. Если бы она посоветовала мне использовать солнцезащитный крем, я бы шантажировала ее этим фото. – Я сказала это в шутку, но у меня сдавило горло. Подростком я бы отдала все на свете, лишь бы иметь мать, которая заставляла бы меня пользоваться солнцезащитным кремом, советовала бы, как наносить макияж, или покупала бы мне хорошо сидящий бюстгальтер. Все эти вещи я была вынуждена открывать для себя сама.

– Это Анна, – пояснила Софи, указывая на третью девушку. Та щурилась в камеру, ее кепка скрывала волосы, и было трудно понять, как она выглядела. Я пыталась разглядеть в ее лице ту несчастную женщину, которой она стала, мать умершего ребенка, но ее лицо было для меня пустым полотном. Совершенно нечитаемым.

Пролистав оставшуюся часть альбома, я нашла еще больше снимков семьи, трех девочек и Самтера. Он был точной копией молодого Роберта Вагнера, и мне подумалось, что подружкам Баттон наверняка было трудно не обращать на него внимания. Однако где-то между Анной и моей матерью произошла ссора, и, несмотря на протесты Джинетт, я позволила себе предположить, что это произошло из-за Самтера Пинкни. Быстро пролистав все альбомы, я заметила, что фотографий моей матери становилось все меньше и меньше, а фотографий Анны и Баттон, Анны и Самтера – больше. Мои родители поженились в 1972 году, так что, возможно, именно это и стало причиной отдаления. А потом родилась я, и моя мать уехала в Нью-Йорк, чтобы продолжить свою певческую карьеру, а нас с отцом бросила.

– Грустно думать, что ничего этого больше нет, – сказала я. – Не только дома, но и большинства людей, их воспоминаний. Как будто ничего этого никогда не существовало.

– Это печально, – сказала Софи, складывая новые альбомы в одну из коробок. – Я чувствую то же самое, когда нахожу заброшенный или полуразрушенный старый дом. Как строение, более века бывшее семейным гнездом, может внезапно устареть? Особенно когда осталось так много всего, включая личные вещи. Как будто их просто стерли.

Я вручила ей последний альбом с тиснением на корешке – 1985 год.

– Подожди. Думаю, мы пропустили один. Последний, который я дала тебе, был 1983 года. Где же 1984 год?

Софи начала передвигать альбомы, вслух читая с корешков их годы.

– Восемьдесят второй, восемьдесят третий, восемьдесят пятый. – Она повернулась к другому ящику и проделала то же самое, читая годы подряд с 1960-го по 1979-й. – Его здесь нет. Подожди. – Она подошла к шкафу и, как и я, опустилась на колени и пошарила в темных углах, чтобы убедиться, что я ничего не пропустила. – Пусто, – сообщила она, нахмурившись. – Интересно, куда он делся?

– Возможно, когда Баттон привезла альбомы из домика у озера, его не было с остальными. Что печально, потому что, если его не взяли, он сгинул навсегда. Прямо как тот красивый дом.

– Необязательно, – сказала Софи, закрывая коробку. – Архитектурные чертежи все еще существуют, так что, при желании, его можно будет выстроить где-нибудь в другом месте. Я со своими студентами, работающими над другим проектом, побывала в архивах Исторического фонда и решила посмотреть, найдется ли что-нибудь об архитектурной и строительной компании Хейзелл. Потайная лестница и дверь были спроектированы не любителями. Мне любопытно их происхождение. Джейн разрешила мне использовать реставрацию дома в качестве проекта для моих аспирантов, и это очень важная деталь.

Софи выпрямилась, вручила мне одну коробку и, взяв другую, повела меня вниз по лестнице.

– Здесь большая часть, если не вся документация компании, в том числе чертежи зданий, которые они спроектировали и отреставрировали, – пояснила на ходу Софи.

– И? – сказала я и вся напряглась, так как, дойдя до площадки, вновь ощутила, что за мной наблюдают. Здесь явно было более одного присутствия; более того, периферийным зрением я видела, как они борются между собой. Я поставила коробку на перила, пытаюсь понять, безопасно ли идти дальше. Сделала шаг и замерла. Внезапно до меня дошло, что меня оберегают. От чего и кто, я точно не знала. Дойдя до фойе, я поставила свою коробку на коробку Софи, силясь сделать вид, будто даже не запыхалась.

– В любом случае, – как ни в чем не бывало продолжила Софи, как будто она только что не стащила вниз по лестнице тяжелую коробку, – имя Анны стоит на многих проектах. Значит, это был действительно семейный бизнес, и отец указал ее имя на бланке не для того, чтобы просто сделать ей приятное. Я имею в виду, что у нее был диплом архитектора, так что это имеет смысл. Но это было в начале семидесятых, когда дизайн и строительство все еще были исключительно мужским занятием.

Я задумчиво пожевала губу.

– Значит, у Анны имелись знания, позволившие ей спроектировать на чердаке потайную дверь, как только лестница была обнаружена?

Софи кивнула в знак согласия.

– Не говоря уже о двери в кладовую дворецкого – она сделана так хитро, что ее практически не видно. Старая лестница продолжается за цементной стеной, что заставляет меня думать, что когда-то ею определенно пользовались для выхода наружу, а вход в кладовую дворецкого был добавлен позже.

– А до этого была дверь, ведущая с чердака на старую лестницу?

– Определенно была. Судя по доскам, становится очевидным, что когда-то существовало отверстие больших размеров, которое, похоже, заделали, когда нижний уровень был завален и ступеньки больше никуда не вели. Из чего напрашивается вывод, что и новая потайная дверь на чердак, и доступ к кладовой дворецкого были устроены одновременно, и, поскольку семья Анны занималась строительным бизнесом, вероятно, она знала художника, который смог воспроизвести нарисованную Самтером фреску, и никто даже не заметил бы на ней потайной двери.

– Но к чему все эти лишние хлопоты? Как ни поднимайся на чердак, по потайной лестнице или по обычной, придется преодолеть

одинаковое количество ступеней.

Она в упор посмотрела на меня.

– Меня тоже мучил этот вопрос. И единственный ответ, который приходит мне в голову, состоит в том, что тот, кто их построил, – а я полагаю, что это была Анна или, по крайней мере, это было сделано по ее указанию, – хотел держать свои приходы и уходы в секрете.

– Это не имеет смысла. Анна была матерью Хейзелл, она заботилась о ней, поэтому, разумеется, часто ходила туда-сюда.

– Если только... – сказала Софи и умокла.

– Если только что?

– Если только она не пыталась скрыть приходы и уходы кого-то еще.

Я нахмурилась.

– Но кого? Было бы неплохо поговорить либо с самой Анной, либо с Хейзелл. Они обе здесь... сейчас. Я их чувствую. И думаю, что могла бы даже увидеть их, если бы они захотели – меня больше ничто не блокирует. Но одна из них не хочет, чтобы ее видели, а другая защищает меня.

– Защищает тебя?

Я кивнула.

– Понятия не имею, от чего, но у меня определенно такое чувство.

Софи подтолкнула коробки ногой.

– Давай отнесем это в мою машину.

– Сначала мне нужно в туалет. Мой мочевого пузырь еще не восстановился после беременности и, похоже, все еще размером с арахис. Здесь есть туалет, которым можно воспользоваться?

– Да, рядом с комнатой Баттон. Я слегка привела его в порядок, так как мои студентки жаловались, что им приходилось пользоваться биотуалетами на улице.

– А внизу туалетов нет?

– По крайней мере, исправных нет.

И зачем только я послушалась Софи и выпила целую бутылку воды! Я посмотрела на лестницу, взвешивая возможные варианты. Я уже ходила туда и обратно без происшествий, поэтому было логично предположить, что смогу сделать это снова. Главное, сделать это быстро.

– Я туда и назад, – сказала я и бросилась вверх по лестнице, исполненная решимости вернуться вниз прежде, чем несчастный дух поймет, что я вновь наверху. Я быстро прошла через комнату Баттон в ванную, причем дверь оставила открытой. В маленьком помещении не было окна, и, когда я нажала на выключатель, загорелась только одна лампочка. Наверху никого не было, и я не собиралась здесь задерживаться. Разве что одним глазком еще раз загляну в спальню.

Напевая «Танцующую королеву», я потянулась к резинке спортивных штанов и замерла, ощутив явственное движение воздуха, слияние света и тьмы. Температура упала, я вздрогнула, но не от холода. Мое ухо уловило какой-то звук, как будто кто-то легонько постучал в открытую дверь. Я посмотрела в пустое пространство, зная, что там что-то есть и, при желании, я могу это нечто увидеть.

– Анна? Хейзелл? – прошептала я и подождала. Мое дыхание вылетало белыми беззвучными облачками.

Несколько долгих мгновений я стояла неподвижно, просто ждала. Я хотела сказать им, чтобы они уходили, что они здесь никому не нужны и что дом теперь принадлежит Джейн. Но за годы, прошедшие с тех пор, как мать вернулась в мою жизнь и мы с ней отправили других беспокойных духов в следующий этап их странствий, я уяснила для себя одну вещь: это не так просто. Как бы сильно нам этого ни хотелось.

Я сделала глубокий вдох.

– Пожалуйста, давайте я вам помогу. Вам больше не нужно здесь находиться. Просто позвольте мне вам помочь.

Дверь захлопнулась так стремительно, что задела мое лицо. Я с удивлением отпрянула и обнаружила, что стою перед раковиной и смотрю в старинное зеркало, у которого отслоилась половина посеребренной основы.

«Уходите прочь». Эти слова эхом отдались в моей голове. Барабанные перепонки звенели от их пронзительного крика. Мою шею тотчас обожгла боль, кожа саднила, как будто поцарапанная. Мне хотелось кричать, и я уже кричала. А затем я увидела позади себя белокурую женщину с растрепанными волосами и пустыми глазами, чью шею опоясывал темно-фиолетовый рубец. В следующий миг лампочка взорвалась, и я погрузилась в кромешную тьму.

Глава 26

Должно быть, я отчаянно царапала дверь в ванную, потому что к тому моменту, когда Софи повернула ручку – она утверждала, что та была не заперта – и открыла дверь, я сломала три ногтя, а кожа на затылке горела огнем.

– Что случилось? – спросила Софи, схватив меня за плечи, когда я ввалилась в спальню. Я была благодарна за поддержку. Если честно, не знаю, смогла бы я устоять без нее.

– Анна, – выдохнула я. – Это была Анна. Я видела ее... в зеркале. У нее были... синяки. – Не в силах произнести это вслух, я молча указала на свою шею.

– Синяки на шее? Как при повешении?

Я кивнула.

Она убрала мои волосы с шеи.

– Что случилось?

Я потрогала затылок, и моя рука снова стала липкой от крови, соль с кончиков моих пальцев обожгла рану.

– Она оцарапала меня. И велела мне убираться.

Софи схватила меня за руку и потащила к двери.

– Давай вытащим тебя отсюда. Сможешь спуститься по лестнице?

Я умолкла, проверяя воздух вокруг себя, чтобы убедиться, что Анна ушла, затем кивнула. Схватив за руку, Софи повела меня вниз по лестнице и вывела из дома к своей машине. Она включила кондиционер, и я села. Кстати, обе коробки уже стояли на заднем сиденье.

– Как ты думаешь, что это было? – спросила Софи. Ее глаза в буквальном смысле лезли на лоб, волосы от влажности закручивались в кудряшки и стояли дыбом.

– Я не уверена, но могу сказать одно: именно Анна не хочет нас там видеть. А Хейзелл уравнивает материнский гнев. Я слышала о духах-собственниках, которые не терпят в доме посторонних. Анна, похоже, слегка переборщила. И я понятия не имею, почему Хейзелл все еще там – если только она не служит барьером между ее матерью и живыми.

– Я склонна согласиться с тобой, за исключением последнего. – Софи потянулась к моему сиденью и вытащила холщовую сумку для походов за продуктами – одну из тех, которые она всегда хранила в своей машине. Софи бросила ее мне на колени, и то, что лежало внутри, перекатилось и стукнулось друг о друга.

– Открой, – сказала она.

Я так и сделала и, сунув руку внутрь, вытащила подставку от разбитого снежного шара, на которой пластиковыми буквами ярко-зеленого цвета было написано слово «Сакраменто». Две задние ноги лошадки «Пони-экспресса» прилипли к основанию, передние копыта были отломаны.

– Я обнаружила четыре разбитых снежных шара, когда поднялась на чердак, чтобы сказать рабочим, куда им все переместить. Подставки стояли аккуратным кругом, как будто их разбили намеренно и с определенной целью. Я бы даже сказала, что их разбили таким образом, чтобы причинить наименьший ущерб. Как будто кто-то пытался послать сообщение, а не просто разрушать все вокруг себя.

– Когда там никого не было? – спросила я, роюсь в сумке. Я вытащила еще два, один – из Индианаполиса, а другой – из Каламазу, и осторожно их опустила.

– Да. Странно, не правда ли? Я подумала, это может что-то значить, поэтому собрала все подставки, включая те три, которые были сломаны, когда ты была там с Джейн, и попросила одного из моих студентов взять плоскогубцы и удалить все осколки стекла. Я положила их сюда для тебя. На тот случай, если один из призраков – или оба – попытаются нам что-то сказать.

– Спасибо, – сказала я и, на мгновение закрыв глаза, откинула голову на сиденье. Однако я тотчас открыла их снова, когда на внутренней стороне моих век промелькнуло лицо Анны с пустыми глазами. Я совершила ошибку, потрогав затылок, и поморщилась.

– Давай я отвезу тебя домой, – предложила Софи. – Тебе нужно промыть эти царапины и чем-нибудь их смазать. Мне позвонить Джеку?

– Он в Алабаме. Он увлекся историей Пинкни и затопленным городом и надеется узнать больше о семье и, возможно, что-нибудь о связи с Джейн. Это маловероятно, но ему отчаянно требуется идея для следующего сюжета и что-то такое, что дало бы ей толчок. Он

надеется, что в истории Джейн есть что-то еще, и, если это так, он полон решимости это выяснить.

Софи включила двигатель, но, прежде чем дать задний ход, повернулась ко мне.

– Ты какая-то бледная и все еще дрожишь. Хочешь, я останусь с тобой? Я могу попросить, чтобы меня кто-нибудь заменил в колледже. И обещаю не гадать на картах Таро.

– Нет, спасибо. Я в порядке. Просто рада, что мы вышли из этого дома.

Мы обе посмотрели на внушительный белый особняк, и Софи свернула с подъездной дорожки на Саут-Бэттери. Пока она следила за движением транспорта, я не сводила глаз с чердачного окна, не в силах избавиться от чувства, что кто-то наблюдает за нами. Ждет, когда мы, наконец, уедем. Софи выехала на улицу и, поддав газу, покатила на север, к Трэдд-стрит. Я на прощание оглянулась на дом и увидела на портике черного кота. Медленно виляя хвостом, он смотрел на меня своим здоровым глазом, стоя между двух кованых балясин, пока не исчез из вида.

* * *

Я сидела на полу детской с близнецами, складывая кубики, а младенцы раз за разом их рушили и каждый раз покатывались от смеха. У меня же было сильное подозрение, что мы можем делать это всю ночь напролет, и эти двое не устанут от игры. У Джейн был выходной. Я одела детей в одинаковые пижамки и не поленилась после ванны высушить им феном волосы, чтобы те не выглядели такой же мочалкой, как у Софи. Утром я планировала первым делом прийти в детскую, чтобы завязать Саре банты и выложить одежду близнецов на день, прежде чем это сделает Джейн.

Я взглянула на часы: до отхода малышей ко сну оставалось еще полчаса. «Интересно, – задумалась я, – нарушит ли это их режим сна, если я несколько следующих ночей буду спать на полу между их кроватками»? Впервые после нашей свадьбы мы с Джеком спали раздельно, и меня убивала мысль о том, что придется спать в нашей постели одной. Генерал Ли не в счет.

Раздался короткий стук в дверь, и в детскую вошла Нола в сопровождении двух скачущих щенков и чинно шествующего Генерала Ли. Порги и Бесс немедленно налетели на кубики и сидевших на полу малышей. Сара и Джей-Джей покатались со смеху.

– Тебе следует снять на видео детей и щенков и выложить ролик на YouTube. Сможешь заработать кучу денег, – сухо сказала Нола. – С таким-то избытком милоты!

– Что такое YouTube? – спросила я.

Она на миг уставилась на меня, как будто была не уверена, шучу я или нет.

– Как-нибудь покажу. – Она села рядом со мной и усадила малышей на колени. Щенки тем временем затеяли возню, пока Генерал Ли по-родительски не твякнул на обоих, после чего оба проказника устроились на полу рядом со своим папашей.

– Насколько я понимаю, сегодня у Джейн отгул? – спросила я.

– Это видно по пижамкам в тон. Джейн не слишком... как бы это помягче выразиться... заморачивается по поводу того, во что они одеты. Я это к тому, им же не нужна особая форма, чтобы всем было видно, что они наши?

Я прищурилась, но ничего не сказала. Я слишком устала от всех событий дня, не говоря уже о том, что на меня напал призрак. У меня просто не было ресурсов, чтобы защитить себя или объяснить, почему я поступила так, как поступила. Наверное, я и сама этого толком не понимала.

– Так как папы здесь нет, я уже выгуляла собак, тебе не нужно этого делать.

– Спасибо, Нола. Я это ценю.

Она нахмурилась, что означало, она хочет сказать что-то еще. Я замолчала, ожидая, что она заговорит первой.

– Я пыталась вывести их через черный ход, но они ни в какую. Трудно сдвинуть с места двенадцать собачьих лап, чтобы заставить их спуститься по ступенькам, поэтому я вывела их через переднюю дверь.

– Прекрасно их понимаю, – сказала я. – Я тоже избегаю черного хода, и, вероятно, по той же самой причине.

Мы обе в знак взаимопонимания приподняли брови.

– К сожалению, Меган сломала ногу, и это задерживает процесс раскопок. Придется подождать какое-то время, прежде чем они

возобновятся.

Нола задумчиво нахмурилась. Меж тем Сара соскользнула с ее колен и поползла к комоду, на который я поставила сумку, что вручила мне Софи. Я совершенно забыла о ней. Вообще-то я собиралась оставить ее внизу, но она болталась у меня на руке, когда я несла коробки с альбомами в кабинет Джека, а затем бросилась наверх, чтобы увидеть детей. Почему-то мне отчаянно захотелось их увидеть. Погладить их шелковистые волосы и мягкую кожу, ощутить, как их ручонки обнимают меня за шею. Было в этом нечто умиротворяющее.

Я повернулась к Ноле.

– Твой отец спрашивал тебя про фоторамку, что стояла на его столе? Она внезапно снова появилась в фойе, и мы подумали, вдруг это ты ее переставила. Но почему?

– Ты серьезно? Думаешь, я пойду в кабинет отца и что-то там переставлю? Я слишком дорожу своими пальцами. Так что нет. Если подумать, я давно не заходила в эту комнату, даже чтобы поиграть на пианино. Музыка все еще отказывается меня слушаться... по крайней мере, здесь. Если я в парке или где-то еще, то все в порядке.

Я нахмурилась, не зная, что расстраивало меня больше – тот факт, что у Нолы творческий кризис, или то, что она не передвинула рамку. Впрочем, миссис Хулихан и Джейн тоже. Сара подтянулась возле сундука и, встав на ножки, шлепнула по нему обеими ладошками.

– Что это? – спросила Нола, стоя с Джей-Джеем на руках. Мой сын был готов часами сидеть на ручках.

– Это принадлежит Джейн. Это все, что осталось от семи снежных шаров, разбившихся на чердаке дома Пинкни. Они – часть коллекции, принадлежавшей Хейзелл Пинкни – девочке, которая умерла.

– Как они разбились? – спросила Нола, одной рукой осторожно вытаскивая обломки из сумки. Затем она принялась ставить их в ряд на комод.

– Хороший вопрос, – сказала я, вставая, чтобы взять Сару, которая теперь подпрыгивала от волнения. – Полагаю, что первые три были разбиты, чтобы привлечь наше внимание, а Софи, похоже, считает, что последние четыре разбились не случайно. По ее словам, их поставили на край намеренно.

Сара забеспокоилась и потянулась к подставкам, но я, зная об острых краях стекла, ее удержала.

Нола поморщилась.

– Зачем Софи отдала их тебе?

– На всякий случай, если они представляют собой какое-то послание. Я подумала, что отдам их Джейн, и пусть она сама решает, что с ними делать.

Сара неожиданно забилась в истерике. Я попыталась дать ей соску, но она тут же ее выплюнула.

– Минуту назад она была в полном порядке. Понятия не имею, что с ней случилось, – сказала я, подкидывая Сару на бедре и отходя, но она выгибалась дугой и продолжала тянуться к остаткам снежных шаров.

Нола подняла выкрашенную в серый цвет подставку, на которой подвесной мост все еще пересекал синюю ленту реки, а по краю серебряными пластиковыми буквами тянулось слово «Цинциннати». Нола протянула ее Саре, но в руки не дала. Моя дочь покачала головой, а затем решительно взмахнула руками, мол, убери.

– Что ты делаешь? – спросила я, а про себя подумала, может, мне следует измерить Саре температуру?

– Подожди.

Нола подняла шар из Оттавы, а затем из Сакраменто. Реакция на оба была одинаковая.

– Нола, – сказала я, из последних сил пытаюсь удержать извивающегося ребенка. – Думаю, достаточно.

– Еще один, – не унималась Нола и, схватив тот, что из Майами, показала его Саре. Та немедленно успокоилась, поудобнее устроилась у меня на руках и положила голову мне на плечо, чтобы показать, что она устала. Указав на все, что осталось от снежного шара Майами, она сунула палец в рот и удовлетворенно вздохнула.

Я встретилась с Нолой взглядом.

– Майами? – Она пожала плечами, и это движение рассмешило Джей-Джея. – Может, ей просто нравится Майами?

– Или в этом снежном шаре есть нечто такое, о чем она пытается нам рассказать.

– Верно, – сказала Нола, положив подбородок на макушку Джей-Джея. – Или кто-то пытается сказать нам через нее.

Я думала то же самое, но не хотела говорить об этом вслух. Однако теперь, когда Нола это сказала, я не могла оставить ее слова без внимания.

– Давай уложим детей спать, а потом я вынесу отсюда эти вещи.

– Что ты скажешь Джейн? – спросила Нола, осторожно опуская Джей-Джея в его кроватку, и, прежде чем накрыть его одеялом, дала ему соску.

– Может, просто вручу ей пакет разбитых снежных шаров и скажу, что это был несчастный случай? Что, в общем-то, близко к правде. Потому что, если сказать ей всю правду, боюсь, она с истошными воплями убежит от нас в ближайший лес.

Поцеловав Сару в лоб, я осторожно положила ее в кроватку и накрыла одеялом, по цвету гармонировавшим с одеялом Джей-Джея. Нола открыла дверь, чтобы выпустить собак, и подождала меня в коридоре. Я тем временем осторожно сложила подставки в пакет и присоединилась к ней.

– Ты вправду думаешь, что она убежит? – спросила Нола. – Помоему, она гораздо спокойнее, чем обычный человек, воспринимает странные вещи, которые происходят вокруг тебя.

Я в упор посмотрела на нее. Мне вспомнилось, как мы с Джеком говорили о том же самом и пришли к выводу, что, вероятно, это потому, что Джейн выросла в приемных семьях. Она рано сделала для себя вывод, что нельзя удивляться, расстраиваться, пугаться, не рискуя удостоиться ярлыка «неуживчивая». Именно это помогло ей стать такой хорошей няней. Она знала, как за короткий промежуток времени впитать семейные ритмы, приспособиться и органично вписаться в чужую жизнь. По крайней мере, так сказал Джек. Я так старалась скрыть от нее странные вещи, что убедила себя, будто это у меня хорошо получается.

– Не знаю, – сказала я. – Но я не хочу раскачивать лодку и расстраивать Джейн. Если у меня получится придумать, как избавиться от призраков в ее новом доме, ей не нужно ничего знать.

Нола скептически посмотрела на меня. На мое счастье, я была избавлена от необходимости что-то говорить – зазвонил мой телефон, знакомой мелодией «Танцующая королева». Я вытащила его из кармана и посмотрела на экран.

– Это твой отец. – Я сунула Ноле пакет. – Положи их в шкаф или куда-то еще, пока я не объясню Джейн, что это такое. Хочу ответить на звонок.

Она взяла сумку, показала мне большой палец и, сопровождаемая обоими щенками, направилась в свою комнату. Генерал Ли остался рядом со мной.

– Привет, – сказала я, прислоняясь к закрытой двери спальни.

– Привет, красотка. – Голос Джека по телефону всегда сотрясал все мое естество, но сегодня эффект казался усиленным, наверно, из-за его отсутствия и из-за того, что я так по нему скучала.

– Я скучаю по тебе, – призналась я, стараясь не показаться слишком жалкой.

– Не так сильно, как я по тебе. Как там Нола и близнецы?

– У нас все хорошо. – Я приняла внезапное решение не рассказывать ему про утренний эпизод. Зачем лишний раз волновать его? В любом случае, он ничего не мог с этим поделать. – Скучаю по тебе. Все время, пока я пыталась кормить Сару на ее высоком стульчике, она поглядывала на дверь кухни, как будто ожидая, что ты вот-вот войдешь. – Я умолкла, вспомнив свой разговор с Нолой. Внезапно до меня дошло: на самом деле могли быть другие причины, почему моя дочь тарасилась на черный ход. – Не могу дождаться, когда ты вернешься домой.

Я говорила слезливо, но мне было все равно. Я жутко скучала по нему. Трудно было поверить, что в течение первых сорока лет моей жизни я была одинока, а потом Джек Тренхольм вошел в мою жизнь и перевернул ее с ног на голову. В буквальном смысле.

В трубке воцарилось короткое молчание.

– Собственно, поэтому я и звоню. Мне нужно провести здесь еще одну ночь.

Я промолчала, боясь, что заплачу и выставлю себя круглой идиоткой.

– Все зацепки привели в тупик, и я подумал, что, вероятно, вернусь на день раньше. Я уже собирался уехать из города, но остановился у публичной библиотеки. В ней хранятся исторические архивы всего округа, в том числе архивы затопленного городка.

Услышав волнение в его голосе, я сосредоточилась на нем, а не на собственном разочаровании.

– И что ты нашел?

– Я поговорил с архивистом, симпатичной особой по имени Мейбл, и, когда я сказал ей, что ищу информацию о семье Пинкни и об их доме на озере Джаспер, она очень обрадовалась. Ее старшая сестра была там экономкой... это о ней говорилось в письме Розалинды. Ее муж, ныне покойный, был смотрителем. Ее зовут Рена Олсен, и Мейбл дала мне ее номер телефона. Я позвонил ей, и она сказала, чтобы я приехал завтра. Она живет в доме престарелых в Бирмингеме, так что предстоит покрутить баранку, но я чувствую, что оно того стоит. По ее словам, она давно хотела рассказать свои истории, но ждала, когда кто-нибудь ее попросит. Она сказала, что забрала из дома, прежде чем его затопило, тостер и еще несколько предметов и чувствует себя виноватой. Похоже, она хочет отпущения грехов или что-то в этом роде. Завтра я наверняка узнаю больше.

Увы, я не могла разделить его энтузиазм. Мне показалось, старуха просто искала, с кем поговорить. Но это была его работа – исследовать все закоулки, даже если они ведут в тупик. И даже тогда, когда лично я считала это пустой тратой времени.

– Это замечательно, Джек. Заодно спроси у нее, говорит ли ей что-нибудь название города Майами. – Я вкратце рассказала ему о разбитых снежных шарах Хейзелл и странном поведении Сары.

– Не совсем понятная зацепка, но я обязательно спрошу ее. И как только закончу беседу, сразу поеду домой.

– Ты позвонишь мне, как только закончишь? – Мне были ненавистны жалобные интонации в моем голосе, но я слишком устала, чтобы их скрывать.

– Конечно. Но только если ты согреешь мою сторону кровати.

– Обязательно. Спокойной ночи, Джек.

– Спокойной ночи, Мелли.

– Я люблю тебя, – сказала я, прежде чем сообразила, что он уже положил трубку.

Я уронила телефон на прикроватную тумбочку, прислонилась к боку высокой кровати и, пытаясь сдержать свои эмоции, погладила уши Генерала Ли. Он перевернулся на спину, чтобы я могла пощекотать ему пузо, отчего нам обоим стало немного легче.

Через несколько секунд я выпрямилась и направилась к своему шкафу, как вдруг услышала позади себя странный звук. Я оглянулась

на Генерала Ли. Тот крепко спал, задрал вверх все четыре лапы, но я была почти уверена, что услышала вовсе не собачий храп. Мой взгляд скользнул по комнате и остановился на комодe напротив кровати, где я поставила три дополнительных будильника. Я затаила дыхание... не потому, что все часы все еще показывали десять минут пятого, хотя я несколько раз ставила правильное время. Кто-то протолкнул между ними рамку с фотографией Баттон и Самтера. Блик на стекле заслонил картинку, заменив ее длинной полоской света, очень похожей на палец.

– Оставь меня в покое, – сказала я, слишком измученная, чтобы столкнуться с чем-то еще. Я повернулась и была почти у двери шкафа, когда скорее почувствовала, чем услышала, как рамка прорезала воздух позади меня и, ударившись о дальнюю стену, с мягким стуком упала на коврик.

Я не стала останавливаться, быстро закрыла за собой дверь шкафа и сделала вид, будто ничего не случилось.

Глава 27

Я сидела на веранде, пытаюсь разобраться с бумагами, и делала вид, будто наслаждаюсь великолепной погодой, а не караулю, как пес, чтобы первой узнать о возвращении Джека. Я сидела в кресле-качалке мистера Вандерхорста, упорно пытаюсь понять, как люди могут просто сидеть и смотреть на мир. Время от времени я ловила себя на том, что восхищаюсь кашпо с пурпурными и огненно-красными цветами, которые мой отец развесил на веранде, и слушала журчание фонтана, из-за которого, к сожалению, то и дело бегала в туалет. Я быстро посмотрела на свои бумаги, чтобы напомнить себе, что мне просто непозволительно сидеть на крыльце и смотреть, как бесцельно проходит жизнь.

Входная дверь за моей спиной открылась, и рядом со мной выросла Джейн.

– Мелани, у вас найдется минутка?

– Конечно, – ответила я, чувствуя, как во мне шевельнулось дурное предчувствие, и указала на кресло-качалку рядом с собой. Джейн продержалась на неделю дольше, чем все предыдущие няни, вместе взятые, и я уже решила, что ни за что ее не отпущу. Я уже готовила перемирие по поводу одинаковых костюмчиков для детей и маркировки в дополнение к значительной прибавке к жалованью, если вдруг она решит подать заявление об уходе. Мне казалось, что это произойдет со дня на день.

– Пока Джей-Джей и Сара спят, я решила попробовать рецепт из поваренной книги детского питания, которую вам дала Софи.

– Хорошо, – сказала я. Я хотела напомнить ей, что в наши дни готовое детское питание можно купить в магазине, но вовремя прикусила язык. Она выглядела смущенной, как будто ей хотелось сказать что-то еще. Я напряглась. Крепко сжала колени, вцепилась в ручки кресла-качалки и попыталась улыбнуться.

– Но сначала я хотела спросить вас вот об этом.

Она подняла солонку, которую мы взяли из дома Пинкни и которую я в последний раз видела на столе Джека.

Я выпрямилась.

– О, Джек просто одолжил ее на время в качестве зримой опоры. По-моему, он спросил разрешения взять ее из дома.

На носу Джейн образовалась небольшая морщинка.

– Нет, в смысле, да, спросил. Я просто хотела знать, почему сегодня утром она оказалась у меня на прикроватной тумбочке.

– Неужели? – спросила я.

Джейн как будто растерялась.

– Да, я уверена, что вчера вечером ее не было, но она была там, когда я проснулась, и я подумала, вдруг это вы поставили ее туда.

– Почему вы решили, что это сделала я?

Джейн пожала плечами.

– Понятия не имею. Я подумала, вдруг это из-за того, что на ней дата моего рождения, и вы решили, что я захочу ее оставить в качестве сувенира. Но, как я сказала Джеку, он может оставить ее себе. – Она подняла солонку, чтобы я могла четко прочитать дату. 30 мая 1984 года.

Я покачала головой.

– Это не я. Возможно, она была у Нолы в руке, когда она вошла в вашу комнату, чтобы вызволить одного из щенков, и случайно там ее оставила. Кстати, похоже, им там нравится. Думаю, нам следует починить защелку, потому что они легко открывают вашу дверь.

– Возможно, – сказала Джейн. – Я могу починить сама. Это несложно. – Она встала. – Думаю, я просто поставлю ее обратно на стол Джека. И, пожалуйста, не беспокойте Нолу. Клянусь, эти щенки – сущие ниндзя. Мне бы хотя бы часть их энергии.

– Мне тоже. – Я посмотрела на ее безмятежное лицо и услышала в голове слова Джека. *«Она привыкла приспосабливаться и не жаловаться. Принимать неприемлемое. Ведь от этого зависело, останется она в семье или ее попросят уйти».*

Она посмотрела через мою голову на улицу, и ее улыбка сделалась шире.

– Лучше положить это обратно прямо сейчас. Похоже, Джек вернулся.

Она вошла внутрь, а я аккуратно сложила свои бумаги в стопку и встала, приглаживая волосы и одежду. Я открыла дверь на веранду и, пока он поднимался, ждала на ступеньках, гадая, что в нем особенного? В кои-то веки я пожалела, что я без очков. Хотелось бы

прочитать выражение его лица, а не терзаться вопросом, почему, заметив меня, он как будто замедлил шаг.

– Мелли, – сказал он скорее удивленно, чем радостно. Взбежав по ступенькам, он встал рядом со мной, уронил сумку на пол и крепко обнял меня. – Я так по тебе скучал, – сказал он, зарывшись лицом мне в волосы. Я тотчас почти забыла момент тревоги, который испытала всего несколько секунд назад.

– Я тоже, – сказала я, расслабляясь в его объятиях. Как же здорово, что он наконец вернулся домой!

Джек отстранился и пристально посмотрел на меня, и я увидела морщинки под его глазами, которых раньше не замечала.

– Ты хорошо себя чувствуешь? – спросила я.

– Просто устал. Это были длинные дни.

– Верно. Узнал что-нибудь новое от домработницы?

Он снова обнял меня, но мне почему-то показалось, что он сделал это, чтобы не встречаться со мной взглядом.

– Немножко. Она хотела отдать Джейн тостер и стул, которые взяла из дома Пинкни после того, как они его покинули, из-за чего до сих пор ощущает себя воровкой. Я как мог старался успокоить ее. И нет, Майами для нее ничего не значит.

Я отстранилась, чтобы посмотреть ему в глаза, но он уже потянулся за сумкой.

– Расскажу тебе позже. А сначала мне нужен долгий горячий душ и что-нибудь поесть.

Он направился к входной двери, но затем остановился.

– Джейн дома?

– Да. А в чем дело?

Джек улыбнулся.

– Просто хотел убедиться, что нельзя ходить голым после душа. Не хочу ее пугать.

Он наклонился и поцеловал меня долгим, опустошающим разум поцелуем, от которого у меня осталась глупая улыбка и лишь смутное воспоминание о том, о чем мы только что говорили. Он вошел в дом и закрыл за собой дверь. Я продолжала улыбаться. Увы, моя улыбка была бессильна убедить меня в том, что Джек ничего не скрывает.

Я сидела между матерью и Джейн за одним из косметических прилавков в бутике «Кос» на Кинг-стрит, пробуя макияж для завтрашней вечеринки, посвященной презентации книги. Во всяком случае, мы с Джейн отнеслись к этому серьезно. Моя мать делала это скорее для развлечения, к вящей радости работавшей с нами женщины. Безупречная кожа Джинетт Приоло была идеальным холстом для нанесения макияжа, а годы оперной карьеры научили ее не бояться выглядеть драматично – искусство, которым она и пыталась поделиться с Джейн и мной, увы, с переменным успехом.

Я не пошла с матерью и Джейн выбирать платье, просто чтобы доказать себе, что я не мелочная и не завистливая и что все равно, выберут они или нет платье красивее моего. Джейн была няней, и ее кавалером будет Томас Райли. Вообще-то, они являли собой очень симпатичную пару, и я подумала, что у них есть шанс на совместное будущее, если Джейн в его присутствии научится говорить, как нормальный человек.

Я не видела ее платья, но не сомневалась, что оно было прекрасным, ведь его помогла выбрать моя мать, что, следовало признать, было довольно обидно. Возможно, отсутствие матери большую часть моей жизни пробудило во мне собственника. Джейн выросла без родителей, но, по крайней мере, она не знала, чего ей не хватало. Я же, в отличие от нее, знала и, лишившись матери, остро это переживала.

Именно эти виноватые мысли вынудили меня пригласить Джейн подобрать макияж для вечеринки, несмотря на собственные мысли, что мне не нужно ничего, кроме толстой зеленой, увлажняющей маски, которая будет прекрасно смотреться с моими волосами, накрученными на розовые бигуди.

– У вас всех троих потрясающие ресницы, – сказала Султана, красивая женщина с идеальной кожей и сияющими глазами, которая стояла по другую сторону прилавка, вновь наклоняясь с палочкой для туши. – Эта немного дороже, но она придаст вашим глазам неподражаемый томный взгляд.

– Томный взгляд? Разве от него не слезятся глаза? – спросила Джейн.

Я покосилась на нее – неужели она серьезно? Судя по всему, да.

– Давайте я покажу, – сказала моя мать, беря образец теней для век, которые Султана вертела в руках, и опытной рукой начала наносить их на веки Джейн. – Нам всем повезло, у всех глубоко посаженные глаза – это облегчает нанесение теней и делает сам процесс намного увлекательнее. Мы можем делать массу вещей, недоступных другим девушкам, потому что у нас гораздо больше возможностей.

Султана протянула ей подводку, и я увидела, как моя мать рисует Джейн идеальный кошачий глаз.

– Видишь? – Джинетт взяла ручное зеркало и показала ей. – Тебя теперь просто не узнать. Собственно, в этом и состоит смысл, когда мы наряжаемся и красимся перед тем, как идти на вечеринку. Это как подготовка к своей роли и выходу на сцену.

Она улыбнулась Джейн, но нечто в ее взгляде привлекло мое внимание.

– Какой у тебя натуральный цвет волос, Джейн?

– Темно-каштановый, – ответила наша няня, секунду помешкав. Она огляделась по сторонам в поисках чего-нибудь для сравнения и наконец остановилась на моих волосах. – Как у Мелани или чуть темнее.

– Естественный цвет у Мелани тоже чуть темнее, но теперь она красит волосы, чтобы скрыть седину, которая уже начала появляться, – сухо сказала мать.

Султана сунула мне в руки помаду, чтобы отвлечь меня.

– Попробуйте эту, – сказала она. – Она произвела фурор на Неделе моды в Чарльстоне. Она будет великолепно смотреться на вас.

Я нанесла помаду, а моя мать продолжила:

– Тебе идут светлые волосы, Джейн, но я думаю, что с темными ты бы смотрелась просто потрясающе. Как ты думаешь, Мелли?

– Угу, – промямлила я, мысленно благодаря помаду, мешавшую мне произносить полные слова. Иначе бы я просто попросила мать крикнуть всему миру, что ее дочь старая и седая и что няня затмит ее, если вернет своим волосам их натуральный цвет. Невзирая на протесты Султаны, я закрыла глаза. Я просто не могла смотреть на себя в зеркало. Да, Джейн временами говорила как подросток, но и мой внутренний голос тоже недалеко ушел.

Пока мои глаза были закрыты, Султана воспользовалась моментом и, схватив пинцет, начала выщипывать непослушные волоски на моих бровях.

– Вы прямо как косматый мамонт, – сказала она. – Я сейчас уберу лишнее.

Я вздохнула, смирившись со справедливым возмездием за мои прежние мысли.

– Мелани? – спросила Джейн. Я собралась с духом. Неужели она хочет одолжить у меня пару туфель? Недавно мы обнаружили, что у нас одинаковый размер.

– Да?

– Хотела спросить... это вы спрятали одну из игрушек Сары в комод? Она все время подползает к нему и стучит по нижнему ящику. Я не хотела совать нос, поэтому не посмотрела, что там, но она определенно полна решимости забраться внутрь.

– Ой! – пискнула я, когда Султана вырвала непослушный волосок, а судя по тому, что было больно, заодно и кусочек кожи. Разбитые снежные шары вылетели у меня из головы, равно как и то, куда Нола их положила. – Это останки семи снежных шаров из дома Пинкни. Они разбились, но Софи не хотела их выбрасывать, поэтому я принесла сумку домой. Сара проявила к ним повышенный интерес, поэтому я попросила Нолу их спрятать, пока я не спрошу у вас, что вы намерены с ними делать. Сара, должно быть, видела, как она их туда клала.

– Это все объясняет, – сказала Джейн. – Если вы не против, я вытащу сумку и покажу Саре пустой ящик. Может, тогда она забудет.

Джинетт рассмеялась.

– Вряд ли. Сара – особа упрямая. Это у нее от матери. Она маленькая и милая, но, если ей что-то приглянется, она вцепляется в эту вещь, как питбуль в кость, и ни за что не выпустит.

Я открыла глаза и обнаружила, что мать и Султана изучают мое лицо.

– Гораздо лучше, – сказала мать, одобрительно кивнув, и протянула через прилавок кредитку. – Будьте добры, заверните все это... я заплачу за всех.

Несмотря на наши протесты, мать настояла на своем (очевидно, генетическая предрасположенность Сары к упрямству была глубже,

чем одно поколение). Султана начала сортировать наши заказы и позвонила помощникам, чтобы нам их упаковали.

Джейн подошла к стойке с духами и взяла какой-то флакон.

– Мне интересно, есть ли безопасный способ позволить ей поиграть со снежными шарами? Нет, конечно, я бы не дала ей трогать их или брать в рот, но ведь наверняка можно придумать какую-то игру, чтобы ее осчастливить?

Я на мгновение задумалась.

– И она явно питает слабость к подставке из Майами, и громко давала знать, что она «та самая». Почему, я понятия не имею, но, как только Нола показала ее ей, она успокоилась и уснула. Если вы хотите вытащить их из сумки и поставить на стол, я не возражаю. – Я сделала короткую паузу. – Только не оставляйте подставки в комнате, когда закончите. Не хотелось бы, чтобы дети схватили одну из них. Вдруг там еще осталось разбитое стекло?

– Я поняла, – ответила Джейн и нахмурилась. – А как они разбились?

Я нарочито закашлялась. Моя мать тем временем сняла крышку с крема для лица и неторопливо нюхала его.

– Я толком не знаю. Сейчас там всюду идут работы и полно рабочих. Я спросила Амелию, могут ли они чего-нибудь стоить, и она сказала, нет, так что, по крайней мере, никакого ущерба.

– То, что они разбились, – целиком и полностью моя вина, – призналась Джейн. – Мне следовало увезти их из дома еще до того, как начались реставрационные работы. Просто... Не знаю. Я не чувствую, что этот дом мой, и мне очень трудно принимать решения, потому что до сих пор кажется, что дом и все, что в нем есть, по-прежнему принадлежит Баттон Пинкни.

– Это нормально, – сказала я, забирая у Султаны пакет с покупками. – Если вы будете теснее сотрудничать с Софи, она поможет быстрее ощутить вещи своими, потому что заставит вкладываться в их реставрацию. При условии, конечно, что они исторически ценны. Она довольно фанатична в таких вещах. – Я бодро улыбнулась. – Конечно, я могу помочь вам сократить расходы. В этом я настоящий профи. – Моя улыбка померкла, стоило мне вспомнить, сколько раз Софи разоблачала мои уловки. Колени заныли при воспоминании о том, как меня заставили вручную циклевать полы после того, как Софи

обнаружила у меня контрабандную циклевочную машинку. – Главное, ничего ей не говорите.

Джейн бросила на меня тревожный взгляд.

– Хорошо. Спасибо, что сказали. Но я все равно чувствую себя неловко. Просто я надеюсь, что Джек найдет ответы, и я смогу пойти вперед, во всяком случае, мысленно.

Воздух за ее спиной задрожал, температура упала, как будто позади нас включили кондиционер. Я заметила, как Джейн вздрогнула. Она подняла руку и потрогала затылок, как будто ее что-то коснулось. Я была рада, что на мне шарф, скрывавший струпья от царапин, полученных в ванной комнате Баттон. Я встретила взглядом с матерью. Та приподняла брови, подтверждая, что мы не одни.

– Спасибо, Джинетт, – сказала Джейн, беря пакет. – В этом не было необходимости, но я тронута. И получила настоящее удовольствие.

– Я тоже, – сказала Джинетт, украдкой оглянувшись, пока придерживала дверь. Мы попрощались с Султаной и пообещали вернуться.

Пока мы были внутри, небо заволочли тяжелые тучи. Услышав над головой раскат грома, мы бегом бросились по улице, пытаясь опередить дождь. Я повернула голову, чтобы разглядеть в окне наше отражение, и ничуть не удивилась, увидев позади нас бледную фигуру девочки в белой ночной рубашке, которая смотрела прямо на меня. «*Помогите*». Ее губы не двигались, но слова громко звучали в моих ушах. Я повернулась и побежала быстрее, догоняя мать и Джейн. Слова девочки повторялись в моей голове снова и снова. В конце концов я не выдержала и, чтобы их заглушить, принялась громко напевать.

Глава 28

Играя с купленной накануне косметикой, я сидела перед зеркалом в ванной, хмуро глядя на свое отражение. Если честно, я была больше похожа на Тэмми Фэй Баккер^[2], чем на гламурную модель с обложки глянцевого журнала, к которой я стремилась.

Стоявшая рядом Нола придирчиво изучала меня, как она обычно делала, разглядывая музейные экспонаты.

– Сделать тебе подводку для глаз? У меня хорошо получаются кошачьи глаза. Не могу смотреть, как ты удаляешь все и начинаешь заново. Если ты не будешь осторожной, этак ты в два счета до дыр протрешь веко, и тогда тебе придется наносить макияж прямо на глазное яблоко.

– Неужели такое бывает? – спросила я, не совсем уверенная, что она шутит.

Вместо ответа она взяла подводку у меня из рук. Я с облегчением закрыла глаза и отдала себя в ее опытные руки.

– Что бы я делала без тебя, Нола?

– То же самое, что я делала бы без тебя, так что, думаю, мы квиты.

До меня не сразу дошло, что она только что сказала мне что-то приятное, скорее всего, воспользовавшись тем, что мои глаза были закрыты и мне было трудно ее обнять.

– Спасибо, – сказала я.

Она в ответ хмыкнула, но через мгновение сказала:

– Тебе следует поговорить с Джейн. Она считает, что ее платье слишком откровенное, и хочет взять с собой свитер, чтобы закрыть плечи и декольте. А по-моему, это очень даже консервативное платье и свитер ей не нужен. Она будет выглядеть в нем нелепо.

Я вспомнила точно такой же разговор с матерью о красном платье, которое она посоветовала мне для вечеринки по поводу моего сорокалетия. Джек был от него в полном восторге. Я даже покраснела, вспомнив, как оно ему понравилось, но тотчас посерьезнела, потому что это привело к рождению Джей-Джея и Сары.

– Если ей удобнее в свитере, пусть она захватит его. Ночью еще прохладно, и он может ей понадобиться.

Я почувствовала, как Нола отступила в сторону.

– Открой, – скомандовала она. Она слегка нахмурилась и придирчиво осмотрела меня. – Закрой, – сказала она и снова наклонилась ко мне с карандашом для глаз. – Как только я закончу, пойду собирать сумку с вещами. Очень надеюсь, что Олстон и ее мать не приедут раньше детектива Райли. Хочу услышать, как Джейн поздоровается с ним.

Она снова отстранилась, и я открыла глаза.

– Потрясающе! – Она закрыла подводку, положила ее на туалетный столик и, помолчав, добавила: – Линдси тоже ночует у Олстон.

Я не заметила в ее голосе особой радости.

– Тебе ведь нравится Линдси, не так ли? – спросила я.

– Да. Просто... – Нола начала ковырять кутикулу. Я была вынуждена закусить губу, чтобы не запретить ей это делать, поскольку обычно мои слова лишь усугубляют ситуацию. – Просто она постоянно спрашивает меня о тебе. О том, когда ты, наконец, поможешь ее матери узнать, что случилось с ее тетей.

Я вспомнила неловкий разговор, который у меня состоялся с отцом Линдси. Поскольку он не касался Джека, я поделилась им только с матерью, решив, что дополнительный стресс ему ни к чему.

– Не все так просто, Нола. Мой мозг почти полностью занят проблемами с домом Пинкни, не говоря уже о карьере и семье. Я пообещала матери, что помогу ей, как только немного разберусь со своими делами.

– Да, это то, что я все время ей и говорю. – Нола умокла. – Она хочет сегодня вечером принести доску для спиритических сеансов к Олстон.

Я выпрямилась.

– А вот это зря, Нола. Это определенно плохая идея. Это как открыть окно – никогда не знаешь, что может залететь внутрь.

– Я скажу ей, – ответила она и открыла дверь, чтобы уйти.

– Купер будет дома в эти выходные?

Ее щеки вспыхнули.

– Не знаю. Олстон ведет себя странно, когда я спрашиваю о нем, а я не хочу быть той девушкой, которая вечно пишет парню, чтобы узнать, где он. Мне нравится держать его в неведении.

– Умница. Не забудь поцеловать на прощание близнецов, особенно Джей-Джея. Если он не увидит, что ты ушла, он будет тебя искать. Мои родители приедут через пятнадцать минут, чтобы их забрать; если тебя не затруднит, скажи об этом миссис Хулихан. – Пока мы с Джейн одевались, я попросила экономку присмотреть за малышами, особенно за Джей-Джеем. Иначе бы на наших платьях появились пятна от еды или даже дыры, и нам пришлось бы переодеваться.

– Обязательно, – сказала Нола и, помахав рукой, закрыла дверь.

Я открыла шкатулку с драгоценностями, вытасила кулон, который дала мне мать, и надела его на шею. Затем взяла кольцо и, надев на средний палец правой руки, полюбовалась его формой и блестящим черным камнем. Я поднесла его ближе к лицу, чтобы лучше рассмотреть, как вдруг в моем сознании шевельнулось воспоминание. Я была почти уверена, что видела его раньше. Скорее всего, когда была маленькой девочкой, на руке матери. Я еще пару секунд смотрела на кольцо, пытаюсь вспомнить момент из своего детства, но не смогла. Тогда я закрыла шкатулку и встала.

Я вошла в гардеробную и сняла с мягкой вешалки черное блестящее платье, не в первый раз задаваясь вопросом, как я позволила матери уговорить меня купить еще один соблазнительный наряд. По крайней мере, это платье не было красным. Надев его через голову, я потратила еще минут пять, принимая всевозможные позы, чтобы застегнуть молнию до самого верха.

– Тебе помочь?

Услышав голос Джека, я вздрогнула и тотчас растворилась в нем, почувствовав, как его теплые руки проникли под расстегнутую молнию, лаская обнаженную кожу.

– Если тебе не трудно, – пролепетала я. Он наклонился и поцеловал мою голую шею.

– Ты прекрасно выглядишь в этом платье, – прошептал он мне на ухо, и мои нервные окончания тотчас пошли волнами возбуждения размером со стадион. – Но без него ты выглядишь еще лучше.

– Придержи эту мысль, – сказала я. – Кажется, я только что слышала, как подъехала машина. Это или Томас, или мои родители.

– Твоя мать едет к нам? – спросил Джек и отступил.

Я пошевелилась в его объятиях.

– Да, разве ты не помнишь? Я же говорила тебе, что сегодня близнецы останутся с моими родителями.

Он нахмурился.

– Да, конечно. Я помню. Наверно, я подумал, что Джейн отвезет детей к ним.

– Джейн нужно переодеться... прическа, макияж и все такое прочее. Я не хотела, чтобы она тратила время на близнецов, одевала их и отвозила к моим родителям, тем более что моя мать сказала, что будет рада сделать это сама.

Он все еще хмурился, и я вновь заметила морщинки, которые как будто появились за ночь. Я шагнула к нему и положила ладони ему на грудь.

– Что случилось, Джек? Ты хочешь мне что-то сказать? Тебя явно что-то беспокоит с тех пор, как ты вернулся из Алабамы.

Он улыбнулся своей обычной очаровательной улыбкой, которая полностью развеяла бы все мои сомнения, если бы его глаза тоже улыбались.

– Это просто книга. И она дается не так легко, как я думал.

Я встала на цыпочки и легонько поцеловала его.

– Ничего. Так всегда бывает. Просто не торопи события.

Он кивнул, но его взгляд остался озабоченным.

– Джейн едет с нами сегодня вечером?

– Да. Томас заедет за нами, и мы поедем все вместе.

– Понятно, – разочарованно произнес Джек.

– Что не так?

– Ничего. Я просто надеялся поговорить с Джейн. У нас никогда не бывает возможности поговорить.

Я нахмурилась, глядя на него.

– Она няня, Джек. Зачем тебе с ней разговаривать, если это не касается меня и детей?

Он улыбнулся.

– Просто чтобы быть приветливым, Мелли. И я подумал, ей будет интересно узнать, что Рена, экономка в доме Пинкни у озера, хочет услышать прямо от Джейн, что ее простили за то, что она забрала из дома кое-какие вещи.

– Я уверена, это может подождать, Джек. Вряд ли в этом есть особая срочность.

– Пожалуй, ты права, – сказал он, целуя меня в кончик носа. – Наверное, я просто ищу повод вычеркнуть это из моего списка дел.

Я улыбнулась, пытаюсь определить, что именно в выражении его лица меня так насторожило.

Мои родители уже ждали внизу, когда мы с Джеком спустились к ним. В следующий миг в дверь позвонил Томас. Все три пса залились свирепым лаем, но, поняв, что он пришел вовсе не затем, чтобы снять со всех нас скальпы, успокоились и даже позволили Томасу почесать их за ухом. Мой отец загонял собак в кухню, когда по лестнице спустилась Джейн. Я тотчас пожалела, что не пошла с отцом на кухню, лишь бы не видеть выражение лица Джека. Оно было другим, чем выражение Томаса, и все же полно восхищения и даже трепета перед женскими формами. Но было в лице Джека и что-то еще, что-то очень похожее на фамильярность. А может, признание? В любом случае, я как будто почувствовала внутри себя тяжелый камень.

– Ты выглядишь потрясающе, – сказал Томас, подходя к Джейн и беря ее за руку. В течение минуты казалось, что она не расслабит руку, чтобы он поднес ее к губам, но в последний момент она позволила ему это сделать, уронив при этом свой свитер.

– Спасибо, – сказала она, застенчиво улыбнувшись. На фоне бледно-голубого шифонового платья ее глаза как будто сияли ярче, а щеки слегка покраснелись. Моя мать проявила отменный вкус, выбрав платье, которое было не только красивым, но и умело скроенным, чтобы скрыть его откровенную сексуальность. Ткань мягко колыхалась вокруг тела Джейн, то и дело приоткрывая дразнящие участки обнаженной кожи. Высокий разрез от середины бедра придавал платью дополнительную пикантность.

Томас наклонился, чтобы поднять ее свитер, и Джейн воспользовалась этим моментом, чтобы осмотреть его с головы до ног.

– Вы в брюках.

Уголки его губ приподнялись.

– Да, я обычно надеваю их, когда выхожу из дома. Но эти подходят к моему смокингу, и я решил надеть их сегодня вместо обычных, цвета хаки.

Моя мать шагнула вперед и протянула руки.

– Ты прекрасно выглядишь, Джейн. И ты тоже, Мелли, – добавила она чуточку запоздало и посмотрела сначала на одну из нас, затем на

другую. – Вы сговорились сделать одинаковые прически?

Удивленно посмотрев друг на друга, мы с опозданием заметили, что обе остановили свой выбор на слегка взъерошенном «кукише», дополненном зажимом со стразами с левой стороны.

– Вообще-то, – сказала я, – это просто совпадение.

Прежде чем Джек успел сказать, что совпадений не бывает, Нола вприпрыжку спустилась по лестнице с дорожной сумкой от «Веры Брэдли». Сумка была розовой и в цветочек и совсем не в ее вкусе, но Амелия подарила ее на Рождество, и Нола ей воспользовалась.

– Фото на память! – сказала она, подняв свой айфон.

– В этом нет необходимости... – начала я, но отец уже потянулся за своим телефоном.

Он жестом пригласил нас всех встать у подножия лестницы, что ужасно напомнило выпускной бал, которого у меня никогда не было. Они с матерью обсудили, как нам лучше встать, после чего он нащелкал такое количество снимков, что мое лицо заболело от улыбки.

– Довольно, папа, – сказала я, пытаясь забрать у него телефон.

Вместо этого он взял мою руку и повернул ее кольцом к себе. Он долго смотрел на него, а затем повернулся к моей матери.

– Это ты дала ей кольцо?

Мать покраснела.

– Да. Я давно его не ношу, и оно без дела лежит в шкатулке для драгоценностей. Оно очень красивое, и я подумала, пусть Мелани покрасуется в нем.

Отец повернулся и снова взглянул на кольцо. Его губы сжались в жесткую линию.

– Не могу поверить, что ты все еще цепляешься за него, ведь тебе его подарил твой предыдущий ухажер.

Я оглянулась на мать. Та определенно залилась краской смущения.

– Это было очень давно, Джеймс. Я даже не помнила, что оно все еще у меня, пока мы с Мелли не просмотрели все мои украшения в поисках кулона и не обнаружили его. Для меня оно больше не имеет сентиментальной ценности, поэтому я подарила его ей.

«Старый друг подарил мне его на шестнадцатый день рождения».

Так она сказала, когда дала мне кольцо. Я тогда подумала, что под «старым другом» она имела в виду Баттон. Интересно, было ли

причиной этого недоразумения то, что я неправильно поняла ее, или же намеренное нежелание с ее стороны сказать всю правду.

Я хотела спросить ее еще раз, но тут приехала машина Нолы. Мы несколько минут прощались, а затем мои родители поднялись наверх, чтобы сменить миссис Хулихан и забрать детей и их вещи. Я подумала, что мне показалось, но Джек как будто избегал моей матери, все время старался стоять как можно дальше от нее. Когда я сказала, что нам нужно переставить автокресла из моей машины в их машину, Джек едва ли не пулей вылетел на улицу.

Поцеловав на прощание малышей, он извинился и вышел, чтобы проверить собак. При этом он задержался на кухне ровно настолько, чтобы мои родители уехали без него. Я позволила ему помочь мне с шалью, когда Томас и Джейн вышли на веранду, и задержалась в фойе, чтобы поговорить наедине.

– С тобой все в порядке? – шепотом спросила я. – Ты ведешь себя странно.

Он улыбнулся, хотя это скорее походило на гримасу.

– Извини. Для меня это трудный вечер. Мы собираемся отпраздновать величайший успех Марка Лонго, а вернее, кражу у меня моей книги, и я должен притворяться, будто я рад за него и счастлив.

– Ты прав, извини. Просто... – Я не договорила, но затем набралась храбрости и сказала: – Ты повздорил с моей матерью? Ты как будто избегаешь ее.

Он сделал большие, невинные глаза.

– Повздорил? Нет, конечно, нет. Говорю же, моя голова сегодня вечером занята не тем.

Он попытался шагнуть вперед, но я схватила его за рукав.

– И почему ты так смотришь на Джейн?

– Как?

Жаль, что было темно, и я не видела его глаза.

– Не знаю. Как будто ты ее близкий друг. Почти так же, как ты смотришь на меня.

Ну вот. Я это сказала. Новая зрелая Мелани была жива и здорова.

Он положил руки мне на плечи и посмотрел в глаза.

– Она привлекательная женщина, поэтому я, конечно, это вижу. Я не слеп. Но я никогда – слышишь, никогда! – не посмотрю на другую женщину так, как смотрю на тебя, потому что я никогда не буду

любить другую женщину так, как люблю тебя. – Он прижался губами к моим губам в том медленном, неторопливом поцелуе, какие мне всегда нравились. Все мои тревоги и подозрения тотчас начали улетучиваться, оставляя лишь мелкие крохи сомнения, налипшие на дно чаши моей неуверенности.

Мы с Джеком сидели сзади в машине Томаса. Он взял мою руку и держал ее всю дорогу по Спринг-стрит. Я была в «Кэннон-Грин» всего пару раз. Несмотря на их заявления про местных поставщиков и здоровые блюда, оба раза я получила громадное удовольствие: тамошняя кухня была восхитительной, а обслуживание – безупречным.

Томас передал ключи швейцару, и мы через одну из трех зеленых дверей, выходящих на улицу, вошли в залитый светом ресторан, где нас окружили восхитительные ароматы еды и цветов. У меня тотчас заурчало в животе, к чему я уже привыкла, так как вся моя семья, казалось, задалась целью уморить меня голодом. Я посмотрела на Джейн. Та как будто не замечала, какое внимание вызывает ее персона, как головы присутствующих поворачиваются в ее сторону. Она, как зачарованная, смотрела по сторонам и на Томаса, напоминая пятилетнего ребенка на первой вечеринке по случаю дня рождения принцессы. Несмотря на свои прежние мысли, я поймала себя на том, что улыбаюсь ей и вспоминаю слова Джека и его руку, держащую мою на заднем сиденье машины.

Одна боковая стена ресторана представляла собой фасад дома, когда-то стоявшего на этом месте, но полностью лишенного всей своей истории, – входная дверь старого дома теперь фактически была входом в туалеты, – и я, к счастью, не заметила там никаких призраков. Пространство заполняли реставрированные деревянные столы, все накрытые к ужину, но нас повели под антресолю во внутренний двор. Я подняла глаза и поспешила отвести взгляд, узнав репортершу Сьюзи Дорф, которую успешно избегала больше месяца. Ребекка когда-то работала в газете, поэтому я не удивилась, увидев Сьюзи. Но в том-то и суть сюрпризов: они всегда случаются, когда их меньше всего ждут. Или не желают.

Я очень надеялась на дождь или, по крайней мере, на вечер с высокой влажностью, которой так славится Чарльстон, рассчитывая, что они испортят вечеринку. Увы, вечер был идеальный – прохладный

и сухой. Даже звезды, казалось, решили устроить праздник, ярко сияя в небе над нами. Небольшие зеркальные пруды и фонтаны, разбрызгивающие дуги воды, соперничали за внимание с устроенным на стене вертикальным садом. Поперек двора были натянуты гирлянды ярких круглых лампочек, отчего казалось, будто звезды спустились сверху посмотреть, что здесь происходит.

Внутри некогда стоявшего на этом месте склада девятнадцатого века было устроено большое пространство для мероприятий, занимавшее всю заднюю часть двора. Опорные балки и, как я подозревала, большинство кирпичных колонн были оригинальными, судя по количеству маячивших на заднем плане духов, удивленных не менее меня самой, что их увидели. У фонтана тихо играл струнный квартет, едва слышимый из-за гула голосов полутора сотен человек.

– Кузина Мелани и Джек! – раздался сзади скрипучий голос Ребекки, что дало мне пару секунд прилепить к лицу улыбку, прежде чем мы с Джеком повернулись. Как и ожидалось, Ребекка была с ног до головы в розовом, на этот раз в розовой чесуче, что было бы прекрасно, не сочетай она ее с тиарой со стразами и розовыми митенками до локтя. Ее рука собственнически сжимала локоть Марка, ее розовый цвет контрастировал с его черным смокингом и брюнетистой внешностью. Глядя на него, я теперь скорее назвала бы его не красавцем, а смазливym красавчиком.

– И Джейн... как потрясающе ты выглядишь! – воскликнула Ребекка, раздавая воздушные поцелуи, пока мужчины обменивались рукопожатиями, а Джек представлял Томаса. – Кто бы мог подумать, что няня способна всех затмить, я права, Джек?

– Я так рад, что вы все смогли прийти. – Выражение лица Марка было ни дать ни взять как у жука пальметто, обнаружившего сахарницу без крышки.

– Я так рад тебя видеть, Мэтт, – сказал Джек, намеренно искажив имя Марка. Он делал это с момента их первой встречи, и, похоже, не смог отказать себе в этом удовольствии сейчас.

Марк прищурился, но его улыбка осталась на месте.

– Не стесняйтесь, угощайтесь в открытом баре и берите закуски. Шеф-повар составил на этот вечер специальное меню, так что настоятельно рекомендую. Тост с шампанским будет в восемь, так что

не забудьте взять бокал и присоединяйтесь к нам после нашего грандиозного объявления.

Почувствовав, как мускулы Джека напряглись под моей рукой, я легонько сжала его пальцы. Он одарил Марка непонятым взглядом, в котором можно было прочесть предостережение.

– Не волнуйся, мы не пропустим, – сказал Джек. – Ведь мы практически семья, – добавил он. Интересно, задалась я вопросом, сможет ли кто-нибудь под сарказмом обнаружить еще и яд?

Марк указал на большой стол у фонтана, с горой книг на нем.

– Издательство любезно согласилось провести сегодня вечером продажу моей книги, так что не забудьте взять себе экземпляр – это первый тираж, так что берите сейчас, потому что, насколько мне известно, заказов столько, что уже печатается третий. Я даже дам бесплатный автограф. – Марк рассмеялся над своей шуткой. Томас и Джейн вежливо улыбнулись, а мы с Джеком недоуменно посмотрели на него.

Узнав кого-то из гостей, Томас извинился и увел с собой Джейн. Марк и Джек, похоже, вступили в зрительный поединок. Ни тот ни другой не желал первым отвести взгляд.

Ребекка взяла меня за локоть и отвела в сторонку.

– Не могу поверить, что ты позволила Джейн надеть это платье.

– Она моя няня, а не рабыня. Она вольна делать все что хочет. К тому же выбрать платье ей помогла моя мать, и мне кажется, это ей удалось. – Слова царапали мне горло, словно мел, но я не хотела, чтобы Ребекка догадалась об этом. – И не забывай, ее бы здесь не было, не пригласи ее ты.

– Что ж, ты лучше, чем я. Если у меня когда-нибудь будет няня, я позабочусь о том, чтобы она была похожа на Шрека, а не на Золушку.

Я не знала, что встревожило меня больше: мысль о детях у Марка и Ребекки или няня, похожая на большого зеленого тролля. Появилась официантка с подносом, уставленным бокалами вина, и я с радостью воспользовалась ее предложением. Заметив, как Джек с тоской смотрит на поднос, я догадалась, как сильно ему сейчас хочется выпить. Я остановила официантку.

– Не могли бы вы принести мне стакан сельтерской воды с лаймом?

Когда я вновь повернулась к Ребекке, то увидела, что она не сводит с меня любопытных глаз.

– Мне снились и другие сны. Помнишь тот эпизод, который я рассказывала твоей матери, о девушке в белой ночной рубашке, которая постучала в стену изнутри и окликнула тебя по имени?

Я старалась сохранять безучастное выражение лица.

– Смутно.

– Я снова вижу ее, но теперь она указывает на нижнюю часть деревянных ступенек, как будто там есть что-то такое, что мне необходимо увидеть. – Она в упор посмотрела на меня. – Звучит как хорошая история, верно? Я очень надеюсь, что ты поймешь, о чем идет речь, прежде чем это сделаю я и расскажу Марку. Он сообщил мне, что Джеку, похоже, срочно нужна хорошая идея для книги. Судя по первым отзывам агента Марка о книге, которую только что сдал Джек, это далеко не бестселлер. Ну, ты знаешь, что представляет собой издательский мир – все друг друга знают, и ни у кого ни от кого нет секретов. Марк говорит, что, по прогнозам, тираж книги Джека якобы будет примерно вдвое меньше, чем у его последней книги.

Я осушила свой бокал и мягко улыбнулась, сделав вид, будто для меня все это не новость.

– Да, мы обе гордимся им и знаем, что его поклонники не будут разочарованы.

Она сделала глоток вина. Меня так и подмывало ударить по дну ее бокала, чтобы вино выплеснулось на лиф ее розового платья. Но я сдержалась.

– Я никогда не задумывалась о том, насколько наш «дар» может помочь нашим мужьям в их писательской карьере. – Ребекка подняла бокал. – Пусть победит сильнейший.

Я не стала поднимать свой пустой бокал, и меня не волновало, заметила она это или нет.

– Не переживай, – сказала она. – После сегодняшнего объявления книга и фильм Марка привлекут к нам всеобщее внимание.

Я вспомнила наш с Джеком разговор по поводу газетной статьи о сделке с киношниками, которую заключил Марк. Предполагалось, что фильм будет сниматься в Чарльстоне, а наш дом послужит в качестве декорации. Разговор продолжения не получил, к нам официально никто не обратился, и я предположила, что мы с Джеком занимаем

одинаковую позицию. Что было очень хорошо, поскольку в аду пойдет розовый снег, если я когда-нибудь дам на это согласие.

Я повернулась к Джеку за подтверждением и обнаружила, что его больше нет рядом. Появилась официантка с его сельтерской водой и лаймом. Я взяла бокал, поставила свой пустой из-под вина на поднос и, глядя через плечо, чтобы узнать, куда ушел Джек, поблагодарила официантку. Я заметила Томаса – он разговаривал с группой людей, но Джейн с ним не было.

Квартет прекратил играть, Марк подошел к микрофону, и я заметила, что все официанты теперь раздают фужеры с шампанским.

– Извините, сейчас важный момент, – сказала Ребекка, проходя мимо меня к тому месту, где стоял Марк. Вокруг них мерцали вспышки фотокамер, и мне оставалось только гадать, были ли это наемные фотографы, оплаченные Марком и Ребеккой. С них станется.

Кто-то коснулся моего локтя. Я обернулась и увидела Сьюзи Дорф, такую же миниатюрную, как и раньше, с бокалом шампанского в руке.

– С вами трудно связаться, – сказала она, делая глоток из своего бокала.

– Я очень занята, – ответила я, вспомнив стопки розовых бланков с сообщениями, которые Джолли Томпсон аккуратно заполняла, зная, что я все равно их выбрасываю.

– Что ж, если бы вы потрудились перезвонить мне, то вы бы уже знали, что это за важное объявление.

– Я уже знаю о фильме, это было в газете. Но его не будут снимать в нашем доме – мы на это не давали согласия и никогда не дадим.

Ее круглые карие глаза, удивительно похожие на пуговицы, полезли на лоб.

– Неужели? Потому что ваш муж согласие дал. Надеюсь, вы в курсе.

Из моего нутра вырвалось нечто, похожее на обжигающее пламя, и пронзило меня до мозга костей. Я была почти уверена: так бывает, когда в вас попадает метеорит.

– Простите?

Марк постучал в микрофон, и Сьюзи указала на него подбородком.

– Не уходите, сейчас вы услышите важное объявление.

Я сунула репортерше бокал с минеральной водой.

– Я должна найти Джека... произошла какая-то ошибка. Простите меня, пожалуйста.

Сьюзи схватила меня за руку.

– Я видела его всего несколько минут назад, когда он направлялся на кухню. – Она умолкла, как будто размышляя, стоит ли сказать больше, но, видимо, решила не продолжать.

Я не стала выпытывать у нее то, что, по ее мнению, я должна была знать, ибо в любом случае это было наименьшей из моих забот. Потому что, если Джек действительно подписал это соглашение, в аду вот-вот начнется розовая метель.

Глава 29

Я читала рассказы про солдат, контуженных после взрыва, внезапно оглохших и ослепших, спотыкающихся, не знающих, как они попали туда, где были, и куда направлялись. То же самое сейчас ощущала и я. Движимая одним лишь инстинктом, я искала дверь, через которую входили и выходили официанты, а найдя, последовала за ними на кухню, как будто мое место было там.

Запах еды был здесь сильнее, шум громче и перемежался выкриками распорядителей, стуком ножей по разделочным доскам, лязгом столового серебра и звяканьем укладываемых стопками фарфоровых тарелок. Но я лишь смутно осознавала все это, звуковую дорожку моего кошмара, пока рыскала в поисках Джека. Официантка – я узнала в ней ту, что приносила мне минералку, – остановилась и удивленно посмотрела на меня. Затем, приподняв брови, она указала подбородком в сторону двери за моей спиной, подождала, пока на пустой поднос поставят бокалы с шампанским, и вышла из кухни.

Моим первым побуждением было пойти за ней, даже если это означало выслушать объявление Марка. Это было бы хорошим предложением, почему я не последовала за Джеком в большое складское помещение. Где была закрытая дверь. За которой я отчетливо слышала женский голос. Но я помнила, что говорила моя мать о новой, зрелой Мелли. Той, что смотрит правде в глаза, вместо того чтобы прятаться от нее, и задает вопросы, какими бы неприятными ни были ответы. Той, у которой не должно быть поспешных выводов. А еще я помнила, что Джек говорил о доверии и о том, что оно лежит в основе нашего брака. Конечно, они оба были правы. Мне сорок один год, я – замужняя мать троих детей, и мне самое время стать большой девочкой.

Я слышала далекий, усиленный микрофоном голос Марка Лонго.

– Джек Тренхольм, муж моей родственницы, великодушно дал согласие провести большую часть съемок фильма в его доме на Трэдд-стрит, где и происходит эта история.

Я ощущала себя больной и преданной, но продолжала цепляться за малейшую надежду, что я неправильно поняла или что у Джека есть

объяснение, которое все исправит. И что слова матери о том, как важно выяснить правду, были правдой.

Расправив плечи, я всего мгновение помедлила перед закрытой дверью, а затем, не постучав, повернула дверную ручку и рывком распахнула ее. Мне тотчас вспомнились мои предыдущие мысли о контуженных солдатах – интересно, а можно ли пережить две контузии подряд? Сначала мне показалось, что внутри очень холодно и что я, возможно, шагнула в холодильное складское помещение. Я дважды моргнула, но не потому, что ничего не увидела. Под потолком горели флуоресцентные лампы, освещая все мертвенным, бело-голубым светом. Я снова моргнула, как будто надеясь, что то, что я увидела перед собой, могло исчезнуть. Но оно не исчезло.

Я была уверена: кладовая должна быть уставлена металлическими полками, а сами полки должны ломиться от контейнеров со свежими продуктами и большими банками для приправ, но я их не увидела. Единственное, что я видела, – это красивый бледно-голубой шифон платья Джейн, наполовину скрывающий от меня Джека в его черном смокинге. Его левая рука – та, на которой было золотое обручальное кольцо, надетое чуть больше года назад, – прижимала голову Джейн к его груди. Он наверняка стоял, склонив голову к ней, пока звук распахиваемой двери не заставил его отскочить. Судя по ним, они явно не отрабатывали приемы гольфа.

Пару мгновений мы смотрели друг на друга, не замечая ни суеты, ни шума на кухне, как будто стоящей между нами девушки в голубом, с ее заплаканным, бледным от шока лицом, даже не существовало. А затем все звуки с оглушительной силой выстрела вернулись. Мое тело пронзил удар, и я почувствовала, как свинцовая пуля медленно проникает прямо в сердце.

– Мелли, – сказал Джек и, когда Джейн отстранилась, шагнул ко мне.

Но я уже пятилась от него. При этом я зацепилась каблуком о платье, на миг ощутила натяжение ткани, затем раздался треск, и я вновь была свободна.

– Мелли, – повторил Джек, побежав за мной. – Пожалуйста, вернись. Это не то, что ты думаешь, поверь мне. Пожалуйста, остановись. Давай я тебе все объясню.

Но отчаяние, гнев и боль несли меня вперед. Так быстро я не бегала ни разу в жизни. Где-то между кухней и входом в ресторан я потеряла туфлю, а вторая осталась лежать посреди Спринг-стрит. Я пробежала один квартал, как вдруг до меня дошло, что Джек не устремился следом за мной. Отсутствие его шагов заставило меня застыть на месте. Я села на тротуар, чтобы отдышаться, не зная, что обиднее – Джейн в его объятиях или то, что он не пытался меня догнать.

Не знаю, сколько времени я просидела там, не замечая ни прохожих, ни погоду, ни ползающих по тротуару насекомых, не говоря уже о времени. Я помнила, что пыталась плакать, но обнаружила, что не могу. Как после всех долгих бессонных ночей с младенцами, когда я пыталась наконец уснуть, но усталость не давала мне сомкнуть глаз. Так и сейчас. Мое горе и печаль были сильнее любых слез.

Каким-то чудом мне удалось удержать вечернюю сумочку. Ее ремешок все еще болтался у меня на руке. Выудив из нее телефон, я увидела, что Джек оставил мне пятнадцать текстовых сообщений и десять раз пытался дозвониться. Я удалила все его текстовые и голосовые сообщения и заблокировала его номер. Голос новой Мелли звучал все слабее и слабее, пока наконец не смолк совсем. Тогда я набрала номер матери. Звук ее голоса почти сломал плотину слез, застрявших у меня в горле.

Не знаю, что я ей наговорила, но она пообещала, что мой отец будет здесь через пятнадцать минут. Я не знаю, с какой скоростью он вел машину и сколько красных светофоров и знаков «Стоп» пролетел без остановки, но он приехал менее чем через десять минут. Лишь раз посмотрев на меня – босую, в разорванном платье, он пулей выскочил из машины и практически отнес меня в нее, словно я была маленьким ребенком.

Я знаю, что он что-то говорил и задавал мне вопросы, но я не могла отвечать. Не могла слушать. Все, что я могла, – это заново переживать те ужасающие моменты на кухне ресторана. Это длилось меньше минуты, но воспоминания растянулись на целую вечность.

Мать ждала у входной двери дома на Легар-стрит. Она обняла меня и повела вверх по лестнице в ванную, где уже наполнила ванну горячей ароматной водой. Она расстегнула молнию на моем платье и отвернулась, давая мне возможность раздеться и лечь в ванну, а затем

села на закрытую крышку унитаза. Я лежала в горячей воде, впитывая напряженную тишину, а надо мной клубилось облако пара. Мать молчала, из чего я сделала вывод, что она здесь не за компанию, а, скорее, затем, чтобы я нарочно не скользнула под пузыри пены.

В конце концов вода, должно быть, остыла, потому что мать вытащила из ванны пробку и, положив на туалетный столик большое пушистое полотенце и толстый халат, вышла из ванной. После этого она помогла мне дойти до большой кровати с балдахином в комнате, где до того, как я вышла замуж за Джека, жила Нола, и откинула толстое одеяло.

– Прими, – сказала мать, предлагая мне две белые таблетки и стакан воды. – Они помогут тебе заснуть. Утром тебе станет лучше, и мы сможем поговорить.

Я не стала расспрашивать ее, лишь взяла таблетки и безропотно проглотила их, затем откинулась на подушку и позволила матери накрыть меня. Я держала глаза открытыми – ведь стоит их закрыть, как меня будет мучить картинка с Джеком и Джейн, – и стала ждать, когда таблетки помогут мне провалиться в небытие.

* * *

Два дня спустя я сидела на полу гостиной в доме моей матери с Джей-Джеем и Сарой. Солнечные лучи, лившиеся через витраж, создавали калейдоскоп цветов, окутывая нас разноцветным покрывалом света. Моя мать смеялась, глядя, как дети ловят разноцветные пятна в свои пухлые кулачки. Мне же едва хватило сил, чтобы улыбнуться.

– Мелли, тебе надо с ним поговорить. Ты не можешь оставаться здесь вечно, ведь между вами так много нерешенных вопросов.

Я тупо посмотрела на нее. До меня дошло, что я и в самом деле думала, что останусь здесь, в доме моих родителей, навсегда, никогда не покину его и никого больше не увижу.

– Джек был здесь около дюжины раз.

– Ты сказала ему, что я отказываюсь с ним разговаривать?

– Нет. – Она на миг умолкла. – Он просто сказал, что ему нужно поговорить со мной.

Я выпрямилась.

– С тобой? О чем?

– Понятия не имею, но он сказал, что для него важно поговорить со мной до разговора с тобой.

– Пожалуйста, скажи мне, что ты захлопнула дверь перед его носом.

– Я была чуть вежливее, но, по сути, да. Я сказала ему, что сначала он должен поговорить с тобой. Но, Мелли, кому-то из нас рано или поздно придется поговорить с ним. И чем скорее, тем лучше. Не стоит делать далеко идущих выводов, не зная точно...

Я перебила ее.

– Он ее обнимал! И они явно говорили не о погоде. И я своими ушами слышала объявление Марка и поэтому знаю: Джек за моей спиной проворачивал свои дела, причем разными способами. – Я сердито посмотрела на нее. – Это все твоя вина. Это ты сказала мне, что я должна стать взрослой и узнать правду, какой бы неприятной она ни была. Я так и сделала, и посмотри, что произошло!

Она нахмурилась, но защищаться не стала.

– Он хочет увидеть близнецов. Ты не можешь прятать их от него. Он их отец.

– Их лживый, бесчестный отец, который – подумать только! – продался Марку Лонго. И спит с няней. Это похоже на шоу Джерри Спрингера, и я отказываюсь поверить, что это моя жизнь. – Я вытерла слезы гнева, катившиеся по моим щекам.

Мать села передо мной на пуфик и протянула мне салфетку.

– Пожалуйста, Мелли. Давай я поговорю с ним, попробую докопаться до правды. Я уверена, когда ты узнаешь факты, ты все воспримешь по-другому. За всей этой историей явно кроется нечто большее, что бы ты ни думала и что бы ты ни видела. Это не похоже на Джека. Или на Джейн. И то, что он согласился использовать ваш дом как съемочную площадку, не обсудив это с тобой... – Мать закрыла глаза и слегка покачала головой. – Нет. Я не куплюсь на это. Я на твоей стороне, Мелли, но этот нарыв нельзя оставлять. Давай я позвоню Джеку.

Я покачала головой, чувствуя себя Джей-Джеем, когда я пыталась кормить его протертым горошком.

– Нет, – сказала я с тем же упрямством. – Главное, перестань открывать дверь и отвечать на его звонки, и он забудет о нас.

– Серьезно, Мелли? Ты считаешь, все это просто уйдет и он забудет о тебе и о своих детях?

Звякнул дверной звонок. Я в панике повернулась к матери, понимая, что уже поздно, а я все еще в пижаме. Я провела языком по зубам и вспомнила, что еще их не почистила. Да, я не хотела видеть Джека, но и не хотела доставлять ему радость тем, что он не может меня видеть.

Мать встала и направилась к двери.

– Не открывай!

Она с досадой вздохнула.

– Давай, прежде чем мы примем опрометчивые решения, я сначала посмотрю, кто это, хорошо?

Она исчезла в вестибюле. Мне было слышно, как она остановилась, затем раздался скрип поворачиваемой дверной ручки, и я вздрогнула.

– Нола! Я так рада тебя видеть, дорогая! Заходи. Я знаю, Мелли тоже захочет тебя видеть.

Мать была права – я действительно хотела видеть Нолу. Я скучала по ней, но даже в самые мрачные моменты мне ни разу не пришло в голову связаться с ней. Это было бы сродни принуждению выбрать чью-то сторону. Несмотря на неудачный выбор мужа, я слишком сильно любила Нолу, чтобы поступать так с ней. Нола – в школьной форме, с рюкзаком и ночной сумкой – робко вошла в гостиную. Дети тотчас завизжали от радости. Она же уронила сумку и села на пол, чтобы обнять Джей-Джея и Сару.

– Я скучала по вам, ребятки, – сказала Нола, взъерошив им волосы.

– Они тоже скучали по тебе, – сказала я. – И я тоже.

– Да, дома ничего хорошего. Отец не находит себе места.

«Прекрасно», – хотела сказать я, но не осмелилась в присутствии Нолы.

– Он очень скучает по тебе, Саре и Джей-Джею. Мы все хотим, чтобы вы вернулись домой.

– Это он послал тебя сюда? – спросила я.

Нола пощупала у себя за спиной и вытащила сумку.

– Он не знает, что я здесь. Я попросила миссис Равенель высадить меня здесь, а не у дома. Я подумала, что тебе нужно кое-что из твоих вещей. – Она пристально посмотрела на меня и нахмурилась. – Например, расческа, одежда и косметика. Но не слишком много, потому что тебе нужно вернуться домой.

– Я хочу, но не могу. Твой отец... – Я умолкла, не зная, сколько ей рассказал Джек.

– Он ничего мне не говорит, – сказала Нола, словно поняла мои колебания, – поэтому я спросила у Джейн, что случилось. Она ответила, что не может ничего мне сказать, пока вы с моим отцом не поговорите. Она переехала в дом Пинкни.

Я удивленно посмотрела на нее, гадая, что это за самоистязание. Софи сообщила мне, что экспертиза подтвердила, что в доме Пинкни хранилась редкая кукла Эдисона, и сейчас кукла была возвращена в дом. Я надеялась, что теперь она занята повторным знакомством с Джейн.

– По собственному желанию? – спросила я.

Нола пожала плечами.

– Это ее дом, и ей было неловко оставаться с нами без детей.

Я уже мысленно рисовала себе, как Джейн входит в мою спальню, так что, по крайней мере, этим я могла перестать себя мучить.

– Собаки тоже скучают по тебе.

Я вознаградила Нолу полуулыбкой.

– Не могу поверить, что я это говорю, поскольку я не любитель собак, но я тоже скучаю по ним. Может, ты когда-нибудь проведешь их мимо этого дома и постучишь в дверь?

– Возможно. – Нола посмотрела на свои кутикулы, и я заметила, что она начала грызть ногти. – Я тоже скучаю по тебе, Мелани. Я очень хочу, чтобы ты вернулась.

Я услышала в ее голосе слезы, и от моего сердца откололся еще один кусок. В данный момент оно, скорее, было похоже на измельченное стекло, и каждый осколок олицетворял собой разочарование и утрату после той злосчастной презентации книги.

Я подняла руку, чтобы погладить волосы Нола, густые и темные, как у отца.

– Я не могу. Вряд ли я смогу жить с твоим отцом после...

– После чего? Никто мне ничего не говорит! Как нам жить дальше, если никто не говорит о том, что произошло?

– Совершенно верно, – процедила моя мать сквозь сжатые зубы. – Приятно услышать нечто зрелое для разнообразия. – Она наклонилась, чтобы взять на руки младенцев. – Пойду уложу их спать и вернусь с чем-нибудь вкусным для Нола. Одна нога здесь, другая там.

Желая сменить тему, я взяла сумку и расстегнула молнию.

– Что ты мне принесла? Надеюсь, ты захватила мои тапочки? У меня жутко мерзнут ноги.

– Принесла. И твой любимый свитер с глубокими карманами, чтобы прятать еду.

Я удивленно посмотрела на Нолу, и она усмехнулась.

– Я не слепая, Мелани. И крошки на подбородке обычно говорят сами за себя.

Впервые за много дней я почувствовала, как уголки моих губ приподнялись в улыбке. Я порылась в содержимом сумки, поражаясь тому, сколь тщательным и продуманным был ее выбор, вплоть до толстых лыжных носков, в которых я обожала спать. Я уже собиралась застегнуть сумку, когда мои пальцы наткнулись на что-то твердое. Вытащив это нечто наружу, я обнаружила в своей руке фотографию Баттон и ее брата Самтера. Я подняла ее и показала Ноле.

– Зачем ты это принесла?

Нола застыла на месте.

– Это не я. В последний раз я видела ее на столе отца. И уж точно не клала ее в сумку. Может, она была в твоём ящике, и я просто не заметила, когда не глядя схватила что-то?

Я медленно покачала головой. Мой взгляд был прикован к руке, продетой под руку Самтера, единственной видимой части вырезанной из фото женщины – рука до локтя и кисть. Последняя привлекла мое внимание. Длинная и тонкая, с узкими заостренными ногтями, очень похожими на мои собственные. Но что действительно привлекло мой взгляд, так это овальное кольцо на среднем пальце, похожее на оникс с небольшим сверкающим бриллиантом посередине.

– Это же то самое кольцо, которое ты надевала на вечеринку, – сказала Нола.

– Да, похоже, ты права.

Она взяла у меня рамку и прочитала дату на лицевой стороне фотографии:

– Семнадцатое марта 1984 года. Ты тогда уже была?

Я знала, что Нола шутит, но мой взгляд был прикован к ее рукам. На моих глазах она перевернула рамку и открыла зажимы, которые удерживали фото на месте.

– Взгляни, Мелани, фотография не была обрезана. Она была сложена. – Нола расправила фотографию на колене и несколько мгновений смотрела на нее, а потом медленно повернулась ко мне. – По-моему, это Джинетт.

Я взяла снимок и впиалась глазами в исходное фото трех человек, прорезанное белой демаркационной линией, по которой оно когда-то было сложено и вставлено в рамку, где простояло в течение трех десятилетий. Я смотрела на вторую женщину рядом с Самтером. Картинка то исчезала, то вновь обретала резкость, пока я не моргнула. С фотографии на меня смотрело лицо матери, более молодая версия лица, которое я знала сейчас, а ее рука, лежавшая на сгибе руки Самтера, как будто была рукой собственницы. Но не только более округлое лицо или более нежные щеки, и даже не отсутствие перчаток приковали мой взгляд. Мой внезапно пересохший язык прилип к нёбу. На этом снимке, сделанном почти через десять лет после моего рождения, только слепой не увидел бы, что моя мать *очень* беременна.

Позади нас раздался глухой удар. Мы обернулись: по ковру катился небольшой шар, который остановился у моей ноги. Это была солонка с озера Джаспер, дата – 30 мая 1984 года. Я встретилась взглядом с Нолой.

– Я ее не брала, – дрожащим голосом сказала она.

Я подняла солонку и взяла ее в ладони. Керамическая поверхность была ледяной на ощупь.

– Я в этом не сомневалась, – сказала я, и в следующий миг все часы в доме моей матери начали отбивать четыре часа.

Глава 30

Нола ушла, а я быстро приняла душ и переоделась в штаны для йоги и свой любимый свитер. И даже почистила зубы. Я не торопилась, пытаюсь подготовиться к предстоящему разговору с матерью. К счастью, отец на весь день уехал на садовую выставку в Саванну, так что по крайней мере один разговор я могла отложить или вообще избежать его.

Прежде чем спуститься вниз, я вынула все из сумки и, чтобы свыкнуться с мыслью о длительном пребывании, сложила свои вещи в ящики. На самом дне я с удивлением обнаружила бумажный пакет, в котором лежали подставки от снежных шаров. Я быстро написала Ноле, попросив ее узнать, кто их туда положил, и с облегчением вздохнула, получив ее ответ, что их положила она, потому что теперь это любимые игрушки Сары, и Нола подумала, что Сара будет по ним скучать. Сунув их в заднюю часть ящика, подальше от Сары, я медленно спустилась по лестнице, неся с собой радионяню.

Я застала мать в саду. Потягивая горячий чай, она читала роман, как всегда – сама элегантность и спокойствие. Увидев меня, мать улыбнулась.

– Ты выглядишь гораздо лучше, дорогая. Вот что способны сделать с человеком душ и свежая одежда. – Она указала на место рядом с ней, и я села. – Хочешь чаю? Я только что достала из духовки домашнее песочное печенье, так что оно еще теплое.

– Нет, спасибо, – сказала я, ставя радионяню на стол и увеличивая громкость.

– Что-то определенно не так, раз ты отказываешься от сахара. – Ее мягкий смех быстро стих, как только она поняла, что я не смеюсь вместе с ней. – Что случилось, Мелли? Нола сказала что-то такое, что тебя расстроило?

Я покачала головой.

– Нет. Но это было в сумке, которую она принесла, хотя она клянется, что не клала это туда. – Я вынула из глубокого кармана свитера солонку, чтобы показать слова «озеро Джаспер» с одной

стороны и написанную от руки дату с другой. Я не ожидала, что мать прикоснется к ней без перчаток, и она этого не сделала.

Прочтя дату, она слегка побледнела. Как будто эта дата что-то для нее значила.

– Откуда это?

– Из дома Баттон Пинкни. Джек одолжил ее на время, и она стояла у него на столе, а затем каким-то образом попала в сумку, которую Нола собрала для меня. – Я полезла в карман, вытащила фотографию и придвинула ее через стол к ней. – И вот это.

Мать посмотрела на фотографию, и ее рука задрожала. Я взяла чашку из ее пальцев и поставила на блюдец.

– Это ты, – сказала я. Это не было вопросом. – В 1984 году. Но ведь мне всегда говорили, что я – единственный ребенок.

Она зажала рот обеими руками, и я едва не сказала ей, что слишком поздно хранить этот секрет. Закрыв глаза, она медленно опустила руки на колени.

– Так и есть, – сказала она и вновь открыла глаза. – Ты – мой единственный ребенок. Тот ребенок родился мертвым.

Я была не готова к такому ответу. Мне как будто больно дали локтем под ребра.

– Кто это был, девочка или мальчик?

По ее щекам текли слезы.

– Не знаю. Мне не сказали. Заявили, что так мне будет легче забыть. Но как такое забудешь? Они даже не позволили мне увидеть ребенка.

– Кто? Кто они?

– Баттон. И акушерка, – ответила она, помолчав. – И психиатр, с которым они консультировались... все согласились, что мне будет легче пережить травму, если я ничего не узнаю. Если я не смогу увидеть ребенка или дать ему имя. И я его не дала. Правда, легче мне от этого не стало. – Она прижала к глазу согнутый палец, пытаясь сдержать слезы. – Это были очень тяжелые роды – мне сказали, что я чуть не умерла. От горя, боли и страха я буквально тронулась умом и в конце концов перестала спрашивать и приняла потерю.

– А ребенок? – спросила я. – Где он похоронен?

– Рядом с домом у озера. Я согласилась сохранить это в тайне... Слишком много людей могли пострадать, узнав правду, включая твоего

отца. Мы знали о планах затопления озера, поэтому, хотя я и знала, что это незаконно, я решила, что даже к лучшему, если могила скоро окажется под водой. Я даже не пошла попрощаться. Я была так больна и слаба, что две недели не вставала с постели. Но я выбрала стихи из Библии и попросила Баттон их прочесть, и цветы... лилии... положила на могилу. А потом Баттон собрала мои чемоданы и посадила меня в самолет до Нью-Йорка, чтобы я вернулась к своей прежней жизни. Когда на следующий год озеро затопило и могилка ушла под воду, мне стало легче притворяться, будто ничего не произошло. Но я никогда не забывала. Мать никогда не забывает своих детей.

Я откинулась на спинку стула, пытаюсь переварить услышанное.

– Самтер?.. – Вопрос повис в воздухе между нами.

– Он был отцом. У нас была интрижка в Нью-Йорке. Хейзелл только что умерла, он недавно развелся и пытался начать новую жизнь. А я развелась с твоим отцом, разлучилась с тобой, и я искала кого-то, кого можно любить. – Мать пальцами вытерла лицо, что не помешало ей выглядеть элегантно. – Даже если бы ребенок выжил, между Самтером и мной ничего бы не было. Потому что я по-прежнему любила твоего отца, и это никогда не изменится.

– Где был сделан снимок?

Она посмотрела на фотографию, и ее губ коснулась мягкая улыбка.

– В доме у озера. Когда я больше не могла скрывать беременность, я сказала своему агенту, что мне нужен перерыв, и Баттон привезла меня туда, чтобы переждать беременность и найти акушерку. Самтер был в постоянных разъездах. Он заплатил акушерке, чтобы она жила в доме, пока не родится ребенок. Это позволило Баттон большую часть времени находиться в Чарльстоне, чтобы у Анны не возникало подозрений. – Мать на мгновение закрыла глаза. – Когда родился ребенок... на две недели раньше срока... Самтер был в Лондоне. Ему тоже не довелось увидеть нашего ребенка.

– Почему ты не вышла за него замуж? Вы оба были свободны.

Она едва заметно пожала плечами.

– Самтер хотел жениться, но я тянула с ответом, говоря, что мы примем окончательное решение после рождения ребенка. Я знала: на самом деле он не горел желанием жениться снова, по крайней мере, в

тот момент он еще любил Анну. Баттон тоже была против того, чтобы мы поженились.

– Но почему? Ты ведь была ее лучшей подругой. Вы бы породнились.

– Потому что была Анна. Баттон боялась, что Анна сделает что-то со мной, если узнает. И с ребенком. И, если честно, я тоже немного боялась Анны. Я ей никогда не нравилась, а потеря Хейзелл довела ее до крайности. Страшно представить, на что она могла решиться, если бы Самтер привез меня и нашего ребенка в Чарльстон. Даже если бы мы с ним переехали в Нью-Йорк, мы не смогли бы скрыть это от нее.

– А потом решение было принято за тебя.

Она посмотрела на свои руки и кивнула.

– Я хотела еще одного ребенка, хотя и боялась, что у меня возникнут те же проблемы, что и с тобой... что беспокойные мертвецы будут видеть в нас яркий маяк и не оставят в покое. Что, если ребенок унаследует наш дар? Имею ли я право сделать жизнь этого ребенка несчастливой? Я призналась Баттон, и она сказала, давай подождем и посмотрим. Она была такой. Всегда старалась даже в плохом видеть что-то хорошее. Всегда верила, что в конце концов все будет хорошо. Она вселила в меня такую уверенность, что я начала тайно планировать, как выращу этого ребенка в Нью-Йорке, где никого не будет волновать, что у меня нет мужа. – Мать судорожно всхлипнула. – А потом ребенок умер, и я вернулась в Нью-Йорк одна, как будто никогда не была беременна.

Я протянула руку и сжала ее пальцы.

– Мне очень жаль, мама. Мне, честное слово, жаль. Какая ужасная трагедия... а потом все эти годы держать это в себе. – Я крепче сжала ее руки. – Как я понимаю, отец не в курсе?

Она покачала головой.

– Зачем? Ведь я никогда не переставала любить его, несмотря на все доказательства обратного. Если бы он знал, что я была беременна от Самтера, он бы всегда сомневался в моей любви.

Я откинулась на спинку стула.

– Ты должна сказать ему, – ласково сказала я. – То, что ты рассказала мне.

Она вскинула подбородок и расправила плечи.

– Возможно, я так и поступлю.

Я постучала по солонке.

– Что значит эта дата? Прошло два месяца после того, как была сделана фотография.

Она судорожно вздохнула.

– Тридцатого мая родился ребенок. Полагаю, это Баттон написала дату, потому что это точно не моя рука. Фото было сделано в нашу последнюю встречу с Самтером. Он приехал на неделю в марте, и мы устроили вечеринку в честь Дня святого Патрика – для нас троих. Вернее, ее устроила Баттон, сказав, что мне одиноко и для поднятия духа требуется небольшая вечеринка, пусть даже самая скромная. Самтер меня удивил – просто неожиданно появился, хотя мы его не ждали. Мы прекрасно провели время – в основном вспоминая те счастливые дни, которые мы провели на озере, когда были моложе. – Мать на мгновение задумалась и умолкла, после чего заговорила снова: – Когда я разрешаю своим воспоминаниям вернуть меня в прошлое, я никогда не позволяю им пойти дальше той недели.

Я ловила каждое ее слово, одновременно поглядывая на солонку и фотографию. Их явно положили в сумку специально, чтобы мне что-то показать.

– Как ты думаешь, кто положил их мне в сумку? – спросила я, когда мать умолкла. Она пару секунд рассматривала солонку.

– Меня мучает тот же вопрос. Думаю, это Хейзелл, потому что ребенок был бы ее сводным братом или сестрой.

– Возможно, это и есть ее незаконченное дело, – предположила я. – Она хотела раскрыть секрет, прежде чем двинется дальше.

На лице матери читалось сомнение.

– Возможно, по крайней мере, отчасти. Это также объясняет, почему Анна пыталась этому воспрепятствовать. Ее ненависть ко мне и ревность к Самтеру не исчезли со смертью. Но накал страстей в этом доме не соответствует обстоятельствам. Есть что-то еще. Что-то, что связано со мной. Нечто большее.

Крик Сары заставил меня вскочить с места. Я бросилась в дом и пулей взлетела вверх по лестнице, мать – за мной следом. По мере того, как мы приближались к детской, крики становились все громче и пронзительнее.

Дверь по-прежнему была закрыта. Но сумка со снежными шарами, которую – я это отлично помнила – я засунула в ящик комода

в своей комнате, стояла посреди детской. Держась за край кровати, Сара тыкала в нее пальчиком и с визгом подпрыгивала – явно от нетерпения, а не от страха. Джей-Джей продолжал крепко спать на спине, раскинув руки и ноги, на его губах играла легкая улыбка. Он был настолько точной копией Джека, что я едва не расплакалась.

Я вынула Сару из кровати и убрала ей со лба волосы. Она вывернулась в моих руках, чтобы видеть сумку, и продолжила тыкать в нее пальчиком.

– Ммммммммм. Ммммммммм.

– Что там? – спросила мать.

– Разбитые снежные шары с чердака Пинкни. Сара ими очарована. Ей нельзя прикасаться к ним, но, похоже, она и не хочет. Ей нравится играть с ними в угадайку. Лично я вообще стараюсь избегать контактов с ними, но Джейн и Нола продолжают вынимать их ради Сары.

Словно в знак согласия, Сара начала подпрыгивать.

– Ммммммммммм. Ммммммммммм.

– Послушай, – сказала Джинетт, протягивая руки к Саре. – Может, ты мне покажешь?

Осторожно подойдя к сумке, я аккуратно открыла ее и убедилась, что внутри лежат только подставки от семи разбитых снежных шаров. Сунув руку внутрь, я наугад вытащила одну и подняла вверх. Это была подставка из Сакраменто. Сара выбросила в стороны маленькие ручки и яростно замотала головой.

– Это значит «нет», – пояснила я.

Она вновь принялась указывать на сумку, поэтому я бросила подставку из Сакраменто обратно внутрь и вытащила другую, на этот раз из Орландо.

Сара сделала тот же жест, что и раньше, и повторила его еще дважды, пока я не вытащила подставку из Майами. Тогда Сара положила голову на плечо моей матери и улыбнулась, а когда я хотела вернуть подставку обратно в сумку, снова пришла в возбуждение.

– Мне кажется, она еще не закончила, – сказала мать. – Поставь эту подставку на комод и попробуй другую.

Мы повторили те же действия еще пару раз, пока я снова не вытащила Орландо, но на этот раз это встретило одобрение Сары, даже улыбку. Я поставила Орландо рядом с Майами и попыталась

закрыть сумку, но Сара дала понять, что еще не закончила. Мы вытащили все семь подставок. Постепенно мы с матерью осознали: это не просто игра. Моя дочь – или кто-то еще – пыталась нам что-то сказать. Меня очень тревожило, что этот некто общался с нами через Сару.

Моя дочь утомилась только тогда, когда мы расположили все семь подставок в том порядке, который она одобрила: Майами, Орландо, Мемфис, Сакраменто, Индианаполис, Цинциннати и Каламазу.

– Господи, что все это значит? – Мать подошла к подставкам с Сарой, но та, похоже, полностью утратила интерес к снежным шарам, и теперь ее внимание было приковано к колье из черного бисера на шее бабушки.

Я вынула из кармана телефон, сделала снимок и собралась отправить его Джеку, но вспомнила, что притворяюсь, будто его не существует. И что мне все равно, что случилось с Джейн, ее домом и его призраками, и что я уже перепоручила его продажу моей коллеге Венди Вакс.

Я сунула телефон обратно в карман.

– Ты можешь немного присмотреть за детьми? – Я начала запихивать подставки в сумку, слушая, как они стучаются друг о дружку.

– Хочу положить их в почтовый ящик Джейн. Они принадлежат ей, и я не хочу иметь с ними ничего общего.

– Мы не можем оставить все как есть, Мелли. Джейн не будет знать, что ей делать.

– Она всегда может попросить Джека о помощи, разве не так?

Зазвонил сотовый телефон матери. Ее рингтон *Nessun dorma* из оперы Пуччини «Турандот» был неплох, но не такой замечательный, как моя «АББА». Мать посмотрела на экран, затем на меня.

– Это Джек. Я хотела бы ответить – Поступай как хочешь, мама. Главное, дай ему понять, что тебе не интересно с ним разговаривать. И, если он спросит обо мне, скажи, что я умерла. Или переехала в Сибирь. – Мой взгляд остановился на Саре. Дочь смотрела на меня глазами Джека, и мое сердце сжалось. – Если он хочет повидаться с детьми, скажи ему, чтобы прислал Нолу с собаками, и она приведет

детей с собой на всю вторую половину дня. При условии, что там не будет Джейн.

Мать вздохнула, и телефон перешел на голосовую почту.

– Я просто пошлю ему эсмэску. Он настаивает на разговоре со мной, и мне трудно сказать ему «нет».

– Добро пожаловать в мой мир, – пробормотала я и повесила сумку на сгиб локтя. – Я ненадолго.

Я взглянула на все еще спящего Джей-Джея, поцеловала Сару в щечку, вышла из комнаты и побежала вниз по лестнице. Сумка билась о мою ногу, и каждое касание и стук подставок с укором напоминали мне, что, несмотря на обещания измениться, я по-прежнему оставалась старой Мелани – неуверенной в себе, ранимой и жалкой.

Глава 31

На следующее утро я медленно трусила по Брод-стрит, уделяя больше внимания неровным тротуарам, чем тому, кто или что было передо мной. В моей жизни было достаточно неурядиц, так что вывихнутая лодыжка мне совершенно ни к чему. Я предпочитала бегать маленькими улочками к югу от Брод-стрит, но была вынуждена изменить привычный маршрут, чтобы избежать Саут-Бэттери и ненароком не наткнуться на Джейн или ее дом.

Софи бежала рядом со мной. Ее дыхание было легким, а темп – чуть быстрее моего, чтобы мотивировать меня. Не то чтобы мне требовалась мотивация. Теперь я относилась к нашим маленьким пробежкам с энтузиазмом, хотя бы потому, что все мое внимание было сосредоточено на правильном, глубоком дыхании и по крайней мере полчаса в день мне не надо было помнить о том, в какой кошмар превратилась моя жизнь.

Мы пробежали мимо «Бюро недвижимости Гендерсона», и я обрадовалась, не увидев света в вестибюле. Я по-прежнему каждый день ходила в офис, но обычно очень рано утром или очень поздно вечером, когда никого не было. Не хотела рисковать, что Джек заглянет и поймает меня на рабочем месте. Я делала кое-какую бумажную работу, брала все, что мне могло понадобиться, и относила в дом моей матери, где просматривала розовые листочки с сообщениями, которые Джолли оставляла на моем столе. Большая их часть была от Джека и Сьюзи Дорф, несколько – от Ребекки. Я их не читала, получая странное удовольствие от хруста в моем кулаке, когда я сминала их, прежде чем бросить в мусорную корзину.

Мы почти добежали до Ист-Бэй, когда Софи замедлила темп. Я взглянула на нее, чтобы понять, в чем дело, а когда она замерла на месте, проследила за ее взглядом, устремленным в сторону следующего квартала. К нам приближалась Ребекка в новом розовом спортивном костюме. В нагрудной сумке сидела Пуччи с розовыми бантами на ушах. Трудно сказать, у кого из них двоих был более идиотский вид. Я собралась повернуть назад, но Софи схватила меня за локоть.

– Она хочет поговорить с тобой. – Я попыталась вырваться, но Софи крепко держала меня.

– Я попала в засаду?

– Извини, Мелани, но я не могу видеть тебя такой несчастной. Избегая людей, ты не решишь своих проблем. Ребекка позвонила мне вчера и сказала, что пыталась дозвониться до тебя, но всякий раз натыкалась или на твоих родителей, или на администратора у тебя на работе. Она отчаянно хочет поговорить с тобой, поэтому я пообещала помочь ей.

– О, прекрасно. Значит, ты – недостающее звено.

Софи наморщила нос.

– Наверно, ты имеешь в виду «слабое звено», но да, можно сказать и так.

Ребекка шагнула ближе, и хватка Софи сделалась крепче.

– Ты оставишь синяк, если не отпустишь.

Софи прищурилась и посмотрела на меня.

– Только если ты пообещаешь не дать стрекача.

– Согласна. Но я не обещаю, что поговорю с ней.

Софи отпустила мою руку. Я скрестила руки на груди и приготовилась к битве.

– Доброе утро, – сказала Ребекка. По крайней мере, ей хватило такта изобразить огорчение.

– Было доброе, – сказала я, в упор глядя на нее.

– Думаю, я это заслужила. И я не виню тебя в том, что ты злишься. Вот почему я хотела поговорить с тобой. Не только чтобы извиниться, но и чтобы помочь.

– Это как же?

– Мне снились и другие сны. Более конкретные сны, и я знаю, что они как-то связаны с домом Джейн.

Я попятилась.

– Я больше не имею отношения к особняку Пинкни, так что не утруждай себя. Лучше найди Джейн и сообщи об этом ей.

– В моих снах присутствовала твоя мать.

Я остановилась и посмотрела на нее.

– Что ты имеешь в виду?

– Девочка в белой ночной рубашке все время показывает мне лестницу без двери, а когда она достигает нижней ступеньки, она

поднимает доску и что-то вытаскивает.

– Что именно? – спросила я.

– Не знаю. Она мне не показывает.

– Но какое это имеет отношение к моей матери?

– Надеюсь, это значит для тебя больше, чем для меня, но она все время повторяет, что Баттон поступила правильно и твоя мать должна ее простить.

Я отступила назад.

– Что сделала Баттон?

Ребекка пожала плечами.

– Я не знаю. Маленькая девочка очень слабая, и я не всегда четко ее слышу... как будто ее что-то блокирует.

– Если это все... – сказала я. Если честно, мне не терпелось поскорее отвязаться от Ребекки.

– И еще кое-что. Она сказала, что тебе следует послушать Сару.

– Сару? – удивилась Софи, прежде чем это успела сделать я сама. – В смысле, ее маленькую дочь Сару?

– Если только вы не знаете другую, – сказала Ребекка. – Я предполагаю, что она унаследовала семейный дар. Это правда, Мелани?

Я сохраняла невозмутимое лицо – не хотела, чтобы эта крупица информации получила свое подтверждение, чтобы потом, когда Сара станет старше, ее безжалостно эксплуатировали. Что бы ни произошло между мной и моей матерью, когда я была маленькой, это не должно случиться со мной и Сарой. Это единственное, в чем я сейчас была уверена.

– Ты хотела извиниться, – сказала я, чтобы сменить тему.

Ребекка посмотрела на головку Пуччи и принялась играть с розовыми бантами на пушистых собачьих ушах. А я подумала, нравится ли это Пуччи. Потому что Сара вечно их срывала, и внезапно до меня дошло: да ведь это такие же бантики, которыми я украшала волосы Сары! Я тотчас же поклялась себе, что никогда больше этого не сделаю.

– Я знаю, что частично несу ответственность за ту размолвку, что произошла между Марком и Джеком... – не поднимая глаз, сказала Ребекка.

– Это не «размолвка», – перебила я. – Это была идея Джека, его книга и его карьера, и Марк украл их у него... с твоей помощью, могу добавить.

Как ни была я зла и обижена на Джека, эта история все еще оставалась для меня больным местом.

– Я знаю. Вот почему я здесь. Потому что я знаю кое-что, чего не знает Марк и что поможет тебе и Джеку.

Я посмотрела на нее скептически.

– Зачем тебе это нужно, Ребекка? И с чего ты взяла, что я тебе поверю?

– Потому что мы одна семья, Мелани, хотя, наверно, я иногда веду себя не так. И у нас есть общий дар, или как там ты его называешь, и нам не нужно стесняться друг друга, когда мы говорим о снах и встречах с мертвецами. Я люблю своего мужа, но Марк никогда не сможет понять эту часть меня.

Я встретила ее взгляд, желая сказать, что зато Джек меня понимает. И даже ничуть не огорчился, узнав, что его дочь унаследовала тот же дар. Вместо этого я сказала другое:

– Так что ты знаешь такое, чего не знает Марк?

– Марк в курсе, что у Джека финансовые проблемы и что его следующая книга ничем ему не поможет. Когда Марк впервые обратился к Джеку с предложением использовать ваш дом для съемок фильма, Джек ответил категорическим отказом, даже после того, как Марк поделился с ним инсайдерской информацией, полученной от своего агента, мол, в издательском мире ходят слухи, будто карьера Джека катится под уклон.

Я сглотнула, недоумевая, почему Джек не сказал об этом мне. Или он пытался оградить меня от неприятной правды?

– Но, когда Марк второй раз обратился к Джеку, он знал, что положение Джека становится все более отчаянным. Джек совершил ошибку, сказав другому автору, что его издатель не в восторге от книги, которую он только что сдал, и, даже если они не отменят контракт на следующую книгу, они, вероятно, не возьмут ее, эта новость дошла до Марка. Вот почему Марк подумал, что Джек, возможно, захочет его выслушать.

Я снова сглотнула. Комок в моем горле, похоже, застрял намертво.

– Это тогда Джек согласился?

Она покачала головой.

– Нет. В том-то и дело. Джек не давал официального согласия. Но он сказал Марку, что занят разработкой идеи для новой книги и что та якобы произведет фурор. Что его агент от нее в восторге и уже обратился к ряду крупных издателей, и те проявили интерес – на тот случай, если нынешний издатель его бросит. Единственная проблема заключалась в том, что эта история могла навредить людям, которых он знал и любил, и ему нужно было поговорить с ними, чтобы получить их разрешение. А если бы они сказали «нет», ему ничего другого не оставалось бы, кроме как подписать соглашение об использовании вашего дома для съемок нашего фильма – за большие деньги, могу добавить. Но только если бы ты тоже его подписала. Он не собирался делать это за твоей спиной.

– Так о чем было это объявление на вечеринке по случаю выхода книги? – Софи сделала шаг вперед и грозно подбоченилась.

Я на всякий случай положила руку ей на плечо, втайне радуясь, что она на моей стороне. Несмотря на ее хиппизм в духе нью-эйдж и полное отсутствие вкуса в одежде, она была моей лучшей подругой, на чью поддержку я всегда могла рассчитывать.

Ребекка бросила на Софи обеспокоенный взгляд.

– Марк слегка поспешил. Джек не отвечал на его телефонные звонки, и Марк предположил, что долгожданная сделка с книгой Джека сорвалась, и он может официально объявить место съемок. Твое согласие было проблемой Джека, а не его. На вечеринке должно было прозвучать объявление, что две голливудские звезды первой величины сыграют в фильме Луизу Вандерхорст и Джозефа Лонго. Вот и все, клянусь. Я удивилась не меньше других, когда Марк сказал то, что он сказал.

Я посмотрела на Ребекку, не зная, то ли обнять ее, то ли вlepить ей пощечину, но в конце концов решила не делать ни того, ни другого. Джек того не стоил. Даже если он и не собирался заключать соглашение без меня, он все равно был неверным негодяем, разбившим мне сердце.

– Спасибо, что сказала. Поздновато, но я рада, что знаю.

Ребекка неуверенно улыбнулась.

– Надеюсь, это не встанет между нами и не разрушит наши отношения.

Я услышала, как Софи шевельнулась рядом со мной. Она наверняка думала, как и я. *«Правда? Какие отношения?»*

– Конечно, нет, – честно призналась я. – Но в следующий раз, если таковой будет, пожалуйста, говори мне сразу, и чем раньше, тем лучше. Это избавит всех нас от лишних неприятностей. Особенно тебя, потому что именно тебе придется сказать Марку и киношникам, что я скорее выкрашу волосы в пурпурный цвет и восстановлю еще один старый дом, чем позволю снимать этот фильм в моем доме.

– Так ты все-таки думаешь об этом?

Почувствовав, как Софи шевельнулась рядом со мной, я постаралась не допустить, чтобы в ход пошли кулаки.

– Нет. Больше не думаю. Никогда не думала. Мой ответ – нет. Не «может быть», а «нет».

Ребекка нахмурилась, как будто не понимая, а затем шагнула вперед, словно хотела обнять меня. Я отпрянула, и она быстро сделала вид, что ничего не случилось, но не раньше, чем я заметила ее смущение. И как только меня угораздило быть родственницей той, кто так плохо разбирается в человеческих отношениях? Не знаю.

– Да, увидимся позже. Давайте все вместе когда-нибудь куда-нибудь сходим, ты тоже, Софи. Устроим небольшую вечеринку. Помоему, замечательная идея.

– По такому случаю я могла бы даже выпрямить волосы и надеть сарафан от «Лили Пулитцер». И туфли на шпильках, – невозмутимо заявила Софи.

Улыбка Ребекки на миг потускнела, и я задумалась, действительно ли ей хотелось каких-то отношений со мной. В конце концов, нас связывали не только узы родства. Софи взяла меня за руку. Мы поспешно попрощались с Ребеккой и зашагали в противоположном направлении. Софи заговорила первой.

– Итак, что ты собираешься делать теперь? Поговорить с Джеком? Я покачала головой.

– А какой смысл? Он всегда говорит мне, как важно делиться своими проблемами и рассказывать ему обо всем, и при этом сам он многое от меня скрывал.

– Верно, но он делал это, оберегая тебя.

– Когда я что-то игнорирую, то обычно тоже оберегаю себя, так что, думаю, здесь мы квиты. – Я нахмурилась. – Он мог бы сказать

мне, что у нас финансовые проблемы. Когда дети были еще младенцами, я переложила на него домашние расходы, потому что была очень перегружена, и с тех пор не принимала участия в подсчетах, потому что едва могла свести баланс в чековой книжке. У меня просто не складывались цифры, и Джек сказал, что смотреть на это выше его сил. Но ведь он мог прийти и все честно рассказать. В конце концов, я умею урезать расходы и ничуть не обиделась бы, если бы он попросил меня это сделать. Мне казалось, что в этом и заключается смысл брака – делиться всем.

Софи остановилась и посмотрела на меня. Моментально узнав ее манеру профессора, собирающегося читать лекцию, я вздрогнула.

– Иногда ты бываешь слегка зацикленной на себе, Мелани. Ты – молодая мать близнецов, ты заново начинаешь свою карьеру, у тебя есть проблемы с телом. Возможно, Джек не хотел тебя обременять. И давай не будем сбрасывать со счетов мужское эго – его карьера и способность быть кормильцем очень тесно связаны с его самооценкой. Ему было бы трудно признаться тебе в этом.

– Проблемы с телом? Какие проблемы с телом?

– В самом деле, Мелани? Это все, что ты услышала?

– Конечно, нет, – сказала я и пошла дальше, перебирая свой мозг в поисках того, что было после слов «проблемы с телом». – Поверь мне, с мужским эго Джека все в порядке. Я застукала его в кладовой, когда он обнимал другую женщину... няню наших детей. Я видела это своими собственными глазами!

Мы шли молча, позабыв о нашей пробежке. В конце концов Софи не выдержала и первой нарушила молчание.

– Что, если ты просто неправильно истолковала ситуацию? Не в твоих привычках проявлять терпение для анализа ситуации, и я подумала, вдруг...

Я резко остановилась посреди тротуара и в упор посмотрела на мою будущую бывшую лучшую подругу.

– Как это говорится? Et tu, Brute? И ты, Брут? К тому же кто, как не ты, предостерегала меня, сказав о том, насколько привлекательной может быть Джейн для Джека? Помнишь, когда мы гуляли в парке?

– Да, и мне очень стыдно. На тот момент я действительно не знала Джейн так хорошо, как сейчас. Я неверно истолковала ситуацию и поспешила с выводами, которые мне не следовало делать. Похоже,

дурной пример заразителен. – Она попыталась улыбнуться, но безуспешно. – Но я точно знаю, что ты любишь Джека и он любит тебя, и я прошу тебя хорошенько подумать об этом. Вдруг в той ситуации было нечто большее, нежели то, что тебе показалось.

– Я знаю, что я видела, – сказала я, чувствуя, как во мне закипает гнев. – Трудно не заметить, как твой муж обнимает другую женщину.

– Они целовались?

Я уже собралась сказать «да», но задумалась.

– Когда я их видела, нет. Но его голова была повернута к ней, как будто он собирался это сделать. Или только что закончил поцелуй.

– Значит, ты не видела, чтобы они целовались?

Я замедлила шаг.

– Нет. Но...

– Ты обнимаешь своих детей?

– Да, конечно. Но...

– А Нола? А твои родители?

Я вновь остановилась посреди тротуара и посмотрела на нее. С нами чуть не столкнулся пожилой мужчина, выгуливающий собаку.

– Ты же знаешь, что да. Но какое это имеет отношение к тому, что Джек крутит шашни с нашей няней?

Софи посмотрела на небо, словно ожидала божественного вмешательства, этот взгляд был мне до боли знаком.

– Есть много причин, почему мы обнимаем людей, и не все они связаны с похотью. Я допускаю, что, увидев их вместе, ты предположила, что то, что ты видела, не было невинным объятием. Но что, если это не так? Что, если он, скажем, утешал ее? Пытался поднять ей настроение? Потому что тот Джек, которого я знаю, – по-настоящему хороший парень, который заботится о других. И который, к тому же, безумно любит свою жену.

Я хотела поспорить, напомнить ей про те разы, когда Джейн и Джек отрабатывали в фойе удары клюшкой. Или как они с детьми устроили пикник в парке. Как он утешал ее в коридоре, когда разбился ночник, причем сам он был без рубашки. Но, прежде чем выставить себя полной дурой, я сдержалась. Меня терзало смутное сомнение, что Софи права.

Однажды я попросила Томаса объяснить мне, что такое косвенные улики, и мне пришлось согласиться, что все сцены с Джеком и Джейн,

продолжавшие бить меня по голове, можно было отнести лишь к косвенным уликам. Я же вынесла им приговор без суда и всего с одним присяжным. Хуже того, при первых же признаках неприятностей я вновь стала старой паникершей Мелли, которой всегда было легче доказать, что ее мир рушится, чем по-настоящему посмотреть и увидеть, насколько он хорош.

– Я не знаю, что мне делать, – призналась я и дважды моргнула, недоумевая, почему Софи стала такой расплывчатой. Схватив меня за руку, она потащила меня с Брод-стрит на Черч-стрит. Магазин на углу еще не открылся, и пешеходов было очень мало. Я беспрепятственно прижалась лбом к прохладному камню здания, упираясь в него до тех пор, пока у меня не заболела голова.

– Что ж, у тебя есть несколько вариантов, и все они включают в себя откровенный разговор с Джеком. И не забывай обо всем, что сказала тебе Ребекка. Вспомни Баттон, вспомни ту вещь, которую ей показала Хейзелл, ту, что спрятана в ступеньках. Вспомни и то, что ты должна слушать Сару.

Вспомнив кое-что еще, я обернулась.

– Она сказала, что у Джека была отличная идея для книги, но он не мог сдвинуться с места, пока не поговорит с теми, кого это может затронуть. Что это могло навредить людям, которых он любит. – Я от волнения заправила волосы за уши. – Джек пытался поговорить с моей матерью, но я ему не позволила. – Я в ужасе посмотрела на Софи. – Что, если я сделала только хуже?

Софи печально улыбнулась.

– Это определенно не в первый раз. И вряд ли в последний. Но пока поправимо.

– Ты уверена?

Она обняла меня за плечи и крепко прижала к себе.

– Насколько я знаю, у нас никогда не будет вечеринок с Ребеккой и Марком.

Глава 32

Я услышала, как мой звонок примерно в пятый раз за день прямиком отправился на голосовую почту Джека. Было уже почти шесть часов, и на улице темнело, а я толком так ничего и не сделала на работе, хотя не вставала из-за стола весь день. Воздух был тяжелым и насыщенным, что, однако, не имело отношения ни к проливному ливню, ни к сопровождавшим его грому и молниям. Или к темным тучам, добавлявшим еще один слой мрака к и без того заряженной атмосфере.

Я снова набрала номер, дождалась гудков и тотчас оборвала связь, когда голос Джека сказал мне, что он свяжется со мной, как только сможет. Я решила, что, скорее всего, у меня разыгралось воображение, но в гудке было что-то ненастоящее. Как будто кто-то имитировал его, но не мог добиться точности. Это как слушать любимую песню в кавер-версии другого исполнителя.

Я позвонила Ноле, и она ответила на втором гудке.

– Привет, Мелани.

– Как хорошо, что ты взяла трубку, я уж думала, что с моим телефоном что-то не так. Твой отец дома? – Я затаила дыхание.

– Нет. И я начинаю волноваться. Обычно в это время он уже дома, но от него ни слуху ни духу. Миссис Хулихан он тоже не звонил.

– Ты пробовала позвонить ему?

– Звонок сразу переадресовывается на голосовую почту. – Она на миг задумалась. – Он звучал странно. И мой телефон показывает неправильное время.

Я застыла.

– Десять минут пятого?

– Да, а как ты узнала?

Прежде чем ответить, я отняла телефон от уха и посмотрела на экран.

– Потому что на моем телефоне точно такое же время. Мы не должны разговаривать по мобильным во время грозы, поэтому я повешу трубку. Но, пожалуйста, пусть твой отец позвонит мне, как

только вернется домой. Скажи ему, что я возьму трубку и что я разблокировала его номер.

– Ты заблокировала его номер?

– Знаю-знаю. Пожалуйста, ничего не говори, Нола. Не хватало еще, чтобы меня ругал пятнадцатилетний подросток.

– Понятно.

Я собиралась попрощаться, когда она снова заговорила.

– Мелани?

– Да?

– Зачем ты переслала эту фотографию разбитых снежных шаров?

– Не поняла?

– Ты прислала мне снимок разбитых снежных шаров, выстроенных в линию на комодке детской. Я подумала, что это какой-то код, и ты хочешь, чтобы я его разгадала.

Я потрогала затылок. Тот уже покалывал от страха.

– Я не присылала. Я вообще забыла, что этот снимок был у меня на телефоне. Я хотела отправить его твоему отцу.

Нола ответила, но лишь после короткой паузы.

– Наверно, ты случайно нажала на мое имя, и вместо отца фотка пришла мне.

Я едва не согласилась с ней. Ведь проще сделать вид, будто всему есть очевидное объяснение. Но мы обе знали, что это не так.

– Нет, – сказала я. – Я знаю, что я этого не делала.

– Тогда кто это сделал?

– Хейзелл, – машинально ответила я. Вероятно, потому, что время ее смерти застыло на обоих наших телефонах, я сделала самый очевидный вывод. – Может, она пытается нам что-то сказать?

– Было бы странно слышать это от кого-то еще, кроме тебя. – Хотя голос Нола немного дрожал, мне показалось, что я слышу ее улыбку. – Хочешь, я немного поиграю с этим кодом? Вдруг что-то проклюнется?

– Да, это было бы отлично. И я сделаю то же самое, как только накормлю малышей и уложу их спать. Позвони мне, если что-нибудь придет тебе в голову.

– Хорошо. Ты тоже.

Мы попрощались, и я быстро собрала свой портфель. Мать убедила меня брать с собой удобную обувь, чтобы ходить в ней на

работу и с работы. Надев туфли на низком каблуке, которые она мне купила, я направилась в вестибюль.

– Спокойной ночи, Мелани.

Я с удивлением посмотрела на Джолли. Та все еще сидела за стойкой администратора и бодро улыбалась.

– Что вы здесь делаете в такое время?

– Просто убираю кое-какие вещи. Составляю списки на завтра. – Она встала и вышла из-за стола, держа что-то похожее на большой фотоальбом. – Ваш муж оставил это вам около часа назад.

– Джек был здесь? И вы мне ничего не сказали?

– Вы сами велели говорить ему, что вы заняты с клиентами. А так как вашей машины на улице не было, ему даже не пришлось спрашивать.

– Понятно, – промямлила я, протягивая руку за альбомом. Я тотчас узнала один из альбомов Баттон, которые мы с Софи принесли в дом на Трэдд-стрит для Джека. – Джек сказал, почему он оставил его для меня?

– Нет, лишь просил вас позвонить, когда вы будете готовы заглянуть в него. Он пытался дозвониться до вас, но вы якобы заблокировали его номер, поэтому он не смог. – Она бросила на меня укоризненный взгляд. – Вы ведь этого не сделали, правда? Из всех...

– Спасибо, Джолли. Спокойной ночи.

– Вам это пригодится, – сказала Джолли и, порывшись в своей вместительной сумке, вытащила пустой пластиковый мешок для мусора. – Иначе альбом промокнет, и фотографии внутри будут безвозвратно испорчены. У вас ведь нет машины или вы забыли? Но вы можете позвонить Джеку. Вдруг он сможет вас забрать? Это даст вам время выяснить отношения, прежде чем вы вернетесь к семье. Заодно вы сможете извиниться за то, что заблокировали его номер.

Проигнорировав мой колючий взгляд, Джолли принялась заворачивать альбом в мусорный мешок. Я попыталась снова дозвониться до Джека. Увы, звонок был вновь перенаправлен на голосовую почту, и я нажала кнопку отбоя. Окна дребезжали от раскатов грома, небо вело обстрел дождевыми пулями.

– Это недалеко, – сказала я, натягивая капюшон плаща и убирая под него волосы. Завывал ветер, давая понять, что зонтик бесполезен.

Джолли подошла к двери и открыла ее.

– Поторопитесь, пока улицы снова не затопило, иначе вам придется плыть домой. Я бы пошла с вами, чтобы помочь, но мне нужно в противоположную сторону. – Когда я приблизилась, Джолли шумно втянула в себя воздух. – Мне нравятся ваши духи. Пахнет розами.

– Я не пользуюсь духами. – Я не стала говорить, что не чувствую запаха роз. – Может, моя домработница использует новый стиральный порошок.

– Или у вас есть ангел-хранитель, – сказала она с легким смехом.

Я сделала шаг к двери, но Джолли не двинулась с места, продолжая стоять и хмуро смотреть на меня. По бокам ее рта залегли две глубокие складки.

– Скажите Джейн, чтобы она была осторожна. – Она начала тереть шею, как будто та была вся в синяках. – И ваша мать тоже. По крайней мере, я думаю, что это ваша мать. Она похожа на вас, но худее, и у нее большая грудь. У меня дурные предчувствия.

Я заставила себя сделать несколько вдохов и выдохов, пока мой разум прокладывал путь через то, что только что сказала Джолли.

– Дурные предчувствия?

Она кивнула.

– Да, я научилась этому вчера вечером в своем онлайн-классе. Это когда вы обращаете внимание на свои предчувствия и позволяете им погрузить вас в ваши истинные чувства. Я делаю это впервые, так что сообщите мне, окажусь я права или нет.

– Непременно, – процедила я сквозь зубы. – Спокойной ночи, Джолли. До завтра. – Она открыла мне дверь, и я, плотно прижимая к телу портфель и завернутый альбом, вышла под проливной дождь.

* * *

Мать встретила меня у двери и, когда я уронила свою ношу на пол кухни, взяла мое пальто.

– Ты похожа на утонувшую крысу, Мелли. Хорошо, что собак здесь нет, иначе они точно бы погнались за тобой.

– Спасибо, мама, – сказал я, целуя ее в щеку, а затем наклонилась, чтобы поцеловать сидевших на одеяле близнецов. Их маленькие ручки

и ножки были заняты тем, что отбивали различные игрушки, свисавшие перед ними с подставки. Похоже, я представляла для них куда меньший интерес, потому что они не прекратили свое занятие. – Где папа?

– Из-за погоды он остался на выставке садоводства еще на одну ночь. Вернется завтра. Ты голодна? Я приготовила минестроне, если хочешь.

Внезапно я поняла, что проголодалась и продрогла до костей.

– Это было бы здорово. Просто дай мне пятнадцать минут... принять горячий душ и переодеться.

Я подумала про лежащий на полу альбом, но потом вспомнила, что Джек велел позвонить, прежде чем я взгляну на него. Схватив свой телефон, я побежала наверх, вновь набрала номер Джека и, услышав, как мой звонок переадресовывается на голосовую почту, повторила попытку.

Я возвращалась в кухню, вновь набирая номер, когда воздух сотряс раскат грома. Картины на стенах завибрировали. Свет замигал и погас, и у меня возникло кошмарное воспоминание о минутах, проведенных в ванной Баттон в обществе Анны. Я даже присела на одну из ступеней, но свет милостиво зажегся вновь. Сегодня вечером в атмосфере определено что-то было. Что-то, не имеющее ничего общего с показаниями барометра или сожженными ионами.

– Есть ли вести от Джека? – спросила я, входя на кухню. Мать наливала суп из большой кастрюли в две неглубокие миски.

– Нет. Более того, он вообще не звонил мне сегодня.

– Можешь попробовать позвонить со своего телефона? Кажется, я не могу дозвониться до него по своему.

Столь резкая перемена моего настроения застала мать врасплох. Она вопросительно выгнула бровь и, ничего не говоря, взяла со стойки свой телефон и набрала номер. Я через всю комнату услышала пронзительный гудок и обратила внимание, что мать держит телефон подальше от уха.

– Должно быть, я неправильно набрала номер. – Она попробовала еще раз, и вновь безрезультатно.

Мы сели за стол. Перед каждой из нас стояла тарелка с супом, но ни мать, ни я не потянулись за ложкой.

– Что-то здесь не так, – сказала я.

Мать кивнула.

– Я тоже это чувствую. Мы ничего не сможем сделать, пока не узнаем больше, так что давай поедим, чтобы поддержать свои силы. У меня такое чувство, что они нам понадобятся.

Пока мы медленно ели, я поведала ей о своем разговоре с Ребеккой.

– Она сказала, что Хейзелл хочет, чтобы ты знала, что Баттон поступила правильно и что ты должна ее простить. Ты знаешь, что это значит?

Между изящными бровями матери пролегла складка.

– Нет. Когда я вернулась в Нью-Йорк, мы с Баттон остались в хороших отношениях. Ни обвинений, ни взаимных упреков, ни обид. Только дружба. Помню, я сказала, как благодарна ей за то, что она была со мной в то тяжелое время, когда я потеряла ребенка. Она не сделала ничего такого, за что мне нужно было бы ее прощать.

Я кивнула, чувствуя, что у меня пропал аппетит. Мой взгляд упал на телефон. Я взяла трубку и в очередной раз набрала номер Джека. В следующий миг раздался звонок в дверь. Мы обе вздрогнули. Взяв каждая по ребенку, мы вместе пошли открыть дверь и с удивлением обнаружили Нолу – со школьным рюкзаком, дорожной сумкой и всеми тремя собаками. Она повернулась, чтобы помахать машине у обочины, и я узнала миссис Хулихан, которая помахала нам в ответ.

Мы провели Нолу и ее компанию внутрь и подождали, когда она сбросит плащ, чтобы обнять ее.

– Папа еще не вернулся, и мы не смогли его найти. Миссис Хулихан не хотела оставлять меня одну в такую ночь, как сегодня, поэтому подвезла сюда. Мы пытались дозвониться до вас, чтобы предупредить, но ваши мобильники переадресовывали все наши звонки на голосовую почту.

Мы вернулись в кухню, и мать поставила перед Нолой тарелку супа. Я поместила младенцев в манеж, который мать поставила у стола, чтобы они не грызли щенков и наоборот. Нола взяла ложку, но выглядела рассеянной. Она покосилась на свой рюкзак, как будто желая убедиться, что он все еще там.

– Что случилось, Нола? – наконец спросила моя мать. – Ты переживаешь из-за отца?

– Да, но есть еще кое-что. – Забыв о минестроне, она отодвинула стул, достала рюкзак и, порывшись во внешнем кармане, вытащила конверт со сложенным листом почтовой бумаги. – Я возилась с той фотографией, которая появилась у меня на телефоне.

– С фотографией снежных шаров? – уточнила я.

– Ага. Я рано закончила домашнее задание и пыталась отвлечься от тревожных мыслей о папе. Я увеличила фотографию и распечатала ее, затем взяла блокнот и начала играть с буквами.

«Тебе следует слушать Сару», – вспомнила я слова Ребекки.

– Ты положила их в том порядке, в каком хотела Сара?

– Конечно. Надо быть слепым, чтобы не замечать, что у нее есть дар, или как вы его там называете. – Мы с Джинетт обменялись улыбками. – Во всяком случае, вы наверняка знаете эти словесные головоломки, в которых из каждого слова берется по букве и составляется новое слово? Я сделала это с каждой буквой всех семи названий городов в том порядке, в котором они были выстроены, используя сначала первые буквы, затем вторые и так далее, пока не получила осмысленную фразу.

Она открыла блокнот и перевернула его, чтобы показать нам.

– Первые буквы составили два слова. Все остальное было тарабарщиной.

Я уставилась на страницу с рядами букв, написанными четким почерком Нолы, затем задержала взгляд на первой строке: МАМАБОЛЬНА.

– Мама больна, – тихо сказала Джинетт, повторяя два слова, которые эхом отозвались в моей голове.

– Странно, да? – сказала Нола. – Учитывая, что именно Хейзелл была больна, и мы были почти уверены, что это пришло от нее.

– А если больна была Анна? – Я повернулась к матери.

– Нет. И я это точно знаю. Отменное здоровье всегда было предметом ее гордости. Она частенько говорила, что это великое счастье, что она настолько здорова, что может взять на себя заботу о дочери.

Не чувствуя вкуса, я положила в рот ложку минестроне. Мысли вертелись в моей голове, беспорядочные мысли, они скакали и кружились, но ни одна не задерживалась настолько долго, чтобы я смогла уловить хоть какой-то смысл.

– Конечно, болезней гораздо больше и не все они физические.

Зазвонил домашний телефон, и мы все повернулись к аппарату на кухонном столе.

– По этому номеру больше никто не звонит.

Джинетт встала и, дрожа, потянулась за трубкой.

– Алло! – Она взглянула на меня. – Да, Джек. Она здесь. Нола тоже. Мы пытались дозвониться... – Она умолкла, слушая, что он говорит, а мы с Нолой оторвались от стульев. – Мы будем там через десять минут. Ты уверен?..

Мы увидели, как ее рука сжала трубку. Затем мать медленно положила ее на рычаг. Она посмотрела на нас, ее глаза были похожи на темные блюдца.

– Нас разъединили.

– Где он? – спросила я. – С ним все в порядке?

– Я не уверена, – сказала она. – Связь на линии была ужасной. Он сказал, что его сотовый телефон разрядился, поэтому он воспользовался стационарным на кухне Баттон.

– Но ведь тот телефон больше не работает.

Мать выгнула брови.

– Именно. Он сказал, что Джейн нужна наша помощь, и он хочет, чтобы мы как можно скорее приехали в дом Пинкни.

Я ошетибилась.

– Он с Джейн?

– Да. Ребекка позвонила ему, чтобы сказать, что видела тебя, и рассказала ему все то, что рассказала и тебе сегодня утром. В том числе и что-то про лестницу на чердак. – Она нахмурилась. – А что там с лестницей на чердак?

– Ребекке приснилось, что Хейзелл приподнимает доску и что-то вынимает из-под нижней ступеньки.

Моя мать побледнела.

– Ему нельзя на чердак. Только не одному и даже не с Джейн.

– Ты меня пугаешь, – сказала я, вставая. – Останься здесь с Нолой и малышами, а я поеду туда.

– Нет. Он выразился очень конкретно. Он сказал, что нужны мы обе. – Она повернулась в Ноле. – Можешь остаться с детьми? Их нужно накормить, но из-за грозы можно обойтись без купания. В восемь в кровать, хорошо?

Нола кивнула.

– Можешь надеть одно из моих пальто. Твое совсем мокрое, – сказала мать, повернувшись ко мне. – И он просил захватить альбом.

Мне не нужно было спрашивать, какой альбом он имел в виду.

– Зачем?

– Связь оборвалась прежде, чем он успел мне еще что-то сказать. Но он сказал, что это важно и он все объяснит, когда увидит нас.

Она надела плащ и натянула перчатки, а я быстро поцеловала близнецов и обняла Нолу.

– Если тебе что-нибудь понадобится, позвони Софи, хорошо? В любое время.

Она кивнула.

– Будь осторожна.

Я выдавила улыбку, взяла все еще упакованный альбом и последовала за матерью под ливень, точно зная, что плохая погода будет наименьшей из наших проблем.

Глава 33

Мы поехали на моем «Вольво»-универсале, сочтя его самым безопасным из имеющихся вариантов. Улицы уже были залиты водой, вынуждая меня ехать по самой середине. Это было бы куда опаснее, будь на ней другое движение, но, похоже, всем водителям к югу от Брод-стрит хватило ума сидеть дома в такую бурю.

То, что в иной день было бы пятиминутной прогулкой, превратилось в пятнадцатиминутную поездку, я медленно ехала по Легар-стрит к Саут-Бэттери. Темный дом Пинкни казался зловещим на фоне черного, как деготь, неба, освещаемого лишь вспышками молнии, пронзавшими его черноту с пугающей частотой.

Я въехала на подъездную дорожку, и мои фары высветили минивэн Джека. Лишь припарковавшись позади него, я поняла, что салон освещен, а дверь со стороны водителя открыта нараспашку. Должно быть, я вскрикнула, потому что мать протянула мне складной зонт и велела выходить из машины. От волнения я не сразу вспомнила, что нужно выключить зажигание, прежде чем выскочить и броситься к открытой двери.

К моему разочарованию, в салоне было пусто. Но еще больше меня встревожило то, что ключ все еще находился в замке зажигания, двигатель не был выключен, как будто Джек выскочил из минивэна в такой спешке, что даже не стал выключать мотор и закрывать дверь.

Я потянулась, чтобы повернуть ключ зажигания, и застыла. Мой взгляд упал на фотографию на полу перед пассажирским сиденьем. Она лежала лицом вниз. Удерживая зонт так, чтобы не забрызгать водой салон, я потянулась вниз и осторожно взяла ее за края. Чтобы не испортить снимок мокрыми пальцами, я бережно положила его на сиденье и перевернула. Это был старый полароидный снимок, как и многие другие в альбомах Баттон, из чего я сделала вывод, что этот мог выскользнуть из одного из них.

Вероятно, из альбома, который Джек принес мне в офис. Это был снимок младенца, новорожденного. Ребенок был маленький, но пухлый и румяный. Здоровый. Он был завернут в одеяло, а почти лысую головку украшала темная бахрома волос, вьющихся вокруг

макушки и перевязанных крошечным бантиком из пряжи. На белой кромке внизу фотографии виднелась дата, написанная выцветшими синими чернилами: 30 мая 1984 года.

Я уронила фотографию на пол и вздрогнула, как будто меня застучали за чем-то постыдным. Я знала эту дату – она была написана на солонке с озера Джаспер. Я вспомнила разговор, который состоялся у меня с матерью, когда я спросила ее об этом. Тридцатого мая был день рождения ее второго ребенка. Но этот ребенок умер и был тайно похоронен. Я снова посмотрела на лицо на фотографии, на розовые, словно бутоны розы, губы, влажные от слюны, на широко раскрытые, полные любопытства глаза. Девочка выглядела очень живой.

Из задней части фургона раздалось громкое мяуканье, вслед за которым возникло черное пятно: кот пролетел мимо меня и выскочил под дождь. Я отшатнулась и уронила зонт. Оставив его валяться, я захлопнула дверцу минивэна и побежала к входной двери дома. Мать последовала за мной с обернутым в мусорный мешок альбомом под мышкой.

Некоторое время мы, тяжело дыша, стояли под портиком, и с нас стекала вода.

– Откуда взялся кот? – спросила мать.

– Из минивэна. Я не увидела его и, наверное, не услышала из-за стука дождя по крыше. Не знаю, как у этого кота, но, будь у меня девять жизней, он точно спугнул одну из них.

Мать, стоя ко мне спиной, протянула одну руку мне и, схватив другой большую медную колотушку, дважды ударила ею о деревянную дверь. Та гулко завибрировала, но, хотя мы ждали целую минуту, никаких приближающихся шагов не услышали. Мать снова протянула руку и постучала во второй раз, но я уже рылась в сумочке, надеясь найти ключ, который мне дала Джейн.

Прежде чем я смогла его найти, дверь распахнулась, выбила из рук матери колотушку и ударилась о внутреннюю стену чернильно-темного холла. Ветер завывал, обрушивая на наши лица дождь и толкая нас в спину. Наконец мы ввалились в дом, и дверь с громким стуком захлопнулась за нами.

Внутри, словно в коконе, стояла почти мертвая тишина. Дождь и гром были почти не слышны. Я скользнула рукой туда, где находились выключатели, и щелкнула сразу всеми. Безрезультатно.

– Света нет, – сказала я.

Я чувствовала, что мы не одни, но занавес опустился снова, и я ничего не видела. Все, что здесь открывало двери и хлопало ими, исчезло. Я знала это наверняка, так как волосы на моем затылке улеглись, а мурашки на руках исчезли.

– Джек?! – крикнула я жутковато-тонким голосом, как будто шептала в металлическую трубку. Мы на миг затаили дыхание, затем я вытащила свой телефон и ничуть не удивилась, увидев в верхнем левом углу экрана слова «Связь отсутствует».

– По крайней мере, фонарик на моем телефоне работает, – сказала я с напускной бодростью, нажимая кнопку. Пространство заполнилось светом.

– Выходит, у меня он тоже есть, верно? – спросила мать и порылась в кармане плаща, но альбом сковывал ее движения. – Почему Джек хотел, чтобы мы захватили с собой этот альбом? Надеюсь, у него имелась веская причина.

– Думаю, да, – сказала я, потянувшись за сумкой. Мать выпустила ее из рук за секунду до того, как я успела ее схватить. Альбом выскользнул из сумки на пол, раскрылся на лету и упал переплетом вверх. Он напомнил мне мертвую птицу, камнем рухнувшую на землю.

Я опустилась на колени, чтобы поднять альбом и собрать все, что могло из него выпасть. Мать направила фонарик на пол, чтобы помочь мне. Его луч высветил тисненый золотом год на корешке, и моя рука застыла. 1984 год. Пропавший альбом. Я медленно подняла его и перевернула. К счастью, из него ничего не выпало. Я быстро захлопнула его, но мой глаз успел выхватить две страницы со снимками маленькой девочки с бантом в волосах, запеленутой в одеяло. Я повернулась к матери.

– Джек сказал, что посетил экономку из дома на озере в Алабаме. Та призналась, что, прежде чем дом затопило, она забрала из него несколько вещей. – Я положила альбом на стол в холле. – Думаю, это одна из них.

Глаза моей матери терялись в тени.

– Баттон оставила этот альбом в доме, а остальные привезла сюда. Зная, что он будет уничтожен. Но почему?

Я кивнула, снова увидев дату, написанную на фотографии, которую я нашла в минивэне. 30 мая 1984 года. Я вспомнила свой

разговор с Джейн после того, как она нашла в своей комнате солонку.

«Я подумала, может, потому что на ней год моего рождения. И вы решили преподнести ее мне в качестве сувенира».

Мои мысли кружились и метались, отказываясь осесть на очевидном месте. Я вспомнила, как Джек после возвращения из Алабамы сначала избегал общества моей матери, затем вспомнила о сцене с Джейн на вечеринке, и, если положить руку на сердце, это выглядело скорее так, словно он утешал ее. Затем попытки Джека поговорить с моей матерью, и как Ребекка сказала мне, что Джек откопал для книги невероятную идею, но не стал развивать ее, потому что боялся навредить людям, которых он знал и любил. Воздух сотряс оглушительный раскат грома. Я запрокинула голову и крикнула:

– Джек! Джейн! Вы где?

То ли это был плод моего воображения, то ли я и вправду услышала приглушенный голос.

– Кот, – сказала мать, указывая фонариком на лестницу. – Похоже, он приглашает нас за собой.

Чувствуя себя глупой героиней из фильма ужасов, бегущей в жутком доме по затемненной лестнице, я последовала за котом, а моя мать – за мной. Мой фонарик высветил кончик пушистого хвоста. Мы помчались следом за ним по площадке, затем на второй этаж, затем по коридору к спальне Баттон и вбежали в приоткрытую дверь.

– Джек? Джейн? – снова крикнула я.

– Я здесь! – донесся голос Джека из ванной – той самой, в которой оказалась в ловушке и я. Там, где я видела в зеркале отражение Анны, с пустыми глазами и синяками на шее.

Я заколебалась, но внутри был Джек. Мой Джек. И я не собиралась оставлять его там.

– Мы здесь, Джек. Мы тебя вызволим.

Я увидела, как повернулась дверная ручка, а затем, когда он потянул за нее, услышала, как задрожала дверь.

– Подожди, – сказала я, оглядываясь в поисках ключа или чего-то подходящего, чтобы выломать дверь. Я вспомнила собственный случай, когда я оказалась заперта внутри, и как Софи просто повернула ручку. Я положила руку на холодную латунную ручку и слегка повернула ее.

Дверь открылась легко, и, когда Джек одновременно потянул ее на себя, я ввалилась внутрь. Его руки обвилились вокруг меня, и я почувствовала на волосах его поцелуи.

– О, Мелли. Я так много должен тебе сказать.

– Я пыталась дозвониться до тебя весь день. Извини, что я поспешила с выводами, увидев тебя и Джейн. А потом, когда я услышала, как Марк объявил...

– Тс-с. Поговорим позже. Сначала нам нужно найти Джейн.

Джинетт посветила фонариком нам в лицо.

– Где она?

– Не знаю. Мы были на потайной лестнице и нашли записную книжку Хейзелл, а также целую кучу пузырьков с лекарствами и пустых шприцев. Явное доказательство того, что мать медленно ее травила. Вот почему Анна построила потайную лестницу – чтобы у нее был доступ к Хейзелл и чтобы никто об этом не знал.

«МАМА БОЛЬНА». Должно быть, я сказала это вслух, потому что Джек посмотрел на меня.

– Это было сообщение от Хейзелл. Она пыталась сказать нам, что ее мать больна.

Дом вокруг нас содрогнулся, словно пробудившийся ото сна великан, воздух внутри внезапно насытился электричеством.

– И тогда погас свет, – продолжил Джек. – Пара рук вытолкнула меня из потайной двери, и та захлопнулась за мной. Джейн велела мне не волноваться, мол, она знает, как бороться с Анной. Была кромешная тьма, и я не мог ее видеть, Джейн не ответила, когда я окликнул ее по имени. Я прошел на кухню, чтобы позвонить тебе, и, когда возвращался по лестнице, мне показалось, будто я слышал, как какой-то ребенок просит о помощи. Голос, похоже, доносился из этой спальни. Никого не увидев, я вошел в ванную, и дверь за мной захлопнулась.

– Ты видел Анну? – шепотом спросила я.

– Нет. Но, прежде чем войти в ванную, я увидел это.

Он взял мою руку и направил луч фонарика через комнату на кресло-качалку и говорящую куклу в нем, которая смотрела на нас темными, остекленевшими глазами. Я отпрянула, вновь услышав механическое жужжание, лязг и царапанье, звучавшие все громче и громче. «Теперь, когда ложусь я спать...» – кукла резко умолкла, что

было хорошо, потому что в противном случае я бы швырнула ее о стену, чтобы она заткнулась. Или попросила бы сделать это Джека, потому что вряд ли нашла бы в себе силы прикоснуться к ней.

Кот спрыгнул с кровати и посмотрел на нас.

– Думаю, кот хочет, чтобы мы снова пошли за ним, – сказала я.

– Какой кот? – спросил Джек, глядя точно в то место, куда я нацелила фонарик.

– Черный, и он прямо перед нами, – сказала я, поведив лучом фонарика. Я заметила, что шерсть кота была совершенно сухой, хотя он побывал на улице под проливным дождем. Отпечатков мокрых лап на полу тоже не было.

– Не вижу никакого кота. – Джек с недоумением посмотрел на меня.

Моя мать подошла ближе.

– Вот он, – сказала она, указывая пальцем в перчатке на кота, сидящего в середине светового круга.

– Там никого нет, – стоял на своем Джек.

Я открыла было рот, чтобы возразить, но тотчас закрыла. В моей голове всплыли воспоминания обо всех случаях, когда я видела в доме кота. Мы с матерью видели его, Рич Кобилт тоже. Даже Генерал Ли. А вот Софи и другие рабочие его не видели, как и Джек. Но Джейн видела! Каждый раз, когда я, бывая здесь, видела кота, она тоже его видела.

Мы с матерью обменялись взглядами, но, прежде чем она успела что-то сказать, кот взлетел вверх по лестнице и остановился у двери, как будто бы проверяя, что мы следуем за ним, затем подбежал к чердачной двери и, как только мы подошли к ней, исчез, как будто растворился в деревянной перегородке.

Я ладонью постучала в дверь чердака.

– Джейн? Ты там? – Я в отчаянии повернулась к Джеку. – Мы должны вызволить ее оттуда. Если Анна знает, кто она такая, мне за нее страшно.

Мать потянула меня за руку.

– Что ты имеешь в виду? Джейн... кто она такая?

Я с силой ударила в дверь, пытаясь получить хоть какое-то подтверждение тому, что Джейн на чердаке и что мы не опоздали.

– Джейн? Ты там?

Моя мать сильнее дернула меня за руку и развернула к себе лицом.

– Мелли, кто такая Джейн?

Джек положил руку ей на плечо.

– Она – ваша дочь, Джинетт. Та, которой вы подарили жизнь в доме у озера.

Она провела рукой в перчатке по губам.

– Откуда вы?..

Джек не дал ей договорить.

– Позже я расскажу вам больше, но это все в этом альбоме. Ваши фотографии во время беременности, а затем фото ребенка. Экономка рассказала мне все.

Мать начала оседать. Я схватила ее за локоть, но она выпрямилась сама.

– Она не может оставаться наедине с Анной. Тем более если Анна знает, что Джейн – дочь Самтера. – Мать ринулась вперед и принялась колотить в дверь. – Открой дверь, Анна. Открой дверь!

Мать попробовала повернуть дверную ручку и, прежде чем отпустить ее, еще несколько раз толкнула дверь.

– Пойду посмотрю, смогу ли я открыть потайную дверь из кладовой дворецкого... Рич Кобилт показал мне маленькую кнопку в обшивке стен, – сказал Джек. – Я не смог открыть ее раньше, но, возможно, это ничего не значит. Вы двое оставайтесь здесь. Вместе вы сильнее. И если Анну отвлечь, это даст вам шанс войти в эту дверь и найти Джейн.

– А если у нас будет Джейн, мы будем непобедимы, – добавила моя мать, беря меня за руку.

Чердак над нами содрогнулся от четырех громких ударов, как будто там наверху что-то разбилось. Мать еще крепче сжала мою руку.

– Снежные шары, – прошептала я.

Мать кивнула.

– Хейзелл там. Она наверняка знает, что они сводные сестры. – В голосе матери прозвучала нотка удивления. – Она защитит Джейн, но она не так сильна, как Анна. Поторопитесь, нам надо спешить!

Я протянула Джеку свой телефон, чтобы у него был фонарик, и быстро поцеловала. Джек тотчас побежал по коридору. Эхо его шагов

еще долго разносилось по лестнице, даже после того, как его силуэт растворился в темноте.

Непогода продолжала неистово лупить по крыше и стенам старого особняка. Атмосферное давление внутри упало, стены скрипели и вздувались от напряжения. По фундаменту пробежала внушающая страх дрожь, и я налетела на мать. Я притворилась, будто это вышло ненароком – не хотела, чтобы она поняла, насколько мне жутко.

Я сглотнула, пытаюсь говорить спокойно.

– Думаю, это означает, что Джеку удалось открыть дверь. Будем надеяться, что он прав насчет отвлекающего маневра. – Я повернула ручку. К моему великому удивлению, дверь чердака легко открылась, но я не могла заставить себя сделать даже шаг.

– Почему призраки не желают прятаться в ярких соляриях среди бела дня?

Джинетт потянула меня за руку и, освещая нам путь фонариком своего телефона, повела вверх по лестнице. Ледяной воздух ворвался в мои легкие, обжигая глаза и кожу, и на мгновение у меня перехватило дыхание.

– Анна здесь, – прошептала я, в основном чтобы убедиться, что мой голос все еще повинуется мне.

– Джейн? – позвала мать.

С кровати донесся стон. Направив туда луч фонарика, мать высветила фигуру женщины, свернувшуюся в позе эмбриона. Мы шагнули к кровати, но, натолкнувшись на стену холодного воздуха, застыли на месте.

Рука матери дрожала.

– Это Джейн... теперь она все блокирует, чтобы защитить нас. Но она слабеет.

С потайной лестницы, заглушая шум грозы, доносилось странное, но знакомое жужжание. Это были мухи, сотни и сотни мух, их крошечные твердые тела бились о стены, роились в тесном пространстве.

– Джек? – крикнула я в проем.

– Я здесь, – крикнул Джек, как будто слегка запыхавшись. – Я не могу выбраться, меня что-то удерживает. – Он закашлялся. Я тотчас представила мух, как они блокируют его дыхательные пути, медленно лишая воздуха. – Здесь везде... мухи.

Я потянула мать за руку, увлекая ее к Джеку, но она потащила меня назад.

– Нет. Это ловушка. Сначала нам нужно убедиться, что с Джейн все в порядке. – Она сжала мою руку. – А потом мы поборемся.

– Джек, держись! – крикнула я, стараясь перекричать жужжание.

Быстрыми, осторожными шагами мы прошли в середину комнаты. Над нашими головами раздался шелест. Мы подняли глаза. Со стропил, волнообразно подергиваясь, словно человеческая фигура, свисали длинные полосы полотнищ. Схватив мать за руку, я бросилась к кровати и неподвижной фигуре, лежащей на ней.

Бросив телефон на кровать рядом со мной, мать начала стягивать перчатки, а сняв их, положила пальцы на сонную артерию Джейн.

– Держи фонарик и возьми Джейн за руку. Она ослабла от борьбы, но пульс у нее сильный. Держи крепче и не отпускай, что бы ни случилось.

Я села на край кровати. Мать между тем взяла Джейн за другую руку. Она застыла в неподвижности, как «волшебная лоза», находящая воду. Волна электричества прокатилась от тела матери через Джейн ко мне. Мои ладони и кончики пальцев начало покалывать. Тело Джейн задрожало мелкой дрожью, затем сильнее, и ее пальцы выскользнули из моих рук.

– Не отпускай! – крикнула Джинетт. Как назло, телефон выскользнул из моей руки и упал экраном вниз, оставив нас в кромешной тьме.

Я вновь нашла руку Джейн и, схватив ее, решила больше не отпускать.

– Мелани? Вы здесь? – По тому, как кровать просела рядом с тем местом, где я сидела, я поняла: Джейн уперлась пятками в матрас, пытаясь сесть.

– Да, Мелани здесь. И я тоже, – сказала мать напряженным голосом. – Ты боролась с Анной одна. Давай покажем ей, на что мы способны втроем.

Мы встали, крепко сцепив руки. Шелест колыхавшихся в воздухе полотнищ звучал в промежутках между стуком дождя и раскатами грома.

Поначалу голос моей матери звучал тихо, но потом как будто стал черпать силу из неведомого источника. Я чувствовала ее силу через

наши сцепленные руки, целый океан силы в этой хрупкой женщине.

– Анна, отпусти Хейзелл, чтобы она могла перенестись в лучшее место. Туда, где она сможет отдохнуть, где обретет покой. Если ты когда-нибудь любила ее, отпусти ее.

Тьма вокруг нас вибрировала чем-то, ранее мне неизвестным, темными эмоциями, каких я никогда не испытывала и не горела желанием испытать. Полотнища над нами хлестали по потолку и стене, как будто в поисках чего-то. Или кого-то.

Мать заговорила снова. Ее пальцы казались ледяными, как будто всю свою энергию она направляла на общение с мертвыми.

– Мы знаем, что ты не хотела ее убивать, Анна. Что это был несчастный случай. Твоя вина заставила тебя повеситься в этой комнате, не так ли? Тебе нет прощения за то, что ты сделала. Но мы тебя прощаем. Теперь мы знаем правду, и нет причин держать здесь Хейзелл. Мы прощаем тебя, и ты тоже можешь двигаться дальше. Давай, Анна. Уходи из этого дома, не мешай Джейн жить в нем. Это ее законный дом. Оставь ее.

Мимо нас пронесся ледяной ветер, длинная полоса полотна обвила мою шею, постепенно сжимаясь все туже и туже. Я знала, мать наблюдает за мной, чувствовала, как крепко она держит меня.

– Мы сильнее тебя, – повторяла она. – Мы сильнее тебя.

К ней присоединилась Джейн.

– Мы сильнее тебя. Мы сильнее тебя.

Я задыхалась, слова застревали у меня в горле, но пронзившая меня совместная сила матери и сестры помогла мне их выдать.

– Отпусти ее! – крикнула моя мать. – Уходи отсюда. Ты прощена. Внемли голосу разума!

Над нами витал приторный, терпкий запах трубочного табака. Мой мозг цеплялся за него, а тем временем перед моими глазами лопались пузыри света. Простыня на шее затягивалась все туже и туже.

– Самтер здесь, Анна. Чтобы указать тебе путь. Он любил тебя. Для него всегда существовала только ты. Я знаю, ты ему не поверила, не смогла, но это правда. И теперь он здесь. Он хочет тебе помочь. Направить тебя. Пожалуйста, Анна, не мешай ему. Дай нам всем покой.

– Отпусти нас, – сказала Джейн. – Не позволяй своему гневу привязывать тебя к этому месту горя и раскаяния. Ступай к мужу и дочери. Будьте снова вместе.

«Мама». Это слово не было сказано вслух, но я чувствовала его в своей голове, и оно окружало меня. Простыня на моей шее слегка ослабла, и я глотнула воздуха.

«Мама. Я люблю тебя. Пойдем с нами».

Простыня соскользнула с моей шеи. Мать и Джейн схватили меня за руки, чтобы я не упала. Комната трещала от статического электричества, мои волосы поднялись и застыли вокруг головы, как ореол. В углу, где раньше лежали снежные шары, возникло слабое свечение. Точка сине-белого света увеличивалась. Свечение расширялось, пока не охватило всю комнату. И, прежде чем оно полностью исчезло, я увидела трех человек, мужчину, женщину и маленькую девочку между ними, держащихся за руки. Они смотрели в другую сторону, но все же один раз оглянулись и тут же полностью исчезли.

Загорелся свет, и я почувствовала прилив энергии, как будто весь дом внезапно вспыхнул светом. Мать и Джейн попытались подвести меня к стулу, но мой взгляд был прикован к дверному проему потайной лестницы. Я по-настоящему вздохнула лишь тогда, когда наверху появился Джек, держа блокнот, на котором лежали маленькие флаконы и шприцы.

Он осторожно положил свою ношу на низкий сундук и подбежал ко мне. Только тогда я позволила себе расслабиться и растворилась в его объятиях, веря, что все будет хорошо.

– Эй! Здесь есть кто-нибудь?

Мы все с удивлением посмотрели на детектива Райли, который вырос наверху лестницы. Входя на чердак, он едва не задел головой верх дверного косяка.

– Знаю, вам будет трудно в это поверить, но кто-то названивал мне на мобильный со стационарного телефона из этого дома и вешал трубку. Я решил прийти и проверить.

То ли это был страх, то ли нервы, но меня стал душить истерический смех. Вскоре ко мне присоединились мать и Джейн. Томас в замешательстве смотрел на нас. Затем Джейн подбежала к нему и обвила руками его шею.

– Ну, наконец-то! – сказала она, пряча лицо под его подбородком. Она отстранилась и покачала головой. – Я имею в виду, хорошо, что тебя там нет. Что ты... – Она зажмурилась и сосредоточенно наморщила лоб. – Здесь, – закончила она.

И, прежде чем она успела сказать хоть слово, Томас наклонил голову и поцеловал ее. Все, кто был в комнате, издали легкий вздох облегчения. Я точно знаю, что он мне не послышался.

Глава 34

Стоя рядом с Нолой, я наносила на два небольших праздничных торта слой глазури из черного шоколада. Хотя близнецы унаследовали почти все качества Джека, их любовь к шоколаду была моей.

– Глазурь не веганская, – сказала я Ноле, ловя ее на том, что она облизывает палец.

– Сделай вид, будто ты этого не видела, – сказала она. – И этого. – Она соскребла ножом остатки глазури, налипшие на стеклянную миску, и облизала его.

Раздался дверной звонок. Посмотрев на кухонные часы, я с облегчением увидела, что они верно показывают время.

– Для гостей рановато, тебе не кажется?

– Я открою, – сказала Нола и быстро вымыла руки в раковине. Ее энтузиазм по поводу ранних гостей меня удивил, пока я не увидела, как она убрала волосы за уши. Ожидалось, что Олстон и Купер посетят первый день рождения близнецов, который Нола окрестила «светским событием сезона». Я посоветовала ей приберечь этот ярлык для празднования ее собственного шестнадцатилетия, не говоря уже про день рождения Джейн, которая теперь знала настоящую дату своего рождения. Томас уже помогал мне его спланировать.

Джек прошел мимо Нолы на кухню. Он улыбнулся и встал передо мной.

– У тебя на губах шоколадная глазурь, – сказал он.

Я подняла руку, чтобы стереть крошки, но Джек удержал ее и вместо этого нежно облизнул мою губу.

– Не так вкусно, как ваниль, но сойдет.

Я обняла его.

– У нас все хорошо, Джек?

Его глаза потемнели, и он внимательно посмотрел на меня.

– Если ты имеешь в виду, преодолели ли мы первое препятствие в браке, я бы сказал, да. В любом случае мы узнали, что каждый из нас должен научиться доверять другому и делиться даже плохим. С неурядицами куда легче справиться, честно признав их существование, чем зарывать голову в песок, чтобы потом расхлебывать последствия.

– Не стану даже спорить.

Он проследил за моим взглядом в окно, на сад, где мой отец наносил последние штрихи, где у нас, несмотря на яму и желтую ленту вокруг нее, должна была состояться вечеринка. Чтобы это меньше бросалось в глаза, Нола повесила на ленту наполненные гелием шары, подаренные Ричем Кобилтом во искупление своей вины за то, что он рассказал о яме, вместо того чтобы просто засыпать ее землей, а мой отец сдвинул все вазоны и горшки с цветами по ее периметру, чтобы гости не упали в яму. Единственным гостем-ребенком была Блю Скай, и я была уверена, что или Софи, или Чэд будут носить ее в «кенгурятнике», и ей не придется топтать ножками в опасной близости от ямы.

Джейн, в туфлях без каблуков и брюках цвета хаки, трудилась рядом с моим отцом, а когда он поднялся и протянул руку, помогая ей встать, рассмеялась над чем-то. Как и предсказывала моя мать, отец нелегко воспринял новость о Джейн. Мать всегда утверждала, что он – единственный мужчина, которого она когда-либо любила, хотя сам факт существования Джейн казался достаточным доказательством обратного. Я склонила голову Джеку на грудь, прислушиваясь к биению его сердца.

«В этом вся суть брака, – подумала я. – От нас всегда ждут прыжков веры, нравится нам то место, где мы приземлимся, или нет».

К отцу и Джейн подошла моя мать, и я увидела, как просветлело лицо отца, как его тело повернулось к ней. Она встала на цыпочки, чтобы поцеловать его, задержав губы на секунду дольше, чем требовалось, и Джейн улыбнулась. Наконец она обрела семью, о которой всегда мечтала и обрести которую, вероятно, никогда не рассчитывала. Но теперь у нее были мать и сестра, и даже отец, а еще две племянницы и племянник. Мой отец попросил Джейн называть его папой, если ей это удобно, и она на удивление легко согласилась.

Мое сердце екнуло, когда мои родители обняли Джейн, но это точно была не ревность, а скорее чувство потери. Нечто подобное чувствует первенец в тот день, когда родители приносят домой братика или сестричку, внезапно поняв, что его безмятежные дни в качестве единственного ребенка остались в прошлом. Я только что вновь обрела родителей, открыла для себя новые отношения, которых у меня никогда не было, и как же обидно было их вновь терять! Но, как сказал

Джек, я ничего не потеряла, а чтобы принять изменения, потребуется время. Например, нужно перестать навешивать ярлыки буквально на все в доме. (Его слова, а не мои.)

Джейн мне нравилась. Мне нравилось признавать наше внешнее сходство, тем более что она вновь перекрасилась в брюнетку. Многие даже думали, что между нами гораздо меньшая разница в возрасте, чем на самом деле. Джейн вернулась в дом на Трэдд-стрит, так как в ее доме продолжались ремонтные работы. Правда, теперь, когда, по выражению Рича Кобилта, «барабашек» больше не было, ремонт продвигался заметно быстрее. Ричу даже удалось в течение двух недель работать с одной и той же бригадой рабочих. Никто больше в ужасе не выбегал из дома, бросив свои инструменты.

Джейн пообещала оставаться няней, пока она мне нужна или пока я не найду ей замену. Джек сделал несколько замечаний по поводу того, что ей следует заблокировать свой Google-календарь на восемнадцать лет вперед, и они оба рассмеялись. В отличие от меня.

Джек поцеловал меня в макушку, и я прильнула к нему, заново осознавая, насколько бесценны наши отношения и как легко мы едва не разрушили их. Не было никаких обвинений – мы оба были виноваты, каждый из нас скрывал правду из страха сделать только хуже. И при этом подняв такие волны, что они едва не перевернули лодку.

– Как продвигается работа над книгой? – спросила я. Понимая, на каком тонком волоске висела писательская карьера Джека, я старательно избегала этой темы. На прошлой неделе он постоянно пропадал в своем кабинете, и я подумала, что, если мы собираемся и дальше быть откровенны друг с другом, я должна его спросить.

– На самом деле все идет отлично. Как и у Нолы с ее музыкой. Твоя мать считает, это связано с тем, что Джейн блокировала ее разум, чтобы духи ее не беспокоили. Похоже, у нее очень сильное биополе, и ее блокировка распространилась и на другие творческие процессы. Правда, теперь, когда она в курсе своих способностей, она пользуется ими гораздо осторожнее.

Он поцеловал меня в макушку.

– Между прочим, они согласились, чтобы я написал книгу – и Джейн, и твоя мать. Без каких-либо умолчаний и купюр. Они даже разрешили мне использовать их настоящие имена. Думаю, Джинетт

надеется на экранизацию этой истории, чтобы утереть нос Марку Лонго.

Я удивленно посмотрела на него.

– Я думала, ты решил не спрашивать... что мы поищем другой способ получить деньги.

– Так и было. А потом твоя мать и Джейн подошли ко мне и сказали, чтобы я не глумился. Они обе заявили, что слишком стары, чтобы беспокоиться о том, что подумают люди, и хотят, чтобы история Хейзелл была рассказана. У девочки была короткая и трагическая жизнь, и, если она может стать уроком и помочь другим, то ее непременно нужно включить в книгу. И я пообещал им, что буду осторожен с историей Анны. Синдром Мюнхгаузена – психическое расстройство, возникшее из-за ее личных проблем, вызванных пренебрежением со стороны родителей. Она тоже это знала. И все равно винила себя. Думаю, поэтому она и повесилась.

– Бедная Анна. Несмотря на то, что она сделала, невозможно не чувствовать к ней сострадания. Даже после того, как она пыталась напугать меня до смерти.

– Тебе следовало направить на нее свой маркировочный пистолет – она бы точно испугалась.

Я ткнула его локтем под ребра.

– Очень смешно. Мне почему-то кажется, что моя мать, Джейн и я заставили Анну увидеть свет. В буквальном смысле. Она была такой несчастной душой. Надеюсь, она обрела покой. Бедная Баттон. Должно быть, она что-то подозревала, раз решилась инсценировать смерть ребенка, лишь бы тот не попал в руки Анны. Хорошо зная Анну, Баттон легко могла предположить, что та непременно попыталась бы вмешаться, возможно, даже использовав то, что отказ моей матери от меня означал, что Джинетт оказалась негодной матерью, и тогда бы Анна по умолчанию взяла на себя воспитание Джейн.

– Такая грустная, печальная история. – Джек поцеловал меня в макушку. – Как ты думаешь, почему Анна осталась на земле? Потому что не могла себя простить?

– Отчасти да. А еще потому, что она не хотела, чтобы кто-нибудь узнал, что она сделала. Вот почему она подавляла дух Хейзелл, пока та оставалась поблизости, пытаясь смягчить гнев матери, который та направляла на окружающий мир. Хейзелл хотела, чтобы все узнали

правду о ее смерти. Не для того, чтобы выставить Анну чудовищем, а скорее, чтобы вместо осуждения пролить какой-то свет на ее психическое расстройство. Мы вряд ли нашли бы на лестничной клетке улики, если бы не Хейзелл. Или не ее кот. – Я вздрогнула. – И как я сразу не догадалась, что он тоже привидение! Но, поскольку Джейн его тоже видела, мне это даже не пришло в голову.

Джек поцеловал меня в нос.

– Не ругай себя. Наивность – одно из самых привлекательных твоих качеств.

В кухню вошла миссис Хулихан. Собаки влетели за ней следом, отлично зная, что им непременно что-то перепадет, пока готовится еда для вечеринки.

– Кыш, вы двое, – шикнула на них экономка. – Нола и ее подруги принесли Джей-Джея и Сару. Они только что проснулись, на вид аппетитные, как пирожки. – Миссис Хулихан улыбнулась, и на ее круглых щеках появились ямочки. Я же на миг представила себе, как она перекусывает моими детьми.

– Дайте нам знать, когда вам понадобится помощь, чтобы вынести подносы на улицу. В саду все столы готовы, – сказала я.

– Обязательно. Но сначала, если не возражаете, не могли бы вы убрать со стола в коридоре записную книжку? Она старая и потрепанная. Нехорошо, что гости первым делом увидят ее, входя в парадную дверь.

Джек вопросительно посмотрел на меня.

– Она была в моем кабинете. Что теперь она делает на столе в холле?

Я показала миссис Хулихан большой палец, взяла Джека за руку и повела в фойе.

– Не волнуйся, никаких фокусов-покусов, – сказала я, используя любимое выражение отца для описания всего, что было похоже на экстрасенсорную активность. – Это я положила ее там. – Томас уже взял флаконы и шприцы для анализа, но записную книжку Хейзелл передала Джейн, которая, в свою очередь, показала ее мне.

Хейзелл была одаренной художницей. На страницах тетради цветными карандашами были тщательно запечатлены ее причудливые мечты о путешествиях по всему миру. Взяв за основу картинку с фресок и снежных шаров, она переплетала их с картинами своего

живого воображения, создавая волшебный мир, в котором она могла летать среди облаков и посещать все уголки планеты.

На других страницах ее мелкий детский почерк рассказывал истории, которые были связаны с картинками, но не совсем. Это были сказки, персонажи были замаскированы под животных или сказочных существ, их действия преувеличены, а их путешествия в мир вечного счастья запутанны и сбивчивы. Лишь прочитав их несколько раз, можно было понять историю, которую пыталась рассказать Хейзелл, историю о любящей матери, которая кралась вверх по потайной лестнице, чтобы отравить свою дочь. Должно быть, это был единственный доступный Хейзелл способ просить помощи у других взрослых. Возможно, именно ее изоляция и отсутствие контактов с внешним миром или же сложность самих историй вынудили тех, кто их все же читал, видеть в них порождение детского, хотя и творческого ума. Мы предположили, что после смерти Хейзелл Анна спрятала тетрадь вместе со своим секретным запасом флаконов, а затем забыла о тайнике, в котором они хранились.

Когда Джейн отдала мне эту книжку, она рыдала, оплакивая сводную сестру, которую никогда не знала, которая прожила такую короткую и ужасную жизнь, зная, что с ней делают, но не в силах это остановить. И все же Хейзелл умела находить красоту вокруг себя и в своем богатом воображении. Я обняла Джейн, заверив, что у нее есть еще одна сводная сестра и что, если она когда-нибудь простит меня за то, что я решила, что у нее с Джеком роман, я буду лучшей сводной сестрой, о какой она только может мечтать. Как и предполагала Софи, те объятия и в самом деле были утешительными, потому что Джек рассказал Джейн правду о том, кто она такая. Мои комплексы подтолкнули меня сделать неверный вывод – ошибка, за которую я буду еще долго себя корить.

Я взяла записную книжку и сунула ее в ящик шкафа.

– Это для Купера. Он хочет поступить на медицинский факультет и, возможно, будет специализироваться в психиатрии. Он считает, что это интересный случай. – Я улыбнулась Джеку. – Подумать только, у нас в семье может появиться врач.

Ответной улыбки не последовало.

– Хм. Сначала он должен получить разрешение встречаться с ней, но этого не произойдет, по крайней мере еще с десяток лет.

Мы направились в гостиную, откуда доносился смех близнецов, но, услышав дверной звонок, остановились на полпути. Я открыла дверь, удивившись не только тому, что звонок работает, но и увидев перед собой опирающуюся на костыли Меган Блэк. На ней было удивительное колье и стильное платье, явно из дорогого магазина, на одной ноге – красивая полосатая эспадрилья с лентой в крупный рубчик вокруг щиколотки. А на другой – гипсовая повязка. Теперь понятно, зачем ей костыли!

Меган улыбнулась, поправляя сумку из Sugar Snap Pea, моего любимого бутика детской одежды.

– Извините, что я так рано, но Нола сказала, что я могу прийти в любое время.

Меган протянула мне сумку, едва не потеряв при этом равновесие. Я же задалась вопросом, была ли ее неуклюжесть обычным явлением. Джек поймал Меган за локоть, и она покраснела.

– Спасибо, – сказала она, взглянув на Джека, но быстро отвернулась.

Мне стоило немалых усилий не закатить глаза.

– Все в гостиной с близнецами. Пойдемте туда, – сказала я, делая шаг в направлении комнаты.

Меган нахмурилась и осталась на месте.

– Вообще-то, прежде чем мы войдем, я хочу вам кое-что дать. – Она порылась в сумочке, дважды уронив ее, прежде чем наконец расстегнула застежку. – В рамках своего задания я, чтобы зафиксировать все этапы работ, сделала много снимков вашего заднего двора. И, занимаясь их распечаткой, я наткнулась на интересную аномалию.

По моей спине пробежал зловещий холодок.

– Аномалию?

– Так это называется в реалити-шоу «Дом с привидениями», которое смотрит моя мама. Я не верю в призраков, но, скажу честно, эта картинка меня немного смутила.

Несмотря на все, что произошло за последние несколько месяцев, и на мои гигантские шаги на пути к новой Мелли, моим первым порывом было побежать наверх и притвориться, что этого разговора никогда не было. Словно читая мои мысли, Джек схватил меня за руку и крепко сжал.

– Можно взглянуть? – спросил он, протягивая руку к небольшой стопке фотографий, которые Меган вытащила из сумочки.

– Можете оставить их себе – это копии. – Меган протянула их Джеку, но странным образом сумела уронить их на пол. – Извините, – сказала она и, пытаясь одной рукой удержать костыли, наклонилась, чтобы поднять фотографии. Джек сделал то же самое, и она стукнула его по голове.

– Вы двое, оставайтесь на месте, я их подниму, – сказала я, опускаясь на колени, чтобы поднять четыре снимка. Взяв их с пола, я встала и повернула их, чтобы мы все могли их видеть, однако держа на достаточном расстоянии от Меган, чтобы она не выбила их из моих рук.

– Видите, на первых изображение яркое и четкое? – сказала она. – Вы можете различить солнечный свет и голубое небо сквозь деревья?

Я посмотрела на свой бедный, загубленный сад, на поваленные кусты роз и просевшую землю. Все снимки были сделаны с противоположной стороны цистерны, напротив дома. Я просмотрела первые три, все примерно одинаковые, но, когда добрался до четвертого, остановилась. Меган не нужно было указывать мне на аномалию – мой взгляд упал прямо на нее. Это была фигура мужчины, стоящего на краю цистерны. Не зная я, что там что-то есть, я бы проглядела ее, приняв за струйки дыма, но, присмотревшись, увидела сюртук и галстук девятнадцатого века, темные волосы и усы. Призрак смотрел прямо в объектив, его глаза были темными и пустыми. Но по-настоящему меня испугало другое – то, что он держал в вытянутой руке.

– Это украшение? – спросил Джек, наклоняясь, чтобы приглядеться. Я выдавила ответ лишь со второй попытки.

– Да, – ответила я и встретилась с ним взглядом. – Которое видела Джолли.

– Как я уже сказала, вы можете оставить их себе. Вряд ли я буду использовать этот странный снимок в своем отчете, но другие хороши. Я сделаю новые, когда вернусь через пару месяцев, чтобы все закончить.

– Через пару месяцев? – Я вымучила улыбку, когда мы наконец проводили Меган в гостиную. Нола поздоровалась с ней и встала, чтобы помочь ей сесть в кресло, а Джек удержал меня в дверях.

– Что-то не так? – спросил он.

– Кроме того человека, стоящего у цистерны в нашем саду, который соответствует описанию в гадании Джолли?

– Да, и это слегка беспокоит. Но есть кое-что еще. Помнишь, мы обещали ничего не скрывать друг от друга. Думаю, мы оба усвоили этот урок.

Я вспомнила фотографию, которую держала в руке, – изображение странной, полупрозрачной фигуры, стоящей у края цистерны. Но никто не указал на темную тень в окне наверху, на нечто бесформенное, что смотрело на нас. Из спальни Нолы. Одно дело, когда на заднем дворе бродит какой-то дух. И совсем другое, когда кто-то невидимый рыщет возле спален ваших детей. Я все еще была измучена событиями в особняке Пинкни. Мне требовалась как минимум еще одна неделя на восстановление сил, и тогда я скажу Джеку. Я найду предлог выселить на неделю Нолу из ее спальни, например пообещав отремонтировать ее или покрасить. Потому что тогда я буду готова. Просто еще одна неделя.

– Не о чем беспокоиться, – сказала я. – Лучше давай отпразднуем наш первый год жизни в роли родителей близнецов.

Джек снова обнял меня и крепко поцеловал.

– Я люблю тебя, Мелани Тренхольм.

Я посмотрела ему в глаза.

– И я тоже тебя люблю, Джек Тренхольм.

Взявшись за руки, мы вошли в гостиную. Нас окружала любовь, она почти избавила меня от дурного предчувствия, что затаилось где-то за пределами моего зрения.

От автора

Благодарю город Чарльстон и его замечательных жителей, как ныне живущих, так и покойных, которые вдохновили меня на создание этой книжной серии.

notes

Примечания

1

ОКР – обсессивно-компульсивное расстройство.

Тэмми Фэй Баккер (Месснер) – американская телеведущая, христианская певица, евангелист и предприниматель. – *Прим. пер.*